О ПРЕСѢЧЕНІИ

ОБВИНЯЕМОМУ СПОСОБОВЪ УКЛОНЯТЬСЯ

ОТЪ СЛѢДСТВІЯ И СУДА.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

А. КИСТЯКОВСКАГО.

ИЗДАНІЕ «СУДЕБНАГО ВѢСТНИКА».

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

1868.

7/1
30

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Излишне доказывать, какое важное значеніе имѣетъ въ теоріи и въ нашей современной уголовной практикѣ вопросъ о пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Современная уголовная наша практика въ отношеніи къ сему вопросу есть выраженіе двухъ законодательныхъ системъ: старой, окончательно редактированной въ 1857 г., и новой, выраженной въ Уставахъ 1864 г. Вслѣдствіе новизны этихъ послѣднихъ, вполнѣ естественно, если она скорѣе пропитана недостатками старой системы уголовнаго судопроизводства, чѣмъ успѣла усвоить лучшія правила Уставовъ 1864 года.

Цѣль этого изслѣдованія состоитъ въ томъ, чтобы, слѣдя за историческимъ развитіемъ мѣръ пресѣченія, во-первыхъ—объяснить происхожденіе системы 1857 г. и недостатковъ нашей практики, выросшей на ея началахъ; во-вторыхъ—почерпнуть въ исторіи подкрѣпленіе, объясненіе и разумный смыслъ статей Уставовъ 1864 г., давшихъ новое опредѣленіе этому вопросу.

Слѣдя за историческимъ развитіемъ мѣръ пресѣченія, нельзя не удивляться той послѣдовательности, съ которою онѣ возникаютъ въ связи съ видоизмѣненіемъ цѣлаго общественнаго строя и его формы—законодательства. Безъ всякой напередъ сознанной мысли, силою событій и юридической логики, въ одинъ періодъ господствуетъ извѣстная мѣра предупрежденія, которая въ слѣдующій періодъ слабѣетъ, уступаетъ мѣсто другой и, наконецъ, или вовсе или почти исчезаетъ, а въ то же время сія другая, первоначально неизвѣстная, или мало примѣняемая, не замѣтно возникаетъ, усиливается и, наконецъ, достигаетъ полнаго господства. Чтобы понять и объяснить возникновеніе, развитіе и господство той или другой мѣры, необходимо показать связь каждой съ цѣлымъ строемъ общества и законодательства.

Въ исторіи мѣръ предупрежденія легко отличить четыре періода: а) періодъ господства и почти исключительнаго примѣненія *поруки;* б) періодъ совмѣстнаго примѣненія *поруки* и *отдачи за пристава;* в) періодъ ослабленія поруки и частаго примѣненія *отдачи за пристава и тюрьмы;* г) наконецъ, періодъ преобладательнаго примѣненія тюрьмы, крайне рѣдкаго употребленія поруки и уничтоженія отдачи за пристава.

Раздѣленіе это не выражаетъ, впрочемъ, того, чтобы каждый изъ этихъ періодовъ рѣзко заканчивался и рѣзко начинался. Въ исторіи нашего уголовнаго судопроизводства нѣтъ возможности указать, гдѣ и когда въ первый разъ явились поруки; не законъ, а жизнь ихъ создала; мы ихъ находимъ въ законодательныхъ памятникахъ уже въ полной силѣ примѣненія. Равнымъ образомъ, нѣтъ такого законодательнаго памятника, которымъ бы введены были отдача за пристава и содержаніе въ тюрьмѣ, и можно навѣрное сказать, что они созданы были практикою прежде, чѣмъ встрѣчаются въ законодательныхъ памятникахъ. Даже столь частое и столь исключительное примѣненіе, въ практикѣ послѣднихъ полтораста лѣтъ, содержанія въ тюрьмѣ создано было не столько отдѣльнымъ закономъ, сколько практикою и цѣлымъ строемъ нашего уголовнаго права и судопроизводства.

ГЛАВА I.

Время до Судебниковъ.

§ 2. Происхожденіе порукъ и связь ихъ съ тогдашнимъ бытомъ.

§ 3. Раздробленіе и раздача права уголовнаго суда разнымъ лицамъ и учрежденіямъ.

§ 4. Вотчинный и финансовый характеръ уголовнаго суда.

§ 5. Господство взгляда на преступленіе, какъ на обиду, а на наказаніе, какъ на имущественное вознагражденіе; исключительное употребленіе формъ обвинительнаго судопроизводства.

§ 6. Связь порукъ съ общимъ характеромъ тогдашняго уголовнаго права и судопроизводства; доказательства общеупотребительности порукъ.

§ 7. Пристава и сроки; замѣна порукъ; общій выводъ.

§ 2. Выше сказано, что въ первый періодъ развитія нашего законодательства мѣрою предупрежденія служили главнымъ образомъ *поруки*. Этотъ періодъ, начало котораго скрывается въ недоступной изслѣдованію древней жизни славянскихъ племенъ, продолжается до Судебниковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что поруки, какъ мѣра предупрежденія, есть чисто народное учрежденіе; неоспоримо также и то, что онѣ примѣнялись въ жизни раньше появленія первыхъ зачатковъ общегосударственной власти въ лицѣ князей. Доказательствомъ этому служитъ: во-первыхъ то, что первоначальные наши уголовные законы, неисключая и Русской Правды, возникли подобнымъ образомъ; во-вторыхъ, нѣтъ такого памятника, которымъ бы учреждены были поруки, а между тѣмъ мы ихъ встрѣчаемъ учрежденіемъ чрезвычайно развитымъ, сильно вкоренившимся и постоянно примѣняемымъ.

Для уразумѣнія происхожденія и свойства порукъ, какъ мѣры предупрежденія, важенъ тотъ неоспоримый фактъ, что въ періодъ появленія княжеской власти славяне жили и управлялись отдѣльными племенами и родами, и что духъ родовой ассоціаціи проникалъ весь ихъ бытъ, ихъ управленіе, ихъ судъ. За обиду, нанесенную одному, мстилъ цѣлый родъ; онъ же получалъ и вознагражденіе, въ случаѣ примиренія. Равнымъ образомъ, за преступленіе одного отвѣчала цѣлая родовая община; она же участвовала и въ платѣ вознагражденія. Родовая ассоціація участвовала не только въ несеніи и исполненіи наказанія, но и въ самомъ отправленіи суда, т. е. въ той части, которая предшествовала наказанію въ тогдашнемъ смыслѣ. Однимъ изъ видовъ такого участія и были *поруки*. Въ самомъ дѣлѣ, если цѣлая родовая община отвѣчала за своего члена, то очевидно, что обиженный и его родъ имѣли дѣло не съ обидчикомъ только, а и съ его родомъ, и потому ручательствомъ того, что они получатъ удовлетвореніе, могла служить не столько личность самого обидчика, сколько цѣлая община. Вотъ отсюда-то и произошли поруки. Потому-то поруки являются вполнѣ самороднымъ, а не искуственнымъ учрежденіемъ; будучи органически связаны съ

тогдашнимъ бытомъ славянскихъ племенъ, онѣ — нѣтъ въ томъ сомнѣнія—первоначально были поруки рода, племени.

Съ возникновеніемъ общегосударственной власти поруки не только не были уничтожены, но и получили утвержденіе отъ этой власти. Что онѣ оставались самымъ народнымъ и самымъ общеупотребительнымъ учрежденіемъ—можно судить потому, что послѣ Русской Правды почти нѣтъ законодательнаго памятника, въ которомъ бы не было о нихъ упоминанія, а равно и потому, что даже позже сами князья и цари къ нимъ прибѣгали для чисто государственныхъ цѣлей. (А. Юр. изд. 1838 г.: №290—поручныя по крестьянахъ и бобыляхъ, № 291—по посошныхъ людяхъ, № 292—по крестьянахъ о поставкѣ ими лѣса, № 293—о явкѣ ихъ въ назначенный срокъ предъ волостными начальниками, № 294—по ямскихъ охотникахъ, № 296—по стрѣльцахъ и пр.) И тотъ фактъ, что онѣ долго остаются сильнымъ и часто примѣняемымъ учрежденіемъ, не былъ дѣломъ случая или произвола, а коренился въ цѣломъ общественномъ строѣ, и въ свойствахъ тогдашней уголовной юстиціи.

§ 3. Появленіе княжеской власти не было, вмѣстѣ съ тѣмъ, отрицаніемъ существовавшаго до нихъ быта и устройства: они были такъ еще могущественны, что князья не въ состояніи были ихъ измѣнить и только спѣшили ими воспользоваться для своихъ цѣлей.

До князей отправленіе юстиціи было дѣломъ и интересомъ каждой родовой ассоціаціи. Нѣтъ сомнѣнія, что появленіе ихъ сопровождалось значительнымъ политическимъ объединеніемъ этихъ ассоціацій; но въ дѣлѣ суда вообще и уголовнаго въ частности объединеніе выразилось въ слабой еще степени. Князья смотрѣли на уголовный судъ болѣе со стороны интереса, болѣе съ финансовой точки зрѣнія, т. е. восприняли въ значительной степени воззрѣніе тѣхъ племенъ, надъ которыми они стали княжить. До нихъ судъ не имѣлъ общаго центра, а былъ разбитъ и раздѣленъ по племенамъ. Пришедши княжить и владѣть, князья блюли судъ какъ доходъ, раздавали его въ кормленіе своимъ дружинникамъ, отдавали въ собственность монастырямъ, продавали, мѣняли.

Какъ власть княжеская вообще, такъ и уголовный судъ были раздѣлены между многими князьями. Раздѣлялъ ли князь свое княженіе между своими женою и дѣтьми, давалъ ли онъ своему брату или другому родственнику въ удѣлъ городъ, или половину, треть его, волость, село въ чужомъ удѣлѣ, принимавшій князь или княгиня получали эти земли въ управленіе съ данью и судомъ въ цѣломъ его объемѣ: «*а судомъ и данью потянути по удѣломъ, гдѣ кто живетъ*» (Гос. гр. и дог. т. I, № 40); «*а въ твой ми удѣлъ приставовъ не всылати, тако же и тобѣ въ мой удѣлъ, своихъ приставовъ не всылати, ни во все мое великое княженье*» (Гос. гр. и дог. т. I, №№ 27, 29, 35, 80). Это—обыкновенныя выраженія договорныхъ и духовныхъ княжескихъ грамотъ. И дѣло уголовнаго суда было частнымъ, собственнымъ дѣломъ каждаго князя, или княгини, державшихъ свой удѣлъ.

Но это дробленіе и раздѣленіе суда вообще и уголовнаго въ частности не оканчивалось только князьями.

Въ свою очередь каждый князь и княгиня въ своемъ удѣлѣ, маломъ ли большомъ ли, раздавали уголовный судъ, въ цѣломъ его объемѣ, на тѣхъ же правахъ, на которыхъ они сами имъ владѣли, митрополитамъ, епископамъ, монастырямъ, церквамъ, членамъ дружины.

Грамоты княжескія на отдачу уголовнаго суда, въ полномъ его объемѣ, исчисленнымъ лицамъ и учрежденіямъ, начиная съ XII столѣтія, продолжаются до конца XV в., и даже встрѣчаются, въ видѣ исключенія, въ XVII в.; затѣмъ идутъ тѣ же грамоты въ большомъ числѣ и далѣе, даже до второй половины XVII столѣтія, съ тѣмъ только различіемъ, что начиная съ XIV столѣтія въ нихъ уголовный судъ уступается въ ограниченномъ объемѣ, сначала за исключеніемъ душегубства, потомъ душегубства и разбоя, наконецъ и татьбы.

Къ грамотамъ, въ которыхъ уступался уголовный судъ въ цѣломъ его объемѣ, принадлежатъ слѣдующія уставныя и жалованныя грамоты, данныя разными великими и удѣльными князьями, а также ханами Золотой орды: 1) новгородскому Юрьеву монастырю между 1128—1132 (Доп. къ А. И. т. I, № 2); 2) церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ въ 1134—1135 г. (ib. № 3); 3) Смоленской епископіи въ 1150 г. (Доп. къ А. И. т. I, № 4); 4) четыре ханскихъ ярлыка митрополитамъ: Петру въ 1313 г., Ѳеогносту въ 1333 г., Алексѣю въ 1357 г. и Михаилу въ 1379 г. (Гос. гр. и дог. т. II, №№ 7, 9, 11 и 12); 5) двѣ гр. тверскому Отрочу монастырю, первая отъ 1361—1365, и вторая между 1437 и 1461 г. (А. Э. т. I, №№ 5 и 34); 6) уставная между вел. кн. Василіемъ Дмитріевичемъ и митрополитомъ Кипріаномъ между 1389 и 1404 г. (А. Э. т. I, № 9); 7) три гр. Троицкому Сергіеву монастырю отъ 1363 — 1386, 1443 и 1455 — 1465 (ib. №№ 7, 38; А. И. т. I, № 58); 8) Толгскому мон. 1400 г. (А. Э. т. I, № 15); 9) Солотническому м. двѣ отъ 1402 г., и одна между 1430 — 456 (А. И. т. I, №№ 13, 14, 36); 10) Срѣтенскому женскому 1437 — 1461 г. (А. Э. т. I, № 35); 11) Благовѣщенскому 1446 (ib. № 39); 12) Чухломскому отъ 1450 г. (А. И. т. I, № 49); 13) Кириллову-Бѣлозерскому 1471 г. (ib № 95) и 1471—1475 (Доп. къ А. И. т. I, № 207); 14) Спасо-Каменскому мон. 1479 г. (Доп. къ А. И. т. I, № 17); 15) Суздальскому Покровскому мон. 1606 г. (А. И. т. II, № 75); 16) Патріаршей домовой Карашской отчинѣ грамота, данная Алексѣемъ Михайловичемъ до 1653 г., въ подтвержденіе подобныхъ же грамотъ великихъ князей, начиная съ Василія Дмитріевича, заключившаго мѣновую сдѣлку съ митрополитомъ Кипріаномъ (А. И. т. IV, № 73). Въ древнѣйшихъ изъ сихъ грамотъ говорится, что князь даетъ весь судъ *съ вирами и продажами или съ виного и поличнымъ*; въ болѣе позднихъ передача уголовнаго суда въ полномъ объемѣ выражается или словами: *намѣстницы наши и волостели и ихъ тіуны не вѣздятъ и не судятъ ихъ людей ни въ чемъ и не всылаютъ къ тѣмъ людямъ ни почто*, или же—и это чаще: *и въ душегубствѣ, и въ разбоѣ, и въ татьбѣ бояре наши, и намѣстницы и волостели и ихъ тіуны не судятъ ихъ людей, а судитъ митрополитъ или архимандритъ или кому они прикажутъ*, словомъ, то лицо, или начальникъ того учрежденія, коему отдается право суда. Нѣтъ сомнѣнія, подобныя грамоты давались и от-

дѣльнымъ лицамъ—служилымъ людямъ; князья, давая имъ въ помѣстье землю, вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляли имъ и право суда. Хотя въ обнародованныхъ законодательныхъ памятникахъ мы не встрѣчаемъ грамотъ о пожалованіи отдѣльныхъ лицъ правомъ уголовнаго суда въ полномъ его объемѣ, тѣмъ не менѣе можно думать, что они были. Этотъ выводъ мы основываемъ на томъ, что существуютъ грамоты съ предоставленіемъ отдѣльнымъ лицамъ права уголовнаго суда, съ изъятіемъ изъ ихъ вѣдомства или одного душегубства (А. Э. т. I, № 44), или душегубства и разбоя (А. И. т. I, № 115), или, наконецъ, душегубства, разбоя и татьбы (Д. къ А. И. т. I, № 123). Достойно замѣчанія, что всѣ эти грамоты упадаютъ на то время, когда митрополитамъ, епископамъ, монастырямъ и церквамъ давался судъ съ подобными же ограниченіями.

Число грамотъ съ уступкою всего уголовнаго суда, какъ можно видѣть изъ приведеннаго перечня, не велико, по крайней мѣрѣ несравненно меньше числа тѣхъ грамотъ, въ которыхъ уголовный судъ отдается въ ограниченномъ объемѣ. Но это не значитъ, чтобы уступки уголовнаго суда въ полномъ объемѣ не были всеобщи, а происходитъ это отъ того, что чѣмъ древнѣе время, тѣмъ менѣе до насъ дошло этого рода грамотъ.

Съ XV вѣка, когда общегосударственная власть начинаетъ усиливаться преимущественно въ лицѣ московскихъ князей, проявляются первые начатки сосредоточенія уголовнаго суда въ лицѣ великокняжескихъ намѣстниковъ и волостелей; сосредоточеніе это выразилось въ томъ, что, уступая митрополитамъ, монастырямъ, церквамъ и частнымъ лицамъ право суда, князья оставляютъ за своими намѣстниками судъ надъ душегубствомъ; но судъ по дѣламъ о разбоѣ, воровствѣ и друг. по прежнему предоставляется упомянутымъ лицамъ и учрежденіямъ. Грамоты эти преимущественно относятся къ XV столѣтію и къ нимъ принадлежатъ: 1) гр. митрополиту Фотію 1423 г. (А. Э. т. I, № 23); 2) десять грамотъ Троицкому-Сергіеву монастырю, начиная съ 1414 по 1494 г (ib. №№ 19, 28, 37, 51—53, 56, 122, 131); 3) Саво Сторожевскому 1404 г. (А. И. т. I, № 74); 4) три грамоты Спасо-Ефиміевскому мон. 1425, 1472 и 1473 (А. И. т. I, №№ 29, 83 и 87); 5) четыре грамоты Ѳераповтову мон. 1437, 1438, 1448 и 1450 г. (А. Э. т. I, №№ 31, 36, 41 и 48); 6) Маріи Конпшиной и сыну ея Ѳедору, (ib. № 44); 7) двѣ Суздальскому Покровскому монастырю 1476 и 1514 г. (А. Э. т. I, № 102; А. И. т. I, № 119); 8) двѣ Кирилло-Бѣлозерскому 1451 и 1488 г. (Доп. къ А. И. т. I, № 193; А. Э. т. I, № 124); 9) Симоновскому 1498 г. (А. И. т. I, № 106); 10) Іосифову Волоколамскому 1500 г. (А. Э. т. I, № 136); 11) Патріарху Іову 1599 г. (Госуд. гр. и догов. т. II, № 73); 12) Троицкому Бѣлонесонкому монастырю 1532 г. (А. Э. т. I, № 175). Въ этихъ грамотахъ или просто говорится, что княжескіе намѣстники, волостели и ихъ тіуны не судятъ людей митрополичьихъ или монастырскихъ ни въ чемъ, опричь одного душегубства, и что судятъ ихъ тѣ лица, которымъ уступается право суда, или, кромѣ того, прибавляется: «*а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ людей игуменъ, или монастырскій прикащикъ во всемъ, въ разбоѣ и татбѣ съ полич-*

нымъ»; или: *«а и татба съ поличнымъ игуменова жъ»*; или: *«а судитъ свои люди игуменъ самъ и татбу и разбой съ поличнымъ»*.

§ 4. Хотя самая отдача и пожалованіе князьями уголовнаго суда разнымъ лицамъ и учрежденіямъ уже выражаетъ идею принадлежности права суда князьямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ понятіе о нѣкоторомъ объединеніи суда; но не должно забывать того, что это право скорѣе является правомъ вотчиннымъ, чѣмъ государственнымъ, что это объединеніе есть объединеніе экономическое, а не юридическое. Князь отдаетъ или жалуетъ судъ не какъ свое право охраненія юстиціи, а какъ право на доходъ, какъ кормленіе, жалуетъ извѣстному лицу и учрежденію, не какъ своему органу, предназначенному для отправленія юстиціи, а какъ подчиненному вотчиннику, который, главнымъ образомъ, подобно князю, заинтересованъ полученіемъ доходовъ.

Во всѣхъ этихъ грамотахъ изслѣдователя именно поражаетъ эта сторона тогдашняго суда. Читая ихъ, вы видите, что дающій и принимающій заинтересованы охраненіемъ своей власти и правъ на судъ какъ доходъ, а не самымъ отправленіемъ юстиціи, какъ дѣломъ общественнымъ, котораго бы они являлись только органами. *«И вы бы его слушали, а онъ васъ вѣдаетъ и судитъ по старой пошлинѣ какъ было прежъ сего»* (А. И. т. I, № 110; Гос. гр. и дог. т. II, № 46)—обыкновенное выраженіе грамотъ послушныхъ и грамотъ на кормленіе. Лучше всего этотъ характеръ суда можно усмотрѣть въ такъ называемомъ судѣ смѣсномъ или вообчемъ, т. е. когда истецъ живетъ въ вотчинѣ одного князя, или монастыря, или отдѣльнаго дружинника, а отвѣтчикъ въ области другаго. Въ такомъ случаѣ судятъ дѣло оба судьи и права ихъ опредѣляются въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *«А смѣшается судъ его людемъ съ Углечаны, а намѣстницы мои судятъ, а Никонъ игуменъ съ ними, или кому прикажетъ, а прибыткомъ ся дѣлятъ»* (А. Э. т. I, №19). *«А смѣшается судъ смѣсной*, говорится въ другой грамотѣ, *монастырскимъ людемъ съ городскими или съ волостными людьми, и намѣстники мои и волостели и ихъ тіуни судятъ, а игуменъ съ ними судитъ, или кому прикажетъ; а правъ ли будетъ, виноватъ-ли монастырской человѣкъ, ино его вѣдаетъ игуменъ въ правдѣ и въ винѣ, а намѣстники мои и волостели и ихъ тіуни не вступаются въ монастырскаго человѣка ни въ праваго, ни въ виноватаго; правъ ли будетъ, виноватъ ли городской или волосной человѣкъ, и намѣстники мои и волостели и ихъ тіуни знаютъ своего городскаго или волостнаго человѣка и въ правдѣ и въ винѣ, а игуменъ не вступается, или его прикащикъ, въ волостнаго человѣка ни въ праваго, ни въ виноватаго.»* (А. Э. т. I, №№ 23, 28, 37, 51—53; А. И. т. I, №№ 29, 74). Не менѣе сильнымъ подтвержденіемъ высказаннаго нами положенія служатъ дошедшіе до насъ, немногочисленные юридическіе памятники о продажѣ и промѣнѣ уголовнаго суда въ цѣломъ его объемѣ. Въ грамотѣ 1653 г. ростовскому воеводѣ о ненарушеніи правъ вообще и суда въ частности, предоставленныхъ разными государями патріаршей домовой Карашской отчинѣ, изложено содержаніе мѣновой сдѣлки, нѣкогда заключенной великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ, сыномъ

Донскаго, съ митрополитомъ Кипріаномъ. На основаніи этой мѣновой великій князь взялъ у митрополита Кипріана городъ Алексинъ, домовое мѣсто Св. Богородицы, съ данью и съ оброками и съ судомъ, «*и разбой и татба съ поличнымъ, и съ душегубствомъ, и со всѣмъ съ тѣмъ: какъ купилъ чудотворецъ Петръ митрополитъ*». А въ замѣнъ Алексина великій князь далъ митрополиту Кипріану слободку Святославлю «*со всѣмъ, съ данью и съ оброкомъ и съ судомъ, и разбой и татба съ поличнымъ и съ душегубствомъ, и со всѣми пошлинами*».(А. И. т. IV, № 73). Въ обонежской откупной грамотѣ 1434 г. говорится, что Якимъ Гурѣевъ и Матвѣй Петровъ покупаютъ у великокняжескаго намѣстника у Григорія Васильевича судъ великаго князя «*внизъ по Волхову, и на Паши на рѣкѣ, и на Кожелѣ, и на Кукоевскомъ погостѣ, и на Кукоевѣ горѣ, и на Лѣпнѣ и на Сѣтомлѣ, и на Оятѣ на рѣкѣ, а Кукоевскаго погоста гдѣ нибуди, или въ городѣ, или въ селѣ: ино платити имъ судъ Великаго Князя по старинѣ, а судъ имъ судити и пошлины имати имъ по старинѣ и вѣрное имъ имати*», (А. Э. т. I, № 27). Въ этой грамотѣ замѣчательны два выраженія: *платити судъ*,—выраженіе прямо указывающее на то, что судъ для князей имѣлъ значеніе вида пошлины и оброка, словомъ дохода; *и вѣрное имъ имати*,—выраженіе доказывающее, что Гурѣевъ и Петровъ купили и уголовный судъ въ полномъ его объемѣ, потому что *вѣрное, вирное или вира* взымалась за уголовныя преступленія и замѣняла наказаніе въ нынѣшнемъ смыслѣ. Продажа эта, вѣроятно, была продолженіемъ той обычной уступки суда, о которой говорится еще въ договорной грамотѣ Новгорода съ великимъ княземъ тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ 1265 г. «*А судъ, княже*, говорится въ этомъ договорѣ, *отдалъ Дмитрій съ новгородцы Бѣжичаномъ и Обонижаномъ на 3 лѣта, судье не слати*» (Государственныя грамоты и дог. т. I, № 1, стр. 1, стол. 2-й).

§ 5. Давно уже въ нашей историко-юридической литературѣ высказано и доказано было мнѣніе, что преступленіе у славянскихъ племенъ и позднѣе, въ періодъ Русской Правды, считалось болѣе дѣломъ отдѣльнаго лица и его рода, чѣмъ общественнымъ, что оно, по понятіямъ тогдашняго человѣка, имѣло характеръ обиды и почти уравнено было въ важности и значеніи съ гражданскою неправдою. Чтобы ни говорили противъ этого позднѣйшіе изслѣдователи-юристы, но доказательства ихъ не могутъ поколебать этого положенія. Все, что они приводятъ, доказываетъ только, что и тогда проявлялось иногда значеніе юстиціи, какъ учрежденія общественнаго, что и тогда преступленіе вызывало въ слабой степени общественное противодѣйствіе; но то и другое было еще слишкомъ слабо, слишкомъ исключительно для того, чтобы придать преступленію то значеніе и тотъ характеръ, которые оно имѣетъ въ глазахъ современнаго человѣка. Между тѣмъ, самыя рѣшительныя доказательства существуютъ въ пользу прежде добытой и доказанной истины.

До возникновенія общегосударственной власти въ лицѣ князей, преступленіе не могло быть ничѣмъ инымъ, какъ только *обидою*, нарушеніемъ интересовъ и правъ члена одного рода или племени и вмѣстѣ самаго рода и племени;

равнымъ образомъ и наказаніе не могло явиться въ другомъ видѣ, какъ только въ видѣ удовлетворенія посредствомъ мести или посредствомъ денежнаго вознагражденія, которое добывалъ себѣ или получалъ обиженный и его родъ. Иначе и не могло быть, потому что не было такой власти, которая могла бы придать и преступленію и наказанію характеръ выше интересовъ частныхъ и родовыхъ. Появленіе княжеской власти не измѣнило господствовавшаго въ то время характера преступленія и наказанія; причина этого лежала въ томъ, что самые князья были вполнѣ произведеніемъ тогдашней жизни славянъ, а равно и въ томъ, что нѣтъ такой силы, которая бы гдѣ нибудь и когда нибудь въ состояніи была вдругъ измѣнить бытъ народа и его міровоззрѣніе, а тѣмъ болѣе, если эта сила сама—въ началѣ своего развитія. Правда, князь является въ судѣ вообще и въ уголовномъ въ частности какъ бы посредникомъ, но этого недостаточно для того, чтобы придать преступленію и наказанію характеръ общественный въ настоящемъ смыслѣ слова. Князь или его намѣстникъ беретъ, какъ и до него брали, за преступленіе извѣстную плату; плата эта и теперь, какъ и прежде, падаетъ не на одно виновное лицо, но и на его родъ, на ту общину, въ которой оно живетъ (Русская Правда, изд. Калачова сп. I ст. 19, сп. II ст. 3, III ст. 3 и 4). Даже въ позднѣйшее время, почти вплоть до изданія губныхъ грамотъ и втораго Судебника, когда обыску дано такое обширное развитіе и онъ получилъ общегосударственное значеніе, власть не заинтересована во что бы то ни стало отысканіемъ преступника и его наказаніемъ, а съ готовностью мѣняетъ общественный интересъ на денежный. Въ болѣе древнихъ уставныхъ и въ нѣкоторыхъ жалованныхъ грамотахъ, сплошь и рядомъ встрѣчается такое выраженіе: «*а учинится въ той волости и въ ихъ селахъ и въ монастырскихъ деревняхъ душегубство, а не дошлутца душегубца, и намѣстницы наши возьмутъ на монастырскихъ крестьянѣхъ за голову четыре рубли московскихъ, а дошлуца душегубца, и они его дадутъ намѣстникомъ и ихъ тіуномъ, а крестьяномъ въ томъ впры и продажи нѣтъ*». (А. И. т. I, №№ 125, 137 и 141; А. Э. т. I, №№ 123, 143 и 181). Очевидно, что это уже есть измѣненіе того болѣе древняго способа взысканія за преступленіе, когда князь и его намѣстникъ были озабочены исключительно только взысканіемъ виры съ общины, безъ всякаго отношенія къ отысканію самого душегубца. Но это измѣненіе слишкомъ близко еще къ старой формѣ: общегосударственная власть не требуетъ, чтобы община непремѣнно отыскала душегубца, какъ она стала того требовать позднѣе, а предоставляетъ усмотрѣнію общины, или сыскать и выдать, или же въ противномъ случаѣ заплатить четыре московскихъ рубля. Тотъ же взглядъ власти на преступленіе и тѣ же отношенія ея къ нему проглядываютъ и въ такъ называемомъ *самосудѣ*, опредѣленіе котораго встрѣчается въ большомъ числѣ грамотъ. «*А самосуда*, говорится въ этихъ грамотахъ, *наши намѣстницы и ихъ тіуни емлютъ два рубли московскіе; а самосудъ то: кто поймаетъ татя съ поличнымъ, да отпуститъ его прочь, а намѣстникомъ и волостелемъ и ихъ тіуномъ не явитъ, а его въ томъ уличатъ, ино то самосудъ, а опрочь того самосуда нѣтъ.*» (А. Э. т. I,

№№ 13, 123 и 150; А. И. т. I, № 137). Такимъ образомъ, здѣсь собственно не запрещается самосудъ подъ страхомъ уголовнаго наказанія, а только берется извѣстная сумма денегъ, которой власть лишена была чрезъ самосудъ, и слѣдовательно, въ этомъ случаѣ власть опять-таки заботится не о наказаніи вора, а о возстановленіи своихъ денежныхъ интересовъ. Наконецъ, не менѣе сильнымъ подтвержденіемъ защищаемаго нами положенія служитъ то, что въ это время въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ дозволялось примиреніе потерпѣвшаго отъ преступленія съ преступникомъ. Примиреніе въ тяжкихъ преступленіяхъ, къ извѣстныхъ случаяхъ, не запрещается даже въ обоихъ Судебникахъ. (А. И. т. I, № 105; Судебн. 1497 г., статья о пожевыхъ пошлинахъ; Судебникъ 1550 г. ст. 9—12). Въ Актахъ Юридическихъ 1838 г., помѣщено нѣсколько подобныхъ мировыхъ сдѣлокъ, а именно: а) мировая 1560 г., заключенная слугою Новинскаго монастыря съ крестьянами Кириллова монастыря, убившими Ѳомина, слугу Новинскаго монастыря (А. Юр. 1838 г., № 270); б) мировая 1577 г. трехъ крестьянъ съ женою и зятемъ убитаго ими площаднаго писца (ib. № 271); в) три мировыя въ грабежѣ и татьбѣ 1625, 1642 и 1697 г. (ib. №№ 274, 275 и 277). Всѣ эти мировыя относятся къ XVI и XVII стол.; но это нисколько не доказываетъ, чтобы мировыя по преступленіямъ не допускались и не практиковались прежде. Въ самомъ дѣлѣ, если мы встрѣчаемъ ихъ въ то уже время, когда возобладала общегосударственная власть и когда преступленіе и наказаніе получаютъ тотъ характеръ, какой они и нынѣ имѣютъ, то мы совершенно вправѣ заключить, что эти мировыя — только обломки нѣкогда господствовавшаго порядка, что мировыя по преступленіямъ были нѣкогда самымъ общеупотребительнымъ способомъ возстановленія права, нарушеннаго тяжкимъ преступленіемъ, и что если мы ихъ не имѣемъ отъ временъ болѣе старыхъ, то это просто означаетъ, что они или утеряны, или не обнародованы. Нельзя не обратить вниманія на нѣкоторыя выраженія этихъ мировыхъ сдѣлокъ, выраженія, вполнѣ подтверждающія доказываемое нами положеніе. Такъ, убійцы площаднаго писца говорятъ: «*а за убитую голову голозщина платить намъ, мнѣ Михаилу, да мнѣ Данилу, да мнѣ Стефану, а Ульянѣ* (женѣ убитаго) *да Василью* (зятю убитаго) *въ той головщинѣ убытка не довести ни котораго*» (ib. № 271). «*А государеву пеню и вѣрные деньги*, говорится въ другой грамотѣ, *я Ондрюшка* (на котораго была жалоба въ грабежѣ и въ опойной крестьянской головѣ Никона Филиппова) *перевелъ на себя.*» (ib. № 275). И понятно пока власть блюла судъ, какъ дань, ей нѣтъ дѣла до личности преступника и до его наказанія, лишь бы эта дань была получена.

Производство уголовнаго суда въ это время ничѣмъ не отличалось отъ производства суда гражданскаго: это былъ судъ отъ начала до конца состязательный и обвинительный. Изъ обнародованныхъ списковъ уголовнаго и гражданскаго суда даже нѣсколько позднѣйшаго времени видно, что форма ихъ была одна и та же; въ первомъ и во второмъ употребляется выраженіе: *тягался* такой-то съ такимъ-то; и тамъ и здѣсь судья спрашиваетъ присутствующихъ истца и отвѣтчика (А. Юр. 1838 г.: № 10—судъ въ поджогѣ

№ 17—судъ въ грабежѣ и побояхъ). Самыя доказательства и способы ихъ изысканія—что всегда имѣетъ такое сильное вліяніе на свойство мѣръ предупрежденія, — въ уголовномъ судѣ употреблялись тѣ же, какъ и въ гражданскомъ, а именно: свидѣтельство, клятва, судъ Божій, поединокъ. Эти доказательства показываютъ, что еще не возникла мысль объ общественной обязанности и необходимости, во что бы то ни стало, естественными средствами открывать преступленіе.

§ 6. Изложенное нами о значеніи суда въ первый періодъ княжеской власти, о его вотчинномъ характерѣ, его дробленіи, мѣнѣ, продажѣ, о взглядѣ на преступленіе, какъ на нарушеніе, главнымъ образомъ, личныхъ или родовыхъ интересовъ, а на наказаніе, какъ на удовлетвореніе тѣхъ же интересовъ, о чисто-обвинительномъ порядкѣ судопроизводства, — предпринято нами съ тою цѣлью, чтобы доказать, что при такомъ порядкѣ и такомъ міросозерцаніи не могло установиться другой мѣры предупрежденія, кромѣ поруковъ, и что, слѣдовательно, существованіе поруковъ условливалось тогдашнимъ бытомъ и устройствомъ и было въ полной съ ними гармоніи. Такъ какъ каждый судья—былъ-ли то князь, его намѣстникъ, волостель или тіунъ, былъ-ли то митрополитъ или его намѣстникъ, былъ-ли то архимандритъ, игуменъ или ихъ прикащикъ, былъ-ли то, наконецъ, дружинникъ,—въ судѣ блюлъ свой прибытокъ, тѣсно связанный съ личностью истца и отвѣтчика, то, очевидно, онъ не могъ допустить рѣзкаго вмѣшательства посторонняго судьи, въ случаѣ жалобы посторонняго человѣка на живущаго въ его области. Онъ не имѣлъ интереса овладѣвать личностью подлежащаго его суду человѣка, въ случаѣ жалобы посторонняго, и все, что онъ могъ и хотѣлъ, въ обезпеченіе правъ и интересовъ этого послѣдняго и его судьи, предложить,— это поруки. Далѣе, если, какъ выше было сказано, отвѣтственность за злое дѣло падала не на виновника только, но и на его родъ или общину, среди которой сей послѣдній жилъ, и если притомъ цѣль суда, отправляемаго княземъ или другаго наименованія судьею, состояла въ томъ, чтобы, удовлетворивъ обиженнаго, получить, главнымъ образомъ, свой прибытокъ, то само собою разумѣется, что совершенно не было необходимости овладѣвать личностью виновнаго на все время суда; напротивъ, раціональнѣе было воспользоваться порукою лицъ близкихъ къ виновнику, такъ какъ эти поручавшіеся вполнѣ отвѣчали за вознагражденіе, слѣдуемое съ ручаемаго.

Что поруки были самою употребительною и едва-ли не единственною, по крайней мѣрѣ въ теченіе большей части этого періода, мѣрою предупрежденія въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ,—это подтверждается какъ смысломъ, такъ и подлинными словами многихъ юридическихъ памятниковъ. Въ первый разъ поруки упоминаются въ Русской Правдѣ. Въ ст. 13 (акад. списка изд. Калачова) говорится: «*Если кто познаетъ свою вещь, то онъ не беретъ и не говоритъ: мое; но говоритъ тому, у кого та вещь, такъ: пойди на сводъ, гдѣ взялъ эту вещь; если не пойдетъ, то представляетъ поручника въ теченіе пяти дней*». Въ вышеприведенныхъ грамотахъ, въ которыхъ предоставляется разнымъ лицамъ и учрежденіямъ уголовный судъ въ полномъ его объемѣ, или за исключеніемъ одного душегубства, постоянно говорится, что

людей своихъ вѣдаетъ и судитъ во всемъ то лицо, которому дается право суда, или его прикащикъ. Извѣстно, что даже въ позднѣйшее время, въ періодъ Судебниковъ и Соборнаго Уложенія, слово *судъ* выражаетъ ту форму и тотъ способъ судопроизводства, въ которомъ мѣрою предупрежденія служили поруки. Въ другихъ грамотахъ встрѣчается такое выраженіе: «*А что ся учинитъ, или розбой, или душегубство, или татба, который судъ ино будутъ межи монастырскихъ людій, судитъ ихъ и дворянъ даетъ монастырскій тивунъ одинъ; а нашимъ судьямъ не надобъ ничто*» (А. Э. т. I, №№ 5, 1361 г.; 34 1437—1461 гг.). Слова: *и дворянъ даетъ*, равнозначительны словамъ: даетъ пристава. Оба эти выраженія употребляются въ нашихъ юридическихъ памятникахъ всегда въ томъ смыслѣ, что, вслѣдствіе челобитной по гражданскому или уголовному дѣлу, судья отряжаетъ недѣльщика съ тѣмъ, чтобы онъ отдалъ отвѣтчика на поруки въ томъ, что онъ въ назначенное время явится въ судъ къ отвѣту. Изъ грамотъ о судныхъ срокахъ очевидно также употребленіе порукъ въ разбоѣ, татбѣ и грабежѣ. *И кто ихъ людей монастырскихъ изобидитъ*—говорится въ грамотѣ вологодскаго князя Андрея Васильевича Кириллову мон.—*изъ моея вотчины князя Андрея Васильевича моихъ людей, розбоемъ и грабежемъ и татбами, или какими иными дѣлы обидными, и язъ князь пожаловалъ есмь, велѣлъ на тѣхъ людей, по своей грамотѣ, срочные наметывати во всей своей вотчинѣ предъ себя князя*» (А. Э. т. I, № 55, 1455 г.; Доп. къ А. И. т. I, №№ 193, 1451 г.; 196, 1455 г.; 203, 1471 г.). Сроки тѣсно связаны были съ отдачею на поруки; а потому, гдѣ говорится о срокахъ, тамъ само собою должно разумѣть и существованіе порукъ. Когда стали употреблять въ видѣ мѣръ предупрежденія отдачу за пристава и содержаніе въ тюрьмѣ, когда обыскъ и пытка сдѣлались главными способами открытія и доказательства преступленій, тогда сроки стали неумѣстны, потому что не было нужды назначать обвиняемому срокъ для явки, когда обвиняемый находился за приставомъ, или въ тюрьмѣ. Дѣйствительно, въ грамотахъ слѣдующаго періода о судныхъ срокахъ установляются сроки съ оговоркою. «*На крестьянъ имати приставовъ*, говорится въ одной изъ такихъ грамотъ, 1591 г., *въ управныхъ дѣлехъ, въ какихъ нибуди, опричь розбоя и татбы съ поличнымъ, и тѣ приставы чинятъ имъ два срока въ году*» (ib № 228). Во всѣхъ до сихъ поръ указанныхъ нами грамотахъ не содержится прямаго упоминанія объ употребленіи порукъ въ тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ, хотя въ нихъ есть данныя, изъ которыхъ изслѣдователь имѣетъ право сдѣлать положительный выводъ объ употребленіи порукъ въ этихъ случаяхъ. Но есть нѣсколько грамотъ, содержащихъ въ себѣ прямое указаніе, что поруки были обыкновенною мѣрою предупрежденія въ убійствѣ, разбоѣ, грабежѣ и татьбѣ. «*А учинится*, говорится въ грамотѣ 1448—1468 г. бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю, *у нихъ душегубство, и намѣстницы мои Бѣлозерскіе и ихъ тіуни и доводшики, будетъ душегубецъ въ лицехъ, ино дадутъ душегубца на поруки, на кого молвятъ и за тою порукою поставятъ*.*)

*) Выраженіе «*поставятъ его*» отнюдь не означаетъ насильнаго представленія обвиняемаго приставомъ въ судъ; это общее выраженіе какъ для дѣлъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, означающее только, что явка въ судъ была въ завѣдываніи пристава.

его предо мною княземъ» (Доп. къ А. И. т. I, № 189.) *«А лучится татба и разбой съ поличнымъ*, говорится въ другой грамотѣ 1465 г. дмитровскаго князя митрополиту Филиппу, *и волостели мои дадутъ своихъ приставовъ да велятъ дати обоихъ исцовъ на поруку, да поставятъ съ поличнымъ предо мною княземъ.* (А. Э. т. I, № 1465; подобная же гр. № 99, 1473 г.; А. И. т. I, № 119, 1514 г.; Доп. къ А. И. т. I, № 17, 1479 г.). То же самое установляется и въ договорной грамотѣ 1494 г. великаго князя рязанскаго Ивана Васильевича съ братомъ его роднымъ Федоромъ Васильевичемъ: *«А въ городѣ въ Переяславлѣ быти, брате, твоему третчику съ моимъ намѣстникомъ съ большимъ въ душегубствѣ и розбои и въ татбѣ съ поличнымъ, и на посаде межи моихъ людей и твоихъ людей, и межи чьихъ людей ни буди, ино пристава даетъ мой намѣстникъ великаго князя. А прилучится твоего третчика намѣстникъ тутo, и онъ съ нимъ идетъ и на поруку даетъ; а не прилучится, и приставъ моего намѣстника одинъ идетъ безъ твоего третчика пристава на поруку даетъ, и поставитъ предъ моимъ намѣстникомъ, и мой намѣстникъ судитъ»* (Госуд. грам. и догов. т. I, № 127). Нужно замѣтить, что законодательные памятники, въ которыхъ прямо или косвенно говорится объ отдачѣ на поруки обвиняемыхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, относятся къ XIV и XV стол.; но это нисколько не можетъ поколебать того положенія, что поруки, какъ мѣра предупрежденія, есть древнѣйшее народное учрежденіе, что онѣ ведутъ свое начало раньше возникновенія княжеской власти и были въ употребленіи также до XIV стол., какъ и въ эти два вѣка. Если поруки являются столь сильнымъ учрежденіемъ въ XIV и XV стол., когда уже зарождался иной, неблагопріятный для нихъ порядокъ, то съ полною вѣроятностью мы вправѣ сказать, что онѣ были столь же, если не болѣе, общимъ учрежденіямъ до того, когда господствовала система, вполнѣ имъ гармонирующая.

§ 7. Съ поруками, какъ мѣрою предупрежденія, было тѣсно связано другое учрежденіе, столь же общее и могущественное въ то время, какъ и онѣ: это—*пристава*. Въ этотъ періодъ нашего законодательства слово *пристасъ* не столько означало названіе одной опредѣленной должности, сколько выражало исполненіе судебной обязанности, и преимущественно отдачу на поруки служилыми лицами, носившими разныя наименованія. Эти служилыя лица, ѣздившія приставами и дававшія на поруки, назывались разными именами: отроками, мечниками, емцами въ Русской Правдѣ (Изслѣд. объ уголовн. правѣ Рус. Правды, Ланге, стр. 73—75), дворянами (Госуд. гр. и дог. т. I, №№ 14, 15; А. Э. т. I, №№ 5, 13, 34, 37), доводчиками (А. Э. т. I, №№ 35, 38, 41, 95, 150, 242, 243; А И. т. I, №№ 15, 25, 49, 58; Д. къ А. И. т. I, № 17), позовниками и подвойскими (Госуд. гр. и дог. т. 1 № 20; А. Э. т. I, №№ 13, 58), ходоками, ѣздоками (А. И. т. I, № 14; А. Э. т. I, № 259), а еще позднѣе—недѣльщиками. Имя пристава встрѣчается уже въ XIII стол., преимущественно въ договорныхъ грамотахъ великихъ князей съ Новгородомъ (Госуд. грам. и дог. т. I, № 3, 1270 г.; № 8, 1305 г.). Приставъ былъ неотъемлемою принадлежностью каждаго судьи, признакомъ его самостоятельности и независимости отъ всякаго

другаго судьи. Если судья всылалъ въ область другаго своего пристава, то это означало, что сей другой не имѣлъ права судить или вообще, или нѣкоторыхъ только дѣлъ. Въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ великими князьями постоянно встрѣчаются выраженія: «*а приставовъ ти не приставливати*» (Госуд. гр. и дог. т. I, №№ 3, 7, 9); «*а приставовъ ти съ низу во всю Новгородскую волость не всылати*» (ib. №№ 8, 14, 18, 20). Князья, въ договорныхъ грамотахъ, охраняя независимость своего суда, старались каждый оберегать свой удѣлы отъ въѣзда въ оный пристава другаго князя (Госуд. гр. и дог. т. I, №№ 23, 27, 29, 33, 80, 81). Иногда даже великій князь, раздѣляя свое княжество на удѣлы между своими дѣтьми, завѣщевалъ въ своей духовной дѣтямъ своимъ: «*брату въ братень удѣлъ и въ матери своей удѣлъ не въѣзжать на свою утъху, ни приставовъ своихъ не всылать брату въ братень удѣлъ, ни судовъ имъ не судити*» (ib. № 40). То же самое повторяется и въ жалованныхъ грамотахъ князей разнымъ учрежденіямъ и лицамъ. Выраженія: «*а намѣстникомъ, и волостелемъ, на ихъ люди пристава не давати, ни судити, и тіуномъ и доводчикомъ къ нимъ не въѣзжати*»; или: «*и намѣстницы и доводчики поборовъ своихъ на нихъ не берутъ, и на поруки ихъ не даютъ, и не въѣзжаютъ къ нимъ ни почто*»; или: «*намѣстницы наши и волостели не судятъ тѣхъ людей и не всылаютъ къ нимъ ни почто, а судитъ ихъ и дворянъ* (т. е. приставовъ) *даетъ монастырскій тивунъ*»—такія и подобныя имъ выраженія встрѣчаются въ каждой несудимой грамотѣ (А. Э. т. I, №№ 5, 7, 34, 35, 37—39, 75, 95; А. И. т. I, №№ 15, 36, 39, 58; Доп. къ А. И. т. I, № 17). Такимъ образомъ, каждый князь, каждый монастырь, патріархъ, митрополиты, архіереи, общины имѣли своихъ дворянъ, доводчиковъ, или недѣльщиковъ, которые ѣздили приставами въ подсудной имъ области и давали на поруки какъ вообще подсудимыхъ, такъ и въ частности обвиняемыхъ въ преступленіяхъ. Подъ конецъ этого періода, а еще болѣе въ теченіе XVI и первой половинѣ XVII стол., когда общегосударственная власть восторжествовала и получила преобладаніе, сдѣлалось общимъ обычаемъ давать монастырямъ и общинамъ особыхъ приставовъ подъ именемъ *данныхъ приставовъ*, или же запрещалось ѣздить въ чью нибудь отчину другому приставу, кромѣ *дворцоваго*, или *царскаго*. «*И язъ далъ имъ своего пристава данаго Тимошку Нечаева и онъ ихъ* (Суздальскаго монастыря людей и крестьянъ и ихъ отвѣтчиковъ) *на поруки даетъ. А опричь того данаго пристава, по монастырскихъ людей и отъ монастырскихъ людей иные приставы по нихъ съ приставными не пздятъ и на поруки ихъ не даютъ*» (А. Э. т. I, №№ 82, 110, 112, 113, 159, 171, 189; А. И т. I, №№ 119, 125, 149). Или: «*А кто къ нимъ пріѣдетъ приставъ мой иной, опричь того моего пристава, и язъ ихъ людемъ на поруку ся ему давати не велѣлъ*» (ib. №№ 149, 217). Или: «*А недворцовому приставу по нихъ не пздити; а пріѣдетъ по нихъ недворцовый приставъ, и язъ имъ тому приставу на поруку даватись не велѣлъ*» (А. И. томъ I, № 137). Такія повелѣнія обыкновенны въ несудимыхъ и уставныхъ грамотахъ. Встрѣ-

чаются жалованныя грамоты отдѣльнымъ лицамъ на приставство въ отчинахъ какого нибудь монастыря; таковы: грамота Захару Зубову (1466—1478 г.) на приставство въ отчинахъ Сергіева-Троицкаго монастыря (А. Э. т. I, № 82); грамота тремъ придворнымъ пѣвчимъ-дьячкамъ 1551 г. на приставство по тому же монастырю и по монастырямъ къ нему приписаннымъ (А. И. т. I, № 157). Назначеніе особыхъ лицъ подъ именемъ *даныхъ приставовъ* вызвано было излишнимъ вмѣшательствомъ служилыхъ людей въ дѣла общинъ и притѣсненіями, чинимыми первыми послѣднимъ. Крестьяне жалуются, что ихъ деревни запустѣли отъ намѣстниковъ, тіуновъ и ихъ доводчиковъ (А. Э. т. I, № 234); монастыри—что къ нимъ пріѣзжаютъ многіе пристава, недѣльщики дворцовые и всякіе ѣздоки, и на ихъ крестьянъ и на слугъ наметываютъ сроки и ихъ волочатъ. Хотя приставамъ постоянно запрещается брать деньги за отдачу на поруки, «*а отъ порукъ ничего не емлютъ*», тѣмъ не менѣе пріѣздъ недѣльщика или заказчика былъ тяжекъ для крестьянъ: его нужно было кормить, ему слѣдовало заплатить «*хоженое и ѣздъ*». Потому-то въ уставныхъ грамотахъ мы встрѣчаемъ, во-первыхъ, опредѣленіе, какое число доводчиковъ намѣстникъ или волостель долженъ держать (А. Э. т. I, №№ 123, 150, 181); во-вторыхъ, запрещеніе доводчикамъ долго оставаться въ одномъ мѣстѣ: «*а гдѣ доводчикъ ночуетъ, тутo ему не обѣдати, а гдѣ обѣдаетъ, тутo ему не ночевати*» (ib. №№ 123, 150, 181). Такъ какъ лица одной подсудности нерѣдко судились съ лицами другой, и такъ какъ въ этомъ случаѣ судьи двухъ судебныхъ областей судили вмѣстѣ, словомъ, выражаясь техническимъ тогдашнимъ языкомъ, *судъ смѣшивался*, то каждый изъ судей посылалъ своего пристава. По крайней мѣрѣ такъ дѣлалось между князьями и князьями и между князьями и Новгородомъ. «*А безъ моего намѣстника пристава приставу твоего третчика въ душегубствѣ и въ поличномъ на поруки не дати*» (Госуд. грам. и догов. т. I, № 127). «*А ударитъ ми челомъ кто изъ великаго княженья на москвитянина на твоего боярина, и мнѣ пристава послати на него, а тобѣ послати за своимъ своего боярина*» (ib. № 33, стр. 56, стол. 2). «*А позовъ по волостемъ по новгородскимъ позывати позовникомъ великихъ князей, да новгородскимъ; а въ городѣ позывати князей великихъ подвойскій, а Новгородской подвойской*». (А. Э. т. I, № 58). Нѣтъ сомнѣнія, что тоже дѣлалось, когда судился монастырскій человѣкъ съ городскимъ и волостнымъ, хотя мы точныхъ объ этомъ опредѣленій въ грамотахъ этого періода и не встрѣчаемъ; но очевидно, что смѣшанный судъ монастырскій, построенный на однихъ и тѣхъ же началахъ съ княжескимъ, не могъ расходиться съ нимъ въ этомъ пунктѣ.

Не менѣе важное значеніе въ институтѣ порукъ имѣютъ *сроки*. Отдача на поруки состояла въ томъ, что поручники ручались, что обвиняемый явится въ назначенный срокъ. Въ грамотахъ этого періода говорится о срокахъ тогда, когда рѣчь идетъ объ отдачѣ на поруки къ явкѣ на судъ князя, или намѣстника. Но нѣтъ сомнѣнія, они имѣли примѣненіе на судѣ мѣстномъ, когда крестьянина судилъ какой нибудь вотчинникъ, начальникъ монастыря и т. п.

Въ юридическихъ памятникахъ конца этого періода есть довольно опредѣленій относительно судныхъ сроковъ, хотя болѣе частыя о нихъ постановленія находятся въ законахъ слѣдующаго періода. Чаще всего въ грамотахъ идетъ рѣчь о постоянныхъ срокахъ, т. е. пріуроченныхъ къ извѣстнымъ временамъ года. Въ такомъ случаѣ, для явки въ судъ назначался большею частью одинъ срокъ въ году, а иногда и два; если одинъ, то около или послѣ Крещенья; если же два, то или на Сборное Воскресенье и въ Петровъ день или постъ, или на Крещенье и въ Петровъ день или постъ. «*А пріѣдетъ мой приставъ великія княгини по тѣ люди по монастырскіе, ино имъ срокъ одинъ въ году, двѣ недѣли по Крещеньи* (А. Э. т. I, № 4). «*А который мой приставъ дворцовой по нихъ пріѣдетъ, и онъ имъ пишетъ два срока въ году, зимѣ по Крещеньи Христовѣ въ той же день, а лѣтѣ уговѣвъ Петрова говѣнья недѣлю; а опричь тѣхъ сроковъ иныхъ сроковъ на нихъ не наметываютъ; а кто на нихъ накинетъ срокъ сильно, не по тѣмъ ихъ срокомъ, и язъ имъ къ тому сроку ѣздити не велѣлъ*» (ib. № 143) «*А который недѣльщикъ дастъ ихъ на поруку и срочную на нихъ накинетъ сильно, и язъ имъ къ тому сроку ѣздити не велѣлъ*». Жалобы крестьянъ, что на нихъ «*сильно наметываютъ сроки въ дѣловое время, во весь годъ въ пашенную пору, и на поруки даютъ ихъ по вся дни, да имъ деи продажу чинятъ великую*» (ib. №№ 131, 196),—даютъ ясное указаніе на тѣ причины, которыя побудили законодателя издать постановленія объ опредѣленныхъ срокахъ въ году для явки къ суду. Но это, такъ сказать, причины ближайшія, видимыя и притомъ позднѣйшаго происхожденія, такія, которыя заставляли только подтверждать старое, которое нарушалось. Можно думать, что судные сроки имѣли другое, гораздо древнѣйшее происхожденіе; можно думать, что они связаны съ условіями древнѣйшаго быта славянскихъ племенъ, когда судъ отправлялся народными старѣйшинами, на вѣчахъ, собиравшихся въ опредѣленное въ году время. Судные сроки приняты были и князьями, которые посылали своихъ вирниковъ для собранія виры, а слѣдовательно и для суда, въ опредѣленное время. Въ договорныхъ грамотахъ князей съ Новгородомъ, этимъ прототипомъ быта и устройства и прочихъ славяно-русскихъ племенъ, постоянно говорится: «*А куда пошло судіи твоему ѣздити по волости, ехати имъ межень по Петровъ дни*» (Гос. гр. и дог. т. I, № 2, стр. 3, стол. 2); «*а судье слати на Петровъ день, тако пошло* (ib. № 3, стр. 4, стол. 2). Замѣчательно также совпаденіе времени собиранія дани съ судными сроками: въ уставныхъ грамотахъ, хотя довольно поздняго времени, Рождество и Петровъ день назначаются временемъ собиранія дани. Если-бы, наконецъ, судные сроки были нововведеніе, и притомъ явленіе исключительное, тогда былъ бы непонятенъ смыслъ грамотъ о вольныхъ срокахъ. (Доп. къ А. И. т. I, № 196; А. Э. т. I, № 55, 1455 г.).

Законодательные памятники этого періода не содержатъ въ себѣ точныхъ и подробныхъ опредѣленій объ отдачѣ на поруки, по крайней мѣрѣ намъ неизвѣстно ни одной обнародованной поручной, относящейся къ этому періоду, которая бы раскрыла подробности отдачи въ это время на поруки. Подробныя правила и опредѣленія объ этомъ относятся къ слѣдующему періоду; поэтому

мы изложимъ ихъ при дальнѣйшемъ изслѣдованіи этой мѣры предупрежденія. Все, что можно сказать относительно порукъ въ этомъ періодѣ, это то, что отданный на поруки обязанъ былъ стать въ назначенный срокъ предъ судьею,—за то и ручались его поручники,—что неявка его влекла для поручниковъ ту же отвѣтственность, которая падала на то лицо, за которое они ручались. Нѣтъ сомнѣнія, что во времена болѣе древнія, когда еще родовой и общинный бытъ былъ очень силенъ, поручительство и независимо неявки ручаемаго означало, что поручники берутъ на себя не только ручательство въ явкѣ, но и часть отвѣтственности въ случаѣ обвиненія, такъ какъ въ это время наказаніе было не столько личное и индивидуальное, сколько имущественное и коллективное.

Вѣроятно, пока родовой бытъ сохранялъ полную силу и его духъ проникалъ во всѣ отправленія тогдашней общественной жизни, поруки были единственною мѣрою предупрежденія. Всякій былъ родовичемъ, всякій принадлежалъ къ извѣстному роду, жилъ его жизнью; всякій, потому, имѣлъ и естественныхъ поручниковъ, которыхъ и интересы, и чувства, и обычаи, и общая опасность, заставляли спѣшить своему на помощь. Но по мѣрѣ того, какъ община осложнялась, по мѣрѣ того, какъ отъ размноженія слабѣли узы крови и сознаніе о единствѣ рода, исчезала и необходимость и вмѣстѣ готовность стоять за иныхъ членовъ. И вотъ мы встрѣчаемъ въ двинской уставной грамотѣ 1398 г., древнѣйшей изъ уставныхъ, слѣдующее выраженіе: «*только человѣка скуютъ, а не будетъ по немъ поруки.....а чрезъ поруку не ковати*» (А. Э. т. I, № 13, стр. 8, столб. 2-й). «*А кто за порукою, или за приставомъ, тому судъ*» — говорится въ нѣкоторыхъ договорныхъ княжескихъ грамотахъ (Гос. грам. и дог. т. I, № 36, стр. 67, стол. 1; № 115, стр. 282, столб. 2). Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія, что уже въ настоящемъ періодѣ, при неимѣніи порукъ, употреблялась отдача за пристава; приведенныя выраженія, какъ ниже будетъ объяснено и доказано, означаютъ мѣру предупрежденія, получившую въ слѣдующихъ періодахъ техническое названіе—*отдача за пристава*. Но какъ видно изъ приведенныхъ выраженій, отдача за пристава не была самостоятельною мѣрою предупрежденія, а только дополнительною, такъ сказ. вынужденною. Такъ какъ она въ нынѣшнемъ періодѣ была только въ зачаточномъ состояніи, и такъ какъ она получила значеніе и юридическую опредѣленность въ слѣдующихъ двухъ періодахъ, то подробное объясненіе ея мы перенос мъ въ слѣдующую главу.

Итакъ, вотъ результатъ, къ которому мы пришли при изслѣдованіи вопроса о томъ, какая мѣра предупрежденія и почему была примѣняема въ первый періодъ нашего уголовнаго права и судопроизводства:

а) Такъ какъ въ этомъ періодѣ имѣла огромную силу община, сначала вполнѣ естественная—родовая, а потомъ нѣсколько искуственная, въ которую стали входить и чуждые роду члены;

б) такъ какъ преступленіе, по понятіямъ русскихъ славянъ того времени, считалось только обидой;

в) такъ какъ цѣль наказанія въ этомъ періодѣ направлена была на иму-

щественное и денежное вознагражденіе, и наказаніе не имѣло, да и не могло имѣть, личнаго характера;

г) такъ какъ общегосударственная власть этого времени являлась уголовнымъ судьею, только съ характеромъ посредника и для того, чтобы блюсти свой прибытокъ;

д) такъ какъ вслѣдствіе ея слабости, скудости ея средствъ и полувотчиннаго, полуобщественнаго ея характера, она не могла, да и не обнаруживала еще стремленія, дѣятельно, самостоятельно и независимо вести судъ, важнѣйшія части котораго отправляла могущественная въ то время община,—

то другая мѣра предупрежденія, кромѣ поруки, не могла имѣть первоначально мѣста; поруки-же были вполнѣ гармонирующимъ тогдашнему быту учрежденіемъ, вполнѣ удовлетворяющимъ его потребностямъ. Развитіе въ слѣдующемъ періодѣ новыхъ силъ, которыя были теперь или въ зародышѣ или въ состояніи малаго развитія и слабости, должно было подорвать корни господства поруки и выдвинуть на сцену другую мѣру предупрежденія, имъ соотвѣтствующую. Изслѣдованіе этого составляетъ предметъ слѣдующей главы.

ГЛАВА II.

Время Судебниковъ.

§ 8. Общій характеръ уголовнаго суда—соединеніе его въ лицѣ великихъ князей и потомъ царей московскихъ.

§ 9. Обыскъ и пытка какъ проявленія государственнаго характера уголовнаго суда; возникновеніе слѣдственнаго процеса.

§ 10. Преступленіе считается зломъ общественнымъ, а наказаніе распредѣляется не по расчетамъ обиженной стороны, а по расчетамъ государственнымъ.

§ 11. Совмѣстное существованіе и дѣйствіе двухъ системъ уголовнаго права: старой и новой, и границы дѣйствія той и другой.

§ 12. Примѣненіе и соотвѣтствіе этимъ системамъ двухъ мѣръ предупрежденія: отдачи за пристава и отдачи на поруки; свойство первой и случаи ея примѣненія.

§ 13. Сущность отдачи на поруки; случаи ихъ примѣненія; особые виды порукъ.

§ 14. Сроки и пристава; общій выводъ.

---

§ 8. Изданіе обоихъ Судебниковъ, 1497 г. и 1550 г., учрежденіе губныхъ старостъ и изданіе губныхъ грамотъ—вносятъ новыя начала въ наше уголовное право и судопроизводство и потому составляютъ грань для новаго періода. Въ нихъ же ясно обозначается и новый періодъ въ исторіи мѣръ предупрежденія.

Появленіе этихъ памятниковъ есть выраженіе усиленія общегосударственной власти, въ лицѣ великихъ князей, а потомъ царей московскихъ, и признакъ объединенія какъ въ политическомъ, такъ и въ судебномъ отношеніи земли русской. Оно совпадаетъ съ окончательнымъ паденіемъ удѣльной системы и великаго Новгорода. Съ этихъ поръ въ области уголовнаго права мы уже находимъ окончательно сложившееся понятіе преступленія и наказанія въ нынѣшнемъ смыслѣ; въ области уголовнаго судопроизводства государство является не посредникомъ только, но такъ сказ. стороною, преслѣдующею общегосударственные интересы, и потому изобрѣвшею новые способы открытія преступленій; къ прежней мѣрѣ предупрежденія присоединяется другая—отдача за пристава, въ характерѣ которой также проявляется торжество государственнаго начала надъ частнымъ.

Правда, и въ XVI и XVII ст. цари продолжали давать несудимыя грамоты разнымъ учрежденіямъ и даже лицамъ. Но, во-первыхъ, эти грамоты исходятъ, главнымъ образомъ, отъ одной власти—великихъ князей и потомъ царей московскихъ; во-вторыхъ, несудимость не распространяется на три преступленія: убійство, разбой и татьбу; въ-третьихъ, виды этихъ трехъ преступленій умножаются. Во второмъ Судебникѣ, кромѣ того, даже содержится прямое отреченіе отъ прежней системы раздачи права судить самыя тяжкія преступленія: «*А тарханныхъ грамотъ впредь не давати никому, а старыя поимати у всѣхъ*» (ст. 43). Наконецъ, къ этому времени относится окончательное образованіе понятія о государственныхъ преступленіяхъ, судъ надъ которыми, по самому ихъ свойству, не могъ быть предоставленъ монастырямъ или другимъ учрежденіямъ. Такимъ образомъ, въ самыхъ такъ называемыхъ несудимыхъ грамотахъ мы видимъ успѣхи объединенія уголовнаго суда.

Въ предыдущемъ періодѣ, какъ выше было показано, уголовный судъ былъ раздробленъ и раздѣленъ между князьями и разными учрежденіями и лицами, какъ вотчинниками извѣстной области или земли съ населеніемъ. Теперь, съ соединеніемъ всѣхъ удѣльныхъ земель подъ властью царей московскихъ, съ сосредоточеніемъ общегосударственной власти въ ихъ лицѣ, уголовный судъ соединяется и централизуется. Независимо отъ лица единаго царя, сосредоточеніе это главнымъ образомъ выразилось въ учрежденіи губныхъ старостъ и образованіи разбойнаго приказа.

Обыкновенно смотрятъ на губныхъ старостъ какъ на предоставленіе отправленія уголовнаго суда народу, какъ на возстановленіе старинныхъ его правъ самоуправленія. Но кажется, что учрежденіе губныхъ старостъ и губная юстиція означаютъ успѣхи и торжество скорѣе общегосударственной власти, чѣмъ самоуправленія народнаго. Извѣстно, что и до учрежденія губныхъ старостъ народъ принималъ самое непосредственное участіе въ отправленіи уголовнаго суда,—чему служатъ доказательствомъ не только уставныя княжескія и монастырскія грамоты, но и способъ отправленія уголовнаго суда княжескими намѣстниками, волостелями и ихъ тіунами (См. Ѳ. Дмитріева, «Исторія судебныхъ инстанцій», стр. 8 — 9). Учредивъ губныхъ старостъ, царская власть

только воспользовалась силами народа для достиженія общегосударственной цѣли— преслѣдованія преступленій. Губа и губные старосты и цѣловальники получаютъ не право только отправлять уголовный судъ, какъ получали его прежде разныя учрежденія, а на нихъ возлагается обязанность, подъ страхомъ тяжкаго наказанія, преслѣдовать и карать преступниковъ.

Тогда какъ прежде грамоты на право отправленія уголовнаго суда давались отдѣльному учрежденію, и это учрежденіе, соблюдая свои экономическіе интересы, старалось сосредоточить этотъ судъ въ своей области и охранить его отъ чуждаго вторженія и вмѣшательства, какъ бы оно ни было теоретически справедливо,—губныя грамоты даются всему населенію извѣстнаго уѣзда, города, посада, безъ различія вѣдомствъ, званія, подсудности. «*Отъ великаго князя въ бѣлозерскій уѣздъ*» (такъ начинается бѣлозерская губная грамота) «*княземъ и дѣтемъ боярскимъ, отчинникомъ и помѣщикомъ, и всѣмъ служилымъ людемъ, и старостамъ, сотцкимъ и десятцкимъ, и всѣмъ крестьяномъ моимъ великаго князя, митрополичьимъ и владычнимъ, княжимъ и боярскимъ и помѣщиковымъ, и чернымъ, и писаремъ, и осочнымъ, и перевѣзникомъ, и бортникомъ, и рыболовомъ, и бобровникомъ, и всѣмъ безомѣны, чей кто нибуди*». По этимъ грамотамъ, выборъ губныхъ старостъ и цѣловальниковъ, производится лицами всѣхъ сословій: *межъ собя свѣстясь всѣ за одинъ*. Равнымъ образомъ предписывается производить повальный обыскъ и брать преступниковъ всѣмъ міромъ: «*свѣстяся всѣмъ за одинъ*», «*и они вѣдомаго душегубца поймаютъ всѣмъ посадомъ*» (А. Э. т. I, № 234, стр. 235, стол. 2-й); «*и выборнымъ судьямъ сыскивати того всѣми людьми вправду*» (ib. № 257, стр. 280, стол. 2-й); «*и вы-бъ всѣ за одинъ за тѣми разбойники поѣздили*» (ib. № 187, стр. 164, стол. 2-й).

§ 9. Въ прежнемъ періодѣ изысканіе и открытіе преступленій составляло дѣло скорѣе частныхъ лицъ, обиженной стороны, чѣмъ дѣло власти, которая главнымъ образомъ сосредоточивала свое вниманіе на охраненіи своихъ денежныхъ интересовъ въ дѣлѣ уголовной юстиціи. Судебники и губныя грамоты вводятъ обыскъ, какъ мѣру государственную, для открытія преступленій. Нѣтъ сомнѣнія, обыскъ былъ извѣстенъ и до этого времени; выраженіе грамотъ предыдущаго періода: «*доищутца, а не доищутца*»—положительно это доказываютъ. Но не можетъ быть также сомнѣнія, что обыскъ до этого времени былъ внутреннимъ дѣломъ каждой общины, и что власть не была заинтересована ни способомъ его веденія, ни его исходомъ: «*не доищутца, виры 4 руб.*»—самое обыкновенное выраженіе этихъ грамотъ, показывающее, въ какой малой степени власть была заинтересована открытіемъ преступленій. Въ разсматриваемый же нами періодъ общегосударственная власть пользуется обыскомъ для отысканія преступниковъ и уже не допускаетъ слова *не доищутся* въ прежнемъ смыслѣ; если она и признаетъ возможнымъ не доискаться преступника, то уже въ томъ смыслѣ, что преступника и не было, а смерть послѣдовала отъ силъ природы. Въ великокняжескомъ Судебникѣ 1497 г. говорится объ обыскѣ уже въ смыслѣ новомъ. Подробное же развитіе этого учрежденія изложено въ губныхъ грамотахъ

и въ дополнительныхъ статьяхъ къ царскому Судебнику, 1555 г. Въ этихъ законодательныхъ памятникахъ обыскъ является не только однимъ изъ способовъ открытія и доказательства даннаго преступленія, но и средствомъ открытія преступниковъ и преступленій вообще. Губные старосты и цѣловальники извѣстнаго уѣзда, города, или другаго участка, по вступленіи въ должность, назначаютъ въ губѣ съѣздъ обывателей той губы изъ всѣхъ сословій, начиная отъ князей и архимандритовъ и оканчивая крестьянами разныхъ наименованій. Посредствомъ этихъ-то съѣхавшихся многихъ людей они производятъ обыскъ о томъ: *кто у нихъ въ губѣ, на посадѣ и въ уѣздѣ лихихъ людей, татей и розбойниковъ, и къ кому разбойники и тати пріѣзжаютъ и разбойную рухлядь привозятъ, и отъ кого на розбой ѣздятъ, и кому розбойную рухлядь продаютъ за розбойное?* (А. Э. т. IV, №№ 281, 330). Такимъ образомъ, обыскъ введенъ былъ общегосударственною властью съ цѣлью вообще открывать преступленія и преступниковъ тогда, когда *«истцевъ имъ нѣтъ»* (А. Э. т. I, № 281, 1571 г.). Обыскъ также былъ принятъ какъ мѣра открытія и доказательства преступленія и преступника, когда была частная жалоба со стороны истцовъ, которые *«шлются въ обыскъ на многіе люди безъименно»* (А. И. т. I, № 154; допол. указы къ судебнику, V, 1), или которые *«опричь поль улики не учинятъ никоторыя»* (А. Э. т. 1, № 281). Обыскъ есть выраженіе той обязанности преслѣдовать преступленіе, какъ вредоносное явленіе для цѣлаго общества, которую общегосударственная власть въ это время ясно сознала и взяла на себя. Поэтому-то обыскъ вмѣняется губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ, со всѣмъ губнымъ населеніемъ, какъ обязанность, неисполненіе которой влечетъ за собою кару. *«А не учнете межъ собя обыскивати розбойниковъ и имать тѣхъ людей, къ кому розбойники пріѣзжаютъ, или не учнете за розбойники ѣздити, имать и казнити, или станете разбойниковъ пущати, или кто станетъ розбойникомъ наровити, и мнѣ велѣти на васъ на всѣхъ имати иски тѣхъ людей, въ которой у васъ волости и въ которомъ селѣ кого разобьютъ, безъ суда вдвое; а самымъ вамъ отъ меня быти въ казни и въ продажѣ»* (А. Э. т. I, №№ 187, 192, 194, 224). Обыскные люди обязаны были въ обыскахъ говорить правду подъ страхомъ наказанія и за ложные показанія несли тяжкую кару: *«и потому лживыхъ казнити, по приговору, какъ и въ розбойныхъ дѣлахъ»* (А. И. т. I, № 154, V, ст. 4 и 10).

Съ обыскомъ тѣсно связано введеніе и распространеніе пытки. Нѣтъ сомнѣнія, происхожденіе этихъ двухъ учрежденій вызвано однимъ и тѣмъ же побужденіемъ: сознаніемъ обязанности во что бы то ни стало открывать преступленія и необходимостью, для достиженія этой цѣли, болѣе энергическихъ мѣръ. Этимъ, конечно, мы не желаемъ высказать мысль на счетъ теоретической состоятельности пытки, а только указываемъ на причину и мотивы ея введенія. И до введенія пытки въ нашемъ уголовномъ и гражданскомъ судопроизводствѣ были въ большомъ употребленіи средства очень сходныя съ пыткою, какъ-то: испытаніе желѣзомъ, водою и, можетъ быть, другими способами и наконецъ поединокъ. Примѣненіе этихъ средствъ доказательства и самый способъ примѣненія

были, такъ сказать, дѣломъ домашнимъ тяжущихся; власть относилась къ нимъ какъ посредникъ, наблюдающій за исполненіемъ обычныхъ формальностей. Но когда государственная власть усилилась, она захотѣла воспользоваться этими способами для своихъ цѣлей: употребить воду, огонь и другіе элементы, производящіе боль, какъ орудія вынужденія признанія въ преступленіи, т. е. опять таки тѣ средства, которыя до сихъ поръ употреблялись добровольно тяжущимися, власть признала необходимымъ взять въ свои руки и стала направлять ихъ къ опредѣленной цѣли по своему усмотрѣнію, тогда какъ направленіе ихъ до сихъ поръ предоставлено было случаю.

До введенія обыска и пытки и гражданскія дѣла и уголовныя преступленія судились по однимъ формамъ, и для тѣхъ и другихъ существовалъ одинъ видъ судопроизводства—обвинительнаго. Съ обыска и пытки начинается судопроизводство слѣдственное, которое впослѣдствіи получило такое обширное развитіе въ нашемъ законодательствѣ и составило спеціальную форму суда для преступленій. Съ этого же времени ведетъ свое начало *отдача за пристава*, уже не какъ замѣняющая другую мѣра предупрежденія, а какъ самостоятельная.

§ 10. Въ области уголовнаго права въ это время также обозначались новыя начала. Преступленіе представляется въ этихъ законодательныхъ памятникахъ уже не обидою, а зломъ, задѣвающимъ болѣе чѣмъ интересы частныхъ лицъ: оно уже считается зломъ государственнымъ. Поэтому, противодѣйствіе ему, какъ выше было показано, причислено было къ разряду государственныхъ обязанностей; поэтому и возмездіе за преступленіе или наказаніе поставлено было выше расчетовъ частныхъ лицъ, пострадавшихъ отъ преступленія. Вмѣсто наказаній имущественныхъ, казни вирами и продажами, заступаютъ наказанія личныя: тѣлесныя, или смертная казнь. Правда, наказанія, направленныя противъ лица преступника, его тѣла, жизни, мы встрѣчаемъ, не говоря уже объ убійствѣ въ видѣ мести, очень рано, даже въ Русской Правдѣ, въ такъ называемомъ потокѣ и разграбленіи, въ уставной двинской грамотѣ конца XIV ст. въ видѣ смертной казни, въ отдѣльныхъ случаяхъ казни преступниковъ; словомъ, нельзя отвергать того факта, что элементы наказанія въ нынѣшнемъ смыслѣ слова являются при господствѣ прежней системы. Но это нисколько не опровергаетъ нашей главной мысли, состоящей въ томъ, что только со времени Судебниковъ и губныхъ грамотъ наказаніе стало подчиняться, главнымъ образомъ, соображеніямъ государственнымъ, превратилось, словомъ, въ дѣло общегосударственное, тогда какъ оно до того времени распредѣлялось по расчетамъ частныхъ лицъ,—чему служитъ доказательствомъ месть,—по расчетамъ той или другой общины, того или другаго учрежденія. Неоспоримо то, что самые тяжкіе преступники: убійцы, разбойники, поджигатели, воры,—въ предыдущемъ періодѣ выдавались головою пострадавшему отъ ихъ преступленія, если они не были въ состояніи заплатить *«исцовы иски»*, т. е. вознагражденіе за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ. Это доказывается какъ прямыми словами законодательныхъ памятниковъ даже этого періода, такъ и выводомъ изъ противоположнаго. Въ судномъ спискѣ 1503 г. дѣла о поджогѣ, Жукъ, показавшій на судѣ, что: *«грѣхъ мой ко мнѣ при-*

шелъ, ту есми, господине, деревню монастырскую Ильинскую сжогъ съ житомъ и съ животомъ»,—выданъ былъ головою до искупа (А. Ю. 1838 г., № 10). Во 2-мъ Судебникѣ за первое воровство виновный выдается головою на правежъ до искупа; правда, выдачу эту предписывается производить послѣ торговой казни, но послѣдняя, очевидно, нововведеніе, неизвѣстное первому періоду, какъ можно думать, судя по дѣлу Жука. Выводъ же о существованіи всеобщаго обычая выдавать истцу головою самыхъ тяжкихъ преступниковъ мы дѣлаемъ на основаніи слѣдующихъ словъ 2-го Судебника: «*А не будетъ у котораго лихого статка, чѣмъ исцево заплатити, и боярину лихого истцу въ его гибели не выдати, а велѣти его казнити смертною казнію*» (А. Э. т. I, № 105). Очевидно, что запрещеніе это—есть запрещеніе бывшаго прежде во всеобщемъ употребленіи обычая. Итакъ, въ этомъ періодѣ торжество общегосударственной власти выразилось въ отмѣнѣ выдачи головою до искупа тяжкихъ преступниковъ лицу, пострадавшему отъ ихъ преступленія, т. е. выразилось въ подчиненіи частныхъ интересовъ общегосударственному. Не менѣе знаменательнымъ и выразительнымъ въ историческомъ развитіи понятія преступленія является опредѣленіе, въ законодательныхъ памятникахъ предыдущаго періода, что́ такое поличное и самосудъ, и исчезновеніе этихъ опредѣленій изъ разсматриваемыхъ нами памятниковъ этого періода. Опредѣленіе самосуда приведено нами выше. А поличное опредѣляется такъ: «*А поличное то, что вымутъ изъ клѣти, изъ за замка; а найдутъ, что во дворѣ или въ пустой хороминѣ, а не за замкомъ, иное то не поличное*» (А. Э. т. I, №№ 123, 143, 150, 181). Это-то слишкомъ условное и узкое опредѣленіе поличнаго и не встрѣчается въ губныхъ грамотахъ и Судебникахъ; напротивъ, въ губныхъ и въ уставныхъ грамотахъ повелѣвается брать и безъ поличнаго, особенно вѣдомыхъ разбойниковъ (А. Э. т. II, № 52), а о самосудѣ въ этихъ законахъ не могло быть и рѣчи, какъ явленіи совершенно противоположномъ той цѣли, которой государственная власть изданіемъ ихъ стремилась достигнуть.

§ 11. Если бы мы ограничились изложенною характеристикою новыхъ началъ, внесенныхъ обоими Судебниками и губными грамотами въ наше уголовное право и судопроизводство, то мы сообщили бы самое невѣрное понятіе о состояніи и характерѣ этихъ областей нашего права за данный, разсматриваемый нами періодъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ остались бы непонятными и многія явленія въ исторіи мѣръ предупрежденія въ настоящій періодъ. Дѣло въ томъ, что вышеизложенныя начала выражаютъ собою только одну сторону нашего тогдашняго уголовнаго права и судопроизводства, служатъ основаніемъ новой системы, созданной усиленіемъ и значительнымъ объединеніемъ общегосударственной власти и сознаніемъ ея общественныхъ обязанностей. Но усиленіе общегосударственной власти не выросло вдругъ и потому не могло повлечь за собою мгновенное разрушеніе прежнихъ началъ и прежней системы уголовнаго законодательства. Напротивъ, будучи само продуктомъ постепенныхъ бытовыхъ и государственныхъ перемѣнъ, а не принциповъ готовыхъ, выработанныхъ и строго проведенныхъ въ короткое время, оно легко уживалось съ старою систе-

мою предыдущаго періода. Отсюда-то и происходитъ то, что уголовное право періода Судебниковъ слагалось изъ двухъ системъ: изъ изложенной новой, проникнутой новыми началами, и изъ старой, которая въ большей части сохранила начала перваго періода. Новая система уголовнаго права и судопроизводства служила выраженіемъ восторжествовавшаго общегосударственнаго элемента и была основана на обязательномъ слѣдственномъ началѣ; старая представляла собою силу частныхъ интересовъ и держалась на обвинительномъ, такъ сказать добровольномъ началѣ; судопроизводство старой системы можно назвать *судомъ*, какъ оно въ самомъ дѣлѣ въ законодательныхъ памятникахъ и называется, судопроизводство же новой системы мы вправѣ назвать *обыскомъ*.

Замѣчательно, что на ряду съ губными грамотами, которыми такъ энергически заявила себя окрѣпшая общегосударственная власть, на ряду съ уставными грамотами, которыя около времени появленія губныхъ дѣлаются болѣе и болѣе съ ними схожими, мы встрѣчаемъ, въ теченіе всего XVI и даже въ первой половинѣ XVII столѣтія, разныхъ наименованій грамоты, которыя по своему характеру проникнуты отъ начала до конца духомъ старой системы, системы слабаго развитія общегосударственной власти и господства обвинительнаго судопроизводства (А. И. т. I, №№ 137, 147, 178; т. II, 347; т. III, 76, 129; IV, 214; А. Э. т. I, № 324). Сами оба Судебника,—особенно это характерно во второмъ,—служатъ выраженіемъ обѣихъ системъ. Такъ, можно положительно сказать, что въ первыхъ 51 статьѣ Судебника 1550 г. изложены правила старой системы уголовнаго права и судопроизводства. Въ обоихъ Судебникахъ излагаются правила поединка, какъ способа доказательства и открытія не только такихъ преступленій, какъ бой (побои), лай (оскорбленіе ругательными словами), но и такихъ какъ воровство, грабежъ, разбой, поджогъ, убійство: «*А побьются на полѣ въ пожегѣ, или въ душегубствѣ, или въ разбоѣ, или въ татьбѣ*» (ст. 12); «*А въ грабежѣ судъ*» (ст. 25). Мы знаемъ, что по Судебникамъ убійцы, разбойники, поджигатели наказывались смертною казнью, когда виновность ихъ была доказана обыскомъ. А между тѣмъ, обвиняемые въ тѣхъ же преступленіяхъ, виновность которыхъ доказана была посредствомъ поединка, не подлежали этой казни. О нихъ говорится—въ первомъ Судебникѣ: «*а самъ убитой* (т. е. оставшійся побѣжденнымъ) *въ казни и продажѣ боярину и діаку*» (А. И. т. I, № 105, въ статьѣ о полевыхъ пошлинамъ); во второмъ: «*а убитаго дать на поруки, какъ его государь попытаетъ, ино его поставити предъ государемъ*» (ст. 12). Отъ временъ, когда былъ уже въ дѣйствіи обыскъ, мы имѣемъ обнародованные судные списки дѣлъ, изъ коихъ видно, что обвиняемые въ поджогѣ и убійствѣ судились судомъ, а не обыскомъ, т. е. по правиламъ стараго обвинительнаго, а не новаго слѣдственнаго судопроизводства (Акты Юрид. изд. Ар. Ком. 1838 г., №№ 10 и 17). Правда, обнародованные судные списки слишкомъ скудны и малочисленны; но это доказываетъ только скудость нашей археографіи, но не можетъ поколебать защищаемой нами истины. Наконецъ, обнародованныя мировыя по такимъ преступленіямъ, какъ убійство, грабежъ и татьба, подтверждаютъ

тотъ фактъ, что объ руку съ новой системою уголовнаго суда и права долго существовала старая система, господствовавшая въ предыдущемъ періодѣ.

Трудно и едвали возможно во всей точности опредѣлить границу той и другой системы уголовнаго права и судопроизводства, такъ какъ обѣ онѣ переходили одна въ другую и взаимно переплетались. Можно однакожъ сказать, не рискуя впасть въ ошибку, что первоначально не было твердыхъ границъ, какъ потому, что обѣ эти системы были тѣсно связаны съ извѣстнымъ судоустройствомъ, которое объединялось очень медленно, такъ и потому, что въ это время, при еще недостаточномъ развитіи умѣнья издавать проникнутые одними началами законы, при нѣкоторой слабости правительственныхъ органовъ, новый порядокъ прививался медленно, а старый соотвѣтственно тому не вдругъ падалъ и уступалъ первому поле господства.

Изъ поводовъ, по которымъ изданы были губныя грамоты, вполнѣ очевидно, что обыскъ первоначально направленъ былъ противъ тѣхъ преступниковъ, которые занимались разбоемъ и воровствомъ, какъ ремесломъ, или, выражаясь технически, противъ *вѣдомыхъ лихихъ людей*. Это вполнѣ подтверждается и тѣмъ, что смертная казнь назначалась разбойникамъ и ворамъ главнымъ образомъ тогда, когда обыскные люди засвидѣтельствуютъ, что обвиняемый—вѣдомый лихой человѣкъ. Но разъ введенная мѣра, выражавшая притомъ знамя и стремленія быстро развивавшейся общегосударственной власти, не могла остаться въ одномъ и томъ же положеніи. Сами тогдашнія общественныя группы и частныя лица вѣроятно спѣшили ею воспользоваться. «*Шлются съ суда на обыскъ, и посылаютъ въ обыскъ, и въ обыскѣхъ многіе люди мутъ семьями и заговоры, иные говорятъ по ищеѣ, иные по отвѣтчикѣ*». «*А которые ищеи и отвѣтчики тяжутся предъ бояры и во всѣхъ приказѣхъ, а шлются въ обыскъ на многіе люди безъименно*». (А. И. т. I, № 154, V, ст. 1, 3). Разширеніе области примѣненія обыска шло такъ быстро, что скоро стали примѣнять его и въ гражданскихъ дѣлахъ. Итакъ, назначеніе въ извѣстномъ случаѣ обыска зависѣло не только отъ усмотрѣнія судей, но и тяжущихся, и слѣдовательно, по одному дѣлу обыскъ производился, по другому же, совершенно однородному, обыска не было; а изъ этого очевидно, что первоначальное примѣненіе обыска было дѣломъ болѣе факта, чѣмъ строгихъ юридическихъ опредѣленій.

Форма суда или обвинительный порядокъ судопроизводства примѣнялись въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) «*А приведутъ кого съ поличнымъ впервые, ино его судити, да послати про него обыскивати... А скажутъ въ обыску, что онъ добрый человѣкъ, иноодѣло вершити по суду*» (Судеб. 1550 г., изд. Тат., ст. 52; А. Э. т. I, № 257). 2) «*А на кого взмолвятъ дѣти боярскіе человѣкъ 10, или 15 добрые, или черныхъ людей добрыхъ крестьянъ и цѣловальниковъ человѣкъ 15 или 20 по крестному цѣлованію, что онъ татъ, а довода на него прежнихъ дѣлъ не будетъ у кого кралъ, или татбу пріималъ, ино на того судъ, а по суду чего доведется.*» (Тотъ же Суд. ст. 58). 3) «*А пошлются въ судѣ ищея или отвѣтчикъ въ слухѣ или въ обыскѣ и въ видѣніе и въ вѣдомо не на многихъ людей, человѣкъ на 5 или на 6 имянно, а про-*

тивъ того пошлется въ послушество, а вѣрити (въ сводномъ сп. спискѣ: вѣдати) *будетъ тѣмъ людемъ не мочно: и тѣми людми не обыскивати, а вершити дѣло по суду и по дѣлу, что положено на судѣ»* (А. И. т. I, № 154; Допол. ук. къ Судебн. V, ст. 7). 4) «*Взыщетъ кто великихъ грабежовъ,... и имъ въ томъ потому жъ сыскивати на крѣпко, а чего сыскъ не имѣтъ, и имъ въ томъ потому жъ присуживати цѣлованье съ жеребья. А кто взыщетъ пожеги или душегубства, или розбоя, или татбы..... а волостнымъ людемъ про то будетъ сыскати не мочно, и имъ въ тѣхъ дѣлѣхъ присуживати цѣлованья съ жребья*» (А. Э. т. I, № 257).—Итакъ, формою суда судились: а) тѣ обвиняемые, приводимые съ поличнымъ въ первый разъ, про которыхъ обыскные скажутъ, что они добрые люди; б) тѣ, которыхъ назоветъ татями небольшое число людей, не болѣе 20, а довода въ татьбѣ не представитъ; в) тѣ, которыхъ обвиняютъ ссылкою поименно на 5-ть и 6-ть человѣкъ, которымъ почему нибудь вѣрить было не возможно; г) и наконецъ тѣ, преступленіе которыхъ не было открыто сыскомъ, или не могло быть открыто, или противъ которыхъ была подана жалоба, но не послѣдовало просьбы объ обыскѣ. Изъ вышесказаннаго очевидно, что иногда обыскъ переходилъ въ судъ, а иногда судъ въ обыскъ. Нѣтъ сомнѣнія, что производство уголовныхъ дѣлъ слѣдственною или обвинительною формою, исключительно ли судомъ, или исключительно обыскомъ, или смѣшанною формою, зависѣло отъ свойства самаго преступленія, отъ обстоятельствъ его сопровождавшихъ, отъ желанія и доказательствъ обвинителя и отъ личности обвиняемаго. Обвиненіе въ тяжкомъ преступленіи не всегда влекло обыскъ и пытку; съ другой стороны, даже въ гражданскихъ дѣлахъ употреблялся обыскъ. Такимъ образомъ, какъ прежде слово *судъ* не обозначало собою только судъ гражданскій, а и уголовный, такъ теперь обыскъ не былъ равнозначителенъ съ словомъ *уголовный судъ*, въ нашемъ смыслѣ слова. Одно только можно сказать, что обыскъ былъ полнымъ выраженіемъ крѣпнувшей государственности, что онъ болѣе приличествовалъ уголовнымъ дѣламъ и къ нимъ часто примѣнялся, и что введеніе его тѣсно связано было съ перемѣнами относительно мѣръ предупрежденія.

§ 12. Въ связи съ изложенными двумя системами уголовнаго права и судопроизводства, совмѣстно существовавшими и дѣйствовавшими въ этомъ періодѣ, находились и два вида мѣръ предупрежденія: системѣ слѣдственнаго судопроизводства и уголовно-общественнаго права соотвѣтствовала *отдача за пристава;* съ системою обвинительнаго судопроизводства и частно-уголовнаго права тѣсно связана была *отдача на поруки.* Конечно, указавши на это соотвѣтствіе, мы не хотимъ сказать этимъ, чтобъ оно было абсолютное, недопускавшее исключеній; напротивъ, нѣтъ сомнѣнія, что при производствѣ дѣлъ по формѣ слѣдственной допускались поруки, и наоборотъ—отдача за пристава примѣнялась въ производствѣ формою суда. Притомъ же, такъ какъ развитіе и воплощеніе новой слѣдственной системы совершалось столько же путемъ закона, сколько и путемъ практики, и такъ какъ она выразилась въ самомъ законодательствѣ не вдругъ въ томъ стройномъ, строго опредѣленномъ и выведенномъ логически изъ

однихъ началъ видѣ, въ какомъ обыкновенно являются новѣйшія законодательныя системы, то, очевидно, и соотвѣтствовавшая ей мѣра предупрежденія—отдача за пристава—какъ нововведеніе не могла быть примѣняема всегда и вездѣ, въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ, съ строгою опредѣленностью и послѣдовательностью.

Подобно тому, какъ окрѣпнувшая общегосударственная власть не довольствовалась прежними понятіями о преступленіи, прежнею системою наказаній, и старыми правилами судопроизводства, а создала новые порядки, выражавшіе идею общаго—сознаніе необходимости энергической государственной дѣятельности,—она соотвѣтственно тому выдвинула и новую мѣру предупрежденія—отдачу за пристава, мѣру, болѣе стѣснительную и энергическую, чѣмъ поруки. Въ законодательныхъ памятникахъ предыдущаго періода, когда рѣчь идетъ о способахъ, которыми обезпечивается явка въ судъ, постоянно употребляются выраженія: *даетъ пристава*, *приставъ ѣздитъ и на поруки даетъ*, *дать на поруки и вельтъ поставить предъ нами*. Въ законодательныхъ памятникахъ этого періода, кромѣ того, встрѣчаются такія выраженія: «*и вы бъ тѣхъ розбойниковъ вѣдомыхъ межъ собя имали да обыскивали ихъ, и доведчи на нихъ и пытали на крѣпко*»; «*и вы бъ всѣ за одинъ за тѣми розбойниками ѣздили и имали ихъ безпенно*»; «*котораго татя поимаютъ и приведутъ къ вамъ*»; «*а кто у нихъ взворуется . . . и они того лихого поимавъ, да отдадутъ своимъ излюбленнымъ головамъ*». Такимъ образомъ, задержаніе, взятіе, поимка, приводъ,—вотъ первое дѣйствіе, которое въ слѣдственномъ судопроизводствѣ предшествовало разсматриваемой мѣрѣ предупрежденія. Правда, о задержаніи и приводѣ вора упоминается еще въ Русской Правдѣ (изд. Калачова, спб. Акад. ст. 38), когда господствовало во всей силѣ обвинительное судопроизводство; но, во первыхъ, тамъ они являются исключительно дѣломъ частнаго лица-домохозяина, а не лицъ, дѣйствующихъ по должности; во-вторыхъ, какъ исключительный случай, онъ не могъ повторяться часто.

Въ чемъ же собственно состояла отдача или, лучше, содержаніе за приставомъ? Чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ, мы приведемъ подлинныя выраженія законодательныхъ памятниковъ, которыя касаются этого вопроса, и затѣмъ сдѣлаемъ изъ нихъ выводъ. Въ первомъ и во второмъ Судебникахъ говорится: «*А пошлютъ котораго недѣльщика по татей и розбойниковъ, и ему татей и розбойниковъ имати безхитростно, а не наровити ему никому; а изымавъ ему татя, не отпустити, ни посула взяти; а опришныхъ ему людей не имати. А у котораго недѣльщика сидятъ тати. . . .*». «*А не явя тѣхъ людей*, сказано въ Судебникѣ 1550 г., *по коимъ поруки нѣтъ, судейскимъ людямъ къ себѣ не сводити и у себя ихъ не ковати... а кого... не явя... къ себѣ сведутъ, да у собя куютъ,... и у кого вымутъ градскаго или волостнаго человѣка скована, а имъ не явленна*» (ст. 70). «*А желѣзнаго*, говорится въ уставной двинской грамотѣ, *четыре бѣлки, только человѣка скуютъ, а не будетъ по немъ поруки*» (А. Э. т. I, № 13). Иванъ Ягановъ, взятый за доносъ, въ своей челобитной 1533 г. пишетъ: «*И нынѣ, государь,*

того сына боярскаго Якова Мещеринова и меня и моего человька, велѣли поковати и въ заточенье посадити и муку чинили желѣзную, какъ надъ лихими изменьники и розбойники... А сижу, государь, у третьяго пристава, въ великой нужной крѣпости» (А. И. т. I, № 136). Въ поручной записи по недѣльщикѣ 1568 г. говорится: «*И ему колодникомъ не наровити» «или его небреженьемъ колодникъ убѣжитъ»* (А. Юр. 1838 г., № 289); а въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику 1645—1648 г. сказано: «*Тать Филько Роговъ винился и сказалъ: сидячи онъ въ земскомъ приказѣ за приставомъ, изъ за пристава ходилъ красть по ночамъ»* (А. И. т. IV ст. VIII). Итакъ, очевидно, что отдача за пристава или сидѣнье за приставомъ состояло въ полномъ лишеніи свободы; сидѣвшіе у пристава были сковываемы, не только тогда, когда они были отдаваемы за пристава, какъ обвиняемые въ тяжкихъ преступленіяхъ, но и тогда, когда они терпѣли эту мѣру предупрежденія за неимѣніемъ порукъ: *а чрезъ поруку не ковати.* Можно думать, что сидѣвшіе за приставомъ мало того, что были заключаемы въ оковы, но въ то же время были забиваемы или сажаемы въ колоду, отъ чего произошло и слово колодникъ, которое, какъ и самое сажаніе въ колоду, очень долго держалось въ практикѣ и въ нашей юридической терминологіи. Нельзя опредѣленно сказать, въ какомъ помѣщеніи содержались отданные за пристава. Сидѣли ли они въ дворѣ или домѣ недѣльщика (какъ можно думать, если принимать слова Судебниковъ: «*А у котораго недѣльщика сидятъ тати*», «*а кого не явя къ себѣ сведутъ да у собя куютъ*»,—въ прямомъ, буквальномъ смыслѣ, или они содержались въ губной, земской избѣ, Земскомъ или Разбойномъ приказахъ, словомъ, въ помѣщеніи того суда, въ которомъ они судились, состоя только подъ надзоромъ и на отвѣтственности того пристава, за которымъ они считались,—какое заключеніе можно вывести изъ слѣдующихъ словъ дополнительныхъ статей къ Судебнику, составленныхъ въ XVII стол.: *сидячи онъ въ земскомъ приказѣ за приставомъ.* Нельзя ли предположить, что первоначально въ XVI стол., когда жизнь была проста и общественная служба еще носила отчасти печать частныхъ отношеній, отданные за пристава дѣйствительно содержались во дворѣ же пристава, и что эти послѣдніе, не имѣвшіе хорошихъ помѣщеній, стѣны которыхъ противодѣйствовали бы побѣгу, употребляли сажаніе въ колоду. Впослѣдствіи же времени, съ развитіемъ общественнаго порядка и съ строгимъ разграниченіемъ частной и общественной жизни, отданные за пристава помѣщались въ томъ приказѣ, въ которомъ они судились, состоя только на отвѣтственности пристава, которому они вручены были для береженья. Но такъ или иначе, во всякомъ случаѣ отдача за пристава, судя по дополнительнымъ средствамъ, съ нею соединеннымъ: оковамъ, колодамъ, содержанію въ тѣсномъ помѣщеніи (въ заточенье посадили,—какъ писалъ Ягановъ въ своей челобитной), нисколько не разнилась въ строгости отъ содержанія въ тюрьмѣ; разница между ними заключалась не въ различіи строгости, а въ различіи мѣста содержанія; отдача за пристава была мѣрою предупрежденія того общества, которое, еще не обладая средствами, чтобъ построить общія тюрьмы, довольствовалось силами и средствами отдѣльныхъ лицъ, ко-

торымъ поручало содержаніе обвиняемыхъ, а содержаніе въ тюрьмѣ выражало собою развитіе общественнаго благоустройства и государственныхъ силъ.

Послѣ сказаннаго, весьма важно знать, въ какихъ случаямъ и за какія преступленія обвиняемые въ періодъ Судебниковъ подвергались отдачѣ за пристава. Эта мѣра предупрежденія употреблялась:

1) Когда обвиняемый судился формою суда, въ важномъ ли или маловажномъ преступленіи—все равно, если онъ не могъ представить по себѣ порукъ: «*не явя тѣхъ людей, по комъ поруки нѣтъ, судейскимъ людемъ къ себѣ не сводити, и у собя ихъ не ковати*» (2-й Судеб. ст. 70); «*а пожелѣзнаго имати .., по комъ поруки не будетъ*» (А. Э. т., I № 357); «*а чрезъ поруку не ковати*» и (Гос. гр. дог. т. I, № 148, стр. 413, столб 1). Въ этомъ случаѣ въ Судебникѣ 1550 г. предписывается подъ страхомъ взысканія безчестья и двойной цѣны иска, чтобъ при взятіи къ себѣ обвиняемыхъ, за коихъ не оказалось порукъ, и прежде закованія ихъ въ желѣзо, намѣстничьи, волостелины и вообще судейскіе люди являли ихъ въ городахъ прикащикамъ городскимъ, дворскому, старостѣ и цѣловальникамъ, а въ волости старостѣ и цѣловальникамъ, которые обязаны присутствовать при отправленіи суда намѣстниками, волостелями и ихъ тіунами.

2) Всѣ тѣ обвиняемые въ тягчайшихъ и тяжкихъ преступленіяхъ, которые приведены или пойманы были съ поличнымъ, или которыхъ въ обыску назовутъ лихими людьми: «*а изымавъ ему* (недѣльщику) *татей и розбойниковъ не отпустити*» (А. И. т. I № 105, ст. 152. 2-й Суд. ст. 53); «*и они того лихого поймавъ да отдадутъ своимъ излюбленнымъ головамъ*» (А. Э. т. I, № 234, стр. 235 стол. 2; № 250, стр. 272 стол. 1-й); «*и вы бъ тѣхъ розбойниковъ вѣдомыхъ межъ собя имали, да обыскивали ихъ и доведчи на нихъ и пытали на крѣпко*» (ib. № 187, стр. 164, стол. 1-й); «*да которыхъ розбойниковъ на погонѣ поимаете съ поличнымъ съ розбойнымъ, или безполичнаго, а вѣдомаго розбойника*» (ib.).

3) Всѣ тѣ, на которыхъ воры и разбойники указываютъ, во время пытки, какъ на своихъ товарищей: «*и на кого на своихъ товарищевъ учнутъ которые розбойники пытаны говорити, что съ ними розбивали, или къ кому пріѣзжали... и вы бъ тѣхъ розбойниковъ имали жъ, да обыскавъ и доведчи и пытавъ накрѣпко, казнили жъ смертію*» (ib. стр. 164, стол. 2).

Выше мы сказали, что въ теченіе этого періода судъ или обвинительный процесъ переходилъ въ обыскъ и въ слѣдственный процесъ, и наоборотъ. Нѣтъ основанія думать, что каждый переходъ въ данномъ случаѣ перваго въ послѣдній сопровождался непремѣнно принятіемъ этой строжайшей мѣры предупрежденія. Въ первомъ Судебникѣ прямо говорится: «*дати его* (оговореннаго) *на поруку до обыску*»; «*а въ пѣзду своемъ дастъ* (недѣльщикъ) *на поруку до обыску, доколѣ дѣло не скончается*» (А. И. т. I, № 105, въ статьяхъ: о татиныхъ рѣчахъ и о недѣльщикахъ указъ). Въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику 1550 г. говорится объ обыскѣ по ссылкѣ истцовъ и отвѣтчиковъ, судящихся судомъ: «*А которые истцы и отвѣтчики тяжутся предъ бояры и*

во всѣхъ приказахъ, а имются въ обыскъ на многіе люди безъимянно» (ib № 154, V, ст. 3). Отъ исхода обыска зависѣло принятіе или непринятіе этой мѣры: если въ обыску облихуютъ обвиняемаго, то слѣдовало непремѣнно взятіе его и отдача за пристава и затѣмъ пытка и наказаніе. Такимъ образомъ, гдѣ дѣло доходило до пытки, тамъ неизбѣжно существовало и содержаніе за приставомъ; слѣдовательно, обыскъ не всегда былъ связанъ съ содержаніемъ за приставомъ и не всегда влекъ за собою эту мѣру предупрежденія, тогда какъ она была неразлучная спутница пытки. Можно также положительно сказать, что принятіе этой мѣры зависѣло не отъ свойства преступленія, взводимаго на обвиняемаго, а отъ свойства тѣхъ улинъ и тѣхъ способовъ доказательствъ, которыя были приводимы и употребляемы. Во всякомъ случаѣ, принятіе этой мѣры предупрежденія, если исключить неимѣніе поруки, поличное и облихованіе, зависѣло отъ усмотрѣнія судьи, и такъ какъ мы не находимъ строго опредѣленныхъ правилъ о принятіи этой мѣры, то нѣтъ сомнѣнія, что, при дальнѣйшемъ развитіи государственности и вмѣстѣ приказнаго порядка, объемъ ея примѣненія, сначала вѣроятно незначительный, съ каждымъ годомъ, съ каждымъ десятилѣтіемъ болѣе и болѣе увеличивался. При этомъ нельзя упускать изъ виду того, что примѣненіе ея увеличивалось также и съ расширеніемъ круга преступленій.

§ 13. Вторая мѣра предупрежденія, бывшая въ это время въ употребленіи—это прежнія поруки. Хотя, какъ мы уже сказали, поруки достигли полнаго развитія еще въ прежнемъ періодѣ, но только въ законодательныхъ памятникахъ нынѣшняго періода мы находимъ полное опредѣленіе этой мѣры предупрежденія.

Такъ какъ отдача на поруки была мѣрою предупрежденія, употребляемою преимущественно въ обвинительномъ процесѣ, то принятію ея всегда предшествовала подача челобитной. Вслѣдствіе подачи челобитной, давалась приставу приставная память, которая содержала повелѣніе отдать на поруки отвѣтчика, или обвиняемаго. Иногда, впрочемъ, вмѣсто приставной давалась зазывная грамота. Обыкновенно приставная начиналась такъ: «*Память приставу. Дать ему на поруки* такого-то». (А. Ю. изд. Калачева, №№ 55, 56). Требовалось непремѣнно, чтобы приставная была подписана дьякомъ, чтобы въ ней была означена сумма иска, и чтобы эта сумма не была меньше ѣзду, и чтобы дьякъ не подписывалъ приставныхъ безъ недѣльщика (А. И. т. I, № 105, подъ руб. о приставныхъ; Судебн. 1550 г., ст. 44). За поѣздку съ приставною недѣльщикъ получалъ пошлину, называвшуюся ѣздомъ, размѣръ которой зависѣлъ отъ количества верстъ; въ первомъ и во второмъ Судебникѣ изложена такса ѣздовъ отъ Москвы до разныхъ городовъ (ib. подъ рубр. указъ о ѣзду; 2 ой Судебн., ст. 45 и 46). По пріѣздѣ въ городъ или волость, недѣльщикъ обязанъ былъ явить приставную намѣстнику или волостелю, и если имъ были подсудны какъ истецъ, такъ и отвѣтчикъ, то съ отдачею на поруки онъ обязанъ былъ назначить срокъ, въ который они должны стать на судъ (ib. статья) указъ намѣстникомъ о судѣ город.; 2-ой Судебн. ст. 48). Если истецъ подсуденъ былъ одному судьѣ, а отвѣтчикъ другому, то истецъ являлся къ своему судьѣ, бралъ у него сторожа и

съ нимъ отправлялся просить пристава къ судьѣ противной стороны, который и посылалъ своего пристава съ приставною (2-ой Судебн. ст. 30). Отдача на поруки состояла въ томъ, что нѣсколько лицъ, число которыхъ не было опредѣлено, ручались въ томъ, что ручаемый или явится въ судъ въ назначенный срокъ, или что онъ будетъ являться по вся дни. Взятіе и отдача на поруки всегда облекались въ актъ, который писался отъ имени поручниковъ: «*Се язъ* такой-то и такой-то *поручилися есми*». Ручались поручники тому приставу, который отдавалъ на поруки: «*поручилися есми Углецкому пушкарю Васькѣ Калитину*» (А. Ю. изд. 1832 № 307, IV). Ручавшіеся брали на себя отвѣтственность за неявку ручаемаго или въ опредѣленный срокъ, или по вся дни: «*А буде онъ* (ручаемый) *за нашею порукою по вся дни къ суду ставитца не станетъ, и на насъ на порутчикахъ исцовъ искъ весь сполна*»; или: «*а на насъ на порутчикахъ пеня, а пени что великій государь укажетъ*»; или: «*и мы порущики въ его* (слѣдуетъ имя ручаемаго) *мѣсто*»; иногда, кромѣ того, прибавлялось: «*и наши порутчиские головы вмѣсто его* (имя ручаемаго) *голову*» (ib. № 307, I, II, III, IV, VI). Актъ оканчивался: «*на то послухъ такой-то, а поручную запись писалъ такой-то*». Затѣмъ слѣдовала подпись поручниковъ: «*такой-то къ статьѣ къ суду ручалъ и руку приложилъ*» (ib). Въ нѣкоторыхъ грамотахъ этого періода встрѣчается предписаніе: «*безъ старосты и безъ лутчихъ людей недѣльщику* (намѣстника) *на поруки крестьянъ не давати*» (А. И. т. I, № 125). Это предписаніе является общимъ правиломъ въ статьяхъ о святительскомъ судѣ 1551 г.: «*А митрополичьимъ недѣльщикомъ ѣздити, съ приставными... а давати на поруку поповъ и діаконовъ и всѣ причты церковные передъ священники десятцкими; а безъ священниковъ десятцкихъ на поруку ихъ не давати*». «*А по мірскихъ людей, отъ жалобниковъ, во всякихъ дѣлѣхъ ѣздити недѣльщикомъ съ приставными... а давати ихъ на поруку передъ земскими старостами или передъ десятцкими*» (А. И. т. I, № 155, стр. 279, 1-й стол.). Держались ли этого предписанія какъ общаго правила и во всѣхъ судахъ—опредѣленно отвѣчать на этотъ вопросъ нельзя. Но судя потому, что въ это время намѣстники и волостели судили въ присутствіи старостъ и лучшихъ людей, что недѣльщики ихъ не могли, при неимѣніи порукъ, брать и ковать подсудимыхъ, не заявивъ объ этомъ представителямъ общины, можно сдѣлать предположеніе, что запрещеніе давать на поруки безъ старостъ и лучшихъ людей было общимъ правиломъ.

Отдача на поруки имѣла еще очень обширное примѣненіе въ уголовномъ судѣ этого періода. Съ достовѣрностью можно сказать, что въ началѣ этого времени первенство принадлежало этой мѣрѣ предупрежденія и что только подъ конецъ, упадающій на первую четверть XVII стол., преобладаніе получаетъ отдача за пристава и затѣмъ заключеніе въ тюрьму. Въ этомъ періодѣ поруки примѣнялись въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) При спеціальномъ производствѣ уголовныхъ дѣлъ формою суда. Изъ уголовныхъ дѣлъ по правиламъ этого процеса въ это время, главнымъ обра-

зомъ, производились дѣла по обвиненіямъ въ побояхъ, грабежахъ и ругательствахъ. Я употребилъ слово *главнымъ образомъ* въ томъ смыслѣ, что другая форма процесса рѣдко примѣнялась къ этимъ тремъ преступленіямъ.

2) При смѣшанномъ производствѣ, когда слѣдственный процесъ не шелъ далѣе обыска, если притомъ не было ни языковъ, т. е. оговора со стороны пойманныхъ и пытанныхъ преступниковъ, ни облихованія, то есть названія обыскными лихимъ человѣкомъ. Въ этомъ случаѣ порука примѣнялась по обвиненіямъ въ самыхъ тяжкихъ преступле іяхъ (Доп. къ А. И. № 51, грамоты по суднымъ дѣламъ: въ воровствѣ—IV, въ грабежѣ, поджогѣ и побояхъ—V, VIII).

3) Когда примѣненіе слѣдственнаго процеса было почему нибудь невозможно и дѣло производилось формою суда, несмотря на тяжесть преступленій. Это бывало тогда, когда обвиненіе въ тяжкомъ преступленіи исходило отъ частнаго лица, которое не могло сослаться на обыскъ или ссылка котораго на обыскъ не могла почесться основательною. Въ этихъ случаяхъ отдавались на поруки обвиняемые въ убійствѣ, разбоѣ, поджигательствѣ и воровствѣ. Это подтверждается словами Судебниковъ: «*А къ полю пріѣдутъ окольничій и діакъ и имъ спросити истцовъ и отвѣтчиковъ, кто за ними стряпчіе и поруки*». Такъ какъ поединокъ былъ однимъ изъ способовъ доказательствъ, къ которому прибѣгали для подтвержденія и упомянутыхъ преступленій, то очевидно, что отдача на поруки примѣнялась и къ обвиняемымъ въ этихъ преступленіяхъ. Конечно, случаи примѣненія «*поля*», а слѣдов. и порукъ, въ разбоѣ, душегубствѣ, поджогѣ, въ теченіе первой половины XVI в. были несравненно чаще, чѣмъ во второй, когда обыскъ силою правительственной дѣятельности и благодаря желанію самихъ тяжущихся получаетъ преобладаніе уже вскорѣ послѣ изданія втораго Судебника, какъ можно заключить изъ дополнительныхъ статей къ нему 1555 г., въ которыхъ поле почти замѣнено обыскомъ.

4) Наконецъ, отдача на поручи, помимо случаевъ, исчисленныхъ въ предыдущихъ трехъ рубрикахъ, примѣнялась въ важныхъ преступленіяхъ, преимущественно въ воровствѣ, а иногда и въ разбоѣ, по усмотрѣнію судей. Это мы утверждаемъ на томъ основаніи, что въ теченіе всего XVI стол. идетъ рядъ данныхъ разнымъ учрежденіямъ грамотъ, въ которыхъ судъ по дѣламъ о воровствѣ предоставленъ симъ учрежденіямъ на прежнихъ основаніяхъ. Въ двухъ грамотахъ начала XVII стол., въ которыхъ предоставляется монастырямъ судъ за исключеніемъ не только душегубства, но даже и татьбы и разбоя, говорится: «*Въ лихихъ дѣлахъ, татбахъ и розбояхъ, по монастырскихъ людей и по крестьянъ ѣздитъ недѣльщикъ съ записями и на поруки даетъ безсрочно*» (А. И. т. II., №№ 119 и 120). «*А котораго татя*, говорится въ Судебникѣ 1497 г., *дадутъ на поруку, въ каковъ дѣлъ небуди, и имъ* (недѣльщикамъ) *исцовъ и отвѣтчиковъ не воложити, а ставити ихъ передъ судьями.*» «*А у котораго недѣльщика*—слова перваго и втораго Судебниковъ—*сидятъ тати, и ему татей на поруку безъ доклада не дати*». Изъ приведенныхъ выраженій ясно видно, что вообще отдача на поруки въ воровствѣ была обыкновенное явленіе, и что допущеніе ея предостав-

лено было усмотрѣнію только судьи, а не пристава (А .Э. т. I. № 105, ст.: указъ о недѣльщикахъ; 2-й Судеб. ст. 54).

Нельзя пройти молчаніемъ трехъ особенныхъ видовъ отдачи на поруки, которые примѣнялись въ этомъ періодѣ: а) отдачи на поруки истца, какъ обязаннаго явиться въ назначенное время въ судъ; б) отдачи на поруки третьяго, обязаннаго сыскать и представить къ суду обвиняемаго; в) наконецъ. отдачи обвиняемаго, неоправданнаго судомъ, на поруки въ добромъ поведеніи, Хотя эти три вида порукъ—особенно третій—только отчасти касаются избраннаго нами вопроса, но, для уясненія его, мы считаемъ нелишнимъ коснуться вкратцѣ каждаго изъ нихъ

Отдача на поруки истца, также какъ и отвѣтчика, имѣла примѣненіе въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло судилось великимъ княземъ, или къ нему переходило, какъ въ высшую инстанцію. «*А будетъ розбой, или татба съ поличнымъ и волостели мои нерехтскіе и ихъ тіуни велятъ дати обоихъ истцовъ на поруку да поставятъ предо мною Великою Княгинею и съ поличнымъ и язъ В. К. упр ву учиню сама*» (А. Э. т. I, № 99, см. также № 75; Доп. къ А. И. т. I, №№ 17, 193). Приведенныя слова грамоты показываютъ, что этого рода отдача на поруки была въ употребленіи еще въ прежнемъ періодѣ; она сохранила полную силу въ разсматриваемое нами время (Доп. къ А. И. т. I, № 51, I, V, VII, XXIII; А. И. т. I. № 211) и перешла въ XVII стол., потерпѣвъ измѣненіе не столько въ существѣ, сколько въ формѣ. Изъ этой именно поруки образовалась такъ называемая въ законодательныхъ памятникахъ этого періода порука: «*посль суда*», а въ законодательныхъ памятникахъ слѣдующаго порука: «*съ суда*».

Отдача на поруки третьяго, непричастнаго къ дѣлу, съ тѣмъ, чтобы это третье лицо добыло и поставило обвиняемаго, вошла въ употребленіе въ настоящемъ періодѣ, а полное, широкое развитіе она получила въ слѣдующемъ, по связи съ тѣмъ учрежденіемъ, которому она обязана своимъ происхожденіемъ. Этотъ видъ порукъ состоялъ въ томъ, что отдавались на поруки помѣщики съ обязанностью поставить живущихъ за ними людей: «*А тѣхъ князей и дѣтей боярскихъ, чьи люди, давати на поруки, что имъ тѣхъ людей добывъ предъ нимъ* (губнымъ старостою) *поставитъ*» (А. Э. т. I, № 330; см. также № 281. Такъ какъ въ XVII ст. крѣпостное право получило большее развитіе, то этотъ видъ отдачи на поруки, какъ увидимъ ниже, превратился во взятіе въ тюрьму невинныхъ крестьянъ того помѣщика, за которымъ жилъ обвиняемый. Къ разсматриваемому нынѣ виду поруки слѣдуетъ причислить *и наметываніе* убѣжавшихъ лихихъ людей или на сосѣдей: «*наметывать на тѣхъ людей въ посадѣхъ, кто съ кѣмъ въ одной улицѣ и въ станѣхъ и въ волостехъ, кто съ кѣмъ въ одной деревни живетъ*» (А. Э. т. I, № 234); или на выборныхъ

должностныхъ лицъ: «*взметывати на тыхъ сотцкихъ и на пятидесятцихъ и на десяцкихъ, въ которой сотной тотъ человѣкъ живетъ*» (ib. № 250 стр. 272, 2-й стол.).

Отдача на поруки въ добромъ поведеніи имѣла самое широкое примѣненіе главнымъ образомъ въ отношеніи къ тѣмъ подсудимымъ, которыхъ въ обыскѣ одобрятъ, или не представятъ довода въ воровствѣ: «*а назовутъ его добрымъ человѣмъ, ино его дати на крѣпкую поруку*» (2-й Судебн. ст. 56). Въ этомъ случаѣ отдавали на поруку обыскнымъ людямъ, одобрившимъ обвиняемаго (А. И. т. III, № 167, стр. 215). При неимѣніи порукъ, такого человѣка заключали въ тюрьму: «*а не будетъ по немъ поруки, ино его вкинути въ тюрьму, доколѣ по немъ будетъ порука крѣпкая*» (ib). Нѣтъ сомнѣнія, этого рода порука образовалась изъ поруки процесуальной и въ сущности есть преобразованная порука тѣхъ, которые нѣкогда ручались во время суда своими головами за явку обвиняемаго и за исправную уплату имъ виръ, продажъ, иска и тѣхъ убытковъ.

§ 14. Въ этомъ періодѣ сроки не потеряли своего прежняго значенія. Съ введеніемъ обыска и пытки, словомъ —формъ слѣдственнаго судопроизводства, область ихъ примѣненія должна была только съузиться. Очевидно, иманіе, приводъ, отдача за пристава, пытка были несовмѣстны съ сроками. Поэтому, насколько примѣненіе порукъ сократилось въ виду расширенія отдачи за пристава, настолько и область употребленія сроковъ уменьшилась. Можно думать, что сроки не имѣли примѣненія и въ томъ случаѣ, когда обвиняемый въ преступленіяхъ былъ отдаваемъ на поруки, но дѣло производилось слѣдственнымъ или слѣдственно-обвинительнымъ порядкомъ судопроизводства. «*Которые дѣти боярскіе и ихъ люди и крестьяне учнутъ на крестьянъ* (Хутынскаго мон.) *имати приставовъ въ управныхъ дѣлехъ, въ какихъ нибуди, опричь разбоя и татбы съ поличнымъ, и тѣ приставы чинятъ имъ два срока въ году*» (Доп. къ А. И. т. I, № 228). «*А въ лихихъ дѣлахъ*, говорится въ грамотѣ 1623 г. Суздальскому Покровскому мон., *въ татбахъ и разбояхъ, по монастырскихъ людей и крестьянъ пздитъ недѣльщикъ съ записьми и на поруки даетъ ихъ безсрочно*» (А. Н. т. III, №№ 119 и 120). Вѣроятно, въ этомъ случаѣ поручители этого періода, подобно поручителямъ слѣдующаго, обязывались, чтобы ручаемый ими являлся на судъ «*по вся дни*», «*на всякъ день до вершенья*», «*какъ его власти спросятъ... и поручикамъ его поставить*»; словомъ, вѣроятно, отсюда можно считать началтой общей отмѣны сроковъ, которая, какъ увидимъ ниже, послѣдовала съ изданіемъ Соборнаго Уложенія. Напротивъ, при производствѣ уголовныхъ дѣлъ обвинительнымъ порядкомъ сроки сохранили прежнее свое значеніе; можно думать, что въ этомъ случаѣ отдача на поруки съ обязанностью явиться на извѣстный срокъ имѣла примѣненіе къ обвиняемымъ въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, пока держалась еще во всей чистотѣ старая форма обвинительнаго судопроизводства, извѣстная подъ именемъ суда, съ поединкомъ, жребіемъ и присягою. Такъ

новгородскій намѣстникъ князь Палецкій, по обвиненію однимъ крестьяниномъ другаго «*въ бою и грабежу*», назначилъ имъ «*поле*», съ тѣмъ, чтобы они стали «*у поля какъ минетъ коломенская служба, мьсяцъ ушедъ*» (Доп. къ А. И. т. I, № 51, XXV). Въ грамотахъ этого періода, также какъ и предыдущаго, постоянно встрѣчаются постановленія о срокахъ; въ рѣдкой грамотѣ о нихъ не упоминается. Эти сроки двухъ родовъ: одни вольные, которые были назначаемы для каждаго даннаго случая; «*и онъ, данный приставъ, ихъ на поруки даетъ и сроки чинитъ предъ меня предъ великаго князя*»—это обыкновенное ихъ опредѣленіе А. И. т. I, №№ 119, 125); сроки эти въ княжескихъ грамотахъ встрѣчаются рѣдко; зато почти въ каждой грамотѣ, которая давалась митрополитами и архіепископами монастырямъ и церквамъ, содержится предписаніе, что въ дѣлахъ духовныхъ «*даютъ на поруку и срокъ чинятъ всегды, безурочно, какъ ся прилучитъ, за неже то на него вина духовная*» (А. И. т. I, №№ 150, 233). Другіе сроки—разъ навсегда опредѣленные въ году, и ихъ-то, судя по постоянному о нихъ упоминанію, можно считать общимъ правиломъ. Въ XVI столѣтіи обыкновенно назначался или одинъ срокъ въ году или два; если одинъ, то этимъ срокомъ преимущественно было Рождество Христово, или Крещенье; если два, то всего чаще они упадали на Крещенье и на Петровъ постъ, или на день Петра и Павла. Въ XVII столѣтіи чаще встрѣчаются три срока: Рождество, Троицынъ день и Семенъ день лѣтопроводца (1 сентября). Иногда въ грамотахъ указываются поводы ихъ установленія въ родѣ слѣдующихъ: «*чтобъ имъ въ томъ продажъ и поклеповъ напрасныхъ не было*» (А. И. т. I. № 184); «*для того, что то мьсто дальное*» «*суда не давати для пашеннаговремени*» (А. И. т. III, №№ 92, XXIII стр. 111, 95 стр. 129, стол. 2). Должно, впрочемъ, замѣтить, что разъ навсегда опредѣленные въ году сроки назначаются для отдачи на поруки къ явкѣ на судъ намѣстниковъ или великаго князя. Постановленія объ этихъ срокахъ всегда слѣдуютъ послѣ такихъ и подобныхъ сему словъ: «*Кому будетъ до ихъ поповъ и до людей, и до крестьянъ каково дѣло, и тому шлетъ моего царскаго даннаго пристава.... и сужу азъ царь и великой князь*» (А. И. т. I, № 188). Очевидно, что эти сроки имѣли также примѣненіе въ такъ называемомъ вобчемъ судѣ, такъ какъ въ этомъ случаѣ давалъ на поруки чужой приставъ. Но дѣйствовали ли они въ судѣ чисто мѣстномъ, когда, напримѣръ, судилъ монастырскихъ крестьянъ игуменъ—на этотъ вопросъ опредѣленно отвѣчать невозможно. Если судить по молчанію объ этомъ законодательныхъ памятниковъ и по близости, въ большей части случаевъ, мѣста суда къ подсудимымъ,—можно думать, что они вообще въ мѣстномъ судѣ не примѣнялись. Съ другой стороны, основываясь на томъ, что судные сроки этого рода есть стародавнее учрежденіе, нельзя ли предположить, что если они не были здѣсь постояннымъ правиломъ въ это время, то все-таки они допускались. Истецъ и отвѣтчикъ по обоюдному согласію имѣли право отложить явку въ судъ: «*а похотятъ оба истца, ищея и отвѣтчикъ, срокъ отписати*» (2-й Судеб. ст. 41). За это они должны были только заплатить пошлины, развѣ бы они сдѣлали отсрочку ради царской службы. Могъ отписать сроки и одинъ изъ тяжу-

щихся, но въ такомъ случаѣ онъ платилъ самъ пошлины и волокиту. Судя по тому, что сроки какъ вольные, такъ и разъ навсегда опредѣленные, были установлены въ видахъ выгодъ тяжущихся,—можно думать, что отписка допускалась для тѣхъ и другихъ.

Институтъ приставовъ въ этомъ періодѣ получилъ еще болѣе опредѣленности. И такъ какъ въ этомъ періодѣ примѣнялись двѣ мѣры предупрежденія, то и обязанности приставовъ усложнились: однихъ обвиняемыхъ они отдавали на поруки, другихъ они содержали въ кандалахъ подъ непосредственнымъ своимъ надзоромъ. Все, что мы сказали о данныхъ и особыхъ каждаго вѣдомства приставахъ выше, при изложеніи законовъ перваго періода,—существовало и поддерживалось и въ нынѣшнемъ. Но въ нынѣшнемъ періодѣ, съ усиленіемъ общегосударственной власти институтъ приставовъ, вмѣстѣ съ другими административными и судебными органами, какъ мѣстными, такъ и центральными, получилъ лучшую организацію. Пристава въ первомъ и во второмъ Судебникѣ называются недѣльщиками; это имя они носили потому, что исполняли обязанность ѣздить и на поруки давать—понедѣльно: «*ему за нашею порукою новгородцкія недѣли дѣлати*» (Юр. А. изд. 1838 г., № 289); «*а какъ недѣльщикъ изъ недѣли выдетъ*» (Суд. 1550 г. ст. 47) — выраженія это подтверждающія. Въ первомъ Судебникѣ недѣльщики носятъ еще тотъ полу-частный, полуобщественный характеръ, которымъ въ прежнемъ періодѣ отличалось все управленіе. Они ѣздили и на поруки давали или сами, или посылали своихъ племянниковъ и своихъ людей; посылать посторонниихъ имъ запрещалось (А. И. т I, № 105, ст. о недѣльщикахъ указъ). Напротивъ, во второмъ Судебникѣ имъ уже не дозволяется посылать съ приставными своихъ людей (2-й Судеб. ст. 47; А. Э. т. I. № 274, поручная 1567 г. по недѣльщикѣ, въ которой говорится: «съ записьми людей своихъ и племянниковъ не посылати»): они имѣли право посылать только такъ называемыхъ *ѣздоковъ*, или *заговорщиковъ*, т. е. тѣхъ людей, съ которыми они заключили условіе—совмѣстно и подъ своимъ надзоромъ и руководствомъ исполнять обязанности пристава, и которые притомъ были предъявлены дьякамъ, состоящимъ у кормленій, и записаны въ книги, «*для того, чтобы ся недѣльщики своихъ заговорщиковъ и ѣздоковъ не отпирали*» (Судеб. ст. 47). Такихъ ѣздоковъ или заговорщиковъ каждый недѣльщикъ имѣлъ право держать не болѣе семи; каждый заговорщикъ могъ ѣздить только отъ того недѣльщика, съ которымъ онъ состоялъ въ заговорѣ, подъ угрозою за нарушеніе этого быть наказаннымъ кнутомъ. За всѣ убытки, которые ѣздокъ причинитъ своими противозаконными дѣйствіями, отвѣчаетъ его недѣльщикъ. Въ обезпеченіе же исправнаго исполненія недѣльщикомъ его обязанностей и возможности взысканія убытковъ, если бы таковые произошли отъ его дѣйствій, за недѣльщика, при вступленіи имъ въ должность, ручались нѣсколько человѣкъ постороннихъ, въ томъ, что «*ему за нашею порукою, недѣли дѣлати въ правду, по цареву крестному цѣлованію, посуловъ и поминокъ не имати, и корчмы и бледни и татбы, и зернщиковъ и подметчиковъ и татей у собя*

не держати, и колодникомъ не наровити, а истцовъ и отвѣтчиковъ не волочити». Въ случаѣ нарушенія недѣльщикомъ указанныхъ обязательствъ, поручители соглашались подвергнуться пени, что государь укажетъ, взысканію исцовыхъ исковъ и судныхъ пошлинъ, словомъ—соглашались, чтобы были *ихъ поручниковы головы въ его головы мѣсто и животы въ его животовъ мѣсто* (А. Ю. изд. 1838 г., № 289; А. Э. т. I, № 274).

Изъ всего сказаннаго въ этой главѣ мы сдѣлаемъ въ заключеніе слѣдующіе выводы:

а) Объ руку съ старымъ бытомъ, отличавшимся прежде большою независимостью общественныхъ единицъ и рознью, возобладало въ этомъ періодѣ государственное начало, какъ дѣятель единенія во всѣхъ областяхъ общественной жизни.

б) Въ дѣлѣ правосудія государственное начало выразилось централизаціею уголовнаго суда и возвышеніемъ его на степень дѣла общественнаго, стоящаго выше расчетовъ частныхъ лицъ и мелкихъ общественныхъ единицъ.

в) Явившись въ отправленіи уголовнаго суда представителемъ цѣлаго, государственная власть заявила энергію въ преслѣдованіи и строгость въ наказаніи преступниковъ, а энергія преслѣдованія и усилившаяся строгость наказаній не могли не сопровождаться соотвѣтственнымъ усиленіемъ строгости и энергіи мѣръ предупрежденія; выраженіемъ такого усиленія и явилась отдача за пристава.

г) Эта мѣра не была установлена какимъ-нибудь опредѣленнымъ закономъ; она явилась въ жизни сама собою, какъ спутникъ общественныхъ перемѣнъ, какъ близкій переходъ отъ другой мѣры: отдачи на поруки. Тотъ же самый приставъ, который прежде отдавалъ на поруки обвиняемыхъ, теперь сталъ брать ихъ и держать ихъ подъ своимъ присмотромъ.

д) Такъ какъ отдача за пристава возникла путемъ практики, то другая мѣра предупрежденія: отдача на поруки, представительница порядка господствовавшаго въ первомъ періодѣ, имѣла въ началѣ этого періода обширный кругъ примѣненія; расширеніе области примѣненія первой мѣры предупрежденія и съуженіе второй шло незамѣтно путемъ жизни; законъ закрѣплялъ то, что было сдѣлано жизнью.

е) Вслѣдствіе того, что расширеніе примѣненія отдачи за пристава и съуженіе употребленія поруки были дѣломъ жизни, а не принципіальныхъ законовъ, происходитъ ясность и точность границъ ихъ примѣненія. Указанный способъ происхожденія мѣръ предупрежденія и отсутствіе твердыхъ правилъ ихъ примѣненія были, какъ увидимъ въ слѣдующихъ главахъ, и причиною развитія излишней строгости этихъ мѣръ и отсутствія правомѣрности въ ихъ примѣненіи.

ГЛАВА III.

Время Соборнаго Уложенія.

§ 15. Общій характеръ уголовной юстиціи этого времени.

§ 16. Тюремное заключеніе, какъ мѣра предупрежденія; случаи ея примѣненія; общественные органы, ее примѣнявшіе; формальности, которыя сопровождали ея примѣненіе.

§ 17. Начало накопленія тюремныхъ сидѣльцевъ и долговременнаго ихъ содержанія; законодательныя мѣры противъ этого; мѣста заключенія и дополнительныя средства предупрежденія; устройство тюремъ въ XVII столѣтіи и способы содержанія ихъ.

§ 18. Отдача за пристава; мѣста и способы содержанія подвергавшихся этой мѣрѣ.

§ 19. Поруки.—Общій выводъ.

---

§ 15. Начала, получившія силу въ XVI вѣкѣ въ государственномъ устройствѣ вообще и въ уголовномъ правѣ и судопроизводствѣ въ особенности, прогрессивно усиливались и завоевывали поле дѣйствія въ XVII столѣтіи. Въ этомъ періодѣ въ области законодательства перемѣна произошла не въ началахъ, а только въ объемѣ и энергіи ихъ примѣненія.

Въ концѣ XVI столѣтія исчезли послѣдніе остатки удѣльной розни. Въ началѣ XVII столѣтія, среди послѣдней борьбы стараго порядка, общегосударственное начало показало свою мощь и выиграло побѣду. Результаты этой побѣды въ области законодательства обнаружились скоро, но полнымъ выраженіемъ ея было Соборное Уложеніе 1649 года и новоуказныя статьи.

Въ XVI столѣтіи дѣятелемъ общегосударственной власти, сознавшей свою обязанность преслѣдовать преступленія и преступниковъ независимо отъ расчетовъ частныхъ лицъ, явились губные старосты. Въ XVII столѣтіи развивается еще болѣе могущественный органъ государственной власти—это воеводы. Правда, начало появленія воеводъ относится еще къ XVI столѣтію; правда, воеводы были преемниками власти намѣстниковъ. Но, во первыхъ, этотъ органъ власти только въ XVII столѣтіи дѣлается общимъ, и подъ конецъ столѣтія въ уголовномъ судоустройствѣ совершенно замѣняетъ губныхъ старостъ; во-вторыхъ, воеводы являются выразителями вполнѣ сложившейся единодержавной власти царей московскихъ, тогда какъ цвѣтущее время учрежденія старыхъ намѣстниковъ современно удѣльному періоду.

Хотя и въ XVII столѣтіи еще даваемы были несудимыя грамоты монастырямъ и духовнымъ властямъ, но или въ нихъ дѣлается постоянное исключе-

ніе душегубства, татьбы и разбоя изъ подсудности этихъ учрежденій, или право уголовнаго суда въ полномъ объемѣ дается въ видѣ особеннаго исключенія. Право такого суда въ домовой патріаршей отчинѣ дано было въ послѣдній разъ патріарху Никону съ слѣдующею оговоркою: «*а иным патріаршим и властелинскимъ и монастырскимъ общинамъ то наше жалованье не въ образецъ*» (А. И. т. IV, № 73, 1653 г.). Но и эта привиллегія не долго оставалась: послѣ паденія Никона на практикѣ ее не уважали, какъ видно изъ жалованной грамоты патріарху Іосафу 1670 г., въ которой уже дѣлается исключеніе изъ патріаршей подсудности душегубства, татьбы и разбоя (ib. № 215, стр. 460, стол. 1-й). Притомъ, если въ грамотахъ этого столѣтія исключаются изъ подсудности только убійство, разбой и воровство, то это еще не значитъ, что только эти преступленія были дѣйствительно исключены. О нихъ однихъ упоминается потому, что несудимыя грамоты этого столѣтія были повтореніемъ подобныхъ же грамотъ того времени, когда еще не окрѣпшая общегосударственная власть только заботилась о преслѣдованіи этихъ трехъ преступленій: такимъ образомъ, въ этихъ грамотахъ повторяется старая формула, хотя смыслъ жизни измѣнился. Преступленія, неизвѣстныя удѣльному періоду, какъ-то: государственныя, противъ порядка управленія, противъ правъ казны и т. п., въ этихъ грамотахъ хотя и не упоминаются, однако были изъяты изъ подсудности. Подъ конецъ этого столѣтія несудимыя грамоты и вовсе исчезаютъ и выходятъ изъ употребленія. Такимъ образомъ, въ этомъ столѣтіи государство окончательно сосредоточило въ своихъ рукахъ уголовный судъ.

Слѣдственное начало въ производствѣ уголовнаго суда получаетъ въ XVII столѣтіи рѣшительный перевѣсъ; обвинительное уцѣлѣваетъ только въ обломкахъ. Вмѣненіе въ обязанность губнымъ старостамъ и воеводамъ, сотскимъ, пятидесятскимъ и десятскимъ и даже частнымъ лицамъ, «беречи а крѣпко», чтобы не было преступниковъ, а если они объявятся, то ихъ «имать», «приводить», «обыскивать всякими обыски», угроза наказаніемъ обысканнымъ за скрытіе преступника,—даютъ обширный просторъ примѣненію слѣдственнаго начала. Если же взять во вниманіе, что въ этомъ столѣтіи матеріальныя средства государственной власти получаютъ обширное развитіе, что личный составъ правительственныхъ органовъ увеличивается, и приказное начало получаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ началомъ самоуправленія общиннаго; если, съ другой стороны, не забывать и того, что обвинительное начало, удержанное хотя въ законѣ, лишено было твердыхъ гарантій,—то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что примѣненіе слѣдственнаго начала въ этомъ столѣтіи болѣе и болѣе расширялось и подъ конецъ столѣтія почти вытѣснило начало обвинительное.

Примиреніе по уголовнымъ преступленіямъ было запрещено: «*И тотъ ихъ миръ ставити не въ миръ и розбойникомъ указъ чинити по государеву указу, кто чего доведется*» (Улож. гл. XXI, ст. 31; А. Э. т. II, № 225, стр. 391, стол. 1-й).

Число преступленій, которыя общегосударственная власть стала преслѣдовать въ этомъ періодѣ съ особенною энергіею, значительно возросло. Кромѣ государственныхъ преступленій, убійства, разбоя, воровства, поджога,—власть особенно озабочена была въ этомъ столѣтіи преслѣдованіемъ бѣгства холоповъ и крестьянъ, корчемства, раскола, поддѣлки монеты и мн. др.

Такимъ образомъ, какъ выше было сказано, въ этомъ періодѣ общегосударственное начало въ уголовномъ правѣ и судопроизводствѣ заявило себя еще съ большею энергіею, чѣмъ прежде, и вытѣснило окончательно вмѣшательство частныхъ интересовъ.

Проявленіе рѣшительнаго возобладанія государственнаго начала легко замѣтить и въ развитіи мѣръ предупрежденія. Къ мѣрамъ, бывшимъ въ употребленіи въ двухъ прежнихъ періодахъ: отдачѣ за пристава и порукамъ,—въ разсматриваемое время присоединяется содержаніе въ тюрьмѣ. Итакъ, мы разсмотримъ примѣненіе каждой изъ этихъ мѣръ въ отдѣльности, начиная съ содержанія въ тюрьмѣ.

§ 16. Тюремное заключеніе, какъ мѣра предупрежденія, встрѣчается въ нашихъ законодательныхъ памятникахъ раньше Соборнаго Уложенія: оно начало входить въ практику еще въ прошедшемъ столѣтіи (А. Э. т. I, № 331, стр. 398, стол. 1-й), но сдѣлалось общеупотребительною мѣрою только въ первой половинѣ XVII столѣт.

Нельзя согласиться съ высказаннымъ въ нашей юридической литературѣ предположеніемъ, что тюремное заключеніе, какъ мѣра предупрежденія, примѣнялось въ это время только къ тѣмъ преступникамъ, которые сознались въ своемъ преступленіи и надъ которыми притомъ произнесенъ уже приговоръ *). Что мѣра эта примѣнялась съ самаго начатія суда, — это не подлежитъ сомнѣнію. Такъ, по чердынскому нерѣшенному дѣлу въ 1639 году сидѣлъ 21 человѣкъ болѣе году въ тюрьмѣ, и изъ нихъ по царской грамотѣ, посланной вслѣдствіе челобитья подсудимыхъ, двое было удержано въ тюрьмѣ, а остальные освобождены на поруки до рѣшенія (А. И. т. III, № 204, 1639 г.). Въ самомъ Уложеніи 1649 г. достаточно ясно говорится о содержаніи въ тюрьмѣ обвиняемыхъ вообще во время суда. «*А будетъ*, сказано въ 104 ст. гл. XXI, *до которыхъ тюремныхъ сидѣльцовъ розбойное и татиное и душегубное дѣло не дойдетъ, и доведется ихъ изъ тюрьмы выпустити, и такихъ изъ тюремъ выпускати и къ Государю къ Москвѣ о указъ не писавъ....*». Слова эти слѣдуютъ послѣ запрещенія не выпускать безъ государева указу татей, разбойниковъ и душегубцевъ, сидящихъ въ тюрьмахъ до полугоду, и очевидно относятся къ тѣмъ подсудимымъ, которые, бывъ посажены въ тюрьму по обвиненіямъ въ этихъ преступленіяхъ, оказались невинными.

*) Архивъ истор. и практ. свѣдѣній Калачова 1860—1861, кн. III, статья Ланге: «Нѣсколько словъ о мѣрахъ противъ уклоненія отъ слѣдствія и суда».

Нѣтъ возможности точно опредѣлить, когда и въ какихъ именно случаяхъ примѣняемо было въ XVII стол. содержаніе въ тюрьмѣ, какъ мѣра пресѣченія. Въ законахъ этого періода, и даже въ главномъ—Соборномъ Уложеніи, нѣтъ опредѣленныхъ правилъ. Такая неопредѣленность не могла не вліять на произволъ въ примѣненіи этой мѣры. Происходила же она отъ того, что, какъ это уже было высказано въ этомъ изслѣдованіи, мѣры предупрежденія вообще, въ томъ числѣ и тюремное заключеніе, созданы были практикою; законодатель, узаконяя ихъ какъ готовое учрежденіе, не стремился провесть точную границу для примѣненія каждой изъ нихъ.

Попытаемся указать, насколько возможно, тѣ случаи примѣненія этой мѣры, о которыхъ говорится въ законахъ.

Въ Уложеніи 1649 г. содержится слѣдующее прямое упоминаніе о тюремномъ содержаніи какъ мѣрѣ пресѣченія:

а) Велѣно содержать въ тюрьмѣ до государева указа тѣхъ людей, «*гдѣ объявятся, у которыхъ уши рѣзаны, а письма у нихъ въ томъ, что они изъ тюрьмы выпущены, не будетъ*» (гл. XXI, ст. 19).

б) Разбойниковъ, сознавшихся въ разбоѣ, убійствахъ и поджогахъ, сдѣвшихъ показаніе на соучастниковъ, и рѣшенныхъ, «*держати въ тюрьмѣ полгода, для сыску товарищевъ ихъ*» (гл. XXI, ст. 21).

в) Если отвѣтчикъ или обвиняемый порукъ по себѣ не дастъ въ томъ, что онъ явится въ судъ, въ городъ не пойдетъ и за себя никого не пошлетъ, а на противъ «*учинится приставу силенъ и отбився отъ пристава съ Москвы сбѣжитъ въ помѣстье или вотчину*», то велѣно брать съ его двора его людей или дворника, и если за взятыхъ не будетъ порукъ въ томъ, что они поставятъ своего боярина въ приказѣ на срокъ, то предписывается держать ихъ въ приказѣ, или въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока самъ обвиняемый не явится (гл. X, ст. 139, 140 и 141). Обычай этотъ въ XVII столѣтіи принялъ самые широкіе размѣры. Стали брать потомъ и держать въ приказѣ или тюрьмѣ невинныхъ крестьянъ съ тою цѣлью, чтобы господина ихъ побудить представить въ судъ принадлежащаго ему обвиняемаго крестьянина (ст. 74, гл. XXI). Такъ, въ 1678 г. Иванъ Лепуновъ просилъ взять у Микиты Десятого правыхъ людей и крестьянъ и въ тюрьмѣ держать, «*покамѣстъ онъ того вѣдомаго вора Кленку Клопова въ Рязкомъ поставитъ*». Просьбу Лепунова велѣно было удовлетворить, «*буде Кленку Клопова Микита Десятой учнетъ ухоронивать*» (Акты Юр. изд. Калачова 1857 г. № 58, 1). Въ 1688 г., по указу царскому и по наказной памяти воеводы, велѣно было площадному подъячему и губному цѣловальнику поймать оговорныхъ крестьянъ Оську Зайцева и Гераску Селиванова, «*а будетъ тѣхъ крестьянъ не изъѣдутъ*» предписано имъ было взять «*тожъ бояршины правыхъ крестьянъ за человѣка по человѣку*» и привесть ихъ въ Переславль рязанскій въ приказъ

сыскныхъ дѣлъ. Посланные, не нашедши обвиняемыхъ, поймали двухъ правыхъ крестьянъ того села «*съ лошадьми, саньми и хомутами*» и представили въ приказъ (ib. XI и см. также XIV и Ак. Юр. изд. Ар. ком. 1838 г. № 307, V; Доп. къ А. И. т. VIII, № 108, 3 и 10). Судя по нѣкоторымъ случаямъ, можно думать, что иногда брали и заключали въ тюрьму съ тою же цѣлью сына за отца, жену за мужа. Такъ, воевода рязанскій Ляпуновъ содержалъ въ тюрьмѣ сына оговореннаго Дмитрія Некрасова; такъ, по обвиненію въ воровствѣ Онцифорка Судницина, который бѣжалъ, была взята и содержима невинная жена его (ib. № 55 XXVIII, Лѣтоп. Археогр. ком., вып. 3, стр. 25). Въ теченіе этого столѣтія не разъ законодатель издавалъ законы о взятіи и содержаніи въ тюрьмѣ невинныхъ крестьянъ, съ цѣлью побудить къ явкѣ въ судъ помѣщиковъ или къ представленію ими обвиняемыхъ крестьянъ (П. Соб. Зак. т. II, № 740). Безуспѣшность этой мѣры и накопленіе тюремныхъ сидѣльцевъ заставили законодателя издать законы о срокахъ, для вершенія подобныхъ дѣлъ. Такъ, въ 1681 г. велѣно взятыхъ держать въ приказѣ недѣлю, а послѣ недѣли и безъ поручной записи править провѣсти и волокиту (Доп. къ А. И. т. VIII, № 108). По закону 1685 года предписано брать и держать невинныхъ крестьянъ въ теченіе мѣсяца, или шести недѣль; если же по истеченіи этого времени помѣщикъ не явится и поруковъ по себѣ не дастъ, то его виннть безъ суда (ib. № 1140 пп. 4 и 7). Хотя здѣсь не говорится объ освобожденіи невинныхъ вмѣстѣ съ вершеніемъ дѣла, но это само собою разумѣется. Очевидно, что эти послѣдніе законы относятся до тѣхъ уголовныхъ случаевъ, съ которыми сопряженъ былъ гражданскій искъ. Закономъ 1700 года, 16 февраля, постановлено: «*у помѣщиковъ въ истцовъ искъ и въ пошлины описывать московскіе дворы, а если ихъ нѣтъ, помѣстья и вотчины*», въ томъ случаѣ если помѣщики чрезъ мѣсяцъ послѣ взятія у нихъ правыхъ людей и крестьянъ, по розыскнымъ дѣламъ «*не поставятъ оговорныхъ людей въ приказъ сыскныхъ дѣлъ къ розыску*» (П. С. З. т. IV, № 1761).

Хотя въ Соборномъ Уложеніи предписывается бѣглыхъ холопей и крестьянъ, за неимѣніемъ поруковъ, до вершенія дѣла объ ихъ принадлежности и до присылки господъ за ними, отдавать за пристава, тѣмъ не менѣе изъ другихъ юридическихъ памятниковъ этого періода видно, что ихъ содержали также въ тюрьмахъ. Въ царской грам. 1642 года, въ Суздаль, губному старостѣ объ отысканіи бѣглыхъ посадскихъ людей, говорится: «*а которые посадскіе люди посажены въ тюрьму, а поруки по нихъ въ житьѣ и въ дворовомъ строеніи нѣтъ, и тѣхъ людей указали мы выпустить...*» (А. Э. т. III, № 311). «*А будетъ*, говорится въ наказѣ 1658 года сыщику Плещееву о сыскѣ бѣглыхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и его уѣздѣ, *по которымъ порукъ не будетъ, и вмѣсто поруки тѣхъ людей и крестьянъ и женъ ихъ и дѣтей въ Нижнемъ-Новгородѣ сажать въ тюрьму, покамѣсть не пришлютъ*» (Доп. къ А. И. т. IV, № 48, I, стр. 124, стол. 2-ой; см. также II, стр. 128, стол. 1-й).

Такъ какъ число бѣглыхъ въ этомъ столѣтіи было очень велико, то неудивительно, если тюрьмы и приказы стали переполняться тюремными сидѣльцами этого

рода. Это побудило законодателя издать спеціальные законы въ предупрежденіе долговременнаго содержанія бѣглыхъ. «*Которые помѣщики и вотчинники*, говорится въ законѣ 1676 года, ноября 13 дня, *приводили въ розбойный приказъ людей своихъ, а въ челобитьѣ своемъ пишутъ, что бѣгая отъ нихъ были въ воровствахъ,... и по государеву указу по дѣламъ довелись свободы... а взять тѣхъ людей и крестьянъ некому, а порукъ по нихъ нѣтъ, и затѣмъ въ тюрьмѣ сидятъ многое время: и такихъ людей государь указалъ и бояре приговорили изъ тюрьмы освобождать и безъ порукъ и безъ росписи, хотя ихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ и на Москвѣ нѣтъ*» (П. С. З. т. № 669). Еще ранѣе противъ долговременнаго содержанія бѣглыхъ направленъ былъ законъ 1690 года. «*Которые люди*, говорится въ этомъ законѣ, *поимаются по челобитью своему по поимочнымъ памятямъ за бѣглыхъ своихъ людей и приведутъ ихъ въ приказъ холопья суда, а въ приказѣ засадя затѣмъ дѣломъ ходить не учнутъ, а на поруки и на роспиську никто не возьметъ: и такихъ людей держать мѣсяцъ, а послѣ мѣсяца освобождать безъ поручныхъ записей и безъ росписокъ*» (П. С. З. т. III, № 1368). Равнымъ образомъ повелѣно тѣмъ же закономъ освобождать бѣглыхъ людей, если помѣщики въ поверстный срокъ не представятъ на приводныхъ крѣпостей,—освобождать для того, «*чтобы отъ того лишняго сидѣнья приводнымъ людямъ и большаго утѣсненія не было*» (ib. см. также № 1396 указъ 1691 г. марта 24).

Изъ другихъ законодательныхъ и юридическихъ памятниковъ видно, что въ этомъ столѣтіи тюремное содержаніе, въ видѣ мѣры предупрежденія, было примѣняемо по обвиненіямъ въ разнообразныхъ преступленіяхъ и по разнообразнымъ видамъ обвиненій. Такъ, въ 1605 году, былъ посаженъ доносчикъ Томилка Бирилевъ, коего доносъ не оправдался, въ тюрьму до государева указу, и притомъ посаженъ за неимѣніемъ пристава Талевъ и Семейко Ведеркинъ сидѣли въ Перми въ тюрьмѣ до окончанія дѣла по обвиненію ихъ въ томъ, что будто они «*напустили икоту*» на разныхъ лицъ (А. Э. III, № 66). Въ 1662 году велѣно было взять и держать въ тюрьмѣ до государева указу жену и дѣтей туринскаго ясачнаго татарина Безпельдючка, обвиненнаго въ измѣнѣ (Доп. къ А. И. т. IV, № 124). Въ наказѣ 1666 года дорогобужскому воеводѣ сказано было брать, пытать и держать въ тюрьмѣ до государева указу пріѣхавшихъ и пришедшихъ изъ Литвы и Польши, «*по которыхъ порукъ не будетъ, а по досмотру и по сыску можно чаять отъ нихъ воровства или лазутчества*» (Доп. къ А. И. т. III, V, № 19; см. также А. И. т. III, № 116, стр. 173, стол. 2-й). Такъ же велѣно было поступать и съ тѣми изъ служилыхъ людей, которые между ясачными станутъ продавать табакъ, торговать мягкою рухлядью, заниматься корчемствомъ (ib. т. IV, № 138). Выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «*велѣно тебѣ про всякое воровство сыскивати, а сыскавъ воровъ велѣно сажать въ тюрьму*», «*а безъ губнаю де стану и безъ тюрьмы у того государева дѣла быти тебѣ нельзѣ, и затѣмъ де въ погостехъ воровъ и бѣлецовъ и татей не имаютъ, что ихъ на губной станъ приводить негдѣ*» (А. Э. т. IV, № 72); или: «*тѣхъ воров-*

скихъ людей, татей и розбойниковъ и зажигальщиковъ, и всякихъ воровскихъ людей имать, а переимавъ приводить въ Кашинъ къ сыщику къ Квашнину» (ib. № 92); или: *«которые отъ священническаго и монашескаго чину объявятся въ церковныхъ и въ мірскихъ татбахъ или въ денежныхъ дѣлахъ, или въ розбояхъ, или въ убивствахъ, или въ вѣдовствахъ, и пойманы и приведены будутъ къ сыщикамъ, или сыщикамъ учинится извѣстно отъ оговорныхъ людей или поизвѣту: и сыщикамъ тотчасъ посылать и безъ закащиковъ и велѣти имать»* (ib. № 161);—всѣ эти выраженія ясно показываютъ, что органы государственной власти были уполномочены брать и не отпускать обвиняемыхъ не только въ опредѣленно означенныхъ въ законѣ преступленіяхъ, но и вообще въ преступленіяхъ, *«во всякихъ воровствахъ»*, *«пытать и въ иныхъ воровствахъ»*.

Правда, въ Соборномъ Уложеніи еще довольно ясно видна черта, разграничивающая кругъ дѣйствія обвинительнаго начала въ уголовномъ судѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ есть указаніе на то, въ какихъ случаяхъ обвиненія въ уголовномъ преступленіи тюремное содержаніе, какъ мѣра предупрежденія, не должно было имѣть мѣста. *«А на которыхъ людей истцы бьютъ челомъ*, говорится въ 49 ст. XXI гл., *въ татбахъ и въ розбояхъ именно безъ поличнаго и безъ язычной молки и не по лихованнымъ обыскамъ; и тѣхъ челобитчиковъ отсылати въ судный приказъ, гдѣ кто судимъ»*. Кромѣ того, по ст. 51 той же главы, каждый, у кого *«воры животы покрадутъ или розбоемъ возьмутъ»*, долженъ былъ подавать воеводамъ или губнымъ старостамъ письменныя явки съ описаніемъ покраденныхъ вещей; если эти явки не были имъ поданы, то въ случаѣ поимки имъ и привода кого-нибудь съ поличнымъ, ополиченные не были подвергаемы пыткѣ, а велѣно было *«давати въ такомъ дѣлѣ истцомъ на тѣхъ людей, у кого они за что поимаются, судъ, и съ суда учинити вѣру крестное цѣлованіе, чтобы въ такомъ дѣлѣ никому напрасныхъ продажъ не было»*. Это правило повторяется въ наказахъ воеводамъ и губнымъ старостамъ (Доп. къ А. И. т. I, № 31). А въ наказѣ стольнику и воеводѣ Ловчинову въ Арзамасѣ, кромѣ того, сказано, чтобы обыскные люди *«на сосѣдствѣ сумежныхъ браней и деревенскихъ дракъ въ розбой не ставили»*; также велѣно не ставить въ разбой и давать судъ, если принесено будетъ отъ кого-нибудь челобитье *«въ розбоѣ въ ближнемъ сосѣдствѣ»* (А. Э. т. IV, № 237). Такимъ образомъ, для производства уголовнаго суда въ собственномъ смыслѣ, и для примѣненія тюремнаго содержанія, необходимы были: или поличное, на которое были явки, или оговоръ другаго обвиняемаго (язычная молка), или показаніе обыскныхъ людей (лихованные обыски). Во всѣхъ этихъ условіяхъ нельзя не видѣть остатка прежняго господства обвинительнаго начала. Что эти правила въ первую половину этого періода имѣли силу дѣйствующихъ правилъ—это не подлежитъ сомнѣнію (А. И. т. III, № 175, 187 и 204). Но подъ конецъ разсматриваемаго времени они болѣе и болѣе приходятъ въ забвеніе. Преслѣдованіе преступленій по должности взяло перевѣсъ надъ преслѣдованіемъ только по доказательнымъ жалобамъ,—словомъ, слѣдственное начало почти вытѣснило начало обвинительное. Скоро стали пре-

слѣдовать и брать подъ арестъ, или по мало доказательнымъ жалобамъ, или по извѣту, тѣмъ болѣе, что извѣтъ помѣщика на крестьянина уже по Уложенію считался достаточнымъ основаніемъ для производства пытки (А. Э. г. IV, № 161, п. 1, 1667 г.; А. Юр. изд. Калачева 1857 г., № 55, XLIX). Въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику 1645—1648 г. говорится: «*И тѣ люди въ земскомъ приказѣ по приводамъ, по приставнымъ памятямъ и по поличному сидятъ по мѣсяцу, по полугоду и больше*» (А. И. т. IV, № X). Доказательствомъ высказанной нами мысли служитъ также производство судебно-уголовнаго дѣла 1646—1648 г. о кражѣ разныхъ вещей, напечатанное въ 3 кн. лѣтописей Археографической коммисіи. Въ этомъ дѣлѣ Онцифорко Судницинъ былъ ополиченъ «*вершкомъ шапошнымъ*», сшитымъ будто бы изъ украденной поповской однорядки голубой съ искрой. Поличное это было слишкомъ отдаленнымъ намекомъ на кражу, тѣмъ не менѣе это дѣло тянулось болѣе 3-хъ лѣтъ; кромѣ обвиняемаго, котораго содержали въ тюрьмѣ, была задержана и пытана его жена, вовсе непричастная къ дѣлу, былъ содержимъ въ тюрьмѣ и допрашиваемъ подъ пыткою Бушковъ, одинъ изъ лицъ ополичившихъ Онцифорка, и наконецъ дѣло окончилось только отдачею обвиняемаго на чистую поруку, чтобы ему впредь никакимъ воровствомъ не воровать (Лѣт. Археогр. ком. вып. 3 стр. 25—37). Въ 1693 г. взятъ былъ въ рязанскій приказъ сыскныхъ дѣлъ и содержимъ до снятія допроса Паршикъ крестьянинъ Сатина потому только, что на землѣ его помѣщика найдено было тѣло убитаго крестьянина Потапова (А. Юр. изд. Калач. 1857 г., № 102). Съ этого столѣтія, словомъ начинается то часто необдуманное, малоосновательное, или вызванное иногда однимъ злоупотребленіемъ власти примѣненіе содержанія въ тюрьмѣ маловиновныхъ, или напрасно обвиняемыхъ, но невинныхъ, противъ котораго постоянно возставала законодательная власть. Въ законодательныхъ памятникахъ этого времени мы встрѣчаемъ такія напр. жалобы и упреки: «*и ты де прислалъ по него многихъ людей и взяли его и привезли къ тебѣ на съѣзжій дворъ, и ты де держалъ его въ цепи и въ желѣзѣхъ безвинно и безъ поличнаго и безъ язычной молки и безъ лихованныхъ обысковъ напрасно въ поклепномъ иску многіе дни*» (А. Юр. изд. Калачова 1857 г. № 55, XXVIII); или: «*и тѣмъ блуднымъ жонкамъ велитъ наговаривать на торговыхъ и промышленныхъ людей напрасно, и тѣхъ торговыхъ и промышленныхъ людей, по ихъ оговору, безъ сыску и безъ роспросу, сажаетъ въ тюрьму* (А. И. т. IV, № 182, стр. 347, столб. 1-й); или: «*и для де своихъ взятокъ и нападкою велишь* (Касимовскій воевода) *людемъ своимъ и пушкарямъ ихъ ямщиковъ имать съ торгу въ приказную избу и тѣхъ ямщиковъ въ приказной избѣ держать и мучить въ цѣпи и въ желѣзѣхъ* (Ак. Юр. изд. Калачова № 58, III).

Въ законахъ этого періода мы не встрѣчаемъ никакихъ опредѣленныхъ правилъ какъ относительно того, кто имѣлъ право брать, приводить и заключать въ тюрьму обвиняемыхъ, такъ и относительно соблюденія тѣхъ или другихъ формальностей при принятіи этой мѣры предупрежденія. Государство главнымъ образомъ было озабочено преслѣдованіемъ преступленій и потому не обра-

шало на этотъ вопросъ вниманія. Главными руководителями во взятіи подъ стражу обвиняемыхъ и содержаніи ихъ въ приказѣ или тюрьмѣ были, очевидно, губные старосты, воеводы и сыщики, какъ это видно изъ губныхъ грамотъ и воеводскихъ наказовъ. Исполнителями же ближайшими ихъ распоряженій были самыя разнообразныя лица. Прежде всѣхъ должно упомянуть о недѣльщикахъ или приставахъ (Улож. ст.119, 120, 139—141 гл. X). Обязанность эту они исполняли преимущественно въ томъ случаѣ, когда дѣло производилось обвинительнымъ порядкомъ судопроизводства, а между тѣмъ, вслѣдствіе уклоненія отвѣтчика отъ суда, приходилось прибѣгать ко взятію его правыхъ крестьянъ (ст. 74 гл. XXI). Но такъ какъ учрежденіе недѣльщиковъ и приставовъ было тѣсно связано съ обвинительнымъ порядкомъ и съ столь частымъ употребленіемъ порукъ, тюремное же заключеніе явилось плодомъ слѣдственнаго процеса, то исполнителями этой мѣры являются кромѣ того и иныя лица которыя скоро совершенно замѣнили приставовъ. Соотвѣтственно частому употребленію тюремнаго содержанія, обязанность взятія и привода исполняется служебными лицами разныхъ наименованій и даже частными лицами, именно: подъячими, площадными подъячими, губными цѣловальниками, стряпчими, стрѣльцами, сотскими, пятидесятскими и десятскими, помѣщиками и другими частными лицами. Принимали приводныхъ въ приказъ и въ тюрьму дьяки и подъячіе. Изъ законодательныхъ памятниковъ этого времени видно, что при взятіи соблюдались нѣкоторыя формальности, хотя и невсегда. Если частный человѣкъ хотѣлъ кого-нибудь поймать съ поличнымъ, онъ могъ для большаго обезпеченія взять пристава и понятыхъ, но въ Уложеніи говорится также о задержаніи съ поличнымъ и безъ нихъ (ст. 54 гл. XXI). Иногда для взятія и привода оговоренныхъ людей давались наказныя памяти; въ такомъ случаѣ лица, которымъ поручено было это сдѣлать, если имѣли возможность, брали обвиняемыхъ, или, вмѣсто ихъ, и правыхъ крестьянъ, при понятыхъ, и вмѣстѣ съ приведенными крестьянами подавали въ приказы доѣздныя памяти объ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія. На этихъ-то доѣздныхъ памятяхъ дьякъ или подъячій дѣлалъ надпись: «*а приводнаго принять и роспросить*». Если было взято и задержано лицо духовнаго званія, обвиняемое въ преступленіи, то заключеніе въ тюрьму предоставлено было духовному закащику. Взятыхъ правыхъ крестьянъ за неявку къ суду помѣщиковъ, или за непредставленіе къ суду оговоренныхъ крестьянъ, предписано было записывать въ книгу: «*а приводъ ихъ, кто въ которомъ числѣ въ чьемъ иску даны въ приказъ, записывати въ записную книгу имянно*» (Доп. къ А. И. т. VIII, № 108, ст. 13, стр. 342, стол. 1-й). Это, кажется, единственный случай, въ которомъ удержаніе въ приказѣ извѣстнаго лица въ видѣ мѣры предупрежденія обставлено было нѣкоторыми формальностями.

§ 17. Уже въ первой половинѣ XVII столѣтія обнаружились результаты, какъ отсутствія точныхъ правилъ относительно взятія и содержанія обвиняемыхъ въ приказѣ или тюрьмѣ, такъ и частаго примѣненія этой мѣры предупрежденія. Тюрьмы и приказы стали переполняться тюремными сидѣльцами и колодниками, которые стали въ заключеніи ждать по нѣлымъ годамъ рѣшенія своей участи.

Переполненіе это идетъ кресчендо, и если къ концу сего столѣтія не достигаетъ той мѣры, до какой оно дошло въ XVIII столѣтія и потомъ, то, по крайней мѣрѣ, его нужно считать началомъ того непреривнаго переполненія тюремъ, противъ котораго постоянно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ боролись русскіе законодатели. По неимѣнію обнародованныхъ матеріаловъ, трудно сказать, какъ велико было въ это время число тюремныхъ сидѣльцевъ, лишенныхъ свободы во время слѣдствія и суда, но можно предполагать, что оно не было мало и незначительно, если считать всѣхъ тюремныхъ сидѣльцевъ, содержавшихся не только въ тюрьмахъ, но и въ разнообразныхъ приказахъ. Въ 1654 г. великоустюжскій воевода князь Мышецкій писалъ царю Алексѣю Михайловичу: «*И мы холопи твои, по твоему государеву указу, велѣли тюрьмы сдѣлать новые, потому что на Устюгѣ въ тюрьмахъ тюремныхъ сидѣльцовъ, по сыску стольника Ивана Дашкова, 350 человѣкъ*» (Доп. къ А. И. т. III, № 115). Всѣ эти тюремные сидѣльцы были помѣщены въ двухъ тюрьмахъ. Кромѣ частаго и не вполнѣ разборчиваго употребленія содержанія въ тюрьмѣ во время суда, скопленіе тюремныхъ сидѣльцевъ въ тюрьмахъ и приказахъ возникло, вѣроятно, также и отъ продолжительности слѣдствія и суда. Хотя, конечно, вслѣдствіе того, что слѣдователь и судья въ этомъ столѣтіи большею частью соединялись еще въ одномъ лицѣ и судъ происходилъ не по однимъ только бумагамъ, производство уголовныхъ дѣлъ шло гораздо скорѣе, чѣмъ оно стало идти въ XVIII столѣтіи и потомъ, тѣмъ не менѣе уже въ разсматриваемое время положено было начало будущей медленности уголовнаго суда. Въ выпискѣ изъ уставной книги Разбойнаго приказа 1631 г. говорится: «*Которые тати и розбойники сидятъ въ тюрьмѣ года два, или три, и на которыхъ людей, съ пытокъ, въ первомъ году не говорили, а въ другомъ и третьемъ году учнутъ говорити, и тому невѣрити*» (А. И. т. III, № 167, стр. 300, столб. 2-й). По мнѣнію одного изъ почтенныхъ нашихъ юристовъ *), въ приведенныхъ словахъ разумѣются «*тѣ преступники, кои, по рѣшенію о нихъ дѣлъ, посажены были въ тюрьму вслѣдствіе неимѣнія по себѣ поруки*». Съ этимъ толкованіемъ едва ли можно согласиться: оно не вытекаетъ ни изъ самыхъ приведенныхъ словъ, ни изъ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. А что уже въ этомъ столѣтіи дѣла о воровствѣ, разбоѣ и убійствѣ рѣшались не весьма быстро, — доказательствомъ этому служатъ нѣкоторыя дѣла изъ того крайне скуднаго, чтобы не сказать ничтожнаго матеріала, нашей старинной уголовной практики, который обнародованъ въ печати. Такъ, по чердынскому дѣлу 1639 г. 21 человѣкъ сидѣлъ въ тюрьмѣ другой годъ, и изъ нихъ два были удержаны и долѣе (А. И. т. III, № 204). Тимошка Матвѣевъ, крестьянинъ Немтинова, напалъ на дорогѣ на Дружинку, крестьянина Беклемишовыхъ, и дрался съ нимъ въ 1644 г., а изъ челобитья его помѣщика видно, что онъ по этому дѣлу, еще и въ 1647 г. нерѣшенному, сидѣлъ въ это время въ тюрьмѣ (Ак. Юр., изд. Калачова, 1857 г., № 55, XI).

Такая-то медленность и умноженіе тюремныхъ сидѣльцевъ уже тогда обра-

*) Ланге. Архивъ историч. и практич. свѣдѣній, Калачова, 1860—1861 г., кн. III. «Нѣсколько словъ о мѣрахъ противъ уклоненія отъ слѣдствія и суда», стр. 62.

тили на себя вниманіе законодателя и подвинули его къ изданію законовъ, прямо направленныхъ противъ этого явленія. Еще въ XVI столѣтіи въ одной изъ губныхъ грамотъ предписывается сознавшихся въ преступленіи татей и разбойниковъ въ тюрьмахъ долго не держать, и если поймано ихъ три или четыре, и они между тѣмъ станутъ оговаривать однихъ и тѣхъ же людей, то для очной ставки «*оставляти тѣхъ розбойниковъ по одному человѣку*», а прочихъ казнить (А. Э. т. I, № 330, стр. 398, столб. 1-й). Въ Соборномъ Уложеніи постановлено: розбойниковъ, убійцъ и поджигателей, послѣ произнесенія надъ ними смертнаго приговора, держать въ тюрьмѣ полгода, «*для сыску товарищевъ ихъ*», которыхъ они оговорили; по прошествіи же этого времени казнить ихъ, хотя бы оговоренные ими и не были отысканы (ст. 21, гл. XXI). Равнымъ образомъ 30-ою ст. той же главы повелѣвается, по прошествіи двухъ недѣль или по истеченіи поверстнаго срока, освобождать приведенныхъ съ поличнымъ, если тѣ, которые привели, въ теченіе этого времени или «*о указъ не учнутъ бить челомъ*», или, такъ какъ они утверждали, что «*то поличное племени ихъ или друзей*»,—«*на указный срокъ истца не поставятъ*» (ст. 30, гл. XXI). Этотъ послѣдній срокъ былъ видоизмѣненіемъ недѣльнаго срока, установленнаго не задолго предъ тѣмъ, когда царю было доложено, что «*всякіе люди приставливаютъ по поличному, и приставя тѣхъ людей волочатъ, многое время не ищутъ, и поличнаго своего съ чѣмъ приведутъ отступаются*», а между тѣмъ приведенные люди «*въ земскомъ приказѣ, по приводамъ, и по приставнымъ памятямъ и по поличному, сидятъ по мѣсяцу и по полугоду и больше*» (А. И. т. IV, № 6, X). Въ 1653 г. изданъ былъ законъ, коимъ повелѣно «*сыскивать оговорныхъ людей недѣля, а какъ минетъ недѣля и ихъ вершить*», «*а вершить татей и розбойниковъ въ недѣли по вся дни, опричь Воскресенья Христова*»; и если бы кто могъ быть отданъ на поруки и сидѣлъ въ тюрьмѣ по неимѣнію порукъ, такихъ освобождать и безъ порукъ (П. С. Зак. т. I, № 105). Въ новоуказныхъ статьяхъ установленъ новый срокъ для окончанія важныхъ уголовныхъ дѣлъ. «*А въ тюрьмахъ*, сказано въ 123 ст. указа 1669 г., *тюремныхъ сидѣльцовъ, татей и розбойниковъ и убойцевъ и вѣдуновъ и всякихъ воровскихъ людей больше мѣсяца не держать, а послѣ мѣсяца велѣть тѣхъ воровъ вершить*» (ib. № 441). Этимъ же закономъ предписано было составлять роспись старымъ тюремнымъ сидѣльцамъ съ обозначеніемъ имени, званія, мѣста и числа совершенныхъ преступленій (ib. ст. 126). Росписи эти получили въ этомъ столѣтіи техническое названіе *статейныхъ списковъ*— имя, до сихъ поръ сохранившееся въ нашей юридической терминологіи въ отношеніи къ ссыльнымъ. Около этого времени и потомъ почти въ каждомъ наказѣ воеводамъ вмѣнялось имъ въ обязанность по вступленіи въ должность составлять статейные списки и присылать ихъ или къ государю, или въ розбойный приказъ, или въ провинціальные приказы (А. И. т. IV, №№ 181, 209; т. V, №№ 55, 240; доп. къ А. И. т. IV, №№ 134, 138; П. С. Зак. №№ 328, 441 пп., 123, 126 и 127, 626, 1,594, 1,670). Что статейные списки составлялись, между прочимъ, и о тюремныхъ сидѣльцахъ, сидѣвшихъ во время слѣдствія и суда въ тюрьмѣ,—дока-

зательствомъ этому служатъ слѣдующія слова наказа, даннаго въ 1694 г. тобольскому воеводѣ: «*Да имъ же боярину и воеводамъ, съ пріѣзду своего, велѣть пересмотрѣть въ тобольску тюремныхъ сидѣльцовъ и переписати накрѣпко и сдѣлать тому статейный списокъ подлинной, кто имянно и въ какомъ дѣлѣ и сколь давно въ тюрьмѣ сидятъ и пытаны ль, и что съ пытки на себя или на иного кого говорилъ; и пересмотря и переписавъ и учинить имъ указъ по указу великаго государя и по уложенію и противъ указныхъ статей*» (П. С. З. № 1594). Составленіе статейныхъ списковъ и присылка служили однимъ изъ побудительныхъ средствъ къ скорѣйшему рѣшенію дѣлъ, по которымъ подсудимые содержались въ тюрьмѣ. Выше были указаны мѣры, которыя предприняты были законодателемъ противъ долговременнаго содержанія бѣглыхъ, а также правыхъ крестьянъ, взятыхъ съ цѣлью прекратить уклоненіе обвиняемыхъ отъ суда. Такъ какъ московскія тюрьмы вообще и въ частности тюрьмы розбойнаго приказа больше всего были переполнены, вслѣдствіе юридическаго положенія столицы, то были также изданы и спеціальные законы съ цѣлью прекратить накопленіе тюремныхъ сидѣльцевъ въ одномъ мѣстѣ. До 1672 г. вмѣстѣ съ присылкою въ розбойный приказъ дѣлъ были присылаемы и обвиняемые; по указу этого года 23 іюля предписано «*изъ городовъ колодниковъ въ розбойныхъ приказъ для многолюдства московскихъ тюремныхъ сидѣльцовъ предъ не имать, а имать одни дѣла*», и даже велѣно было тѣхъ колодниковъ, которые, по государевымъ грамотамъ, были присланы въ Москву, отсылать «*въ тѣжъ городы съ тѣми же присылщики, которые ихъ привезутъ*», а которые изъ городовъ взяты въ Москву въ розбойный приказъ и сидятъ въ тюрьмѣ по истцовымъ челобитнымъ, тѣхъ отсылать въ города на истцовыхъ подводахъ (П. С. Зак. № 527). Указомъ 1673 г. января 20 запрещено принимать въ разбойный приказъ бѣглыхъ и обвиняемыхъ въ воровствѣ крестьянъ, приводимыхъ помѣщиками, живущими въ уѣздахъ, помѣстьяхъ и вотчинахъ, потому что «*отъ такихъ приводныхъ людей въ тюрьмы тюремныхъ сидѣльцовъ множится*» (ib. № 538). Наконецъ, закономъ 1677 г. мая 21 указано «*колодниковъ, которые присланы на тюремный дворъ изъ разныхъ приказовъ для береженья не принимать*» (ib. № 691). Въ этомъ же столѣтіи начинается рядъ тѣхъ общихъ и постоянныхъ напоминаній въ разнообразныхъ законахъ и распоряженіяхъ правительства о скорѣйшемъ окончаніи уголовнаго суда, которыя продолжались до нашихъ дней. «*Колодниковъ, никого, ни въ какихъ дѣлахъ многихъ дней не держать*», «*чтобы отъ того лишняго сидѣнья приводнымъ людямъ и большаго утѣсненія не было*»,—такъ напоминалъ законодатель XVII столѣтія о скорѣйшемъ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ (Доп. къ А. И. т. V, № 62; А. И. т. V, № 55, т. VIII, № 108, X, XV; А. Э. т. I, № 330, т. IV, № 159; П. С. Зак. №№ 1368, 1670). Съ этого же столѣтія ведутъ свое начало каратель-ныя мѣры, которыя государственная власть употребляла съ тою цѣлью, чтобы побудить судей скорѣе оканчивать уголовныя дѣла и не держать долго въ тюрьмахъ (А. И т. V, № 55, стр. 85, столб. 5).

Для полной характеристики тюремнаго содержанія этого времени, какъ мѣ-

ры пресѣченія я, считаю необходимымъ коснуться какъ самыхъ мѣстъ содержанія, такъ и способовъ содержанія. Уясненіе этихъ двухъ пунктовъ необходимо, съ одной стороны, потому, что нѣкоторыя оригинальныя особенности, впослѣдствіи исчезнувшія, могутъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ и потому требуютъ уясненія съ другой потому, что они прямо характеризируютъ самую мѣру предупрежденія.

Въ какихъ помѣщеніяхъ содержались въ этомъ столѣтіи обвиняемые во время слѣдствія и суда—на это мы находимъ отвѣтъ въ разныхъ, требующихъ, впрочемъ, нѣкотораго выясненія, выраженіяхъ законовъ этого времени. Такъ, мы въ законодательныхъ памятникахъ этого столѣтія постоянно встрѣчаемъ такія и подобныя имъ слова: «*въ шестомъ часу ночи извѣщалъ приставъ Гридцевъ, что татя Ивашка Шквары въ земскомъ приказѣ, въ тюрьмѣ нѣтъ*»; «*и тѣ люди* (которые приведены съ поличнымъ) *въ земскомъ приказѣ... сидятъ по мѣсяцу, по полугоду и больше*» (А. И. т. IV, № 6, VIII, X); «*брать ихъ людей въ приказъ и держать, пока*» и пр. (П. С. Зак. т. II, №-740); «*взятыхъ людей держать въ приказѣ недѣлю*» (доп. къ А. И. т. VIII, № 108); «*а которые колодники сидятъ нынѣ въ городѣхъ въ приказныхъ избахъ и тюрьмахъ*» (А. И. т. V, № 55); «*а которые тюремные сидѣльцы посажены будутъ на тюремный дворъ и за рѣшетку*» (П. С. Зак. № 845); «*въ розбойномъ приказѣ за рѣшеткою и подъ приказомъ колодниковъ ни въ какихъ дѣлахъ не держать*» (ib. т. III, № 1,345). Изъ приведенныхъ выраженій очевидно, что въ XVII ст. помѣщенія для тюремныхъ сидѣльцевъ были двухъ родовъ: тюрьмы въ собственномъ смыслѣ, отдѣльныя и самостоятельныя помѣщенія, и зданія самихъ приказовъ, приказныхъ и губныхъ избъ. Можно съ вѣроятностью полагать, что въ помѣщеніи каждаго приказа, каждой земской и губной избы, было особое отдѣленіе, гдѣ содержались обвиняемые, чему служатъ подтвержденіемъ вышеприведенные слова: *въ земскомъ приказѣ, въ тюрьмѣ*. Въ такихъ большихъ приказахъ, какъ розбойный и московскій судный, служившихъ аппеляціонною и ревизіонною инстанціею, одни помѣщенія для тюремныхъ сидѣльцевъ отдѣлялись рѣшеткою, другія находились подъ приказомъ (Доп. къ А. И. т. VIII, № 108, X; П. С. Зак. №№ 845, 1345). Словомъ, въ въ XVII ст. практиковалось въ большихъ размѣрахъ то, чего остатки сохранились до нашихъ дней. Извѣстно, что и въ настоящее время при полиціяхъ, при волостныхъ и сельскихъ расправахъ находятся помѣщенія для подслѣдственныхъ арестантовъ, и помѣщенія эти бываютъ большею частью въ одномъ зданіи съ этими учрежденіями; въ XVII ст. подобныя помѣщенія были при розбойномъ и другихъ приказахъ, при губныхъ и земскихъ избахъ, словомъ—при учрежденіяхъ, которыя въ судебномъ отношеніи можно бы сравнить съ нынѣшнимъ сенатомъ, палатами и уѣздными судами. Можно думать, что первоначально, при меньшемъ развитіи благоустройства и государственныхъ средствъ, преобладало содержаніе при приказахъ, которое было чѣмъ-то среднимъ между отдачею за пристава и содержаніемъ собственно въ тюрьмѣ. Замѣчательно, что содержимые при приказахъ на-

ходились подъ надзоромъ пристава и часто считались отданными за пристава, тогда какъ сидѣвшіе собственно въ тюрьмахъ подчинены были надзору иныхъ лицъ. Мало по малу тюрьмы стали замѣнять помѣщенія при приказахъ и подъ конецъ этого столѣтія получили преобладающее положеніе. Такъ, по закону 1653 г. окт. 20 велѣно было «*отрѣзь татей и розбойниковъ за приставы не отдавать, а держать ихъ до указу въ тюрьмѣ*» (П. С. Зак., т. I, № 105). Въ 1689 г. авг. 13 указано было содержать колодниковъ не въ Разбойномъ приказѣ за рѣшеткою и подъ приказомъ, а на тюремномъ дворѣ (П. С. Зак. т. III, № 1345).

Пока господствовала удѣльная рознь, пока существовало большое число независимыхъ юрисдикцій, обще-государственная власть не могла, да и неимѣла нужды и побужденій заботиться о постройкѣ и содержаніи общихъ тюремъ. Кто владѣлъ правомъ суда, тотъ пекся и о мѣстахъ содержанія подсудимыхъ. Даже въ то время когда обще-государственная власть стала сосредоточивать въ своихъ рукахъ судъ надъ важнѣйшими преступленіями, она продолжала, вмѣстѣ съ предоставленіемъ разнымъ учрежденіемъ права суда во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ, освобождать отъ обязанности участвовать въ постройкѣ, содержаніи, и надсмотрѣ за тюрьмами. Въ жалованныхъ несудимыхъ грамотахъ уже позднѣйшаго времени мы встрѣчаемъ о монастырскихъ людяхъ и крестьянахъ такія выраженія: «*и тюремъ не ставятъ и у тюремъ сторожи не стерегутъ и цѣловальниковъ къ тюрьмамъ и къ губнымъ дѣламъ не даютъ*» (А. И. т. I, № 200, т. II, № 61, т. III, № 119 и 120). Но съ отмѣной отдѣльныхъ, самостоятельныхъ юрисдикцій, съ окончательнымъ сосредоточеніемъ уголовной юстиціи въ рукахъ государства, постройка, содержаніе и надзоръ за тюрьмами становятся дѣломъ государственнымъ, общею повинностью, къ отправленію которой велѣно было привлекать всѣхъ «*грамотчиковъ и тарханщиковъ*» (А. Э. т. III, № 163). Этотъ новый порядокъ былъ окончательно узаконенъ Соборнымъ Уложеніемъ (ст. 94 и 97, гл. XXI). Для надзора за тюрьмами и для береженья тюремныхъ сидѣльцевъ стали выбирать отъ всѣхъ вѣдомствъ и тюремныхъ цѣловальниковъ и сторожей, которые отвѣчали за побѣгъ колодниковъ (ст. 95 и 101, гл. XXI).

Съ содержаніемъ обвиняемыхъ во время слѣдствія и суда въ тюрьмѣ и въ приказахъ были соединены дополнительныя средства предупрежденія. По довольно часто встрѣчающимся выраженіямъ въ родѣ слѣдующихъ: «*а тѣхъ розбойниковъ скованныхъ или связанныхъ..... приводить въ съѣзжую избу*» (Доп. къ А. И. т. V, № 94; А. И. т. V, № 223),—можно навѣрное полагать, что при самой поимкѣ, взятіи и приводѣ обвиняемые были уже заковываемы въ желѣза или связываемы. Затѣмъ во время содержанія ихъ держали въ ножныхъ оковахъ, въ ошейникахъ и цѣпяхъ (А. Э. т. III, № 16; А. И. т. I, № 242, т. IV, №№ 161, п. 5, 183, 247, т. V, №№ 223, 253, 278, 281; Доп. къ А. И. т. I, № 51, XIII, т. V, № 94; т. VI, №№ 17, 95; А. Юр. изд. Калач. 1857 г., № 55, XLIX, 58, III, П. С. Зак. № 1670). Въ ошейникахъ и цѣпяхъ держали не только тяжкихъ преступниковъ, но и маловажныхъ. Такъ, въ 1674 г. самозва-

нецъ Ивашка Воробьевъ, назвавшійся царевичемъ Симеономъ Алексѣевичемъ, и его товарищъ, были содержимы и ведены скованные, «*на чепяхъ и въ кандалахъ*» (А. И. т. IV, № 42 7). Посошковъ свидѣтельствуетъ, что онъ видѣлъ въ приказѣ провинціальнаго суда дворянина Скрыплева, про котораго говорили: «*человѣкъ де пять шесть пошло отъ его рукъ*», въ такомъ видѣ: «*на шеѣ у него цѣпь, а на ногахъ желѣза*» (Русск. Бесѣда, Москва, 1860 г. кн. II. О круговой порукѣ, Бѣляева). А между тѣмъ около того же времени велѣно было содержать въ монастырѣ, до указу государя, Петрушку Власова на цѣпи, за закладъ на кружечномъ дворѣ своего шейнаго креста,—за поступокъ крайне непристойный, но не злодѣйскій (А. И. т. V, № 253), а прежде того были содержимы скованные на цѣпи просфорни, которыхъ обвиняли въ печеніи просфоръ старой печати (А. И. т. IV, № 203). Равнымъ образомъ, указомъ 1698 г. повелѣно было: татей, мошенниковъ и *пропойцевъ*, не держа долго въ тюрьмахъ, «*сковавъ по два человѣка ошейными добрыми или ножными желѣзами*», приставить къ работѣ—дѣлать кирпичи и проч. (П. . Зак. № 1670). Въ 1699 г. ямщики жаловались на воеводу Кондырева, что онъ изо взятокъ беретъ ихъ въ приказную избу и держитъ тамъ въ цѣпи и въ желѣзахъ (А. Юр. Калач. № 58, III). Если цѣпи и желѣза были въ употребленіи по такимъ незаконнымъ предлогамъ, какъ въ этомъ случаѣ, то можно полагать, что они были обыкновенною прибавочною мѣрою предупрежденія въ случаяхъ справедливаго задержанія, даже въ маловажныхъ преступленіяхъ. Въ законодательныхъ памятникахъ этого столѣтія встрѣчается такое выраженіе: «*привезть для роспросу..... въ крѣпостяхъ*», «*привезть въ крѣпости*» (А. И. т V, № 223). Выраженія эти, не имѣя точно опредѣленнаго смысла, очевидно обозначали большую или меньшую совокупность дополнительныхъ мѣръ пресѣченія; такъ, игуменъ мостищскій Трифонъ говоритъ: «*да меня нищаго чернеца посадили въ двои желѣза, да въ цепь, а цепъ проняли сквозь стѣну; и я нищій чернецъ, въ той крѣпи мучился у нихъ девять дней на желѣзахъ*» (А. И. т. I, № 242). Должно также полагать, что сажаніе въ колоду тюремныхъ сидѣльцевъ было въ употребленіи, чему служитъ доказательствомъ столь часто встрѣчающееся въ законахъ этого столѣтія слово *колодникъ*. Правда, отъ этого времени дошло до насъ частное запрещеніе употреблять сажаніе въ колоду: «*И впредь бы тебѣ*, писалъ въ 1670 г. верхотурскій воевода прикащику ирбитской слободы, *кто доведетца, велѣть ковать въ желѣза, а въ колоду бъ тебѣ отнюдь не сажать*» (Доп. къ А И. т. VI, № 17). Но намъ извѣстно, съ другой стороны, что техническое слово: *тюремный сидѣлецъ*, бывшее въ такомъ употребленіи въ XVII стол., было вытѣснено въ XVIII стол. другимъ техническимъ словомъ: *колодникъ*, и что только въ XIX ст., въ царствованіе императора Николая, издано было повелѣніе о неупотребленіи колодъ и повсемѣстномъ ихъ истребленіи.

Положеніе тюремныхъ сидѣльцевъ во время слѣдствія и суда въ XVII стол. было крайне не обезпеченное. Они содержались преимущественно подаяніемъ, для чего ихъ водили, по улицамъ, торгамъ и папертямъ церковнымъ, «*на связкахъ*»

для прошенія милостыни. Тѣ тюремные сидѣльцы, которые уже сидѣли въ тюрьмахъ брали съ вновь посаженныхъ *влазное*, вѣроятное за то, что они допускали ихъ къ пользованію всѣми преимуществами тюремной общины, а въ томъ числѣ правомъ питаться добытою милостынею. Указомъ 1680 г. запрещено было тюремнымъ сидѣльцамъ взимать этотъ налогъ, «*чтобъ въ томъ бѣднымъ людямъ тяготства и мучительства не было*» (П. С. Зак. № 845). Къ половинѣ и особенно къ концу XVII стол. относятся первые начатки принятія государствомъ на свой счетъ самаго содержанія тюремныхъ сидѣльцевъ и первые опыты облегчить безпомощное ихъ экономическое положеніе (П. С. Зак. № 105, 328, 336).

§ 18. Отдача за пристава была второю мѣрою пресѣченія въ XVII стол. Эта мѣра, достигшая столь обширнаго употребленія въ дѣлахъ уголовныхъ предшествующаго періода, часто практикуемая на ряду съ содержаніемъ въ тюрьмѣ еще въ началѣ разсматриваемаго столѣтія, со второй половины его начинаетъ уступать поле дѣйствія тюремному заключенію и подъ конецъ столѣтія почти выходитъ изъ употребленія. И понятно почему: она была мѣрою того общества, у котораго уголовный судъ шелъ скоро, задержанныхъ было сравнительно немного, а общегосударственныя средства были еще не велики.

Эта мѣра въ разсматриваемое время примѣнялась въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Если оговорный языкомъ молкою, т. е. показаніемъ подъ пыткою пойманнаго, обвиняемаго въ преступленіи, станетъ просить произвесть о немъ обыскъ: «*учнетъ бити челомъ о обыску*» (ст. 35, гл. XXI).

2) Если кого оговорятъ тѣ же языки «*за очи, а съ очей на очи на нихъ говорити не станутъ, и во многихъ людяхъ ихъ не узнаютъ, или узнавъ ихъ да учнутъ съ нихъ сговаривати*», и тоже будутъ утверждать и подъ пыткою; въ такомъ случаѣ повелѣно производить обыскъ, а оговореннаго отдавать за пристава (ст. 44, гл. XXI).

3) Спорныхъ холопей, за неимѣніемъ порукъ, «*до вершенія суднаго дѣла держати приставу*» (ст. 51, 94, 102, 112, гл. XX). Въ 1637 г. послана царская грамота въ Муромъ, чтобы «*которые у нихъ люди въ холопствѣ и въ крестьянствѣ будутъ въ пріимкѣ*» въ татиныя и разбойныя тюрьмы не сажать, а держать за приставомъ, потому что отъ того (сажанія) «*татемъ и розбойникомъ и оговорнымъ людемъ чинится тѣснота и голодъ, и отъ тѣсноты и отъ духу помираютъ*» (А. Э. т. III, № 272).

Кромѣ этихъ спеціальныхъ статей, въ Соборное Уложеніе перешли изъ перваго и втораго Судебниковъ общія статьи о томъ, чтобы недѣльщики «*изымавъ татей и розбойниковъ*» не отпускали, и состоящихъ въ ихъ содержаніи татей безъ докладу боярину и дьяку, на поруки, не отдавали (ст. 147, X; ст. 83 и 86, гл. XXI).

Приведенныя статьи Уложенія не исчерпываютъ всѣхъ случаевъ содержанія за приставовъ въ этомъ столѣтіи. По дѣлу Онцифорка Судницина, котораго обвиняли въ воровствѣ, были содержимы за приставомъ Никифоръ Ларіоновъ, укрывшій обвиняемаго, когда его ловили, и невинная жена Онцифорка (Лѣтоп. Арх. комм. 1864 г. вып. 3, стр. 26, 29). По дѣлу Шеина, котораго, послѣ неудачнаго смоленскаго похода 1632—1634 г., обвиняли въ измѣнѣ, были содержимы за приставомъ дьяки Александръ Дуровъ, да Дмитрій Карповъ, а больнаго князя Бѣлосельскаго содержали за приставомъ въ его собственномъ домѣ: «*велѣно быть на Москвѣ на дворѣ приставомъ стрѣльцомъ*» (А. Э. т. III, № 251).

Объ этой мѣрѣ мы должны сказать то же, что сказали относительно содержанія въ тюрьмѣ; такъ какъ не существовало точныхъ правилъ относительно примѣненія ея, то, очевидно, на практикѣ много зависѣло отъ усмотрѣнія судьи. Мы привели выше статьи, изъ которыхъ очевидно, что оговоренные должны были быть отдаваемы за пристава. Но изъ вышеприведенной грамоты 1637 года въ Муромъ видно, что оговоренные сидѣли и въ тюрьмѣ. Нѣтъ опять-таки сомнѣнія и въ томъ, что объемъ примѣненія этой мѣры съ теченіемъ времени съузивался, вслѣдствіе развитія приказнаго порядка, постройки большаго числа тюремъ и полученія большей возможности содержать въ тюрьмѣ. Органы очень уже въ то время сильнаго государства отражали въ своихъ дѣйствіяхъ его силу, и въ томъ случаѣ, въ которомъ прежде прикосновенный къ дѣлу безъ всякаго неудобства оставался на свободѣ, они стали его сначала содержать за приставомъ, а потомъ и въ тюрьмѣ. Логика общественной жизни брала свое: государство было поглощено преслѣдованіемъ преступленій; другіе интересы, которые могли бы удержать власть отъ задержанія обвиняемаго, еще не получили права гражданства.

Выше уже сказано, что съ половины этого столѣтія эта мѣра предупрежденія начинаетъ выходить изъ употребленія. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ указъ 1653 г. 20 октября. Этимъ указомъ предписано было: «*впредь татей и розбойниковъ за приставы не отдавать, а держать ихъ до указу въ тюрьмѣ*. Этотъ законъ вызванъ былъ тѣмъ, что многіе изъ обвиняемыхъ, сидя за приставомъ, не въ состояніи были платить особую пошлину: *пожелъзное и покормъ*, и что вслѣдствіе того пристава, вѣроятно, и послѣ произнесенія приговора объ освобожденіи, не отпускали ихъ отъ себя. Доказательствомъ этому служитъ то, что тѣмъ же закономъ предоставлено желающихъ отдавать за пристава, если они возьмутъ на себя издержки своего содержанія: «*А будетъ которые тати и розбойники учнутъ бить челомъ, чтобъ ихъ отдавать за приставы, а пожелъзное соймутъ на себя: и ихъ за приставы отдавать, а поголовныя деньги имать по прежнему*» (П. С. З. т. I, № 105).

Отданные за пристава содержались, также какъ и сидѣвшіе въ тюрьмѣ, въ оковахъ и колодкахъ, чему доказательствомъ служатъ: а) слово колодникъ, которое за-

коны этого времени употребляютъ, когда говорятъ объ отданныхъ за пристава (П. С. Зак. т. I, № 221), и б) пожелѣзная пошлина, которую пристава брали съ содержимыхъ (Улож. гл. XX, ст. 94, 102 и 112).

Въ законахъ этого столѣтія есть нѣсколько постановленій относительно вознагражденія, которое пристава получали за содержимыхъ ими подъ своимъ надзоромъ. Это вознагражденіе состояло изъ пожелѣзнаго по 3 деньги и покорму по 4 деньги въ день. Въ указѣ 1658 г. упоминается также о хоженомъ и поверстныхъ посылкахъ (П. С. З., № 221). Очевидно, послѣдняго рода пошлину приставъ получалъ тогда, когда онъ участвовалъ во взятіи и приводѣ или привозѣ обвиняемаго. Всѣ эти пошлины падали на содержимаго, оказавшагося виновымъ, или на истца и обвинителя, по иску котораго онъ былъ отданъ, если искъ или обвиненіе оказывается неосновательными. За холопа, по окончаніи суднаго дѣла, покормъ и пожелѣзное приставъ правилъ или на виноватомъ, т. е. на томъ лицѣ, которому не былъ присужденъ холопъ (Ул. ст. 94 и 112, гл. XX), или на томъ, «*кто его у нихъ засада отступится*» (ст. 102, гл. XX). Очевидно, что плата покорма и пожелѣзнаго была крайне обременительна для подсудимыхъ: лишенные свободы они еще обязаны были платить высокую по тогдашнему времени плату за свое содержаніе. Положеніе ихъ было въ этомъ отношеніи хуже сидѣвшихъ въ тюрьмахъ: послѣдніе не платили пожелѣзнаго и кормились посредствомъ милостыни, которую они собирали, водимые своими надзирателями *на связкахъ* по самымъ людными мѣстамъ города. Въ 1658 году царь велѣлъ съ 1-го марта того года «*съ колодниковъ, которые сидятъ на Москвѣ за приставы въ его вел. госуд. дѣлахъ и въ исцовыхъ искахъ пожелѣзнаго тѣмъ приставамъ имать съ нихъ не велѣть, а вмѣсто пожелѣзнаго указалъ тѣмъ приставамъ давать свое вел. государя жалованье изъ суднаго приказу*», «*а за колодниковъ въ истцовыхъ искахъ платятъ тѣ, на комъ довелось, а не будетъ кого, то изъ суднаго приказу*» (П. С. З., № 221).

Изъ сопоставленія этого указа съ вышеприведеннымъ 1653 г., о несодержаніи за приставомъ, становится очевиднымъ, что разсматриваемая мѣра предупрежденія становилась несовременною, потому что она была въ экономическомъ отношеніи обременительна для подсудимыхъ, и что уже въ силу одного этого она должна была болѣе и болѣе уступать мѣсто дѣйствія содержанію въ тюрьмѣ. Такъ юридическая логика дѣлала свой выводъ: государство гораздо раньше признало уголовную юстицію своимъ дѣломъ; рано или поздно оно должно было взять на себя и издержки ея, что оно стало и дѣлать, начавши съ выдачи приставамъ платы за содержимыхъ ими обвиняемыхъ.

Пристава отвѣчали за упускъ обвиняемыхъ, которыхъ поручали имъ содержать во время слѣдствія и суда. Если приставъ упускалъ приводнаго, котораго «*дадутъ ему держати*»,— его самого, по жалобѣ истцовъ, отдавали на поруки въ томъ, что ему «*сыскавъ ушедшаго поставити въ приказъ въ указ-*

ные сроки». Когда же онъ въ назначенный срокъ не представлялъ бѣжавшаго, то съ него и съ его поручителей правились *истцовы иски*, и хотя запрещалось въ колодничьѣ побѣгѣ его пытать, но въ случаѣ несостоятельности его выдавали «*истцомъ головою до искупу*» (гл. X, ст. 271). За намѣренный отпускъ взятаго и содержимаго, или за отдачу на поруки безъ докладу боярину и дьяку, законъ, кромѣ того, грозилъ имъ наказаніемъ кнутомъ и заключеніемъ въ тюрьму (ст. 83 и 86, гл. XXI).

Относительно мѣста, гдѣ пристава содержали отданныхъ имъ для береженья подсудимыхъ, мы встрѣчаемъ въ законахъ два-три выраженія, нѣсколько разъясняющихъ этотъ вопросъ: «*А быть недѣльщикомъ во всѣхъ приказахъ за крѣпкими поруками*, говорится въ 147 ст. X гл. Уложенія, *а поруки велѣть по нихъ забирать въ томъ, что имъ будучи у государева дѣла..... колодниковъ изъ приказу и отъ себя съ дворовъ безъ указу не отпускати*». Въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику 1648 г. есть слѣдующее выраженіе: «*Тать Филька Рогозъ винился и сказалъ: сидячи онъ въ земскимъ приказѣ за приставомъ, изъ-за пристава ходилъ красть по ночамъ*» (А. И. т. IV, № 6, VIII). Изъ этихъ выраженій мы вправѣ сдѣлать слѣдующій выводъ: отданные за пристава содержались или въ домахъ приставовъ, или въ приказахъ, земскихъ и губныхъ избахъ, при которыхъ пристава состояли; первый видъ содержанія, очевидно древній, былъ въ собственномъ смыслѣ содержаніемъ за приставомъ и вполнѣ соотвѣтствовалъ самому термину, его обозначавшему; второй видъ былъ болѣе позднѣйшею формою содержанія за приставомъ,—его въ собственномъ смыслѣ и нельзя бы называть этимъ именемъ: онъ составлялъ, какъ уже выше сказано, нѣчто среднее между первымъ видомъ и тюремнымъ содержаніемъ въ тѣсномъ смыслѣ. Содержавшіеся въ приказѣ или земской избѣ за приставомъ состояли только на отвѣтственности пристава, не находясь подъ его непосредственнымъ надзоромъ, какъ находились тѣ, которые содержались въ домахъ приставовъ. Выходитъ, что одинъ и тотъ же терминъ сталъ обозначать уже нѣчто иное, вновь народившееся, чего первоначально въ его этимологическомъ, буквальномъ смыслѣ и не было.

§ 19. Поруки, какъ мѣра пресѣченія, достигаютъ въ XVII стол. полнаго развитія и опредѣленности въ юридическомъ отношеніи; но въ практическомъ область ихъ примѣненія становится тѣснѣе и тѣснѣе.

Въ этомъ столѣтіи примѣненіе ихъ также тѣсно связано съ обвинительною формою уголовнаго суда, то есть съ тою формою, которая технически и прежде, и въ разсматриваемое время, называлась *судомъ*.

Судъ, а слѣдовательно и поруки, примѣнялись въ XVII стол. въ слѣдующихъ преступленіяхъ и случаяхъ:

1) По обвиненіямъ посредствомъ поличнаго въ разбоѣ и татьбѣ, если о по-

краденномъ или отнятомъ разбоемъ потерпѣвшій отъ преступленія не подалъ письменныхъ явокъ (ст. 51, гл. XXII, Улож. 1649 г.).

2) По обвиненіямъ въ тѣхъ же преступленіяхъ, когда не было поличнаго, оговора подъ пыткою (безъ язычной молки), и показанія обыскныхъ, что обвиняемый лихой человѣкъ (и не полихованнымъ обыскомъ) (ст. 49, гл. XXI).

3) По обвиненіямъ въ грабежѣ, побояхъ и нанесеніи ранъ (ст. 136, 179; 186 и 207, гл. X),

4) По искамъ объ обидахъ и угрозахъ (ст. 135, 183, 184, 207, 221 гл. X).

Въ первыхъ двухъ случаяхъ, а также и въ грабежѣ, судъ легко переходилъ въ обыскъ, дѣло доходило до пытокъ и для обвиняемаго слѣдовало содержаніе въ тюрьмѣ, или отдача за пристава: «*А будетъ въ судномъ приказѣ сыщется, что тѣ дѣла розбойные, дошли до пытокъ, и тѣхъ истцовъ и отвѣтчиковъ изъ суднаго приказу отсылать въ розбойный приказъ*» (ст. 49, гл. XXI).

Въ законахъ этого столѣтія мы, впрочемъ, не встрѣтили ни точныхъ правилъ, въ какихъ именно случаяхъ обвиненія въ уголовномъ преступленіи должны быть примѣняемы поруки, ни опредѣленія, что при производствѣ суда въ техническомъ смыслѣ непремѣнно примѣнялись поруки, и только поруки. Что поруки примѣнялись въ XVII стол. при производствѣ уголовныхъ дѣлъ формою суда,— это мы утверждаемъ не на основаніи прямыхъ словъ закона, а на основаніи предположенія; мы дѣлаемъ такіе посылку и выводъ: если до XVII стол. при производствѣ уголовныхъ дѣлъ формою суда примѣнялись главнымъ образомъ порука, то слѣдовательно, и въ XVII стол. эта мѣра пресѣченія была неразлучною спутницею еще уцѣлѣвшей формы суда. Но въ отсутствіи точнаго закона относительно этой мѣры лежала причина, почему поруки часто не были примѣняемы въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ бы ихъ слѣдовало по духу и смыслу тогдашнихъ законовъ примѣнять, и почему они теперь стали еще болѣе выходить изъ употребленія.

Въ параграфѣ о содержаніи въ тюрьмѣ мы уже показали, какъ легко судебные дѣятели этого столѣтія переходили ту линію, которая еще не совсѣмъ въ это время пригладилась, чтобы показывать неумѣстность крутыхъ розыскныхъ мѣръ, и въ томъ числѣ и тюремнаго заключенія. Кромѣ того, еще въ прошедшемъ столѣтіи неимѣніе поруки влекло за собою лишеніе свободы; въ XVII стол., съ совершеннымъ почти паденіемъ родоваго и общиннаго въ прежнемъ видѣ быта и съ усиленіемъ государственнаго и приказнаго начала, много было людей, которые не могли найти за себя поруки; вотъ здѣсь лежала новая причина сокращенія области примѣненія поруки. «*А будетъ по которымъ поруки не будетъ . . . сажать въ тюрьму*», — столь часто встрѣчающееся выраженіе въ законахъ этого столѣтія (А. Э., т. III, № 311; доп. къ А. И., т. IV, № 42,

V, № 19; П. С. Зак., № № 669, 1055, 1369). «*Въ земскомъ приказъ по приводамъ, по приставнымъ и по поличному сидятъ по мѣсяцу и по полугоду и больши; а порукъ тѣ приводные люди, что имъ въ тѣхъ искѣхъ по поличному ставиться въ земскомъ приказъ не даютъ, а сказываютъ, что они люди молодчіе и бѣдные, никто по нихъ для продажи, въ такихъ поклепныхъ искѣхъ, не ручаются*» (А. И., т. IV, № 6, X). Можно думать, что такихъ молодчихъ и бѣдныхъ людей было въ настоящее время не мало, и что съ ослабленіемъ родовой и общинной связи невсегда можно было найти охотниковъ, готовыхъ взять на себя тяжелую, и сопряженную съ большою отвѣтственностью, обязанность поручителя.

Въ Соборномъ Уложеніи поруки во время слѣдствія и суда раздѣляются на три вида:

а) Поруки *къ суду*, т. е. къ первоначальной явкѣ въ судъ, для разбирательства дѣла; законъ выражается въ этомъ случаѣ такъ: «*кто нибуди . . . , данъ будетъ на поруки къ суду*», «*а которые люди ручаются по комъ къ суду*», «*а какъ отвѣтчика его учнутъ давати на поруки къ суду*» (ст. 101, 111, 114, 155 и 182, гл. X). Этотъ видъ порукъ примѣнялся только къ отвѣтчику.

б) Поруки «*съ суда*». На поруки съ суда отдавались какъ отвѣтчики, такъ и истцы. «*А съ суда по истцѣхъ и отвѣтчикѣхъ имати ставочныя поручныя записи въ томъ, что тѣмъ истцомъ и отвѣтчикомъ до вершенія суднаго дѣла безъ указу съ Москвы не съѣзжати*» (ст. 123, также 112, 113, 130, 131). Поруки по истцѣ брались потому, что дѣло иногда рѣшалось и не въ пользу истца, который въ такомъ случаѣ долженъ былъ платить всѣ судебныя пошлины; такимъ образомъ возникала необходимость обезпечить возможность подобнаго взысканія отдачею истца на поруки. Эта цѣль высказана въ указѣ 1698 г.; этимъ указомъ также предписано «*по истцѣхъ собирать поручныя записи таковыя жъ, каковы собираются по отвѣтчикахъ*», тотчасъ послѣ допроса отвѣтчика—сказано: «*и съ того допросу*» (П. С. Зак., № 1631).

в) Отдача на поруки съ тѣмъ, чтобы отданный представилъ въ судъ другаго. Съ этою цѣлью отдавались на поруки слѣдующія лица и въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) люди или дворникъ помѣщика, уклоняющагося отъ суда, съ тѣмъ, «*что имъ того своего боярина поставити въ приказъ на срокъ*» (ст. 139, гл. X). Въ случаѣ неисполненія такого обязательства слѣдовало взятіе и содержаніе крестьянъ въ приказѣ. 2) Порутчики помѣщика, обязавшагося, но неисполнившаго своего обязательства, которое состояло въ томъ, чтобы, развѣдавъ, дѣйствительно-ли его крестьяне причинили деревенскую обиду извѣстному лицу, затѣмъ явиться въ судъ; но этихъ порутчикахъ бралась поручная запись въ томъ, «*что имъ его къ отвѣту поставить вскорѣ*» (ст. 229, гл. X). 3) Помѣщики съ тѣмъ, чтобы они въ срокъ поставили на очную ставку своихъ людей и крестьянъ, оговоренныхъ въ разбоѣ и татьбѣ, если оговоренные у нихъ дѣйствительно живутъ, а они ихъ въ судъ непредставятъ, или спрячутъ, или *изъ за себя вышлютъ вонъ*

(ст. 45, 46, 77, 78, гл. XXI). Если помѣщикъ не исполнилъ своего обязательства, то въ замѣнъ оговоренныхъ людей брались его правые крестьяне (ст. 74, гл. XXI).

Самая процедура отдачи на поруки состояла въ слѣдующемъ: истецъ, или жалобщикъ подавалъ въ приказъ приставную память за своею подписью, съ обозначеніемъ сущности и цѣны иска (ст. 100, 137, гл. X). Эту приставную память подписывалъ дьякъ и приказывалъ того же числа записать въ книгу (ib.) По запискѣ въ книгу ее выдавали приставу, который на основаніи ея сыскивалъ отвѣтчика и отдавалъ его на поруки, о чемъ составлялъ поручную запись и представлялъ ее въ приказъ; здѣсь дьякъ дѣлалъ помѣту. Поручную запись съ суда по истцѣ и отвѣтчикѣ приставъ обязанъ былъ представить не позже какъ на третій день послѣ ея совершенія; дьякъ дѣлалъ также помѣту на этой записи и отдавалъ подъячему для пріобщенія къ дѣлу (ст. 123, гл. X). За непредставленіе на третій день поручной записи, пристава велѣно «*бити батогами нещадно*». Если подъячій о непредставленіи записей въ назначенный срокъ забывалъ доложить судьямъ, а между тѣмъ истецъ и отвѣтчикъ, не представивъ по себѣ порукъ, съѣзжали съ Москвы, то какъ приставъ, такъ и подъячій, платили всѣ судебныя пошлины, и посылались новые пристава, которымъ поручалось или выслать, или привести за поруками съѣхавшихъ до окончанія дѣла (ib.). Указомъ 1689 г. еще точнѣе были опредѣлены правила относительно приставныхъ и поручныхъ. На основаніи этого закона по записаніи приставной въ приказную книгу, истецъ подъ статьею дѣлалъ рукоприкладство, что записка съ приставною сходна. Приставъ поручную запись по отвѣтчикѣ подавалъ въ приказъ «*того числа, котораго поручная запись совершена будетъ, или кончая на другой день*»; дьякъ тогожъ числа на поручной помѣчалъ годъ, мѣсяцъ и число подачи; поручная вписывалась въ книгу и подъ статьею вписки истецъ и отвѣтчикъ подписывались, что поручная съ приставною сходна. Затѣмъ приставная наклеивалась на поручную (П. С. Зак. т. III, № 1363). По окончаніи этой процедуры, искъ считался начатымъ, или, выражаясь технически, это значило: истецъ приставилъ къ отвѣтчику въ какомъ нибудь дѣлѣ.

Иногда вмѣсто приставной памяти посылалась зазывная грамота, которая вполнѣ ее замѣняла; по зазывной отвѣтчикъ также отдаваемъ былъ на поруки и поручныя записи были представляемы въ приказъ (ст. 109 и 117, гл. X).

Если отвѣтчикъ, отданный по приставной памяти или по зазывной грамотѣ на поруки, не являлся въ назначенный срокъ въ приказъ, или не присылалъ кого-нибудь вмѣсто себя, то истцу давалась зазывная грамота, на основаніи которой отвѣтчикъ вторично отдаваемъ былъ на поруки и съ него взыскивались «*подписныя и печатныя пошлины, да проѣсти и волокиты на мѣсяцъ три рубля*» (ст. 114, гл. X). То же самое повторялось, если отвѣтчикъ, по котораго поручная запись прислана въ приказъ, не являлся и на сей разъ къ отвѣту. Когда же онъ по второй или третьей зазывной грамотѣ

не являлся въ судъ, постановлено было «*его въ истцовъ иску тѣмъ обвинити безъ суда, потому что онъ по себѣ къ суду далъ поруку трижды, а къ суду не сталъ*» (ст. 115 и 117, гл. X). Но безъ поручной записи обвинять запрещалось: «*А безъ поручной записи по приставной памяти отвѣтчика не винити*» (ст. 111 гл. X).

Если отвѣтчикъ «*учнетъ у пристава укрываться, и во дворѣ у себя не учнетъ сказыватися*», приставъ обязанъ былъ вмѣстѣ съ своими товарищами стеречь «*у двора его день и два и три*», и когда отвѣтчикъ, или его человѣкъ или дворникъ выйдутъ изъ двора, брать кого нибудь изъ нихъ и приводить въ приказъ, къ судьямъ, которые приказывали дать на поруку къ суду (ст. 138, гл. X). Если пойманный отвѣтчикъ у пристава отобѣжитъ, то сей обязанъ былъ объявить объ этомъ окольнымъ людямъ того мѣста, гдѣ онъ отбился (ст. 139). Удостовѣрившись посредствомъ сыска, что такъ было, судьи посылали подъячего добраго съ прежнимъ приставомъ, чтобы они, взявъ понятыхъ сторонннхъ людей, отправились съ ними на дворъ отвѣтчика «*и на дворѣ ему приставную память вычли и выговорили ему, что онъ учинилъ то непораздо, отъ пристава отбился, и по приставной памяти поруки по себѣ не далъ*», и затѣмъ отдали бы его на поруки (ib.). Если же и на сей разъ онъ поруки по себѣ не дастъ, «*учинится силенъ приставу и отбився отъ пристава съ Москвы сбѣжитъ*», то посланные брали его людей и крестьянъ, отдавали ихъ на поруки въ томъ, что они своего боярина поставятъ на судъ, и нѣкоторыхъ изъ нихъ удерживали въ приказѣ, пока отвѣтчикъ *объявится* въ приказѣ. По явкѣ его или по приводѣ, вслѣдствіе просьбы истца, въ приказъ, онъ платилъ всѣ издержки, волокиту и, кромѣ того, за ослушаніе подвергался или заключенію въ тюрьму на недѣлю, или другому наказанію, *что государь укажетъ* (ст. 140). Словомъ, когда «*люди*», сказано въ Соборномъ Уложеніи, «*учнутъ чинитися сильны, на поруки давитися не учнутъ и воеводы о томъ учнутъ на нихъ писати къ Государю*», когда «*по Государевымъ по тремъ грамотамъ поруки по себѣ не дадутъ, и о томъ ихъ непослушаньи къ Государю воеводы отпишутъ противъ всѣхъ трехъ грамотъ, и подъ отписками своими пришлютъ допздныя памяти за руками тѣхъ людей, которые по нихъ изъ городовъ посланы будутъ, и за руками сторонннхъ людей, которые будутъ въ понятыхъ*»,—тогда велѣно было посылать по такихъ ослушниковъ, вмѣстѣ съ приставами «*стрѣльцовъ и пушкарей и защитниковъ многихъ людей изъ пзду*», съ тѣмъ, чтобы они, по отысканіи, привозили или приводили ихъ за руками же въ Москву или другіе города (ст. 119, 120, 140 и 141, гл. X).

Форма поручныхъ записей осталась та же, которая существовала и въ прежнемъ періодѣ. Цѣль поручительства тоже не измѣнилась: поручители ручались, что взятый ими на поруки будетъ являться къ суду, или что они будутъ ставить его къ суду. Въ случаѣ неявки ручаемаго въ судъ въ опредѣленный срокъ поручители платили государевы пошлины и истцовы иски (ст. 113, 115—117, 121 и 122, гл. X). Въ Соборномъ Уложеніи упоминается только объ одномъ случаѣ, въ которомъ поручители, въ случаѣ неявки ручаемаго, обязаны были сами его

сыскать и поставить (ст. 229, гл. X). Такимъ образомъ, и первоначально и теперь цѣль порукъ, прежде всего, состояла въ томъ, чтобы обезпечить уплату судныхъ пошлинъ и истцовыхъ исковъ. Но такъ какъ имущественная отвѣтственность въ случаѣ неявки ручаемаго падала на поручителей, то очевидно, что для нихъ прямой интересъ заключался въ томъ, чтобы побуждать обвиняемаго стать въ назначенный срокъ предъ судомъ и принимать мѣры къ его явкѣ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, увѣренность въ томъ, что люди, незамѣшанные въ дѣло, не станутъ ручаться за лицо, которому они не довѣряютъ, съ другой стороны, надежда, что люди, взявшіе на себя поручительство, тѣмъ самымъ, по своимъ интересамъ, будутъ расположены противодѣйствовать уклоненію ручаемаго ими отъ слѣдствія и суда, составляли сущность порукъ, какъ одной изъ мѣръ пресѣченія способовъ уклоняться отъ суда.

Въ прошедшемъ періодѣ, какъ мы видѣли, установленные въ году сроки имѣли еще силу. Въ XVII стол. они сначала были видоизмѣнены, а потомъ окончательно отмѣнены. Въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику 1620—1645 г. помѣщенъ царскій указъ (временъ Михаила Ѳедоровича) и боярскій приговоръ о срокахъ. Указъ этотъ изданъ былъ въ отвѣтъ на просьбу дворянъ и дѣтей боярскихъ о томъ, чтобы Государь отмѣнилъ три срока въ году и велѣлъ бы «*на патріаршихъ и на митрополичьихъ и на владычнихъ приказныхъ людей и на крестьянъ, и на троицкой и наипаче монастыри*» давать въ ихъ обидахъ и насильствахъ судъ безсрочно. Удовлетворяя ихъ просьбу объ отмѣнѣ 3-хъ сроковъ и производствѣ на патріаршемъ дворѣ суда безсрочно въ отношеніи упомянутыхъ лицъ, Государь, однакожъ, указалъ и бояре приговорили, чтобы «*на пашенныхъ на всякихъ людей въ управныхъ дѣлахъ судъ давати съ октября съ 1-го числа до апрѣля по 1-е число, а апрѣля съ 1-го числа октября по 1-е числа суда не давати для пашеннаго времени*» (А. И. т. III, № 92; XXXIII, стр. 111, стол. 2-й). Съ изданіемъ Соборнаго Уложенія уничтожены были и эти послѣдніе сроки. Въ тѣхъ немногочисленныхъ грамотахъ, которыя давались духовнымъ учрежденіямъ, постоянно дѣлалась такая оговорка: «*которые въ сей жалованной грамотѣ сроки написаны, что судить на три сроки и тѣ сроки нынѣ по нашему указу отговорены и быть тому по новому указу*», или «*давати судъ безсрочно по нашему указу и уложенію*» (А. И. т. I, № 147; II, №№ 74, 94, 95 и 129, IV, № 218). По Уложенію срокъ явки для отвѣтчика полагается недѣльный съ того времени, «*какъ по немъ поручная запись будетъ собрана*» (ст. 110 и 111, гл. X). Иногороднымъ и уѣзднымъ давались, кромѣ того, поверстные сроки. Дозволялось истцу и отвѣтчику подавать отсрочныя челобитныя о томъ, «*что имъ межъ себя сыскиватися, а будетъ не сыщутся, и имъ обьма стати въ приказъ къ суду на срокъ, какъ они межъ себя договорятся*» (ст. 108, гл. X). Очевидно, что эти сроки относились къ тѣмъ уголовнымъ дѣламъ, которыя производились чисто исковымъ, обвинительнымъ порядкомъ. Когда же дѣло шло о разбоѣ, кражѣ, грабежѣ и другихъ преступленіяхъ, то обвиняемые отдавались на поруки о явкѣ въ судъ по требо-

ванію, по вся дни. Такъ, по чердынскому дѣлу, въ которомъ рѣчь шла и о грабежѣ, 110 человѣкъ чердынцевъ, посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ, за поруками, жили въ Чердыни больше года безъ съѣзда, и по снятіи съ нихъ порукъ, 19 другихъ человѣкъ, по тому же дѣлу велѣно было «*дать на крѣпкія поруки съ записями въ томъ, что имъ до указу жить въ Чердыни и ставиться предъ воеводою по вся дни и изъ Чердыни никуда не съѣхать, а какъ ихъ спросятъ и имъ за поруками стать гдѣ мы укажемъ*» (А. И. т. III, № 264). Безсрочность явки въ судъ, или явка по вся дни, по требованію, условливалась свойствомъ розыска, въ которомъ истцомъ было не частное лицо, а само государство, органы котораго могли требовать подсудимаго по настоянію нужды, каждый ли день, или вообще по усмотрѣнію. Истецъ и отвѣтчикъ отдавались на поруки съ суда также съ тѣмъ, чтобы «*имъ до вершенія суднаго дѣла съ Москвы не съѣхати*» и являться по требованію суда.

Въ институтѣ приставовъ не произведено было никакихъ перемѣнъ съ изданія 2-го Судебника. Они, также какъ и прежде, исполняли свою обязанность при содѣйствіи своихъ товарищей, за которыхъ они отвѣчали; въ исправномъ и согласномъ съ законами исполненіи своихъ обязанностей они, также какъ и прежде, представляли за себя поруки; также какъ и прежде, ихъ обязанность, главнымъ образомъ, состояла въ вызовѣ къ суду и въ отдачѣ подсудимыхъ на поруки (ст. 147 и 148, гл. X Улож.). Хотя они въ XVII стол. исполняли также и другую обязанность, именно брали и содержали подсудимыхъ, по которымъ не было порукъ, и обвиняемыхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ,—но эту обязанность исполняли также и другія лица, какъ-то: губные старосты и цѣловальники, сыщики и подъячіе, сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе, стрѣльцы и пушкари. Можно сказать, что въ XVII ст., съ развитіемъ централизаціи и приказовъ, съ проникновеніемъ даже въ гражданское судопроизводство сыскнаго и слѣдственнаго начала, болѣе и болѣе сохнутъ тѣ корни, изъ которыхъ выросли пристава. Цвѣтущее время приставовъ связано съ періодомъ существованія безчисленнаго множества отдѣльныхъ юрисдикцій и преобладанія обвинительнаго начала. Какъ только то и другое стало съуживаться и исчезать, какъ только обязанность «*имать*» и «*приводить*» лихихъ людей болѣе и болѣе становилась обязанностью многихъ должностныхъ лицъ и даже каждаго частнаго человѣка,—потребность въ приставахъ стала уменьшаться. Еще въ серединѣ XVII столѣтія были такъ называемые данные пристава у монастырей и духовныхъ властей, а въ началѣ слѣдующаго пристава уже исчезаютъ.

На основаніи сказаннаго въ этой главѣ мы вправѣ сдѣлать слѣдующіе выводы.

а) Дальнѣйшее развитіе понятія о преступленіи, какъ общественномъ злѣ, и о наказаніи, какъ общественной карѣ, постепенное и постепенное увеличеніе преобладанія общегосударственной власти въ отправленіи уголовнаго суда и, вмѣстѣ съ тѣмъ, окончательное торжество слѣдственнаго начала надъ обвинительнымъ—вызвали въ этомъ періодѣ къ жизни новую мѣру пресѣченія: содержаніе въ тюрьмѣ.

б) Содержаніе въ тюрьмѣ, подобно другимъ мѣрамъ предупрежденія, возникло путемъ практики. Нѣтъ такого законодательнаго памятника, которымъ бы оно было введено и которымъ бы оно было точно регулировано. Оно явилось прямымъ результатомъ обязанности *имать* преступниковъ, примѣненія пытки, и необходимости найти болѣе удобное мѣсто содержанія для увеличивавшагося съ каждымъ десятилѣтіемъ числа подсудимыхъ, слѣдствіе и судъ надъ которыми становились все продолжительнѣе и продолжительнѣе.

в) Содержаніе за приставомъ въ XVII стол. было двухъ видовъ: содержаніе на дому и въ приказѣ. Послѣднее было то же, что и тюремное заключеніе въ собственномъ смыслѣ; помѣщенія въ приказахъ были тѣже тюрмы, находившіяся только подъ надзоромъ приставовъ, отчего содержаніе въ нихъ носило ихъ имя. Выходитъ, что содержаніе въ приказѣ за приставомъ въ историческомъ развитіи является скорѣе переходною ступенью въ благоустройствѣ тюремнаго содержанія, чѣмъ отдѣльною по своему существу мѣрою пресѣченія.

г) Вслѣдствіе того, что содержаніе въ тюрьмѣ, подобно другимъ мѣрамъ пресѣченія, вошло въ обычай путемъ практики, какъ выводъ изъ посылки, какъ логическое послѣдствіе совершившихся общественныхъ перемѣнъ,—въ законахъ этого періода, мы не находимъ точной границы, которая бы отдѣляла область примѣненія этой мѣры отъ области примѣненія другихъ мѣръ пресѣченія. Законодатель и не думалъ о точномъ разграниченіи этихъ областей, объ изданіи точныхъ правилъ примѣненія каждой мѣры, потому что онъ былъ занятъ однимъ: доставленіемъ торжества общегосударственной власти. Изъ этой-то неопредѣленности и возникло непомѣрно частое примѣненіе содержанія въ тюрьмѣ, примѣненіе его тамъ, гдѣ прежде совершенно основательно довольствовались поруками; отсюда ведетъ свое начало переполненіе тюремъ подсудимыми, словомъ—то зло, противъ котораго уже законодатель XVII стол. сталъ бороться.

д) Въ XVII стол. обвинительное начало въ производствѣ уголовнаго суда, даже по такимъ преступленіямъ, какъ разбой, грабежъ и татьба, по крайней мѣрѣ въ опредѣленныхъ случаяхъ, еще допускалось закономъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ допускалось, при преслѣдованіи такихъ преступленій, и примѣненіе порукъ. Но обвинительное начало и поруки являются уже не тѣми жизненными самостоятельными и твердыми учрежденіями, какими они были въ прежніе періоды, а обломками стараго, среди враждебнаго имъ новаго порядка, учрежденіями, корни которыхъ были окончательно подорваны, и которымъ въ будущемъ предстояло окончательное паденіе отъ напора несовмѣстныхъ съ ними обстоятельствъ. Вотъ почему въ XVII стол., примѣненіе обвинительнаго начала и порукъ съ каждымъ десятилѣтіемъ становится помимо закона, рѣже и рѣже, пока къ концу столѣтія не доходитъ до самыхъ малыхъ размѣровъ. Поруки,—нѣкогда столь могущественное учрежденіе,—должны были окончательно уступить содержанію въ тюрьмѣ мѣсто въ томъ уголовномъ судопроизводствѣ, въ которомъ предписывалось содержать въ тюрьмѣ даже правыхъ крестьянъ, чтобы заставить явиться въ судъ обвиняемаго помѣщика, или укрываемаго имъ крестьянина.

ГЛАВА IV.

XVIII и XIX столѣтія до изданія Свода Законовъ.

§ 20. Общій характеръ уголовнаго суда того времени.

§ 21. Обозрѣніе и характеръ законовъ и сепаратныхъ указовъ относительно мѣръ пресѣченія.

§ 22. Результаты произведенныхъ Петромъ I перемѣнъ и исключительнаго господства слѣдственнаго начала: частое употребленіе заключенія въ тюрьму, непомѣрная продолжительность заключенія, многочисленность тюремныхъ сидѣльцевъ.

§ 23. Мѣста содержанія подъ стражею; способы содержанія заключенныхъ; дополнительныя мѣры пресѣченія, соединенныя съ тюремнымъ заключеніемъ.

§ 24. Мѣры, которыя принимало правительство для споспѣшествованія скорѣйшему окончанію дѣлъ содержимыхъ: контроль, доставленіе вѣдомостей, сроки для рѣшенія дѣлъ.— Заключеніе.

---

§ 20. Съ Петра I государственное начало, какъ вообще, такъ въ частности въ области уголовнаго судоустройства и судопроизводства, достигло послѣдняго предѣла своего могущества.

Все, носившее печать народной самодѣятельности, было или вовсе изгнано изъ уголовнаго суда, или, допускаемое закономъ, оставалось то въ бездѣйствіи, то въ полнѣйшемъ подчиненіи приказному началу. Приказное же начало, получивши сложную и могущественную организацію, сдѣлалось всевластнымъ. При такомъ порядкѣ вещей, если бы не было издано никакихъ спеціальныхъ законовъ, остатки стародавней формы уголовнаго суда все-таки не могли бы сохранить силы дѣйствія.

Но дѣло въ томъ, что Петръ I своими спеціальными законами довершилъ дѣло, начатое еще въ концѣ XV вѣка; преобразованіями своими онъ совершенно разрушилъ старую обвинительную систему уголовнаго суда, которая занимала еще такое почетное мѣсто въ Соборномъ Уложеніи, и доставилъ всестороннее и рѣшительное торжество болѣе новой слѣдственной системѣ, получившей первую законодательную санкцію со временъ «Судебниковъ» и съ тѣхъ поръ поступательно завоевывавшей поле дѣйствія.

Хотя позже Петръ I хотѣлъ возстановить въ уголовномъ судопроизводствѣ обвинительное начало съ старымъ характеромъ, но попытки его остались безъ дѣйствія, такъ какъ тогдашнему общественному строю соотвѣтствовали болѣе первые, чѣмъ вторые законы.

Сообщенныя реформами Петра I уголовному суду черты остались неизмѣнными характеристическими чертами общественнаго правосудія въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія.

Само собою разумѣется, что происшедшая перемѣна въ общемъ духѣ судопроизводства не могла не отозваться въ его частностяхъ. Мы видѣли, что усиленіе розыскнаго начала въ два прошедшіе періода отозвалось ослабленіемъ болѣе мягкихъ и усиленіемъ и развитіемъ болѣе энергическихъ мѣръ пресѣченія; то же самое повторилось и въ этомъ періодѣ.

§ 21. Съ 1697 по 1700 г. издано нѣсколько законовъ, которыми предписано было производить посредствомъ розыска тѣ уголовныя дѣла, которыя по Соборному Уложенію рѣшались по старой формѣ суда. «*Вмѣсто судовъ и очныхъ ставокъ*, говорится въ указѣ 1697 г. 21 февраля, *по челобитью всякихъ чиновъ людей въ обидахъ и въ разореньяхъ чинить розыскъ въ браніи и въ безчестье или въ бою и въ увѣчьѣ и во всякихъ обидахъ и въ разорѣньѣ*». (П. С. З. т. III, № 1572, п. 1. См. также № 1611, декабря 26 дня 1697 г., п. 7, стр. 424; № 1643, августа 30 дня 1698 г.; № 1679, марта 1 дня 1699 г.). Законодатель оправдываетъ эту перемѣну тѣмъ, что «*въ судахъ и очныхъ ставкахъ отъ истцовъ и отвѣтчиковъ бываетъ многая неправда и лукавство*». Розыскъ сей, по смыслу приведенныхъ законовъ, долженъ былъ состоять въ слѣдующемъ: если истецъ или отвѣтчикъ отводитъ свидѣтелей, то объ основательности причинъ отвода слѣдуетъ или собрать справку въ приказѣ, или произвесть изслѣдованіе. Законами 1697 г. 16 марта, 1699 г. 24 декабря, 1700 г. 19 іюля измѣненъ самый способъ призыва отвѣтчика въ судъ: по силѣ этихъ законовъ, послѣ подачи челобитной, слѣдовали отысканіе отвѣтчика, представленіе его въ приказъ и допросъ (№№ 1576, 1737 и 1806). Первымъ изъ этихъ указовъ предписано было послѣ допроса «*собирать по отвѣтчикѣ поручную запись, что ему ставиться въ приказъ по вся дни до вершенія того дѣла, а безъ указу никуда не съѣхать*». Въ двухъ остальныхъ законахъ о поручныхъ записяхъ ничего не говорится. Въ нихъ установлены новыя правила относительно допроса отвѣтчика: когда взятый въ приказъ отвѣтчикъ станетъ просить о томъ, чтобы ему данъ былъ срокъ для дачи отвѣта, то, по указу 1699 г. 24 декабря, повелѣно давать сроку одинъ, два, три дня, но не больше недѣли, со взятіемъ съ него подписки въ томъ, что въ данный срокъ онъ къ отвѣту станетъ. Въ изданіи закона 1700 г. 19 ноября законодатель пошелъ далѣе: этимъ закономъ предписано было, сыскавъ отвѣтчиковъ по челобитнымъ, допрашивать ихъ тотчасъ, а сроковъ не давать. Если бы отвѣтчикъ не былъ тотчасъ отысканъ, то предписывается истцову челобитную запечатывать, для того, *чтобы отвѣтчики тѣхъ челобитенъ не смотрѣли и вымыслом своимъ въ допросахъ своихъ ничего не прибавляли*, и чтобы, такимъ образомъ, содержаніе челобитной оставалось тайной для отвѣтчика. Чтобы содержанія челобитенъ не могли сообщать отвѣтчикамъ подъячіе, узаконено было вписывать въ книгу не содержаніе запечатанной челобитной, а только имена истца и отвѣтчика

Къ тому же роду законовъ должно отнести толкованіе указа 1722 г. 16 апрѣля. Изданный съ цѣлью уменьшить число арестантовъ, указъ этотъ гласитъ слѣдующее: «*Буде кто кого приведетъ, или бить челомъ станетъ, въ такомъ дѣлѣ что онаго въ приказъ или тюрьмѣ держать надобно, то оный кормить его долженъ*». Если кормить не захочетъ, то приведенныхъ велѣно выпускать. Судьямъ предписывается исполнять это подъ угрозою штрафа (№ 3490). Скоро послѣ изданія этого указа возникъ вопросъ: распространяется-ли этотъ законъ на приведенныхъ по обвиненіямъ въ воровствѣ и разбояхъ. Сенатъ 13 сентября того же года разрѣшилъ этотъ вопросъ такъ: «*А что написано въ упомянутомъ указѣ колодниковъ выпускать, разумѣется выпускать такихъ колодниковъ, которые держаны во всякихъ искахъ кромѣ разбойныхъ и татиныхъ дѣлъ; а по разбойнымъ и татинымъ дѣламъ кто кого приведетъ, и тѣхъ приводцовъ принуждать, чтобы они то ихъ воровство доказывали, а судьямъ по тѣмъ дѣламъ рѣшеніе чинить немедленно, а безъ рѣшенія не освобождать*» (№ 4091). Этимъ толкованіемъ отмѣнены путемъ закона ст. 30, 41, 51 и 54 гл. XXI Соборнаго Уложенія, на основаніи которыхъ одинъ приводъ далеко недостаточенъ былъ для держанія подъ стражею обвиняемыхъ въ воровствѣ и разбоѣ, а необходимы были: поличное, язычная молка, лихованные обыски, вынутіе поличнаго съ понятыми и приставомъ; безъ этихъ условій дѣло производилось формою суда, необходимымъ слѣдствіемъ котораго была отдача обвиняемаго на поруки.

Вышеизложенными законами окончательно была отмѣнена для уголовныхъ дѣлъ носившая на себѣ слѣды глубокой древности форма процеса, извѣстная подъ именемъ *суда;* вмѣстѣ съ тѣмъ, были подорваны въ корнѣ и частныя учрежденія, тѣсно съ нею связанныя. Чтобы понять всю важность перемѣнъ, произведенныхъ изложенными законами, слѣдуетъ перечислить то, что ими отмѣнено и что вновь введено. Отмѣнены: приставная память, въ которой излагалась сущность истцовой жалобы и которая для отвѣтчика служила повѣсткою о занесенной противъ него жалобѣ; отдача, до начала судоговоренія, на поруки отвѣтчика съ назначеніемъ ему срока первой явки въ судъ; отвѣтственность поручителей; институтъ приставовъ, которые дѣйствовали по строго опредѣленнымъ правиламъ и подлежали за свои дѣйствія дѣйствительной отвѣтственности. Введены были: приглашеніе и даже взятіе (въ указѣ 1699 г. сказано: *а буде кто отвѣтчикъ въ приказъ взятъ будетъ*) отвѣтчика въ судъ безъ объясненія повода къ тому; немедленный допросъ отвѣтчика безъ предоставленія ему возможности приготовиться къ отвѣту; канцелярская тайна, лишавшая отвѣтчика возможности собрать заблаговременно доказательства. Всѣми этими нововведеніями, съ одной стороны, были уничтожены старыя гарантіи для подсудимыхъ, съ другой стороны открыта была широкая дверь для произвольнаго толкованія и исполненія закона.

Эти измѣненія имѣли прямое отношеніе къ мѣрамъ пресѣченія. Отдача за пристава навсегда исчезла изъ законодательства и практики; это мы утвержда-

емъ на томъ основаніи, что объ этой мѣрѣ предупрежденія нѣтъ и помину съ этихъ поръ ни въ законахъ, ни въ практикѣ. Вышли также изъ употребленія и прежнія поруки: объ нихъ даже нѣтъ и рѣчи въ законахъ 1699 г. 24 декабря, 1700 г. 19 іюля. Правда, въ законѣ 1697 г. 17 марта говорится о порукахъ, но это уже не тѣ древнія поруки, занимавшія такое важное мѣсто даже еще въ Соборномъ Уложеніи, а поруки совершенно инаго свойства. Древнія поруки—это былъ актъ, предшествовавшій явкѣ отвѣтчика въ судъ; новыя поруки слѣдовали послѣ явки и допроса отвѣтчика. Древнія поруки влекли отвѣтственность поручителей и потому служили дѣйствительнымъ обезпеченіемъ интересовъ истца, общественнаго правосудія и даже интересовъ самого отвѣтчика, потому что представить поруки, а не быть взятымъ и содержимымъ подъ арестомъ—это было его право; новыя поруки, какъ несопряженныя съ имущественною отвѣтственностью поручителей, не могли имѣть серьезнаго значенія ни для истца, ни для общественнаго правосудія, ни для самого отвѣтчика. Что новыя поруки не влекли за собою отвѣтственности для поручителей—мы имѣемъ два доказательства: во-первыхъ то, что поруки, изрѣдка примѣнявшіяся въ практикѣ даже въ наше время, на основаніи статей Свода Законовъ, для которыхъ матеріаломъ служили законы, изданные со временъ Петра I, были поруками безотвѣтственными, формальными; во вторыхъ то, что поручители поручной записи, помѣщенной въ первомъ Полн. Собр. Законовъ т. X, подъ № 7594, не берутъ на себя отвѣтственности въ случаѣ неявки. Древнія поруки были мѣрою столь необходимою, что безъ нихъ судъ былъ невозможенъ, если отвѣтчикъ или обвиняемый оставался на свободѣ; новыя поруки не были въ подобныхъ случаяхъ неизбѣжнымъ актомъ уголовнаго судопроизводства: въ законахъ 1699 и 1700 гг. о нихъ даже вовсе не упоминается.

Результаты этихъ перемѣнъ не замедлили обнаружиться. Уже въ концѣ предшествовавшаго періода примѣненіе содержанія въ тюрьмѣ съ каждымъ десятилѣтіемъ болѣе и болѣе расширялось, на счетъ примѣненія двухъ другихъ упомянутыхъ мѣръ. Однакожъ, самое существованіе въ законѣ порукъ и отдачи за пристава могло служить преградою произволу и гарантіею для подсудимаго. Теперь, съ кореннымъ измѣненіемъ прежняго характера порукъ и съ отмѣною отдачи за пристава, примѣненіе содержанія въ тюрьмѣ достигло огромныхъ размѣровъ: послѣ исчезновенія хотя нѣкоторыхъ границъ, опредѣлявшихъ прежде область каждой изъ трехъ мѣръ пресѣченія, была потеряна всякая соразмѣрность въ употребленіи содержанія въ тюрьмѣ.

Еще Петръ I замѣтилъ вредныя слѣдствія сдѣланныхъ имъ перемѣнъ, давшихъ такое обширное примѣненіе розыску. Въ 1714 г. 15 іюня онъ издалъ законъ, которымъ, отмѣняя силу и дѣйствіе новоуказныхъ статей, измѣнявшихъ Соборное Уложеніе, онъ возстановилъ значеніе сего послѣдняго (№ 2828). Указъ этотъ, однакожъ, остался, да и не могъ не остаться, безъ дѣйствія. Изданіемъ извѣстнаго закона 5 ноября 1723 г. о формѣ суда, Петръ I, кажется, хотѣлъ

остановить развитіе вредныхъ слѣдствій своихъ законовъ объ отмѣнѣ суда и введеніи розыска и, можетъ быть, исправить сдѣланную ошибку. Такъ думать можно, основываясь на словахъ этого закона, смыслъ которыхъ совершенно противорѣчитъ смыслу законовъ 1697—1700 гг. Въ законѣ 5 ноября 1723 г. говорится: «*не надлежитъ различать (какъ прежде бывало) одинъ судъ, другой розыскъ, но токмо одинъ судъ*», т. е. говорится нѣчто противоположное тому, что предписывалъ тотъ же законодатель прежде. Этимъ закономъ отмѣнены были многія стѣснительныя правила законовъ, изданныхъ между 1697 и 1700 гг. По правиламъ, предписаннымъ въ этомъ законѣ, должно было производить *судъ* по всѣмъ дѣламъ, кромѣ, какъ сказано въ этомъ законѣ, дѣлъ: измѣны, злодѣйства или словъ, противныхъ на Императорское Величество и Его Величества фамилію. Прежде начатія суда, отвѣтчику, по этому закону, былъ вручаемъ списокъ съ жалобы; на этомъ спискѣ рукою судящихъ означался срокъ, въ который отвѣтчикъ обязанъ стать въ судѣ съ отвѣтомъ. При выдачѣ списка предписано было у отвѣтчика брать *реверсъ* о томъ, что онъ копію получилъ и долженъ стать въ положенный срокъ въ судѣ безъ всякой отговорки. Если у отвѣтчика не было столько движимаго и недвижимаго имущества, чтобы обезпечить сумму иска, то въ теченіе недѣли собирались по немъ поруки, *которымъ въ томъ иску можно вѣрить*, что отвѣтчикъ до вершенія дѣла не съѣдетъ, а если по комъ порукъ не будетъ, то держать его подъ арестомъ (№ 4344 п. 5). По окончаніи допросовъ предписано было по истцахъ, т. е. по истцѣ и отвѣтчикѣ, тоже брать поруки, что имъ до вершенія дѣла не отлучаться (п. 8). Въ случаѣ неявки отвѣтчика, его обвиняли и правили искъ или изъ его имущества, или, за неимѣніемъ онаго, съ поручителей. Въ заключеніи этого закона сказано: «*всѣ суды и розыски имѣютъ по сей формѣ отправляться, не толкуя, что сія форма къ тому служитъ, а къ другому не служитъ*». Законъ этотъ скоро вызвалъ сомнѣнія и разные вопросы: судебныя мѣста различно толковали дѣйствительно широкое и неопредѣленное слово «злодѣйство», содержащееся въ 5 п. Посему сенатъ, въ указѣ 1725 г. мая 3 дня, объяснилъ, что подъ словомъ злодѣйство должно разумѣть слѣдующія преступленія: а) богохульство, церковный мятежъ, о которыхъ говорится въ 1 и 2 ст. 1 главы Уложенія, и расколъ; б) противныя слова про Императора и его фамилію, измѣна и бунтъ; в) смертоубійство, разбой, воровство, если тати пойманы будутъ или съ поличнымъ приведены. Обвиняемыхъ во всѣхъ сихъ преступленіяхъ сенатъ опредѣлилъ распрашивать какъ злодѣевъ и списковъ съ челобитенъ имъ не давать. Такимъ образомъ, къ этого рода преступникамъ законъ 1723 г. 5 ноября не долженъ быть примѣняемъ. Съ лицами же, противъ коихъ подано будетъ доношеніе о кражѣ чего казеннаго или съ народу собираемаго, или о кражѣ у частныхъ лицъ, если не были они пойманы или приведены, велѣно поступать по указу о формѣ суда, потому что, *пока*, сказано въ сенатскомъ толкованіи, *они въ томъ допрашиваны, а подлинно еще обличены не будутъ, до тѣхъ мѣстъ за злодѣя признавать не можно* (№ 4713). Въ 1785 г., по поводу одного частнаго случая, разъяснены были значеніе, форма и употребленіе порукъ по указу 1723 г. Въ указѣ

11 марта того года сказано: *Хотя же означеннымъ 1723 г. о формѣ суда указомъ, и предписано по отвѣтчикѣ собирать поручныя записи; однако оные не такъ, какъ бывшія до сего приставныя памяти браны были до подачи еще искового прошенія, но уже по подачѣ онаго и только въ такомъ случаѣ, ежели у отвѣтчика противъ написаннаго въ исковомъ прошеніи иску имѣнія не будетъ* (№ 16160).

Законъ 5 ноября 1723 г. не далъ, однакожъ, нашей уголовной практикѣ инаго направленія и не послужилъ преградою для чрезмѣрнаго развитія розыскнаго начала: онъ скоро вышелъ изъ употребленія; потому-то составители Свода Законовъ не внесли его въ систему нашего уголовнаго судопроизводства, хотя никогда не было издано закона, которымъ было бы запрещено примѣненіе его въ дѣлахъ уголовныхъ. Онъ даже не получилъ надлежащей силы и дѣйствія въ практикѣ нашего гражданскаго судопроизводства и остался не общею и главною формою гражданскаго суда, а особымъ, рѣдко примѣняемымъ родомъ судопроизводства. Въ такомъ видѣ онъ является и въ Сводѣ Законовъ. Поэтому мы думаемъ, что Петръ I своими законами 1697 и 1700 гг. разрушилъ остатки стараго состязательнаго и обвинительнаго процеса, извѣстнаго подъ именемъ *суда*; но изданіемъ закона 1723 г. 5 ноября онъ не создалъ новой прочной формы онаго. Мы думаемъ, что первые его законы объ уничтоженіи суда и очныхъ ставокъ были ближайшею причиною того, что розыскное начало перешло надлежащую границу, и что если мы въ наше время еще видѣли, во-первыхъ, множество даже гражданскихъ дѣлъ, производившихся слѣдствіемъ, а не судомъ, если еще въ наше время взятіе подъ стражу гражданскаго отвѣтчика не было выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ явленіемъ, то этому данъ былъ поводъ и основаніе изданіемъ упомянутыхъ законовъ, вліяніе которыхъ не было задержано даже закономъ 1723 г. 5 ноября.

Отъ взгляда нашего законодателя не ускользнули неблагопріятные результаты чрезмѣрнаго развитія слѣдственнаго начала и тѣсно съ нимъ связаннаго частаго примѣненія тюремнаго заключенія. Въ теченіе всего XVIII и XIX стол. были издаваемы законы, которыми законодатель хотѣлъ, посредствомъ провозглашенія правилъ, положить нѣкоторую преграду такому направленію. Должно, впрочемъ, сказать, что эти правила носятъ какой-то отрывочный, временный характеръ и были направлены не столько противъ причинъ, сколько противъ слѣдствій. Исключеніе составляютъ отчасти, и только отчасти, законы Екатерины и законы, изданные въ началѣ XIX столѣтія. Для того, чтобы дать понятіе о сихъ законахъ, мы ихъ изложимъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ 1734 г. 3 апрѣля изданъ былъ указъ о скорѣйшемъ окончаніи колодничьихъ дѣлъ. Въ этомъ указѣ сказано было: *«а ежели о которыхъ колодникахъ за какими причинами окончательнаго рѣшенія учинить будетъ нельзя, и для наступающихъ торжественныхъ праздниковъ страстныя и святыя недѣли на по-*

руки или росписки освободить за касающимися до них винами, подлинно будетъ невозможно» (№ 6564). Нельзя не обратить вниманія на то, что въ этомъ указѣ говорится объ освобожденіи на поруки не ради закона, а для наступающихъ торжественныхъ праздниковъ, и рѣшеніе вопроса о возможности или невозможности освободить на поруки предоставляется усмотрѣнію судей, безъ начертанія имъ въ руководство точно опредѣленныхъ закономъ правилъ.

Въ 1737 г., вслѣдствіе того, что въ вѣдомствѣ подп. Редкина были содержимы подъ стражею не столько виновные, сколько правые, чему доказательствомъ служило освобожденіе изъ тюрьмы 421 челов., найденныхъ невинными въ именномъ указѣ сказано было: *«Никого изъ подчиненныхъ ни до какихъ своевольствъ не допускать, и никого безъ явнаго о воровствѣ доказательства за караулъ отнюдь не брать; а ежели кто по какому оговору взятъ будетъ о такихъ тотчасъ изслѣдовать и больше недѣли не держать»* (№ 7219).

Въ инструкціи, данной въ 1756 г. 19 ноября сыщикамъ, предписано, чтобы управители и прикащики разныхъ наименованій вотчинъ содѣйствовали сыщикамъ въ поимкѣ воровъ и разбойниковъ. Если кто изъ нихъ для поимки не пойдетъ, велѣно: тѣхъ виновныхъ, кои не изъ дворянъ, наказывать плетьми, а тѣхъ, которые изъ дворянъ или въ офицерскихъ чинахъ, держать подъ карауломъ или, чтобы не скрылись, обизывать добрыми и надежными поруками, смотря по важности вины, до полученія изъ сената рѣшенія о ихъ винахъ (№ 10650).

Въ 1761 г. сенатъ, изъ доставленныхъ смоленскою губернскою и саранскою воеводскою канцеляріями мѣсячныхъ вѣдомостей о колодникахъ по корчемнымъ дѣламъ, убѣдился, что число такихъ колодниковъ по корчемнымъ дѣламъ велико, и что они, вслѣдствіе медленности производства ихъ дѣлъ, долговременно содержатся въ тюрьмѣ. Посему сенатъ, сдѣлавъ напоминаніе о скорѣйшемъ окончаніи корчемныхъ дѣлъ, повелѣлъ, чтобы камеръ-коллегія посылала, во всѣ губерніи и провинціи, гдѣ есть колодники по подобнымъ дѣламъ, частыя подтвержденія, *съ такимъ опредѣленіемъ, что буде о которыхъ по тѣмъ корчемнымъ дѣламъ содержащихся колодникахъ, за несобраніемъ справокъ, или за недоказательствомъ какимъ вскорѣ рѣшеніе учинить будетъ не можно, въ такомъ случаѣ велѣть изъ подъ караула освободить до рѣшенія на поруки, дабы между тѣмъ напрасно держаны не были и тѣхъ умножаемо не было.* (№ 11319).

Отъ того же времени дошелъ до насъ указъ синода. Въ 1767 г. синодъ, убѣдившись изъ жалобъ, ему приносимыхъ, что многіе изъ духовныхъ содержатся по однимъ только просьбамъ и доносамъ, *безъ всякаго изобличенія*, приказалъ (на основаніи указа 25 мая 1725 г., коимъ поясненъ былъ законъ 1723 года о формѣ суда) тѣхъ людей, на коихъ какой будетъ доносъ, а они ни въ чемъ еще обличены и обвинены не будутъ, до рѣшенія тѣхъ дѣлъ подъ карауломъ не держать, а въ комъ и сомнительство усмотрится, тѣхъ до рѣшенія дѣлъ отдавать на поруки съ поставкою впредь (№ 12919).

Указомъ 1768 г. 18 декабря сенатъ предписалъ петербургскимъ присутственнымъ мѣстамъ окончить колодничьи дѣла до праздника Рождества Христова, а о которыхъ колодникахъ дѣла еще слѣдствіемъ не окончены, *а они содержатся не въ большихъ винахъ и подлежатъ свободѣ, тѣхъ отдать съ поставкою на росписки по указу* (№ 13216).

Гораздо важнѣе этихъ сепаратныхъ указовъ, изданныхъ по случаю, законы Екатерины II. Знаменитая императрица глубже обнимала вопросъ о мѣрахъ пресѣченія и, повидимому, хотѣла искоренить дурныя стороны господствовавшей системы.

Въ своемъ Наказѣ 1767 г. іюля 30 дня, въ гл. X, въ ст. 160—174, она разсмотрѣла вопросъ о заключеніи въ тюрьмѣ во время слѣдствія и суда. Правда, всѣ мысли, здѣсь высказанныя, не ея собственныя, а цѣликомъ взяты изъ сочиненія Беккаріи о преступленіяхъ и наказаніяхъ; правда и то, что онѣ, какъ и весь Наказъ, не возымѣли того дѣйствія въ нашемъ законодательствѣ и практикѣ, для котораго онѣ взяты были у Беккаріи и первоначально предназначались. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ онѣ столь характерны, что будто написаны лицомъ, знакомымъ съ русскою уголовною юстиціею, и такъ какъ, по позднѣйшему свидѣтельству самой императрицы, какъ ниже будетъ показано, въ нѣкоторыхъ случаяхъ слѣдовали правиламъ въ нихъ высказаннымъ, то мы считаемъ необходимымъ на нихъ остановиться.

Пагубная ошибка, говоритъ императрица вслѣдъ за Беккаріею, сдѣлавшаяся столь общею, состоитъ въ томъ, что магистратамъ, которые обязаны исполнять законы, даютъ право, несовмѣстное съ тою цѣлью, для которой существуетъ общество, и которая состоитъ въ личной безопасности,—право заключать въ тюрьму по своему произволу гражданъ, отнимать свободу у своего врага, подъ ничтожнымъ продлогомъ, и оставлять на свободѣ тѣхъ, которыхъ они покровительствуютъ, несмотря на явные признаки преступленія (ст. 160 Нак.; Весс. § VI, стр 28, trad. Faustin Helie).

Хотя тюрьма, продолжаетъ вслѣдъ за Беккаріею императрица, отличается отъ другихъ наказаній тѣмъ, что она должна необходимо предшествовать судебному приговору, она тѣмъ не менѣе имѣетъ, наравнѣ со всѣми другими наказаніями, тотъ существенный характеръ, что только одинъ законъ долженъ опредѣлять тѣ случаи, въ которыхъ должно ее примѣнять. Поэтому, законъ самымъ точнымъ образомъ долженъ опредѣлить, при существованіи какихъ признаковъ преступленія обвиняемый можетъ быть заключенъ въ тюрьму и подвергнутъ допросу (ст. 161, 162 и 163; Весс. § VI, стр. 28).

Признаки эти могутъ быть слѣдующіе: голосъ народа, побѣгъ обвиняемаго, признаніе учиненное внѣ суда, показаніе соучастника въ преступленіи, угрозы, которыя могъ обвиняемый дѣлать, его давняя вражда къ жертвѣ преступленія, самый наличный составъ преступленія и другія вѣроятныя предположенія могутъ служить основаніемъ для того, чтобы заключить гражданина въ тюрьму. Но эти улики должны быть самымъ точнымъ образомъ опредѣлены закономъ, а не судьею, котораго приговоры дѣлаются насиліемъ надъ обществен-

ною свободою, когда не представляютъ простаго частнаго примѣненія общаго правила, вытекающаго изъ кодекса законовъ (ст. 164 и 165; Весс., стр. 29).

Слѣдуетъ отличать содержаніе подъ арестомъ отъ тюремнаго заключенія. Содержаніе подъ арестомъ есть ничто иное, какъ мѣра надзора за гражданиномъ, пока не будетъ онъ признанъ виновнымъ или невиннымъ. Какъ мѣра жестокая, оно должно быть, сколь возможно, мягче, и длиться, сколь возможно, короче. Оно должно длиться столько времени, сколько необходимо для окончанія процеса. Строгость содержанія должна быть такая, какая необходима для того, чтобы воспрепятствовать побѣгу и скрытію доказательствъ преступленія (ст. 167 и 168; Весс. § XIX, стр. 117).

Не слѣдуетъ сажать въ одно мѣсто подозрѣваемыхъ, уличенныхъ въ преступленіи и осужденныхъ на тюремное заключеніе (ст. 171; Весс., стр. 29).

Тюрьма не должна оставлять какое-либо пятно на обвиняемомъ, коего невинность юридически дознана. Мы видимъ у римлянъ многихъ гражданъ, которые сначала были обвиняемы въ тяжкихъ преступленіяхъ, но которые потомъ, будучи признаны невинными, достигали почестей и высокихъ должностей въ государствѣ. Быть подъ стражею военною не считается безчестьемъ, также должно смотрѣть и на стражу гражданскую (ст. 172 и 173; Весс., стр. 29 и 30).

Въ 1772 г. сенатъ арестовалъ нѣкоего Федора Сукина, основавшись на показаніи Сергѣя Пушкина. До свѣдѣнія императрицы дошло, что сенатъ арестовалъ Сукина, не сдѣлавши ему допроса, и что, слѣдовательно, «*онъ сталъ арестованъ, не знавъ причины его ареста.*» Вслѣдствіе этого императрица, въ именномъ указѣ 26 марта, объявила: «Приличнѣе впредь будетъ сенату, въ случаѣ подобныхъ, по призыву допросить, а потомъ, если дѣло того требуетъ, арестъ можетъ слѣдовать тутъ, гдѣ оный правительствомъ за законный почтенъ будетъ; теперь же арестъ Сукина видъ имѣть можетъ насилія, въ чемъ шлюся на правила большаго Наказа X главы. Здѣсь приписанный формалитетъ отъ самаго 1762 г. со всѣми наблюдаемъ былъ, надъ коими слѣдствіе производилось по именному указу, и мы желаемъ, чтобы въ сенатѣ впредь по сему поступаемо было» (т. XIX № 13776). Изъ этого указа видно, что правила Наказа относительно слѣдственнаго ареста имѣли примѣненіе, по крайней мѣрѣ, въ дѣлахъ, производившихся въ сенатѣ по именнымъ указамъ, и что еще до изданія Наказа, благодаря вліянію императрицы, уголовной практикѣ высшей инстанціи не чужды были начала, изложенныя въ означенныхъ правилахъ.

Императрицу не покидала мысль объ улучшеніи законовъ относительно мѣръ пресѣченія и въ частности относительно содержанія подъ стражею во время слѣдствія и суда. Въ Учрежденіе о губерніяхъ, 1775 г. ноября 7 дня, она внесла 401 ст., которая, очевидно, направлена была противъ злоупотребленій, существовавшихъ въ практикѣ при употребленіи взятія подъ стражу. Содержаніе этой статьи заключается въ слѣдующемъ: Всякій заключенный въ тюрьму, которому въ теченіе трехъ дней не было сдѣлано допроса и не было объявлено за что онъ сидитъ въ тюрьмѣ, имѣетъ право принесть на это жалобу въ совѣст-

ный судъ. Право это не дается только тѣмъ, которые содержатся въ тюрьмѣ по обвиненію въ оскорбленіи Величества, въ измѣнѣ, въ смертоубійствѣ, въ воровствѣ и разбоѣ. Совѣстный судъ, по полученіи такой жалобы, обязанъ, не выходя изъ присутствія, послать повелѣніе, чтобы содержащійся въ тюрьмѣ не по вышеисчисленнымъ преступленіямъ былъ немедленно присланъ и представленъ въ совѣстный судъ, съ изложеніемъ причинъ, по которымъ онъ содержится и не допрошенъ. Такое повелѣніе должно быть исполнено въ теченіе сутокъ и въ поверстный срокъ, полагая 25 верстъ въ день, подъ угрозою за неисполненіе штрафа 300 руб. съ предсѣдателя и по 100 руб. съ засѣдателей. Совѣстный судъ, по представленіи къ нему содержащагося, если усмотритъ, что онъ содержится не по обвиненію въ вышеупомянутыхъ преступленіяхъ, дѣлаетъ, не выходя изъ присутствія, постановленіе объ освобожденіи его *на поруки*, для обезпеченія какъ явки въ тотъ судъ, который онъ изберетъ, такъ и добраго поведенія. Если проситель не представитъ порукъ, то совѣстный судъ возвращаетъ его въ тюрьму. Освобожденнаго такимъ образомъ изъ тюрьмы никто не имѣетъ права, по тому же дѣлу, въ другой разъ лишать свободы, до окончанія дѣла (т. XX, № 14392, ст. 401, стр. 279). Законъ этотъ напоминаетъ стародавнее учрежденіе англійской конституціи, предоставляющее право каждому арестованному, безъ различія преступленій, приносить жалобу на незаконный или неумѣстный арестъ королевскому суду, который издаетъ повелѣніе о немедленной къ нему присылкѣ обвиняемаго и его дѣла; арестовавшій судья, подъ угрозою штрафа, обязанъ немедленно исполнить такое повелѣніе. Разъ освобожденный королевскимъ судомъ уже не можетъ быть по тому же обвиненію вторично заключенъ, до рѣшенія дѣла, въ тюрьму. Не подлежитъ сомнѣнію, что императрицѣ знакомъ былъ англійскій Corpus habeas, и что ст. 401 Учрежденія о губерніяхъ есть, хотя и слабая, копія знаменитаго англійскаго учрежденія. Конечно, издавая упомянутый законъ, императрица не думала искоренить всѣ недостатки господствовавшей системы; недостатки эти состояли: а) не только въ томъ, что подсудимые заключаемы были въ тюрьму во время слѣдствія и суда, по обвиненіямъ въ маловажныхъ винахъ, б) но и въ томъ, что прибѣгали къ этой мѣрѣ хотя по обвиненіямъ въ тяжкихъ винахъ, но безъ всякихъ или безъ достаточныхъ уликъ. Статья 401 Учр. о губ. устраняла только первый недостатокъ, оставляя нетронутымъ второй. Тѣмъ не менѣе, получи этотъ законъ примѣненіе въ нашей практикѣ, онъ принесъ бы громадную пользу. Но можно именно основательно сомнѣваться, привился-ли этотъ законъ къ нашей практикѣ. Я готовъ утверждать, что нѣтъ, если не считать нѣкоторыхъ рѣдкихъ, единичныхъ случаевъ привитіемъ. Такъ, спустя 35 лѣтъ послѣ его изданія, возникалъ вопросъ о его примѣненіи, по одному частному случаю. Случай этотъ былъ слѣдующій: по жалобѣ, поданной въ петербургскій совѣстный судъ однимъ чиновникомъ на то, что петербургская уголовная палата, арестовавъ, отправила его въ тюрьму безъ допроса и безъ объявленія причины въ теченіе 3 дней, совѣстный судъ потребовалъ отъ уголовной палаты присылки упомянутаго чиновника. Уголовная палата отказалась

исполнить это требованіе, доказывая, что подобныя требованія совѣстнаго суда обязательны только для низшихъ мѣстъ, но не для нея. Пререканіе это перенесено было на рѣшеніе сената, общее собраніе котораго постановило, что совѣстные суды имѣютъ право требовать подсудимыхъ и отъ уголовныхъ палатъ, только не посылая къ нимъ повелѣній, а сносясь сообщеніями (т. XXXIV, № 26936, іюля 21 дня). Но этотъ случай именно свидѣтельствуетъ, въ какомъ не соотвѣтствіи состоялъ занесенный изъ—чужа законъ (401 ст. Учр. о губ.) съ общимъ строемъ нашей общественной жизни. Жалоба принесена была чиновникомъ на то, что его держатъ безъ допроса три дня, въ 1810 г., а разрѣшеніе послѣдовало въ 1817 г. Если же, притомъ, взять во вниманіе, что, съ одной стороны, уголовная наша практика на каждомъ шагу представляла поводы къ примѣненію ст. 401 Учр. о губ., которая до послѣднихъ дней имѣла значеніе дѣйствующаго закона, что, съ другой стороны, наша практика представляетъ развѣ подобные вышеизложенному, крайне неудачные, единичные случаи примѣненія, то можно, не опасаясь впасть въ ошибку, утверждать, что разсматриваемый нами законъ не привился къ нашей юстиціи.

Въ 1782 г. 8 апр. Екатерина II издала Уставъ Благочинія, въ которомъ перечисляются дѣйствія, составляющія преступленіе. За одни изъ этихъ дѣйствій обвиняемые, по уставу, предаются просто суду—говорится: *да отошлется въ судъ*; за другія же обвиняемые берутся сначала подъ стражу, и потомъ уже предаются суду; о нихъ Уставъ выражается такъ: *да отдается подъ стражу и отошлется въ судъ*. Ко второму разряду отнесены слѣдующія преступленія: 1) обнародованіе чего-нибудь безъ вѣдома, повелѣнія и согласія правительства (ст. 233); 2) снятіе, разодраніе обнародуемыхъ управою благочинія узаконеній, повелѣній, рѣшеній и т. п. (234 ст.); 3) ослушаніе, оказанное повелѣнію управы благочинія (ст. 235); 4) прерваніе богослуженія въ церкви (ст. 238); 5) насильное вторженіе въ церковь (ст. 240); 6) совращеніе православнаго въ иновѣріе (ст. 243); 7) основаніе общества, товарищества, братства безъ вѣдома и согласія управы благочинія (ст. 250); 8) учиненіе, во время общенародныхъ игръ, или забавъ, или театральныхъ представленій, кому обиды, или придирки, или брани, или драки, также вынутіе изъ ноженъ шпаги, употребленіе огнестрѣльнаго оружія, бросаніе камня, или пороха, или чего инаго, чѣмъ можно причинить рану, вредъ, убытокъ или опасенія (ст. 261); 9) смертоубійство (п. 1 ст. 267); 10) причиненіе увѣчья и нанесеніе ранъ (п. 2 т. с.); 11) насиліе (ib.); 12) разбой (ib.); 13) увозъ и похищеніе (ib.); 14) поджогъ (ст. 268 п. 1); 15), воровство со взломомъ (п. 2 т. с.); 16) воровство-грабежъ (п. 1 ст. 269); 17) воровство выше 20 р. или въ четвертый разъ и принятіе краденыхъ вещей (п. 2 ст. 269, п. 8 ст. 271); 18) причиненіе злостнаго ущерба или убытка (п. 4 т. с.); 19) учиненіе воровства-кражи, воровства-мошенничества и злостнаго ущерба цѣною ниже 20 руб. влечетъ тоже взятіе подъ стражу и отсылку не въ судъ, а непосредственно, по распоряженію полиціи, въ рабочій домъ (пп. 2, 3 и 4 ст. 269); 20) учиненіе лживаго поступка словеснаго или дѣйствіемъ (пп. 1 и 2 ст. 270); 21) сопротивленіе закону или должности

дѣйствіемъ или словами (п. 1 ст. 271); 22) взломъ тюремъ или упускъ подлежащаго содержанію подъ стражею (пп. 4 и 7 ст. 271); 23) скрытіе или утайка нужной къ производству дѣла бумаги или печати (п. 9); 24) ложное употребленіе поддѣланнаго, скрытаго или утаеннаго (п. 10); 25) утайка уголовнаго преступленія (п. 12); 26) созваніе подозрительнаго сходбища (ст. 272 п. 1); 27) кто ѣздитъ или ходитъ, страшая людей (п. 2); 28) посылка письма съ угрозами (п. 3); 29) взломъ оградъ (п. 4); 30) поединокъ или драка (п. 5); 31) учиненіе скопа (п. 6); 32) подача прошенія или доноса скопомъ и заговоромъ (п. 7); 33) насильственное завладѣніе (п. 8); 34) разсѣваніе лжи и клеветы (п. 9); 35) привозъ и отвозъ запрещеннаго товара цѣною выше 20 руб., или безпошлинный привозъ или отвозъ дозволеннаго товара на ту же цѣну или въ четвертый разъ (пп. 1 и 2 ст. 273); 36) привозъ и отвозъ запрещеннаго товара ниже 20 руб. и въ первый, второй или третій разъ влечетъ тоже взятіе подъ стражу и отправленіе безъ суда въ рабочій домъ для заработковъ (пп. 1 и 2 ст. 273); 37) разпесеніе заразы (п. 1 ст. 274); 38) продажа испорченныхъ напитковъ (п. 2 ст. 274). Этотъ перечень убѣждаетъ, что Уставъ Благочинія предписываетъ брать подъ стражу обвиняемыхъ какъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, такъ и въ маловажныхъ проступкахъ; въ этомъ отношеніи уравнены: ослушаніе распоряженіямъ управы благочинія съ бунтомъ; нанесеніе въ публичномъ мѣстѣ обиды дѣйствіемъ и драка съ смертоубійствомъ. Поэтому, законы эти стоятъ неизмѣримо ниже правилъ, изложенныхъ въ Наказѣ и въ Учрежденіи о губерніяхъ. Они составляютъ какъ-бы санкцію той практики, которая еще съ конца XVII стол. и особенно съ Петра I водворилась въ нашихъ судахъ; находясь въ противорѣчіи съ Наказомъ и Учрежденіемъ о губерніяхъ, они подрывали ихъ силу и дѣйствіе.

Отъ этого времени мы имѣемъ также сенатскій, одного духа съ правилами Устава Благочинія, указъ (посланный въ Колыванское областное управленіе 1782 г. 5 ноября), въ которомъ сказано, что *содержащихся по уголовнымъ дѣламъ колодниковъ, прежде окончательнаго рѣшенія объ нихъ, на поруки освобождать неслѣдуетъ и никакимъ закономъ того не дозволено, но рѣшать объ нихъ дѣла въ положенные сроки безъ всякаго упущенія* (№ 15568). Въ указѣ этомъ не обращено вниманія, во-первыхъ, на уголовныя дѣла маловажныя и нестоль важныя, во-вторыхъ—на содержаніе въ тюрьмѣ хотя по уголовнымъ дѣламъ, но безъ достаточныхъ или безъ всякихъ уликъ. Слѣдовательно, указъ этотъ противорѣчитъ другимъ, прежде изданнымъ.

Къ началу XIX стол. относится изданіе нѣкоторыхъ, хотя неимѣвшихъ общаго характера законовъ, но тѣмъ не менѣе нелишенныхъ важности.

По ст. 20 Устава о банкротахъ, 1800 г. 19 декабря, повелѣно держать только подъ присмотромъ, въ благопристойномъ мѣстѣ, а не въ тюрьмѣ, обвиняемаго въ злостномъ банкротствѣ, если причины къ признанію его злостнымъ банкротомъ еще не доказаны (№ 19692, ч. 1 ст. 20).

Въ 1803 г. закономъ 1 ноября установлены были, относительно принятія мѣръ предупрежденія противъ преданныхъ военному суду, слѣдующія правила:

ежели въ Высочайшемъ повелѣніи о преданіи слѣдствію и суду офицера не будетъ сказано, *чтобы судить его арестованнымъ*, то онъ во время производства слѣдствія и суда долженъ оставаться на свободѣ до постановленія сентенціи. Военно-судная коммисія можетъ его арестовать при заключеніи сентенціи, если найдетъ, что по важности преступленія слѣдуетъ это сдѣлать, дабы, вѣдая о сентенціи, не ушелъ. Но обвиняемыхъ въ маловажныхъ преступленіяхъ слѣдуетъ оставлять на свободѣ не арестованными до воспослѣдованія Высочайшей конфирмаціи. Законъ этотъ вызванъ былъ сознаніемъ того обстоятельства, что по разнымъ причинамъ дѣла не получаютъ скораго рѣшенія, а между тѣмъ обвиняемый, будучи арестованъ, претерпѣваетъ до окончанія суда нѣкоторымъ образомъ наказаніе, и что часто онъ по суду терпитъ наказаніе меньшее въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ переноситъ во время слѣдствія и суда (№ 21024).

Въ изданномъ въ 1806 г. 13 іюля Горномъ Уставѣ законодатель также коснулся мѣръ пресѣченія: «Подсудимые, сказано въ ст. 870, во время нахожденія въ военномъ судѣ, смотря по роду преступленій и по званію и состоянію преступника, содержатся подъ карауломъ, безъ караула, или на порукахъ» (№ 22208).

Болѣе важное значеніе относительно разсматриваемаго предмета имѣютъ постановленія, помѣщенныя въ Положеніи департамента удѣловъ, мая 15 дня 1808 г.; 164 § вмѣнено въ обязанность чиновнику удѣльной конторы наблюдать, чтобы только тѣ изъ удѣльныхъ крестьянъ содержались подъ стражею, которые по слѣдствію изобличены въ преступленіи ясными и несомнѣнными доказательствами. Если содержащіеся подъ стражею удѣльные крестьяне долговременно отлучены отъ домовъ своихъ, а между тѣмъ по существу дѣла не подлежатъ тяжкому наказанію, то управляющимъ конторою или приказамъ предоставляется право брать ихъ на свое поручительство, съ обязанностью представить обратно, когда надобность въ нихъ потребуется. Взятыхъ на поруки крестьянъ управляющій отсылаетъ въ ихъ селенія, поручая за ними присмотръ приказу и сельскимъ начальникамъ (№ 23020, §§ 164 и 170).

Въ Учрежденіи объ управленіи водяными и сухопутными путями, 20 ноября 1809 г., предписано брать тотчасъ подъ стражу судовщика, учинившаго уголовное преступленіе, а судовщика, обвиняемаго въ преступленіяхъ менѣе важныхъ, отпускать на поруки хозяина барки, который обязанъ представить его къ суду по востребованію (№ 23996, §§ 264 и 265).

Въ Уставѣ образованія бессарабской области, 1818 г. апрѣля 29, дня представляется цынутнымъ судамъ право рѣшать вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли подсудимаго содержать подъ стражею до окончанія дѣла, или есть возможность дать на поруки, или освободить и безъ нихъ. Разумѣется, сказано въ этомъ Уставѣ, что уличенные по слѣдствію въ смертоубійствѣ, грабежѣ, зажигательствѣ, святотатствѣ, лихоимствѣ, изнасилованіи женскаго пола и въ воровствѣ, превышающемъ 100 руб., а также впадшіе во всѣ прочія преступленія, лишающія по закону чести или жизни, коль скоро они или слѣдствіемъ изобличены, или навлекли на себя важное подозрѣніе, не могутъ и не должны быть освобождены

изъ-подъ стражи до совершеннаго окончанія о нихъ дѣлъ. По маловажнымъ же проступкамъ, за которые законъ опредѣляетъ или денежное взысканіе или гражданскій арестъ, а также по дѣламъ, по коимъ подсудимые не принадлежатъ къ числу преступниковъ или соучастниковъ, подлежащихъ одинаковому съ первыми наказанію, а только прикосновенны къ дѣлу по какимъ либо стороннимъ обстоятельствамъ, таковыхъ цынутный судъ обязанъ неукоснительно отдать на поруки, или же освободить ихъ и безъ порукъ, если они имѣютъ особенное недвижимое имѣніе (т. XXXV, № 27357 п. 5, стр. 252).

Въ 1822 г. по дѣлу корнета Эрнста, который былъ обвиняемъ въ блудодѣяніи и растлѣніи малолѣтней дѣвочки Федоровой, сенатъ постановилъ, что орловская палата уголовнаго суда, опредѣливъ выдержать Эрнста въ тюрьмѣ три мѣсяца, обязана была, при представленіи дѣла въ сенатъ, поручить обвиняемаго полицейскому надзору, и что, не исполнивъ этого, она дала подсудимому возможность скрыться (Соб. Зак. Хав. т. XIV № 191).

По представленію московскаго генералъ-губернатора о пресѣченіи подсудимымъ способовъ уклоняться отъ явки въ уголовный судъ, государственный совѣтъ, съ Высочайшаго утвержденія, въ 1824 г. января 28 дня постановилъ, что подсудимый долженъ находиться въ томъ городѣ, гдѣ судъ надъ нимъ производится, а потому и отлучаться изъ города не можетъ иначе, какъ съ дозволенія того мѣста, которое его судитъ; слѣдовательно, если онъ желаетъ отлучится изъ города, то обязанъ подать прошеніе въ судъ, отъ усмотрѣнія коего зависитъ, или удовлетворить эту просьбу, или отказать (Собр. Зак. Хав. объ угол. суд. №. 160). Въ 1829 г. 16 іюля, по Высочайше утвержденному положенію министровъ, дозволено было бывшему слободско-украинскому губернатору Муратову, находившемуся подъ судомъ сената, отлучиться изъ С.-Петербурга на мѣсто жительства въ владимірскую губернію, съ тѣмъ, что если, по обстоятельствамъ производящагося о немъ дѣла, представится надобность въ личномъ его присутствіи, то по первому требованію онъ неукоснительно обязанъ явиться въ С.-Петербургъ. Тогда же разрѣшено самому сенату давать, въ подобныхъ случаяхъ, разрѣшеніе на выѣздъ (№ 2994).

Обозрѣвая законы, въ которыхъ законодатель, начиная съ Петра I-го до изданія Свода Законовъ, касался вопроса о мѣрахъ пресѣченія, легко замѣтить:

а) Непослѣдовательность этихъ законовъ. Такъ, законы Петра I-го, изданные съ 1677 г. по 1700 г., находятся въ противорѣчіи съ закономъ 5 ноября 1723 г.; правила, изложенныя въ екатерининскомъ Уставѣ Благочинія 1782 г. 7 апрѣля, несовмѣстны съ началами, занесенными съ болѣе зрѣлаго Запада въ ст. 160—174 Наказа 1767 г. и въ ст. 401 Учрежд. о губ. 1775 г. 7 ноября. Естественно, законы одного духа должны были подрывать силу законовъ другаго духа; естественно, одни изъ нихъ должны были быть дѣйствующими, другіе придти въ забвеніе. Какимъ изъ двухъ родовъ этихъ законовъ должна была достаться роль дѣйствующихъ законовъ, на этотъ вопросъ отвѣчать не трудно: тѣмъ, которые гармонировали съ общимъ духомъ законодательства и общимъ строемъ общества.

б) Отсутствіе всеобщности. Нѣтъ сомнѣнія, что законы, касавшіеся съ 1800 г. мѣръ пресѣченія, какъ-то: Уставъ о банкротахъ, Уставъ Горный, Положеніе департамента удѣловъ, Уставъ образованія бессарабской области и т. д., внесли и болѣе опредѣленности и болѣе справедливости въ систему мѣръ пресѣченія. Но всѣ эти законы относятся или только къ извѣстному классу народа, или къ извѣстной области государства.

в) Теоретичность. Это особенно можно сказать о статьяхъ Наказа. Эти статьи какъ теорія хороши, но для практическаго примѣненія имъ не достаетъ той законченности и опредѣленности, безъ которой немыслимъ ни одинъ хорошо составленный законъ.

г) Временный, случайный ихъ характеръ. Такъ, указъ 1737 г. 4 апрѣля, хотя выразилъ очень раціонально правило относительно взятія подъ стражу, но посланъ былъ лично подполковнику Редкину; указы 1734 г. 3 апрѣля и 1768 г. 18 декабря предписывали содержимыхъ подъ стражею освободить изъ тюрьмы, или отдать на поруки, не столько по существу дѣлъ, сколько изъ религіозныхъ побужденій; указъ 1761 г. касался только одного рода дѣлъ—корчемныхъ; указъ синодскій 1767 г. изданъ былъ для духовнаго вѣдомства.

Изъ этихъ законовъ видно, что законодатель и высшее судебное мѣсто—сенатъ, признавали, что обвиняемые могутъ во время слѣдствія и суда или оставаться совершенно на свободѣ, или подлежать разнымъ мѣрамъ пресѣченія, какъ-то: взятію подъ стражу и заключенію въ тюрьму, отдачѣ на поруки, взятію росписки о явкѣ. Но ни законодатель, ни сенатъ, не стремились установить общихъ, на всякій случай, и для всѣхъ дѣлъ, обязательныхъ правилъ относительно объема примѣненія каждой изъ этихъ мѣръ. А изданіе такихъ правилъ было крайне необходимо, въ виду неурядицы, господствовавшей въ практикѣ судебныхъ мѣстъ второй и низшей инстанцій.

§ 22. При неимѣніи статистическихъ данныхъ, можно отчасти, только по множеству указовъ, касавшихся участи тюремныхъ сидѣльцевъ и крайне медленнаго производства ихъ дѣлъ, составить нѣкоторое, приблизительное понятіе о тѣхъ неблагопріятныхъ результатахъ, которые произошли отъ такихъ неточныхъ и противорѣчивыхъ законовъ, въ особенности изданныхъ въ XVIII вѣкѣ, со временъ Петра I-го. Вслѣдствіе уничтоженія старыхъ формъ, которыми были обставлены какъ призывъ обвиняемаго въ судъ, такъ и отдача его на поруки, водворилось личное усмотрѣніе въ примѣненіи мѣръ пресѣченія; съ этихъ поръ отдача на поруки является не столько мѣрою нормальною, сколько случайною, не столько правиломъ, сколько исключеніемъ; содержаніе же въ тюрьмѣ дѣлается почти единственною мѣрою предупрежденія. Стали содержать въ тюрьмѣ до рѣшенія обвиняемыхъ не въ однихъ тяжкихъ преступленіяхъ, но и въ малыхъ винахъ и погрѣшностяхъ. Въ указѣ 1820 г. 3 стр. сказано: *«а которые по дѣламъ въ надворномъ судѣ содержатся колодники не въ важныхъ дѣлахъ»* (№ 3560, см. также № 10788). Въ указѣ 1727 г. стр. 17 далѣе говорится: *«по вышеписаннымъ поданнымъ вѣдомостямъ о колодникахъ таковые находятся, что*

въ не весьма тяжкія прегрѣшенія впали, а содержатся по году и болѣе» (№ 5059). Изъ указа 1728 г. августа 19 дня видно, что малолѣтніе Яковъ и Петръ Лосевы долго содержались въ тюрьмѣ, во время производства дѣла объ убійствѣ двухъ человѣкъ, за то, что, имѣя свѣдѣнія объ этомъ преступленіи, не донесли (т. VIII № 5323). Въ сенатскомъ указѣ 1761 г. 8 іюня сказано: «*нѣкоторые за несобранными справками содержатся по винамъ-ли, а другіе въ малыхъ винахъ и достойны-ли содержанію, о томъ единственно быть особому и скорѣйшему разсмотрѣнію, дабы и неподлежащіе долговременному содержанію люди напрасно держаны не были*» (№ 11266). См. также указы сенат. 1768 г. декабря 18, 1803 г. ноября 1 дня, 1805 г. марта 23 дня; изъ послѣдняго указа видно, что крестьянинъ Плехановъ, подравшійся на спорномъ полѣ съ женою брата и обвиняемый въ нанесеніи ей побоевъ, содержался подъ стражею два года, хотя по приговору оштрафованъ былъ только двумя рублями (Собраніе Зак. Хав. т. XIV, угол. судопр., стр. 155). Изъ этого указа видно, что не только содержали за малыя вины, но и при неимѣніи въ виду какихъ нибудь вѣроятностей вины. Въ этомъ отношеніи указъ 1737 г. апрѣля 4 дня представляетъ болѣе наглядное доказательство въ слѣдующихъ словахъ: «*Изъ приложеннаго рапорта*, пишетъ императрица подполковнику Редкину, *о содержащихся у васъ колодникахъ усмотрѣно, что не только въ винахъ, сколько правыхъ содержится, которыхъ по многомъ держаніи освобождено безъ наказанія 421 человѣкъ*»,... «*изъ того вашего рапорта видно, что помянутые люди забраны и держаны были не для слѣдованія о винахъ ихъ, но знать только для взятокъ и бездѣльныхъ корыстей*» (т. X № 7219). То же видно: а) изъ сенатскаго указа 1767 г. 15 мая, коимъ повелѣно неподлежащихъ содержанію въ тюрьмѣ изъ подъ-караула освобождать (№ 12894); б) изъ указа синода 1767 г. ноября 21 дня, коимъ запрещено брать въ тюрьму лицъ по однимъ просьбамъ и доносамъ, безъ всякихъ доказательствъ виновности, какъ это постоянно дѣлается (№ 12919). Какую «бездѣльную корысть» имѣли иногда въ виду бравшіе подъ арестъ—видно изъ болѣе ранняго указа 1733 г., въ которомъ говорится, что забираемы были изъ уѣздовъ крестьяне и содержимы долговременно подъ карауломъ для употребленія ихъ въ разныя собственныя работы (№ 6475 п. 6). Сенатскій указъ 1803 г. 7 октября, по дѣлу крестьянъ Ларіоновыхъ, показываетъ до какого самоуправства доходила полиція, заключая въ тюрьму и подвергая суду людей совершенно невинныхъ, противъ которыхъ она сама сдѣлала насиліе (т. XXVII № 20968). Въ 1822 г. лукояновскій исправникъ, встрѣтивши въ селѣ Пелѣ ѣхавшаго въ Нижній-Новгородъ подпоручика Исакова, потребовалъ отъ него платежа недоимки, и, не обращая вниманія на совершенно законныя его объясненія, приказалъ его арестовать (Собр. Зак. Хавскаго т. XIV ст. 265). Послѣдній случай собственно не относится къ дѣламъ уголовнымъ, но онъ указываетъ, какъ легкомысленно смотрѣли на взятіе подъ стражу тѣ, которымъ принадлежало право ареста: если они лишали свободы людей, когда не было и рѣч и о какомъ бы то ни было преступленіи, то они уже совсѣмъ не

стѣснялись, когда возникалъ вопросъ о существованіи преступленія или проступка. Такое легкомысленное употребленіе содержанія въ тюрьмѣ не исключало явленій противоположнаго характера: если изъ за «взятокъ» и «бездѣльныхъ корыстей» подъячіе брали невинныхъ или маловинныхъ, то они по тѣмъ же побужденіямъ освобождали тѣхъ, которыхъ слѣдовало держать въ тюрьмѣ: «*Вѣдомо намъ учинилось*, говорится въ законѣ 1722 г. апрѣля 4 дня, *что многихъ колодниковъ въ великихъ воровствахъ и розбояхъ изъ тюрмъ отпускаютъ подъячіе изо-взятокъ*» (№ 3929).

Содержаніе подъ арестомъ, преимущественно въ тюрьмѣ, является въ XVIII и XIX столѣтіяхъ крайне тягостною мѣрою пресѣченія вслѣдствіе того, что оно продолжалось непомѣрно долго. Уже въ предыдущемъ періодѣ обнаружились первые признаки долговременнаго содержанія обвиняемыхъ въ тюрьмѣ во время слѣдствія и суда. Въ разсматриваемое же время такая продолжительность сдѣлалась нормальнымъ явленіемъ. Во весь этотъ періодъ, съ самаго его начала, идетъ непрерывный рядъ именныхъ и сенатскихъ указовъ, это подтверждающихъ: указъ 1713 г. іюля 8 дня, № 2694; указъ 1719 г. 3 марта, № 3319; указъ 1720 г., № 3560; 1722 г. 4 апр., 3928; 1722 г. 18 сентября, № 4093, № 4530; указъ 1726 г. декабря 23 дня, № 4989; указъ 1727 г. 17 апрѣля, № 5059; 1727 г. 18 сентября, № 5158; 1728 г. 19 августа, № 5323; указъ 1731 г. 5 марта, № 5709; 1734 г. 3 апр., № 6564; 1735 г. 1 сентября, № 6799; указъ 1736 г. 19 декабря, № 7127; указъ 1737 г. 4 апр., № 7219; 1738 г. апрѣля 23, № 7566; указъ 1751 г. 30 іюля и 22 августа, №№ 9871 и 9875; указы 1756 г. 10 апр., 25 ноября, №№ 10538 и 10657; указъ 1760 г. 30 сентября, № 11110; указы 1761 г. іюня 8 дня и 2 сентября, №№ 11266 и 11319; указъ 1762 г. 13 ноября, № 11709; указы 1763 г. 20 января, 10 февраля, 6 апрѣля и 16 декабря №№ 11737, 11750, 11787 и 11992; указъ 1764 г. 3 іюня, № 12173; указы 1766 г. 31 іюля и 10 августа, №№ 12709 и 12721; 1768 г. 29 іюля, № 13154; указъ 1769 г. 15 декабря, № 13395; указъ 1773 г. 24 декабря, № 14092; указы 1774 г. 12 іюня и 17 октября №№ 14155 и 14203; указъ 1782 г. 5 ноября, № 15568; указъ 1797 г. 16 декабря, № 18268; указы 1803 г. 21 февраля и 28 августа №№ 20628 и 20918; указъ 1819 г. 28 марта, № 27743; указы 1826 г. апр. 27 и октября, № 281 и 607; указъ 1827 г. 28 февраля, № 932; указъ 1829 г. 23 сентября, № 3179; указъ 1830 г. 6 марта, № 3517. Этотъ перечень показываетъ что крайне долговременное содержаніе въ тюрьмѣ было не временнымъ, а постояннымъ явленіемъ, и что правительство постоянно, отъ времени до времени, чаще или рѣже, указывало на это зло судамъ. Въ Полномъ Собраніи Законовъ мы находимъ нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, какъ долго иногда длилось содержаніе въ тюрьмѣ во время слѣдствія и суда. Такъ, въ 1727 году императрица Екатерина I, увидѣвъ изъ статейныхъ списковъ, что маіоръ Воеводскій содержится подъ карауломъ десятый годъ, обратила на это вниманіе сената (№ 5059). Въ сенатскомъ указѣ 1727 г. 18 сен-

тября говорится, что изъ юстицъ-коллегіи разсылаются по губерніямъ невершенныя дѣла и колодники такіе, которые держаны были въ той коллегіи *многіе годы* (№ 5158). Дѣло содержавшагося въ тюрьмѣ крестьянскаго сына Фролова оставалось безъ движенія съ 1751 г. по 1756 г. (№ 10538). Въ 1761 г. сенатъ нашелъ, что по Смоленску съ приписанными городами содержится по корчемнымъ дѣламъ 107 колодниковъ, въ томъ числѣ нѣкоторые съ 1753 г., а при саранской воеводской канцеляріи 43 колодника по такимъ же дѣламъ, изъ нихъ три съ 1755 г., 1 человѣкъ съ 1756 г., 32 человѣка, съ 1759 г. и 7 съ 1760 г. (№ 11319). При разсмотрѣніи въ 1763 г. вѣдомостей о колодникахъ, сенатъ нашелъ, что за присутственными мѣстами Москвы и С.-Петербурга, а также губерній, провинцій и городовъ, числится 1862 обвиняемыхъ, которые содержатся въ тюрьмѣ съ 1756 года (№ 11992). По словамъ указа 1764 г. іюня 3 дня, между колодниками есть не только такіе, которые по году и по два, но и такіе, которые болѣе 10 лѣтъ содержатся въ тюрьмѣ, и многіе, въ ожиданіи рѣшенія, лишась всѣхъ своихъ имѣній, претерпѣваютъ крайнюю нужду (№ 12173). Какимъ обыкновеннымъ явленіемъ была продолжительность содержанія служитъ подтвержденіемъ этому указъ 1766 г., въ которомъ говорится, что въ московскомъ словесномъ судѣ колодники содержатся по 10 лѣтъ и болѣе, а въ прочихъ городовыхъ словесныхъ судахъ года по три и болѣе, несмотря на то, что словесные суды учреждены были съ тою цѣлью, чтобы они *судили словеснымъ кратчайшимъ образомъ и рѣшеніе чинили въ самой крайней скорости* (№ 12721). Екатерина II въ 1769 г. обратила вниманіе сената на то, что поручикъ Дубасовъ, котораго обвиняли въ неумышленномъ убійствѣ помѣщичьяго крестьянина, содержится въ тюрьмѣ съ мая 1761 г. по 15 декабря 1769 г., почти девять лѣтъ; по этому случаю она напомнила сенату «*недремлимымъ окомъ смотрѣть*, чтобы дѣла, правосудія требующія, столь долго безъ рѣшенія не оставались» (№ 13395). По обвиненію въ убійствѣ крестьянина Максимова, поручикъ Бобьевъ былъ содержимъ въ тюрьмѣ съ 1798 г. по 1810 г. и по рѣшенію сената оставленъ въ подозрѣніи и преданъ церковному покаянію (Собр. Зак. Хавскаго т. XVI угол. улож.). Дѣло объ убійствѣ дѣвицы Марьи Алтуховой длилось съ 1813 г. по 1824 г. и по этому дѣлу содержалось въ тюрьмѣ нѣсколько человѣкъ («Журналъ Министерства Юстиціи» 1862 г.). Изъ приведенныхъ примѣровъ можно заключить, что продолжительность содержанія въ тюрьмѣ во время слѣдствія и суда была общимъ правиломъ, что сверх-десятилѣтнее содержаніе въ тюрьмѣ обвиняемаго не было въ это время явленіемъ рѣдкимъ.

Изслѣдователь исторіи мѣръ пресѣченія не долженъ пройти молчаніемъ тѣ причины, которыя породили эту непомѣрную продолжительность содержанія въ тюрьмѣ. Многія изъ нихъ, какъ болѣе очевидныя, были указаны, въ теченіе XVIII и XIX столѣтій, самимъ законодателемъ; другія же скрывались въ устройствѣ общественной жизни вообще и, въ частности, въ характерѣ судоустройства и уголовнаго судопроизводства. Въ 1756 г. сенатъ нашелъ, что медленность производ-

ства колодничьихъ дѣлъ и волокита происходятъ отъ небрежности судей, которые, «*пріѣзжаютъ не въ указные часы и весьма поздо, а нѣкоторые и въ присутствіи вовсе чрезъ немалое время не бываютъ*» (№ 10657). Екатерина II, въ своемъ замѣчательномъ указѣ 1763 г. 10 февраля, признаетъ причиною медленности то обстоятельство, что записные злодѣи, спустя долгое время послѣ первыхъ своихъ показаній, оговариваютъ невинныхъ людей, или такихъ, которыхъ нельзя отыскать, вслѣдствіе чего начинаются справки, сыски и дѣло затягивается, а вѣдомые преступники достигаютъ возможности, посредствомъ проволочекъ и побѣговъ, избѣжать наказанія (№ 11750). Учрежденная для надзора за скорѣйшимъ теченіемъ дѣлъ колодничьихъ, экспедиція въ 1766 г. нашла, что колодничьи дѣла слишкомъ долго длятся отъ недостатка прилежанія судящихъ, которые, какъ видно изъ присылаемыхъ вѣдомостей, мотивируютъ продолжительность производства самыми недѣльными и съ указами не согласными оговорками (№ 12709). Что это за недѣльныя отговорки,—можно судить отчасти изъ указовъ 1763 г. 20 января и 1773 г. 24 декабря (№№ 11737 и 14092); въ этихъ указахъ,—и съ особенною опредѣленностью во второмъ,—говорится, что дѣла многаго числа колодниковъ, сидящихъ въ тюрьмѣ съ давнихъ временъ, не оканчиваются, въ числѣ другихъ причинъ, за несочиненіемъ къ слушанію изъ дѣлъ экстрактовъ и рѣшительныхъ приговоровъ. Въ этихъ же указахъ приведены и другія причины медленности производства дѣлъ и продолжительности тюремнаго содержанія, а именно: неполученіе отъ высшихъ мѣстъ указовъ на представленія низшихъ мѣстъ; нескорая присылка отъ разныхъ, какъ равныхъ, такъ и низшихъ присутственныхъ мѣстъ, нужныхъ свѣдѣній, несмотря на неоднократныя требованія (№ 14092). Эта послѣдняя причина указана и въ указахъ 1797 г. 16 декабря (№ 18268), 1803 г. 31 іюля (Собр. Зак. Хавск. т. XIV угол. судопр.). Въ 1774 г. сенатъ нашелъ, что по уголовнымъ дѣламъ долговременное содержаніе колодниковъ происходитъ отъ того, что въ юстицъ-коллегіи уголовныя дѣла производятся и рѣшаются на ряду съ обыкновенными апелляціонными дѣлами, вопреки указу 10 февраля 1763 года (№ 14155). Не разъ государи и сенатъ обращали вниманіе судебныхъ мѣстъ на то, что колодники *содержатся долговременно въ тюрьмахъ безъ всякаго положенія* по той причинѣ, что при отсылкѣ ихъ въ какую нибудь губернію для суда, лица, завѣдывающія этимъ, забываютъ одновременно отправлять туда же и дѣла ихъ, и затѣмъ, по той же небрежности, долговременно не исполняютъ сего, вызывая безполезную и отнимающую время переписку; въ отвращеніе этого изданы были слѣдующіе указы: 1803 г. 21 февраля, 1819 г. 28 марта, 1827 г. 28 февраля, 1828 г. 14 декабря (№№ 20628, 27743, II т. Соб. Зак. №№ 932 и 2513). Особенно характеренъ случай, по которому изданъ былъ приведенный указъ 1827 г.: арестанты Николаевъ и Васильевъ присланы были въ 1825 г. оренбургскимъ губернскимъ правленіемъ въ Воронежъ и посажены въ тюремный замокъ, но дѣлъ о нихъ прислано не было, даже не сообщено было свѣдѣній: въ чемъ ихъ обвиняютъ; о присылкѣ дѣла воронежское губернское правленіе относилось пять разъ въ теченіе 1826 г.

Наконецъ, въ числѣ причинъ долговременнаго содержанія, указы 1807 г., 1810 г. марта 17 дня и 1824 г. 18 августа указываютъ на долговременное задержаніе губернаторами арестантскихъ дѣлъ, рѣшеніе которыхъ нуждалось въ ихъ утвержденіи (Собр. Хавскаго т. XIV угол. судопр., стр. 182 и 368, т. XVI стр. 292). Указанныя причины, отъ коихъ непосредственно зависѣла медленность производства уголовныхъ дѣлъ, а слѣдовательно и продолжительность содержанія подсудимыхъ въ тюрьмѣ, во время слѣдствія и суда, можно привести къ слѣдующимъ общимъ положеніямъ: а) крайнее развитіе слѣдственнаго начала, подъ вліяніемъ котораго предпринимались слѣдственныя дѣйствія по всякому, какъ самому ничтожному, такъ и мало достовѣрному показанію; б) такое же развитіе письменнаго формализма; в) небрежность слѣдователей и судей въ производствѣ уголовныхъ дѣлъ, равнодушіе ихъ къ участи подсудимыхъ и наклонность ихъ къ злоупотребленіямъ. Сверхъ этихъ причинъ, указанныхъ законодателемъ, одною изъ главнѣйшихъ причинъ, производившихъ медленность, должно признать множество судебныхъ инстанцій,—явленіе, неизвѣстное въ предыдущемъ періодѣ и обязанное своимъ происхожденіемъ XVIII вѣку.

Взятіе подъ стражу и содержаніе въ тюрьмѣ обвиняемыхъ не только въ тяжкихъ преступленіяхъ, но и въ маловажныхъ проступкахъ, и долговременное содержаніе заключенныхъ должны были, естественно, породить многочисленность тюремныхъ сидѣльцевъ и переполненіе тюремъ. Въ указахъ именныхъ и сенатскихъ постоянно встрѣчаются выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «*въ задержаніи колодниковъ во всѣхъ судныхъ мѣстахъ имѣется многое число*»; или «*колодники отъ долговременнаго по дѣламъ ихъ нерѣшенія не только убавливаются, но отъ времени до времени болѣе умножаются*»; или «*въ присутственныхъ мѣстахъ колодниковъ содержится весьма многое число и съ давнихъ временъ*» (см. указы 1724 г. 4 іюня, № 4530; 1727 г. 17 апрѣля, № 5059; 1734 г. 3 апрѣля, № 6564; 1738 г. 23 апрѣля, № 7566; 1760 г. 30 сентября, № 11110; 1773 г. 24 декабря, № 14092). Императрица Екатерина II свой знаменитый указъ 1763 г. 10 февраля, изданный съ цѣлью способствовать ускоренію производства уголовныхъ дѣлъ, начинаетъ такъ: *Извѣстно намъ, сколь велико число отъ нескораго рѣшенія дѣлъ — что происходитъ большею частью отъ несыска оговоренныхъ и по другимъ разнымъ околичностямъ— во всемъ нашемъ государствѣ содержится въ острогахъ, тюрьмахъ и въ прочихъ мѣстахъ подъ карауломъ разнаго званія колодниковъ*» (№ 11750). Императоръ Николай, по вступленіи своемъ на престолъ, былъ пораженъ многочисленностью слѣдственныхъ арестантовъ (декаб. № за 1867 г. «Военн. Сборн.»— «Черты изъ жизни царствов. имп. Николая 1; см. также «Голосъ» 1868 г. № 4-й). Не имѣя обстоятельныхъ статистическихъ данныхъ за это время, нельзя составить точнаго понятія о количествѣ содержимыхъ подъ стражею въ XVIII и XIX стол. Въ рукахъ нашихъ есть только нѣсколько цифръ, которыя, впрочемъ, могутъ дать нѣкоторое понятіе о числѣ содержимыхъ въ первую четверть XIX

столѣтія. Въ отчетѣ министра юстиціи Лопухина показано содержащихся подъ стражею 85,621 чел. (Печатн. отчетъ 1806 г. Сен. типогр.); по свѣдѣніямъ, доставленнымъ императору Николаю, послѣ вступленія его на престолъ, въ 1826 г. считалось 127,000 слѣдственныхъ арестантовъ («Голосъ» 1868 г. № 4; «Черты изъ жизни импер. Николая 1»); по отчету петербургскаго тюремнаго комитета за 1823 г. въ городской петербургской тюрьмѣ содержалось 1,589 человѣкъ, при петербургскомъ губерн. правленіи 5,019 челов. (Печатн. отчетъ за 1825 г.). Нужно замѣтить, что цифра отчета министра юстиціи не выражаетъ всего количества содержимыхъ въ тюрьмѣ за данный годъ; въ отчетахъ министра юстиціи того времени показывались только содержавшіеся подъ стражею, дѣла коихъ производились въ судахъ; слѣдовательно, въ приведенную цифру не вошло число тѣхъ содержимыхъ, надъ которыми производилось еще слѣдствіе и о которыхъ отчетъ отдавался по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ. О цифрѣ 1826 г. можно сказать только то, что вообще цифры, показываемыя въ отчетахъ, были всегда меньше дѣйствительности.

§ 23. Мѣстами заключенія въ XVIII и XIX ст. служили тюрьмы, остроги, крѣпости, помѣщенія при полиціи. Указомъ 1721 г. 1 сентября, относившимся только до одного Петербурга, предписано обвиняемыхъ въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ содержать въ гарнизонѣ, а которые состоятъ подъ арестомъ въ прочихъ дѣлахъ, тѣхъ содержать въ прежнемъ острогѣ, съ тѣмъ, чтобы отъ сената, синода, разныхъ коллегій и канцелярій пристроено было въ этомъ острогѣ по казармѣ для содержанія подвѣдомыхъ имъ арестантовъ (№ 3824). Въ этомъ указѣ проглядываетъ, съ одной стороны, стремленіе отдѣлить тюрьму отъ помѣщеній присутственныхъ мѣстъ, съ другой—остатокъ отдѣльности тюремныхъ помѣщеній по каждому вѣдомству, по каждому присутственному мѣсту. Судя, впрочемъ, по указу 1774 г. 17 февраля, и въ XVIII стол. долго сохранялся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычай помѣщать тюрьму въ одномъ зданіи или въ близкомъ сосѣдствѣ съ присутственнымъ мѣстомъ: въ этомъ указѣ говорится, что по вексельнымъ и другимъ дѣламъ, производящимся въ конторѣ главнаго магистрата, содержится всегда не менѣе 35—40 человѣкъ колодниковъ въ состоящемъ вмѣстѣ съ конторою покоѣ (№ 14125). Какъ удобны были мѣста содержанія подсудимыхъ—видно изъ того же указа, гласящаго, что въ покоѣ, длиною и шириною въ 3 сажени, имѣется налицо 85 человѣкъ колодниковъ, и что, по причинѣ тѣсноты, отъ худаго воздуха колодники занемогаютъ. Что крайняя тѣснота и неудобства были обыкновенныя качества помѣщеній, въ которыхъ содержались подъ стражею подсудимые въ XVIII и въ первой четверти XIX стол.—доказательство этого мы находимъ въ первыхъ отчетахъ попечительнаго о тюрьмахъ общества, учрежденнаго въ 1819 г. Въ отчетѣ за 1822 г. орловскаго комитета говорится: въ одной, хотя и обширной, казармѣ содержатся 361 челов. въ тяжеломъ и гниломъ воздухѣ; средину казармы занимаютъ больные; женщины содержатся въ тюремномъ замкѣ, гдѣ онѣ помѣщаются въ одной комнатѣ,—здоро-

выя вмѣстѣ съ больными заразительными болѣзнями; отъ крайней тѣсноты этого помѣщенія нѣкоторые изъ заключенныхъ должны держать себя не иначе, какъ сгорбившись (стр. 83, 84). Должно полагать, что въ нашихъ тюрьмахъ первоначально вовсе не было никакой классификаціи: обвиняемые въ тяжкихъ преступленіяхъ и завѣдомые злодѣи содержались вмѣстѣ съ подозрѣваемыми въ маловажныхъ винахъ, малолѣтніе вмѣстѣ съ взрослыми; женщины не были отдѣлены отъ мужчинъ, должники отъ содержимыхъ въ преступленіяхъ уголовныхъ. Первый указъ о раздѣленіи половъ изданъ былъ въ 1744 г. 21 февраля, по поводу одного случая, сдѣлавшагося извѣстнымъ правительству: въ новгородской губерніи, по одному слѣдственному дѣлу взяты были подъ стражу дьяконскій сынъ Марковъ и жена его; Марковъ былъ посаженъ въ одну палату, гдѣ былъ скованъ, нога съ ногою, въ теченіе двухъ недѣль, съ чужою женою, а жена его въ то же время содержалась скованая въ другой палатѣ (№ 8877). Впослѣдствіи издано было нѣсколько указовъ о классификаціи содержимыхъ; таковы указы 1747 г. 18 нояб., № 9452; 1826 г. 4 октяб., № 608; 1828 г. 9 янв., № 1691. Важное значеніе имѣетъ, относительно введенія классификаціи содержимыхъ подъ стражею по роду преступленій, Высочайше утвержденный въ 1802 г. 16 октября планъ малороссійскаго генералъ-губернатора князя Куракина. По этому закону арестанты раздѣляются на три разряда: къ первому принадлежатъ судимые въ смертоубійствѣ, святотатствѣ, измѣнѣ, разбоѣ, дѣланіи фальшивой монеты и насиліяхъ; ко второму—судимые за кражу, ложные поступки, азартныя игры и распутство; къ третьему—судимые за мошенничество, за отступленіе отъ должности, за долги, *по подозрѣнію для свидѣтельства, по ссылкѣ чьей либо и по подобнымъ тому случаямъ*. Два первые разряда должны помѣщаться въ острогѣ, въ двухъ отдѣльныхъ казармахъ; перваго разряда — въ оковахъ, въ казармѣ съ окнами за желѣзными рѣшетками, втораго разряда—въ колодахъ, въ казармѣ съ окнами безъ желѣзныхъ рѣшетокъ; въ каждой изъ этихъ казармъ должно быть особое, соотвѣтствующее отдѣленіе для лицъ женскаго пола. Для третьяго разряда взятыхъ подъ стражу устраивается особая, при городническомъ правленіи, арестантская, въ которой должно быть особое отдѣленіе для дворянъ и служащихъ. Впрочемъ, не въ острогѣ, а въ этой арестантской должны были быть содержимы обвиняемые хотя и въ тяжкихъ преступленіяхъ, но признанные невинными низшею инстанціею суда. Взятыхъ же по усмотрѣнію полиціи и содержимыхъ кратковременно безъ суда, за проступки, противные благочинію, повелѣвается содержать при съѣзжихъ домахъ (№ 20465). Этотъ проектъ, получившій силу закона, не былъ осуществленъ вполнѣ; тѣмъ не менѣе онъ всегда служилъ однимъ изъ основныхъ законовъ для введенія классификаціи.

Содержаніе подъ стражею соединено было съ другими добавочными мѣрами, которыя были употребляемы съ цѣлью отнять у содержимаго возможность уйти. Какъ и въ предыдущемъ періодѣ, въ XVIII стол. были въ употребленіи кандалы или желѣза и цѣпи (№ 11282). Въ 1802 г. 18 іюля изданъ былъ по военному

вѣдомству законъ, которымъ офицеры и другіе военные чины изъ дворянъ были изъяты отъ заковки въ желѣзо, на томъ основаніи, что закованіе рукъ и ногъ въ желѣзо, по воинскимъ процесамъ, причислено къ разряду тѣлесныхъ наказаній, а между тѣмъ въ 15 пунктѣ дворянской грамоты сказано: «*тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго*» (№ 20335). Законъ этотъ получилъ силу дѣйствія и относительно гражданъ. Кандалы, въ которые заковывали подсудимыхъ, были тяжелы и вѣсъ ихъ не былъ опредѣленъ закономъ. Комитетъ учрежденнаго въ 1819 г. общества попечительнаго о тюрьмахъ, на первыхъ же порахъ своего существованія, сталъ ходатайствовать объ уменьшеніи тяжести оковъ и введеніи законнаго для нихъ вѣса. Вслѣдствіе этого, въ 1822 году 29 марта изданъ былъ о вѣсѣ и употребленіи оковъ законъ слѣдующаго содержанія: 1) цѣпи или кандалы ножные употреблять только для мужескаго пола; 2) на женщинъ ножныхъ цѣпей не налагать, а накладывать на нихъ во время пути только ручныя; 3) малолѣтнихъ обоего пола освободить отъ ношенія оковъ, пока они дѣйствительно въ малолѣтствѣ находятся; 4) вѣсъ мужскихъ кандаловъ опредѣлить отъ 5 до 5½ ф.; 5) обручи, на ноги налагаемые, обшивать кожею (№ 28984). Выше мы сказали, что и въ XVIII и XIX стол. были въ употребленіи цѣпи. На этотъ предметъ бросаетъ яркій свѣтъ Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта 1826 г. 20 марта. Изъ этого мнѣнія видно, что частный приставъ Болотовъ содержалъ рядоваго Срамченка въ съѣзжемъ дворѣ на цѣпи, прикованной къ стулу и надѣтой на шею. Императоръ, утверждая мнѣніе государственнаго совѣта, дополнилъ его слѣдующимъ повелѣніемъ: *чтобы министру юстиціи предписать наистрожайше всѣмъ прокурорамъ: осмотрѣть, есть-ли подобные стулья съ цѣпями, и истребить, съ строжайшимъ повелѣніемъ не изобрѣтать ничего подобнаго* (№ 198). Подобно упомянутымъ шейнымъ цѣпямъ со стульями и безъ стульевъ, въ XVIII и долго въ XIX стол. употреблялось заключеніе или забитіе въ колоды или колодку—также одна изъ добавочныхъ мѣръ предупрежденія, которая никогда не была прямо введена закономъ, но которая, тѣмъ не менѣе, изстари была во всеобщемъ употребленіи. Объ употребленіи ея можно заключить изъ того, что заключенные въ тюрьму въ законахъ XVIII стол. носятъ названіе «колодниковъ»,—названіе, совершенно вытѣснившее терминъ XVI стол. *тюремный сидѣлецъ*. Правда, въ первой четверти XIX стол. слово *колодникъ* было замѣнено новымъ: *арестантъ*. Но что колодки были въ употребленіи и XIX въ стол.,—доказательствомъ этому служитъ Высочайше утвержденный объ устройствѣ тюремныхъ помѣщеній планъ Куракина, по которому 2-го разряда арестанты должны были содержаться въ колодкахъ. Рѣшительное запрещеніе употреблять эту добавочную мѣру послѣдовало въ 1827 г. 9 февр. по слѣдующему поводу: Сотникъ донской Левицкій посадилъ нѣкоего Климова въ станичной избѣ въ какую-то неподвижную колоду, отчего Климовъ умеръ. Дѣло объ этомъ восходило, чрезъ государственный совѣтъ, до императора, который повелѣлъ: «дабы никто и нигдѣ не осмѣливался, подъ предлогомъ удержанія отдаваемыхъ подъ стражу лицъ отъ

побѣговъ, изобрѣтать и употреблять иныхъ способовъ наказанія или содержанія, кромѣ тѣхъ, какіе въ узаконеніяхъ опредѣлены»; тогда же, въ предупрежденіе на будущее время подобныхъ злоупотребленій, повелѣно было начальникамъ губерній, чтобы, *по осмотрѣ повсюду мѣстъ, гдѣ содержатся арестанты, если окажутся еще гдѣ подобныя орудія, ихъ истребить* (№ 894). Нельзя не пожалѣть, что около того же времени, на ряду съ столь человѣколюбивыми законами, введена была неоправдываемая справедливостью добавочная мѣра пресѣченія: я говорю о бритьѣ головы. Въ 1824 году командиръ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, для предупрежденія побѣга арестантовъ, просилъ, чтобы дозволено было брить имъ половину головы, *какъ сіе дѣлается уже въ московскомъ острогѣ*; необходимость такой мѣры онъ доказывалъ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, особенно въ воронежской, по многимъ уѣзднымъ городамъ и этапамъ остроги и тюремныя зданія находятся въ самомъ ветхомъ положеніи. Министръ внутреннихъ дѣлъ предлагалъ распространить эту мѣру, за исключеніемъ посаженныхъ за долги, на тѣхъ только арестантовъ, которые не заключены въ кандалы, такъ какъ сей послѣдній способъ заключенія достаточно удерживаетъ отъ побѣга. Императоръ Александръ I, коему представлена была мѣра сія на утвержденіе, повелѣлъ бритью половины головы подвергать какъ незакованныхъ, такъ и закованныхъ въ кандалы (№ 30211, ук. 1825 г. 29 янв. Собр. Зак. Хавскаго, т. XIV, № 228, стр. 373). Такъ какъ принятіе этой мѣры мотивировано было ветхостью тюремъ, то въ 1826 г. подольскій губернаторъ возбудилъ вопросъ: слѣдуетъ-ли эту мѣру примѣнять къ арестантамъ, содержащимся въ устроенныхъ со всею прочностью тюрьмахъ, каковы въ Балтѣ и Брацлавѣ. Вопросъ этотъ разрѣшенъ утвердительно, на томъ основаніи, что случались побѣги и изъ подобныхъ тюремъ. Тогда опредѣлено было, что мѣра эта не должна быть распространена на классныхъ чиновниковъ, на дворянъ, на присужденныхъ къ временному аресту, равно какъ и на женщинъ, которыя обыкновенно ходятъ съ покрытыми головами (№ 209, 1526 г. 23 марта). Такъ, бритье половины головы—сначала, повидимому, мѣра исключительная—сдѣлалось мѣрою общею.

Независимо отъ неудобства мѣстъ помѣщенія, положеніе содержимыхъ въ тюрьмахъ было крайне тягостно, въ теченіе большей половины XVIII стол., еще и отъ недостатка и необезпеченности продовольствія. Хотя еще въ предыдущемъ столѣтіи правительство обнаружило первые признаки заботливости о прокормленіи подсудимыхъ арестантовъ, но прочная и опредѣленная система продовольствія выработана была только къ концу XVIII столѣтія. Извѣстно, что тюремные сидѣльцы въ прежнее время продовольствовались или на свой счетъ, или добывали содержаніе подаяніемъ, водимые на связкахъ. Оба эти способа практиковались и въ XVIII ст. Правда, въ 1722 г. 20 окт. изданъ былъ указъ, коимъ запрещено колодниковъ, содержимыхъ въ уголовныхъ дѣлахъ, отпускать для прошенія милостыни на связки. Въ замѣнъ этого, вмѣнено въ обязанность, тѣхъ изъ нихъ,

которые не въ состояніи себя прокормить, отдавать въ казенную работу, выдавая заработныхъ по 4 копѣйки (№ 4094). Но не прошло и мѣсяца, какъ изданъ былъ новый указъ, 17 ноября, коимъ разрѣшено было, при неимѣніи казенныхъ работъ, отпускать колодниковъ для прошенія милостыни изъ каждаго мѣста по одной, а гдѣ ихъ много—по двѣ и по три связки и больше (№ 4111). И впослѣдствіи времени законодательство наше колебалось между запрещеніемъ арестантамъ просить милостыню (указы: 1737 г. іюня 24, № 7296; 1749 г. янв. 27 дня, № 9751; 1754 г. 30 мар., № 10202; 1756 г. 18 нояб., № 10660) и дозволеніемъ имъ добывать себѣ пропитаніе этимъ способомъ (ук. 1738 г. 23 апр., № 7566; ук. 1742 г. нояб. 16 дня, № 9068; ук. 1765 г. 14 декаб., № 12521). Какъ не обезпечено было въ первой половинѣ XVIII в. продовольствіе подсудимыхъ арестантовъ—видно изъ того, что въ 1749 г. «*изъ содержащихся въ полковомъ полтавскомъ секвестрѣ колодниковъ одинъ съ приключившейся ему отъ голода пухлости апр. 9 дня умре, а прочимъ де колодникамъ, болѣе 30 челов., за неимѣніемъ пищи тоже слѣдовать можетъ, понеже за нынѣшнею де въ хлѣбѣ скудностію для пропитанія испросить себѣ милостыни не могутъ* (№ 9647). Способы, которыми колодники вымаливали милостыню, были самые возмутительные; указъ 1749 г. янв. 27 дня такъ описываетъ добываніе милостыни: «*Многіе колодники пытанные и въ разодранныхъ платьяхъ такихъ, что едва тѣла лоскутьями прикрыты, стоя скованные на красной площади и по другимъ знатнымъ улицамъ, необычно съ крикомъ поючи, милостыни просятъ*» (№ 9571). Въ указахъ 1756 г. 18 нояб. и 1761 г. 26 іюня говорится, что колодники, и между ними пытанные, въ разодранныхъ и кровавыхъ рубахахъ, ходятъ скованные и въ желѣзахъ по церквамъ и монастырямъ, преимущественно въ праздники, во время большихъ съѣздовъ, также по домамъ, кабакамъ, по улицамъ и торговымъ мѣстамъ, и просятъ милостыни съ невѣжествомъ и необычнымъ крикомъ (№№ 10660, 11282). Къ вышеприведеннымъ указамъ, которыми частью запрещено было отпускать на связки, частью опредѣлены были способы продовольствія арестантовъ, слѣдуетъ присоединить указы: 1785 г. 24 марта., 1788 г. 31 марта, 1800 г. 30 апр., 1816 г. 22 дек., 1819 г. 22 дек., которыми содержаніе заключенныхъ въ тюрьмѣ окончательно было принято на счетъ государства и опредѣлена система продовольствія (№№ 16170, 16640, 19403, 26570, 28040). Но содержимые подъ стражею при полиціи продовольствовались однимъ только подаяніемъ до 1810 г., когда и они уравнены были въ содержаніи со всѣми прочими арестантами (№ 24216).

§ 24. Пришедши къ сознанію, что число содержимыхъ подъ стражею велико, что заключеніе ихъ крайне продолжительно, что иные содержатся подъ стражею безъ основанія или по маловажнымъ винамъ,—законодательная и судебно-административная власть не могла оставаться равнодушною къ видимо вреднымъ явленіямъ. Всѣ вышеприведенные нами указы, въ которыхъ правительство засвидѣтельствовало крайнюю продолжительность содержанія и многочисленность

содержимыхъ, изданы были съ тою цѣлью, «*чтобы дѣла были рѣшаемы въ самой скорости, безволокитно*»; «*чтобы отъ продолженія дѣлъ никто напрасно держанъ не былъ*»; «*дабы колодникамъ рѣшеніе чинимо было безъ всякаго продолженія, дабы колодниковъ не множилось*»; «*чтобы въ случаѣ и невинные содержаніемъ изнуряемы напрасно не были;* «*чтобы отъ долговременнаго тѣхъ дѣлъ рѣшенія содержащіеся колодники не могли перемереть, а другіе уйти*»; «*чтобы неподлежащіе содержанію изъ подъ караула были освобождены*». Кромѣ частаго, можно сказать, каждогоднаго напоминанія о скорѣйшемъ окончаніи арестантскихъ дѣлъ, правительство принимало и установляло болѣе постоянныя мѣры, направленныя къ этой цѣли.

Мѣры эти были слѣдующія: а) возложеніе на извѣстныя учрежденія и лица обязанности надзора за ходомъ арестантскихъ дѣлъ; б) доставленіе статейныхъ списковъ или вѣдомостей о числѣ арестантовъ, о ходѣ и положеніи ихъ дѣлъ; в) установленіе сроковъ для окончанія ихъ; г) штрафы за медленное рѣшеніе дѣлъ.

Говоря о надзорѣ за теченіемъ и ускореніемъ арестантскихъ дѣлъ, нельзя не упомянуть о томъ вниманіи, которое оказывали къ этимъ дѣламъ русскіе самодержцы. Многіе указы какъ вообще объ ускореніи дѣлъ, по которымъ подсудимые содержались подъ стражею, такъ и о принятіи мѣръ, къ тому направленныхъ, были изданы по личной ихъ иниціативѣ. Въ первой половинѣ XVIII стол. двѣ императрицы получали свѣдѣнія объ арестантскихъ дѣлахъ изъ вѣдомостей, которыя были присылаемы въ верховный тайный совѣтъ и кабинетъ, и такимъ образомъ имѣли возможность слѣдить за ходомъ ихъ. Со второй четверти XIX стол. императоръ слѣдилъ за ходомъ этихъ дѣлъ по вѣдомостямъ, доставляемымъ непосредственно къ нему отъ прокуроровъ и стряпчихъ. Что же касается спеціальнаго надзора за этими дѣлами, то онъ состоялъ изъ центральнаго и губернскаго. Центральный надзоръ первоначально принадлежалъ главнымъ образомъ сенату; надзоръ юстицъ-коллегіи не имѣлъ особеннаго значенія. Императорская власть не разъ напоминала сенату *имѣть крѣпкое смотрѣніе, смотрѣть недремлемымъ окомъ*, за скорѣйшимъ рѣшеніемъ дѣлъ подсудимыхъ, лишенныхъ свободы. Для лучшаго надзора за этими дѣлами и для разсмотрѣнія вѣдомостей о положеніи ихъ и причинахъ медленности производства, сенатъ въ 1761 году 8 іюня учредилъ особую экспедицію. Это учрежденіе обязано было посылать понужденія о скорѣйшемъ доставленіи справокъ, назначать сроки для рѣшенія дѣлъ, докладывать сенату о наложеніи штрафовъ за неисполненіе предписаній и долговременное беззаконное содержаніе въ тюрьмѣ (№ 11266). Для выполненія сей обязанности, указомъ 1763 г. 10 января, вмѣнено было экспедиціи о колодникахъ вести слѣдующіе реестры, записки и книги: 1) записку о получаемыхъ изъ всѣхъ мѣстъ ежемѣсячныхъ вѣдомостяхъ, съ отмѣткою, когда

онѣ получены; 2) настольный реестръ нерѣшеннымъ дѣламъ, дабы изъ него можно было видѣть, по какимъ дѣламъ слѣдуетъ о наложеніи штрафа докладывать сенату; 3) настольный реестръ тѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, которымъ посланы указы о скорѣйшемъ окончаніи колодничьихъ дѣлъ и доставленіи справокъ и о прочемъ; 4) краткую настольную записку о содержащихся подъ стражей во всемъ государствѣ, съ показаніемъ только общаго числа, прибыли и убыли содержимыхъ (№ 11731). Экспедиція эта, впрочемъ, не долго существовала: съ раздѣленіемъ сената на департаменты, она была уничтожена, а обязанности ея были возложены на 2-й департаментъ сената (№ 13170). Впослѣдствіи времени общій надзоръ за скорѣйшимъ окончаніемъ дѣлъ раздѣленъ былъ между генералъ-прокуроромъ или министромъ юстиціи и сенатомъ. Губернскій надзоръ возложенъ былъ на губернаторовъ съ самаго учрежденія губернаторской должности (№№ 3319, 5333, 12578, 12709). По мѣрѣ организаціи прокурорскаго надзора, къ прокурорамъ переходилъ надзоръ за арестантами и опека о скорѣйшемъ окончаніи ихъ дѣлъ (ук. 1733 г. сент. 3 д., о должн. прок., п. 6, № 6475; ук. 1756 г. 25 нояб., № 10657; 1761 г. 8 іюня, № 11266; ук. 1766 г. 20 февр. и 31 іюля, №№ 12578 и 12709). Въ Учрежденіи о губерніяхъ 1775 г. 5-го ноября точнѣе опредѣленъ характеръ надзора прокурорской власти за содержаніемъ арестантовъ и за успѣшнымъ ходомъ арестантскихъ дѣлъ; губернскимъ прокурорамъ вмѣнено въ обязанность каждую недѣлю посѣщать тюрьму и, кромѣ другихъ заботъ, имѣть попеченіе, чтобы *дѣла содержимыхъ скорѣе рѣшеніе получали* (№ 14392, § 405, п. 13). Съ образованіемъ въ 1807 г. департамента удѣловъ, на управляющихъ удѣльными конторами возложена обязанность заботиться объ ускореніи дѣлъ удѣльныхъ крестьянъ, взятыхъ подъ стражу, по обвиненію въ какомъ нибудь преступленіи. Для достиженія цѣлей надзора служили вѣдомости объ арестантахъ и положеніи ихъ дѣлъ. Уже въ прошедшемъ столѣтіи стали входить въ обычай статейные списки, съ цѣлью привести въ извѣстность число тюремныхъ сидѣльцевъ и положеніе ихъ дѣлъ. Но присылка этихъ списковъ не имѣла характера общей и постоянной мѣры: она вмѣняема была въ обязанность воеводамъ только при вступленіи ихъ въ должность. Съ XVIII вѣка доставленіе статейныхъ списковъ или вѣдомостей, какъ ихъ скоро стали называть, превращено въ общую обязанность для всѣхъ судебныхъ мѣстъ и лицъ. Въ 1719 г. 3 марта издано было повелѣніе, чтобы губернаторы присылали въ юстицъ-коллегію о состоящихъ подъ стражею, въ губерніяхъ и въ подчиненныхъ имъ городахъ, колодникахъ статейные списки, въ которыхъ бы, кромѣ обозначенія: кто, гдѣ, съ какого времени и за что содержится,—были объяснены причины, почему извѣстныя дѣла заключенныхъ остаются столь долго безъ рѣшенія; за нескорое доставленіе этихъ списковъ указъ грозилъ штрафомъ 5 руб. за каждаго человѣка. Тотъ же указъ вмѣнялъ въ обязанность губернаторамъ, вице-губернаторамъ и прочимъ судьямъ читать каждый день статейные списки собственныхъ приказовъ, удостовѣряя исполненіе этого собственноручною подписью, для того, чтобы дѣла, подлежащія окончанію, были

немедленно рѣшены, и *чтобы безъ вѣдома ихъ никакой колодникъ держимъ не былъ* (№ 3319). Въ 1726 г. 26 октября велѣно присылать статейные списки въ сенатъ; присланные списки въ слѣдующемъ году внесены были на разсмотрѣніе верховнаго тайнаго совѣта, который повелѣлъ обнародовать замѣченные недостатки, въ предупрежденіе ихъ на будущее время (№№ 4970, 4989 и 5059). Въ 1734 г. сенатъ, убѣдившись въ томъ, что многое число колодниковъ содержится немалое время безъ рѣшенія, 3 апрѣля предписалъ, чтобы такіе статейные списки за судейскими руками были присылаемы въ сенатскую контору еженедѣльно (№ 6564). Спустя два года изданы были: а) именное повелѣніе о присылкѣ въ сенатъ вѣдомостей о колодникахъ каждый мѣсяцъ до тѣхъ поръ, пока всѣ дѣла прошлыхъ лѣтъ не будутъ рѣшены (№ 7095); б) сенатскій указъ о присылкѣ вѣдомостей о колодникахъ изъ губерній, провинцій и городовъ въ сенатъ еженедѣльно, а изъ сената въ кабинетъ Его Величества каждый мѣсяцъ (№ 7114). Въ 1756 г. 10 апрѣля сдѣлано подтвержденіе присылать статейные списки изъ петербургскихъ присутственныхъ мѣстъ въ сенатъ, изъ московскихъ въ сенатскую контору, а изъ губерній по полугодно въ юстицъ-контору (№ 10538). Того же года указомъ 25 ноября возложена на прокуроровъ, гдѣ они есть, а гдѣ нѣтъ—на присутствующихъ, обязанность подавать къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ изъ петербургскихъ присутственныхъ мѣстъ еженедѣльныя, а изъ московскихъ и губернскихъ ежемѣсячныя вѣдомости, какъ о часахъ, въ которые присутствующіе пріѣзжаютъ въ судъ, такъ и о колодникахъ (№ 10657). Послѣ этого идетъ рядъ указовъ, изданныхъ съ цѣлью ввести постоянство и регулярность въ доставленіе въ сенатъ ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ вѣдомостей; таковы указы 30 сентября 1760 г., № 11110; 10 и 20 января, 12 февраля 1763 г., №№ 11731, 11737 и 11752; 1797 г. 1 іюля, № 18067. Съ шестидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія доставленіе ежемѣсячныхъ вѣдомостей въ сенатъ и къ генералъ-прокурору становится неизмѣнною, разъ навсегда установленною обязанностью для мѣстъ, отправлявшихъ уголовный судъ. Съ тѣхъ поръ до начала второй четверти нынѣшняго столѣтія, если не считать подтвержденій, мы не встрѣчаемъ новыхъ законовъ относительно вѣдомостей. Въ началѣ 1826 г. императоръ Николай, вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, обратилъ вниманіе на двухлѣтнее содержаніе подъ стражею крестьянскаго мальчика Кузьмина, который былъ обвиняемъ въ кражѣ изъ церкви 1 р. 49 коп. Вслѣдствіе сего, издавъ повелѣніе о поспѣшнѣйшемъ ходѣ всѣхъ дѣлъ, а тѣмъ болѣе такихъ, по коимъ есть арестанты, *нерѣдко невинно содержащіеся*, императоръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, вмѣнилъ въ обязанность прокурорамъ, въ случаѣ небрежности, доносить министру юстиціи, съ тѣмъ, чтобы послѣдній представлялъ списки съ тѣхъ донесеній государю (№ 281). Въ 1827 и 1828 гг. изданы были два Высочайшія повелѣнія, коими дополненъ этотъ законъ въ томъ смыслѣ, что губернскіе прокуроры и стряпчіе обязаны, кромѣ того, доносить императору ежемѣсячно, въ собственныя Его Величества руки, о тѣхъ арестантахъ

ихъ вѣдомства, участь коихъ не рѣшена по минованіи года. *) Доставленіе статейныхъ списковъ или вѣдомостей не было одною только формальностью, но служило однимъ изъ способовъ дѣйствительнаго контроля за производствомъ арестантскихъ дѣлъ. Въ эти вѣдомости вносились не одни имена заключенныхъ въ тюрьму, но свѣдѣнія о причинахъ медленности; онѣ нерѣдко служили поводомъ къ изданію указовъ объ ускореніи арестантскихъ дѣлъ, о недержаніи подъ стражею лицъ, совершенно невинныхъ, слабо уличаемыхъ или виновныхъ въ мелкихъ проступкахъ; изъ этихъ же вѣдомостей сенатъ почерпалъ доказательства нерадѣнія того или другаго суда при производствѣ арестантскихъ дѣлъ, и основаніе для наложенія штрафа на виновныхъ въ такомъ нерадѣніи. Конечно, такая мѣра, какъ доставленіе вѣдомостей, не могла, какъ увидимъ ниже, измѣнить сущности вещей, т. е. устранить причины медленности, лежащія въ самомъ существѣ судоустройства и судопроизводства. Тѣмъ не менѣе, она приносила свою пользу: она не допускала развиваться небрежности сверхъ мѣры и вносила извѣстную идею, порядокъ и ясность въ отправленіе уголовнаго правосудія.

Желая ускорить рѣшеніе дѣлъ тѣхъ обвиняемыхъ, которые содержатся подъ стражею, законодатель еще въ прошедшемъ столѣтіи думалъ достигнуть этой цѣли посредствомъ установленія сроковъ для рѣшенія сихъ дѣлъ. Сроки эти были двухъ родовъ: одни—временно опредѣленные, на одинъ разъ, другіе—разъ навсегда опредѣленные. Отъ XVIII столѣтія дошло до насъ нѣсколько указовъ, которыми предписывалось покончить всѣ арестантскія дѣла къ данному времени; такъ, указомъ 1731 г. 5 марта предписано было приступить, начиная съ 8 марта, къ рѣшенію колодничьихъ дѣлъ безъ всякихъ оговорокъ, съ тѣмъ, чтобы къ наступающему празднику Пасхи, т. е. къ 18 апрѣля, колодничьи дѣла окончательно были рѣшены, подъ угрозою штрафа за неисполненіе этого предписанія (№ 5709). Подобные же указы изданы были въ 1734 г. 3 апрѣля и 1768 г. (№№ 6564 и 13216). Несравненно важнѣе установленіе разъ навсегда опредѣленныхъ сроковъ. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ указъ 10 февраля 1763 г., которымъ Екатерина II предписала оканчивать арестантскія дѣла въ мѣсяцъ (№ 10750). Мѣсячный срокъ, установленный императрицею для окончанія дѣлъ лицъ, содержимыхъ подъ стражею, не былъ, впрочемъ, новостью въ нашемъ законодательствѣ. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что такой же самый срокъ для окончанія этихъ дѣлъ былъ установленъ 123 пунктомъ новоуказныхъ статей 1669 г. (№ 441). Указъ Екатерины, въ которомъ не упоминается о семъ старомъ законѣ и въ которомъ о мѣсячномъ срокѣ говорится какъ о чемъ-то новомъ, служитъ только доказательствомъ, что старый законъ былъ забытъ и не исполнялся. Если въ теченіе мѣсяца арестантское дѣло не рѣшено, указъ

*) Въ Полномъ Собраніи Законовъ мы не отыскали этихъ Высочайшихъ повелѣній: на нихъ есть ссылка въ указѣ 5-го іюля 1837 г. и въ Св. Зак. изд. 1857 г. т. II кн. 2 раз. VII ст. 2474 п. 4, хотя, вопреки принятому правилу, здѣсь они поцитированы безъ указанія номера, что можетъ служить подтвержденіемъ для предположенія, что они дѣйствительно не внесены въ Пол. Соб. Зак.

1764 г. іюня 3 дня повелѣваетъ доносить о семъ изъ воеводской канцеляріи въ провинціальную, а изъ сей послѣдней въ губернскую, которая обязана за ходомъ дѣла имѣть неослабный надзоръ и объ успѣхѣ или неуспѣхѣ должна доносить какъ юстицъ-коллегіи, такъ и сенату. Въ случаѣ нерѣшенія дѣла въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, мѣсто, за которымъ считается арестованный, обязано за мѣсяцъ до полугода донести сенату о причинахъ, препятствующихъ рѣшенію (№ 12173). По Учрежденію о губерніяхъ верхній земскій судъ, уѣздный судъ, губернскій магистратъ, верхняя расправа обязаны были имѣть свои засѣданія въ три срока: первый срокъ продолжается отъ 8 января до страстной недѣли, второй послѣ троицына дня до 28 іюня, а третій отъ 2 октября до 18 декабря. Дѣла, по которымъ кто нибудь содержится подъ стражею, предписано имъ было рѣшать въ одинъ срокъ подъ опасеніемъ штрафа (ст. 188, 207, 330 и 374). Съ цѣлью ускоренія сроковъ рѣшенія дѣлъ по обвиненіямъ въ маловажномъ воровствѣ, изданъ былъ Екатериною II законъ 1781 г. апрѣля 3 дня. По этому закону предаются суду только обвиняемые въ воровствѣ и въ мошенничествѣ выше 20 руб. или совершившіе воровство на какую бы то ни было цѣну въ четвертый разъ. Обвиняемые же въ воровствѣ и мошенничествѣ цѣною ниже 20 руб. въ первый, во второй и третій разъ, по взятіи ихъ подъ арестъ, отдаются тотчасъ въ рабочій домъ, для того, чтобы они отработали тамъ украденное и штрафъ (№ 15147). Законъ этотъ цѣликомъ внесенъ былъ въ Уставъ благочинія (пп. 2, 3 и 4 ст. 269). Хотя въ законѣ не сказано, кто и какъ отдаетъ подобныхъ обвиняемыхъ въ рабочій домъ, но изъ существа этого закона и Устава благочинія очевидно, что эта обязанность лежала на полиціи, и что отдача эта должна была слѣдовать на основаніи немедленнаго приговора полиціи. Законодательница, очевидно, хотѣла установить для подобныхъ дѣлъ скорую полицейскую расправу и тѣмъ сократить время слѣдственнаго ареста, вмѣсто крайне медленнаго производства въ нѣсколькихъ инстанціяхъ, съ чѣмъ тѣсно связано было долговременное содержаніе подъ стражею. Такъ какъ законъ 1781 г. подвергся съ теченіемъ времени нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ, то въ 1827 г., въ поясненіе и дополненіе, издано было мнѣніе государственнаго совѣта, коимъ рѣшеніе дѣлъ о воровствѣ-кражѣ цѣною выше 5 р. и ниже 20 руб. предоставлено было управамъ благочинія, съ тѣмъ, чтобы произвести ускореніе производства дѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшить накопленіе арестантовъ и избавить ихъ отъ излишняго изнуренія подъ стражею (№ 1425). Въ 1810 г. Александръ I, *милосердствуя объ участи тѣхъ, которые содержатся подъ стражею*, повелѣлъ имѣть въ сенатѣ двѣ очереди дѣламъ: одну тѣмъ дѣламъ, по которымъ подсудимые состоятъ на свободѣ, другую такимъ, по которымъ они содержатся подъ стражею, съ тѣмъ, чтобы дѣла о сихъ послѣднихъ докладываемы и рѣшаемы были преимущественно предъ первыми (№ 24272).

Чтобы обезпечить исполненіе законовъ и предписаній относительно скораго и въ срокъ рѣшенія арестантскихъ дѣлъ, законодатель XVIII и XIX столѣтій установ-

лялъ за нерадѣніе штрафы. Сначала изданы были законы о штрафахъ за медленное рѣшеніе дѣлъ о долгахъ, за которые отвѣтчики посажены въ тюрьму (ук. 4 апрѣля и 13 сентября 1722 г. №№ 3928 и 4091). Въ 1726 г. 26 октября предписано было колодниковъ, находившихся долговременно въ тюрьмахъ, содержать на счетъ судей—виновниковъ долговременнаго заключенія (№ 4970). По повелѣнію императрицы, въ 1727 г. 17 апрѣля, объявлено было судьямъ, что за увеличеніе числа колодниковъ въ ихъ вѣдомствѣ они подвергнутся штрафу. Штрафъ за медленность рѣшенія опредѣлялся въ слѣдующихъ указахъ: 1731 г. 5 марта, № 5709; 1736 г. 11 ноября, 1 и 12 декабря, №№ 7095, 7114 и 7127; 1756 г. 10 апрѣля, № 10538; 1761 г. 2 сентября, № 11319. На учрежденную въ 1761 году экспедицію въ сенатѣ возложена была обязанность, по разсмотрѣніи вѣдомостей о колодникахъ, докладывать сенату о наложеніи штрафовъ на допустившихъ медленность судей въ производствѣ колодничьихъ дѣлъ (№№ 11266, 11731, 11737, 12709). Указомъ 1764 г. 3 іюня предписано, за нерѣшеніе арестантскихъ дѣлъ въ опредѣленный срокъ, подвергать виновныхъ вычету трети жалованья (№ 12178). Если на верхній земскій судъ, губернскій магистратъ, уѣздный судъ, верхнюю расправу принесена будетъ жалоба, что, вопреки закону, они оставили въ теченіе трехъ сроковъ безъ рѣшенія дѣло, по которому обвиняемый содержится подъ стражею, то члены этихъ судебныхъ мѣстъ, по Учрежденію о губерніяхъ, лишаются годоваго жалованья въ пользу заключеннаго, или его наслѣдниковъ, или школъ (№ 14392, §§ 188, 207, 330 и 374).

Легко видѣть, что правительство постоянно заботилось о скорѣйшемъ рѣшеніи арестантскихъ дѣлъ и объ уменьшеніи числа заключенныхъ, для достиженія чего оно предпринимало и узаконяло вышеизложенныя мѣры. Рождается вопросъ: достигали-ли эти мѣры своей цѣли? Нельзя оспаривать того, что онѣ приносили долю пользы: контроль высшей, хотя и отдаленной власти служилъ преградою для развитія чрезмѣрной небрежности подчиненныхъ учрежденій при производствѣ уголовныхъ дѣлъ; присылка вѣдомостей доставляла правительству свѣдѣнія о положеніи арестантскихъ дѣлъ и вносила нѣкоторый порядокъ и ясность въ уголовное правосудіе; наконецъ, безпрестанныя понужденія не могли не способствовать ускоренію хотя нѣкоторыхъ отдѣльныхъ дѣлъ. Но, съ другой стороны, нельзя не сознаться, что всѣ принимаемыя мѣры принадлежали къ разряду мѣръ паллятивныхъ и направлены были на уничтоженіе слѣдствій, тогда какъ причины этихъ слѣдствій, оставаясь нетронутыми, продолжали дѣйствовать и производить свое дѣло. Въ тѣхъ же указахъ, которые издаваемы были съ цѣлью споспѣшествовать ускоренію дѣлъ, содержатся такія, напримѣръ, жалобы: «*Изъ многихъ присутственныхъ мѣстъ о содержащихся колодникахъ вѣдомостей не получено, а изъ прочихъ совсѣмъ не присылается*»; «*а особливо въ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ по указамъ весьма слабое исполненіе происходитъ*; «*не только по указу 10 февраля* (назначившему срокъ для рѣшенія) *многіе сроки прошли, но и по генеральному регламенту два срока*

миновало». Императоръ Александръ I, возвращаясь изъ Москвы послѣ коронаціи, посѣтилъ Валдай; при ревизіи земскаго валдайскаго суда найдено было нѣсколько колодниковъ, содержавшихся по подозрѣнію въ кражѣ, безъ отсылки куда слѣдуетъ; оказалось, что въ доставленныхъ ежемѣсячныхъ вѣдомостяхъ они были скрыты и дѣлъ о нихъ никакихъ не показано (ук. 1801 г. 31 октября). Этотъ случай, конечно, былъ только выраженіемъ того, что существовало въ широкихъ размѣрахъ.

Изъ вышеизложеннаго мы считаемъ себя вправѣ сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Петръ I своими реформами уничтожилъ косвеннымъ образомъ двѣ старѣйшія по происхожденію мѣры пресѣченія: старыя поруки и отдачу за пристава.

2) Поруки XVIII и XIX столѣтій отличаются отъ старыхъ порукъ тѣмъ, что онѣ не соединены были съ отвѣтственностью для поручителей.

3) О замѣнѣ старыхъ порукъ новыми и отдачи за пристава полицейскимъ надзоромъ, точно опредѣленныхъ законовъ издано не было: эта замѣна совершилась скорѣе путемъ практики, чѣмъ путемъ закона.

4) О полицейскомъ надзорѣ законы XVIII и XIX столѣтій говорятъ какъ-то вскользь, по случаю; опредѣлить объемъ примѣненія этой мѣры нѣтъ возможности.

5) Въ разсматриваемый періодъ образовался обычай: противъ нѣкоторыхъ обвиняемыхъ вовсе не принимать мѣръ пресѣченія. Законъ о наложеніи обязанности на подсудимыхъ не выѣзжать, безъ позволенія суда, изъ того мѣста, гдѣ они судятся, изданъ былъ подъ конецъ этого періода, но въ какой мѣрѣ онъ соблюдался—я опредѣлить не могу, по неимѣнію данныхъ, если не считать невнесеніе его въ XV т. Св. Зак. обстоятельствомъ, доказывающимъ, что законъ этотъ не вошелъ тогда въ практику.

6) Самою употребительною мѣрою пресѣченія въ этомъ періодѣ было взятіе подъ стражу и содержаніе въ тюрьмѣ. Примѣненіе этой мѣры зависѣло больше отъ произвола слѣдователей, чѣмъ отъ закона, такъ какъ изданные въ этотъ періодъ законы относительно этой мѣры не содержали въ себѣ точныхъ, опредѣленныхъ, редактированныхъ въ одномъ духѣ правилъ.

7) При отсутствіи раціональныхъ и по существу и по редакціи законовъ, само собою вытекало употребленіе содержанія въ тюрьмѣ тамъ, гдѣ не слѣдовало; отсюда происходила многочисленность содержащихся подъ стражею.

8) Мѣры, которыя употребляло правительство, какъ противъ примѣненія содержанія въ тюрьмѣ въ неподлежащихъ случаяхъ, такъ и противъ продолжительности содержанія и увеличенія числа содержимыхъ, какъ мѣры, направленныя противъ явленій, а не противъ причинъ, не могли уничтожить того, противъ чего онѣ были направлены.

ГЛАВА V.

Система Свода Законовъ.

§ 25. Характеръ перемѣнъ, внесенныхъ Сводомъ Законовъ въ систему мѣръ пресѣченія.

§ 26. Содержаніе постановленій Свода Законовъ, изд. 1832 и 1857 гг., о мѣрахъ пресѣченія: постановленія общія; законы о маловажныхъ преступленіяхъ и проступкахъ; постановленія особенныя.

§ 27. Свойство и объемъ примѣненія мѣръ пресѣченія: отдачи на поруки, полицейскаго надзора, домашняго ареста и содержанія подъ стражею—при полиціи и въ тюрьмѣ. Статистическія данныя о числѣ содержимыхъ подъ стражею во время слѣдствія и суда и о свойствѣ преступленій, за которыя брали подъ стражу.

§ 28. Причины многочисленности содержимыхъ подъ стражею.

§ 29. Мѣста содержанія подъ стражею: тюрьмы, арестантскія при полиціи.

§ 30. Продолжительность содержанія подъ стражею во время слѣдствія и суда и ея причины: недостаточное устройство слѣдственной части, множество инстанцій, крайнее развитіе письменности.

§ 31. Система мѣръ, коими законодатель думалъ достигнуть ускоренія производства уголовныхъ дѣлъ и сокращенія содержанія подъ стражею: надзоръ, сроки, штрафы.

§ 32. Перемѣны, прямо или косвенно произведенныя съ 1860 г. въ системѣ мѣръ пресѣченія: учрежденіе судебныхъ слѣдователей и изданіе наказовъ; правила 11 октября 1865 г.; законъ 15 мая 1867 г.—Заключеніе.

§ 25. Изданіе Свода Законовъ есть важная эпоха въ исторіи нашего законодательства вообще и уголовнаго права и судопроизводства въ частности.

Правда, изданіемъ Свода Законовъ не было внесено перемѣнъ въ наши учрежденія; правда, духъ законовъ остался тотъ же самый, какъ и до изданія. Тѣмъ не менѣе, этою законодательною работою сдѣлано было много: всѣ дѣйствующіе законы приведены въ извѣстность, расположены въ систему по предметамъ, подведены, хотя въ слабой степени и не вездѣ, подъ извѣстныя начала.

Въ редактированіи положеній о мѣрахъ пресѣченія составители Свода Законовъ руководствовались общими правилами, при посредствѣ которыхъ совершена вся работа составленія Свода. Съ одной стороны, они взяли за матеріалъ изданные въ разное время и неотмѣненные, или считавшіеся неотмѣненными, законы о мѣрахъ пресѣченія. Съ другой, они извлекли изъ этихъ законовъ общія начала, которыя проходили или, по крайней мѣрѣ, должны были проходить чрезъ положенія о семъ предметѣ, ими составленныя.

Матеріаломъ для редактированія постановленій о мѣрахъ пресѣченія послужили законы, изданные, начиная съ Соборнаго Уложенія, до появленія Свода.

Тутъ цитируются: статьи Уложенія объ отдачѣ оговореннаго за пристава; постановленія инструкціи 1756 г. объ отдачѣ на поруки дворянъ, отказавшихся помогать сыщикамъ въ преслѣдованіи и поимкѣ воровъ и разбойниковъ; статья 168 екатерининскаго Наказа, въ которой говорится о соразмѣреніи строгости и продолжительности задержанія подъ стражею съ дѣйствительною необходимостью; знам нитая 401 статья Учрежденія о губерніяхъ; всѣ статьи—104, 233 и 274—Устава Благочинія, въ которыхъ говорится о подслѣдственномъ арестѣ; 161 и 170 статьи Положенія департамента удѣловъ, и многіе другіе законы и сепаратные указы, содержаніе которыхъ изложено мною въ IV главѣ. Зная содержаніе всѣхъ какъ указанныхъ мною, такъ и неуказанныхъ законовъ, которые цитируются во 2-й ч. XV т. Свода, легко видѣть, что составители его: во-первыхъ, внесли нѣкоторые законы, утратившіе уже свой первоначальный смыслъ; во-вторыхъ, обобщили нѣкоторыя раціональныя положенія старыхъ законовъ, имѣвшихъ частное значеніе.

Такъ, на основаніи ст. 35-й XXI главы Соборнаго Уложенія и 26 ст. новоуказныхъ статей 1669 г., и въ Сводъ Законовъ внесено слѣдующее правило: «Оговариваемыхъ, кои, запираясь на очной ставкѣ съ преступникомъ, будутъ ссылаться, въ оправданіе свое, на повальный обыскъ, содержать до учиненія сего обыска не въ тюрьмѣ, но подъ надзоромъ полиціи» (ст. 136 ч. 2 т. XV Св. Зак., изд. 1857 г.). Дѣло въ томъ, что повальный обыскъ Соборнаго Уложенія и повальный обыскъ Свода Законовъ—учрежденія одного происхожденія, но различнаго характера. Повальный обыскъ Уложенія былъ большею частью началомъ слѣдствія, тогда какъ по Своду онъ былъ заключительнымъ его дѣйствіемъ. По Уложенію онъ служилъ доказательствомъ, вслѣдствіе чего оговореннаго, неодобреннаго въ поведеніи, подвергали пыткѣ, а оговореннаго, но одобреннаго въ поведеніи на обыскѣ, на который онъ ссылался, тотчасъ велѣно было освобождать отъ суда на чистую поруку (ст. 35 гл. XXI Улож.; ст. 27 новоук. ст. 1669 г. 22 января, № 441). По Своду же Законовъ, неблагопріятный для подсудимаго исходъ повальнаго обыска только служитъ подкрѣпленіемъ другихъ доказательствъ (ст. 339 ч. 2 т. XV, изд. 1857 г.), а благопріятный не могъ его избавить ни отъ суда, ни отъ осужденія. Вслѣдствіе этого можно положительно сказать, что ст. 136 главы о мѣрахъ пресѣченія, какъ неимѣвшая почвы, оставалась безъ дѣйствія.

Относительно обобщеній должно сказать, что смыслъ такихъ частныхъ законовъ, какъ законъ 1756 г. 19 ноября, или какъ законъ 1808 г. 15 мая, и имъ подобныхъ законовъ, положенъ въ основаніе всей главы о мѣрахъ пресѣченія. Такимъ образомъ, то, что высказано было въ законахъ или сепаратныхъ указахъ XVIII и XIX столѣтій по частному случаю, относительно одного преступленія, въ примѣненіи къ извѣстному только кругу русскихъ гражданъ,—то въ Сводѣ Законовъ возведено въ общее правило.

§ 26. Начало, выработанное изъ упомянутыхъ частныхъ, изданныхъ въ разное время и по разнымъ случаямъ законовъ, и положенное въ основаніе главы

Свода Законовъ о мѣрахъ пресѣченія, есть слѣдующее: строгость мѣръ слѣдуетъ соразмѣрять съ важностью обвиненія, съ силою уликъ, съ званіемъ обвиняемаго, словомъ,—съ дѣйствительною необходимостью. Такъ какъ для достиженія цѣли—отнятія у подсудимаго способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда—употребляются слѣдующія мѣры: 1) содержаніе въ тюрьмѣ и при полиціи; 2) домашній арестъ; 3) полицейскій надзоръ, и 4) отдача на поруки,—то избраніе той или другой мѣры зависитъ вообще отъ свойства преступленія, отъ силы обвиненія, отъ званія обвиняемаго и отъ бо́льшаго или мѣньшаго подозрѣнія въ намѣреніи учинить побѣгъ. Мѣра пресѣченія должна быть тѣмъ мягче, строгость ея тѣмъ меньше, чѣмъ выше званіе обвиняемаго, менѣе сила обвиненія и степень подозрѣнія учинить побѣгъ (ст. 875 и 876 Св. Зак. т. XV ч. 2-й, изд. 1832 г.; ст. 132 и 133 т. XV ч. 2-й, изд. 1857 г.). Не нужно распространяться много о томъ, что изложенныя общія начала о мѣрахъ пресѣченія Свода Законовъ, изданій 1832 и 1857 гг., вполнѣ раціональны и съ справедливостью согласны.

Но иное мы замѣчаемъ, если перейдемъ къ разсмотрѣнію того, какъ эти общія начала были развиты въ Сводѣ и какъ они воплотились въ болѣе частныхъ положеніяхъ. Здѣсь встрѣчается много недостатковъ, состоящихъ въ неопредѣленности, въ пропускахъ и недосмотрахъ. Сказанное относится какъ къ Своду 1832 г., такъ, хотя и въ меньшей мѣрѣ, и къ 2-й ч. XV т. изданія 1857 года.

По Своду 1832 г. слѣдующимъ образомъ проведены границы для опредѣленія каждой изъ упомянутыхъ мѣръ:

Тюремному заключенію подлежатъ тѣ, кои обвиняются въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія или торговую казнь, а равно и тѣ, кои, бывъ обвиняемы въ другихъ менѣе важныхъ преступленіяхъ, не могутъ представить по себѣ порукъ (ст. 877).

Въ домашнемъ арестѣ и полицейскомъ надзорѣ тотъ же Сводъ повелѣваетъ содержать обвиняемыхъ въ преступленіяхъ менѣе важныхъ, за которыя они подлежали бы тюремному, на извѣстное время, заключенію (ст. 878).

Наконецъ, отдача на поруки допускается по такимъ преступленіямъ, за которыя законъ не опредѣляетъ тяжкаго наказанія (ст. 880).

Въ этихъ статьяхъ за мѣрку, которою слѣдуетъ руководиться при избраніи той или другой мѣры пресѣченія, приняты только лишеніе всѣхъ правъ состоянія, торговая казнь, тѣсно связанныя со ссылкою въ каторжныя работы и на поселеніе, и тюремное заключеніе. Между тѣмъ, въ Сводѣ 1832 г. существуютъ многія наказанія, среднія между лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, торговою казнью и ссылкою въ каторжныя работы и между заключеніемъ въ тюрьму, каковы: лишеніе нѣкоторыхъ правъ состоянія, наказанія плетьми черезъ полицей-

скихъ и розгами и ссылка на житье въ Сибирь, временная отдача въ арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, заключеніе въ рабочій и смирительный дома. Всѣ эти наказанія совершенно не упомянуты, и, такимъ образомъ, остался неопредѣленнымъ тотъ вопросъ: какая мѣра пресѣченія должна быть принимаема въ отношеніи обвиняемыхъ въ разнообразныхъ преступленіяхъ, за которыя положены послѣдне-исчисленныя наказанія?

Такъ какъ съ изданіемъ въ 1845 г. Уложенія о наказаніяхъ введена въ нашу систему уголовныхъ законовъ точная классификація наказаній и опредѣленная постепенность родовъ, степеней и мѣръ разныхъ наименованій наказаній, то само собою разумѣется, что этотъ успѣхъ въ опредѣленности долженъ былъ отозваться и въ вопросѣ о мѣрахъ пресѣченія. Дѣйствительно, непосредственно послѣ изданія Уложенія о наказаніяхъ изданъ былъ законъ, коимъ постановленія 2-й ч. XV т., т. е. законы уголовнаго судопроизводства, были приведены въ соотвѣтствіе съ Уложеніемъ (1846 г. 26 января, № 19640). Вслѣдствіе этого, постановлены и внесены потомъ во 2 ч. XV т. Св. Зак., изд. 1857 г., слѣдующія правила:

Въ тюрьмѣ содержатся во время слѣдствія и суда всѣ обвиняемые въ преступленіяхъ, по которымъ опредѣляется лишеніе всѣхъ правъ состоянія или же потеря всѣхъ особыхъ, какъ лично, такъ и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и ссылка на житье въ Сибирь или другія отдаленныя губерніи, или же отдача въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства или въ рабочій домъ, особенно когда подсудимые уже осуждены въ первой степени суда; равно въ тюрьмѣ содержатся тѣ, кои, бывъ обвиняемы въ другихъ, менѣе важныхъ, преступленіяхъ, не могутъ представить по себѣ порукъ (ст. 134 ч. 2 т. XV, изд. 1857 г.).

Въ домашнемъ арестѣ и полицейскомъ надзорѣ надлежитъ содержать обвиняемыхъ въ преступленіяхъ менѣе важныхъ, за которыя они подлежали бы заключенію въ крѣпости, въ смирительномъ домѣ или тюрьмѣ (ст. 135).

Отдача на поруки допускается въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемые могутъ подлежать наказаніямъ менѣе строгимъ противъ означенныхъ въ 134 статьѣ (ст. 137).

Такимъ образомъ, закономъ 1846 г. внесено было больше точности въ томъ отношеніи, что положительно былъ означенъ цѣлый разрядъ прежде выпущенныхъ изъ виду преступленій, за которыя въ законѣ полагалось лишеніе всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, а также заключеніе въ смирительный домъ и крѣпость.

Но сличая статьи 132 и 133 со статьею 134, нельзя не замѣтить, что въ нихъ осталась прежняя неопредѣленность, которая не могла не имѣть вреднаго вліянія на практику. Въ первыхъ двухъ статьяхъ сказано, что строгость мѣръ пресѣченія должна соразмѣряться съ важностью преступленія, съ силою уликъ, съ свойствомъ званія обвиняемаго, съ степенью подозрѣнія о намѣреніи обвиняемаго учинить побѣгъ. Между тѣмъ, въ ст. 134 говорится, что *всѣ обвиняемые* въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою или лишеніе всѣхъ правъ, или

лишеніе всѣхъ особыхъ, какъ лично, такъ и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, содержатся въ тюрьмѣ. Рождаются вопросы: слѣдуетъ-ли силу уликъ брать во вниманіе при обвиненіи въ преступленіяхъ, исчисленныхъ въ 134 ст., и, при важности уликъ, заключать обвиняемаго въ тюрьму, при слабости же ихъ принимать другія мѣры пресѣченія, или вопросъ объ уликахъ поглощается важностью указанныхъ преступленій и обвиняемые въ этихъ преступленіяхъ, всѣ, безотносительно къ свойству уликъ, подлежатъ содержанію въ тюрьмѣ; свойство же уликъ имѣетъ вліяніе только на выборъ трехъ остальныхъ мѣръ? Должно-ли заключать въ тюрьму во время слѣдствія и суда обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, исчисленныхъ въ 134 ст., при существованіи сильныхъ уликъ, когда есть вполнѣ убѣдительныя данныя, что подсудимый не можетъ, или что ему нѣтъ интереса бѣжать отъ слѣдствія и суда? Примѣняясь къ смыслу всей главы о мѣрахъ пресѣченія, слѣдовало бы рѣшить эти вопросы въ томъ смыслѣ, что свойство уликъ должно имѣть вліяніе и на выборъ мѣры предупрежденія противъ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, исчисленныхъ въ 134 ст. Но личный взглядъ на смыслъ закона не могъ устранить той доли неопредѣленности, которая заключалась въ упомянутыхъ статьяхъ и которая тѣмъ болѣе неумѣстна въ столь важномъ дѣлѣ, что слѣдователи тридцатыхъ годовъ особенно нуждались въ законахъ положительно-опредѣленныхъ.

Въ изложенныхъ статьяхъ нельзя не видѣть еще бо́льшей неопредѣленности относительно примѣненія трехъ остальныхъ мѣръ пресѣченія. Въ ст. 134 и 137 говорится, что на поруки отдаются обвиняемые въ преступленіяхъ, за которыя въ законѣ положены наказанія, несопряженныя съ лишеніемъ всѣхъ правъ или всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ. Но къ этимъ наказаніямъ принадлежатъ какъ заключеніе въ крѣпость, въ смирительный домъ съ ограниченіемъ и безъ ограниченія нѣкоторыхъ правъ состоянія, такъ и содержаніе въ тюрьмѣ, подъ арестомъ, денежные штрафы, выговоры и проч. А между тѣмъ въ ст. 135 говорится, что обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, за которыя бы они подлежали заключенію въ крѣпости, въ смирительномъ домѣ или въ тюрьмѣ, надлежитъ содержать въ домашнемъ арестѣ или полицейскомъ надзорѣ. Выходитъ, что всѣ три мѣры опредѣляются по обвиненіямъ въ одинаковыхъ преступленіяхъ.

Спрашивается: въ какой постепенности каждая изъ трехъ мѣръ, т. е. домашній арестъ, полицейскій надзоръ и отдача на поруки, должна слѣдовать; какую изъ сихъ мѣръ законодатель считалъ болѣе строгою, и какую болѣе мягкою; или выборъ изъ этихъ трехъ мѣръ предоставленъ былъ произволу и усмотрѣнію полиціи, которая одного обвиняемаго въ преступленіи, влекущемъ, напримѣръ, заключеніе въ смирительный домъ, могла содержать подъ домашнимъ арестомъ, другаго обвиняемаго въ подобномъ же преступленіи имѣла право отдать подъ полицейскій надзоръ, третьяго, наконецъ, отдать на поруки, а въ случаѣ неимѣнія порукъ, заключить въ тюрьму?

Такимъ образомъ, и съ изданіемъ Свода Законовъ не было осуществлено высказанное Екатериною II въ Наказѣ правило, на основаніи коего принятіе мѣръ пресѣченія должно зависѣть отъ точно опредѣленнаго закона, а не отъ произвола

и усмотрѣнія судьи, а тѣмъ менѣе полиціи. Правда, высказанныя въ Сводѣ общія начала столь раціональны, а неопредѣленности частныхъ правилъ не столь велики и непреодолимы, что первыя могли быть послѣдовательнѣе развиты, вторыя устранены и разъяснены практикою. Но для этого необходимо было, чтобы дѣятели уголовной практики обладали качествами юридически образованныхъ дѣятелей, чтобы въ самомъ устройствѣ судовъ и системѣ уголовнаго процеса не лежало препятствій къ выполненію такой задачи. Въ періодъ дѣйствія Сводовъ ни того, ни другаго у насъ не было, а напротивъ, практика представляла задатки не для улучшенія, а для ухудшенія законовъ посредствомъ практики.

Такъ какъ, по системѣ Свода, до 1860 г., производителемъ слѣдствія была полиція, то отъ нея зависѣло и примѣненіе въ данномъ случаѣ той или другой мѣры пресѣченія. Но для полиціи существовали не только тѣ правила, которыя изложены въ главѣ о мѣрахъ пресѣченія (глава V кн. II разд. 2 XV т. Св. Зак., изд. 1832 и 1857 гг.), но и другія, смыслъ которыхъ далеко расходится съ содержаніемъ изложенныхъ статей. Такъ, статья 858 угол. суд. (2 кн. т. XV), помѣщенная въ главѣ о производствѣ дѣлъ по маловажнымъ преступленіямъ и проступкамъ, гласитъ: «учинившаго маловажное преступленіе полиція беретъ подъ стражу». Въ слѣдующей, 859 статьѣ также говорится: «*взявъ подъ стражу* (учинившаго это преступленіе), полиція обязана ни мало немедля разобрать дѣло». Съ этими статьями согласны и нѣкоторыя статьи, помѣщенныя во II т. Св. Зак., въ тѣхъ книгахъ и раздѣлахъ, въ которыхъ изложены обязанности полиціи. Такъ, въ 2739 ст. II т. сказано: «съ другой стороны, исправникъ наблюдаетъ также, чтобы люди, которые будутъ подлежать легкому полицейскому исправительному наказанію, были подвергаемы оному по существующимъ для сего правиламъ, *безъ излишняго изнурительнаго содержанія подъ стражею*». По смыслу этого закона воспрещается не задержаніе обвиняемыхъ въ маловажныхъ проступкахъ, а только долговременность и изнурительность подобнаго задержанія. Въ ст. 3528 того же тома въ слѣдующихъ словахъ говорится о семъ же задержаніи: «Бѣглые, безпаспортные, бродяги, уголовные преступники *и лица другихъ состояній, задержанныя за полицейскіе проступки*, передаются сельскимъ старостою, съ разрѣшенія старшины, сотскому для представленія въ земскую полицію». Такимъ образомъ, въ этой статьѣ лица, обвиняемыя въ полицейскихъ проступкахъ, относительно мѣръ пресѣченія поставлены на одну линію съ уголовными преступниками. Въ 1834 г., скоро послѣ изданія Свода, императоръ Николай, въ именномъ указѣ с.-петербургскому генералъ-губернатору, писалъ, что по отчетамъ с.-петербургскаго тюремнаго комитета, между содержащимися въ тюремномъ замкѣ и по частямъ города арестантами, значится значительное число лицъ обоего пола и даже малолѣтнихъ, судимыхъ въ малой кражѣ, побѣгѣ, бродяжничествѣ, обманѣ и другихъ маловажныхъ проступкахъ; нѣкоторые же изъ нихъ содержатся по одному подозрѣнію. Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ томъ же самомъ Сводѣ, въ которомъ изложены были правила о содержаніи подъ стражею только за болѣе важныя преступленія, содержалось уполномочіе брать и содержать подъ стражею обвиняемыхъ даже въ маловажныхъ про-

ступкахъ. Несоотвѣтствіе статей о проступкахъ такого рода съ тѣми правилами, которыя изложены въ статьяхъ о мѣрахъ пресѣченія, станетъ еще болѣе яснымъ и поразительнымъ, если мы опредѣлимъ, что законъ разумѣетъ въ данномъ случаѣ подъ маловажными преступленіями и проступками. Въ главѣ о разбирательствѣ уголовныхъ дѣлъ въ полиціи къ маловажнымъ преступленіямъ и проступкамъ отнесенъ многочисленный классъ законопреступныхъ дѣйствій, которыя совершены лицами, неизъятыми отъ тѣлесныхъ наказаній, и которыя влекутъ за собою денежное взысканіе не свыше тридцати рублей, кратковременный арестъ отъ одного дня до трехъ мѣсяцевъ, или наказаніе розгами не болѣе тридцати ударовъ (ст. 842 и 843). По смыслу п. 3 ст. 856, разбирательству полиціи не могутъ подлежать тѣ преступленія и проступки, которые сопряжены съ какимъ нибудь ограниченіемъ правъ.

Говоря о законахъ относительно мѣръ пресѣченія противъ обвиняемаго въ маловажныхъ проступкахъ, нельзя пройти молчаніемъ законовъ относительно безпаспортныхъ, такъ какъ неимѣніе паспорта, по нашимъ законамъ, есть проступокъ (ст. 1221 Улож. о наказ.). Въ 614 ст. Уст. о пасп. и бѣгл. (т. XIV) сказано, что лица, неимѣющія узаконеннаго вида, но не лишенныя возможности представить доказательства о своемъ званіи, настоящемъ мѣстѣ жительства или вѣдомствѣ, задерживаются полиціею; затѣмъ, послѣ наложенія въ первый и второй разъ денежнаго штрафа, а за третій по выдержаніи, сверхъ того, отъ 3 до 7 дней подъ арестомъ, они отсылаются въ мѣста жительства по имѣющимся доказательствамъ. Выраженіе: *задерживаются полиціею*, можно толковать въ двоякомъ смыслѣ: или что полиція проѣзжаго, напримѣръ, безпаспортнаго задерживаетъ въ городѣ и, взявъ съ него штрафъ, отсылаетъ на мѣсто жительства; или она задерживаетъ его посредствомъ заключенія въ тюрьму, пока не соберетъ о немъ справокъ и не приговоритъ его къ штрафу порядкомъ судебно-полицейскимъ. Вслѣдствіе этой-то возможности толковать эту статью въ двоякомъ смыслѣ и происходитъ то, что эта статья служила мнимымъ основаніемъ для несправедливыхъ и легкомысленныхъ арестовъ и содержанія въ тюрьмѣ лицъ, виновныхъ только въ неимѣніи паспорта или въ имѣніи просроченнаго или порочнаго паспорта. Такимъ образомъ, въ тюрьму, наравнѣ съ дѣйствительными бродягами, попадали люди вполнѣ честные и задержанные только за неимѣніе паспортовъ. Такъ напримѣръ, в—кій уѣздный судъ въ 1853 г. заключилъ въ тюрьму купца 3-й гильдіи С. за неимѣніе узаконеннаго вида, хотя С. въ доказательство своего званія представилъ паспортъ 1850 г., свидѣтельство объ отсылкѣ паспорта 1852 г. для обмѣна на новый и, наконецъ, контрактъ, въ которомъ было обозначено его званіе. С. просидѣлъ 35 дней, пока не былъ освобожденъ сенатомъ («Юридическій Вѣстникъ» 1862 г., выпускъ 19). По отчетамъ общества попечительнаго о тюрьмахъ, въ однихъ только столичныхъ, губернскихъ, областныхъ и портовыхъ тюрьмахъ, содержалось подъ стражею за неимѣніе паспортовъ, просрочку ихъ и побѣгъ: въ 1836 г. 4948 чел., въ 1838 г. 9241 чел., въ 1840 г. 11631 чел., въ 1841 г. 11019 чел., въ 1842 г. 13455 чел., въ 1844 г. 11466 чел., въ 1846 г. 6329 чел., въ 1848 г. 6633 чел., въ 1851 г. 7870 чел.

въ 1854 г. 11499 чел., въ 1857 г. 10159 чел., въ 1860 г. 7819 чел. Эти числа, конечно, не выражаютъ количества взятыхъ за неимѣніе и просрочку паспортовъ. Съ одной стороны, сюда вошли бѣглые; съ другой, во-первыхъ,—это цифры только тѣхъ губерній, гдѣ уже существовали въ указанные годы тюремные комитеты, во-вторыхъ,—они выражаютъ число содержимыхъ подъ стражею за указанные проступки только въ тюрьмахъ столичныхъ и губернскихъ, но не уѣздныхъ. По отчету министра внутреннихъ дѣлъ, въ 1857 г. въ тюрьмѣ содержалось подъ именемъ бѣглыхъ и бродягъ 30084 чел. Въ этомъ числѣ разумѣлись, по словамъ отчета, и люди, задержанные лишь за неимѣніе и просрочку паспортовъ («Жур. М. В. Д.» 1859 г. іюнь).

Таковы содержаніе и характеръ общихъ правилъ о мѣрахъ пресѣченія.

Но кромѣ этихъ общихъ правилъ, въ Сводѣ Законовъ существовали особенныя, необходимость которыхъ въ значительной степени зависѣла отъ существованія особенныхъ видовъ судопроизводства. Правила эти раздѣляются на два разряда: къ первому принадлежатъ тѣ, въ которыхъ говорится, что извѣстныя лица могутъ быть взяты подъ стражу при обвиненіи въ извѣстныхъ только преступленіяхъ; ко второму—тѣ, которыя по нѣкоторымъ преступленіямъ или относительно нѣкоторыхъ лицъ не допускаютъ другой мѣры предупрежденія, кромѣ взятія подъ стражу.

Перваго рода постановленія слѣдующія:

105 статьею уголовнаго судопроизводства (2 кн. XV т. Св. Зак.) запрещается по преступленіямъ, невлекущимъ за собою лишенія всѣхъ правъ состоянія, брать подъ стражу женщинъ, имѣющихъ грудныхъ дѣтей, а равно и беременныхъ, кои могутъ быть поставлены въ необходимость родить во время пребыванія въ тюрьмѣ; такія женщины, въ случаѣ обвиненія въ подобныхъ преступленіяхъ, оставляются въ мѣстѣ жительства на порукахъ и подъ ближайшимъ полицейскимъ надзоромъ. Статья эта внесена въ Сводъ Законовъ редакціи 1857 г. на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта, послѣдовавшаго въ 1852 г. 18 февраля, въ отвращеніе неудобствъ содержанія въ тюремныхъ замкахъ арестантокъ съ грудными младенцами (№ 25998).

При производствѣ суда надъ кочевыми инородцами разныхъ наименованій, содержаніе подъ стражею допущено только при обвиненіи ихъ въ важныхъ преступленіяхъ; за маловажные же проступки ни подъ какимъ предлогомъ не дозволено отлучать инородцевъ отъ ихъ промысловъ и содержать подъ стражею (ст. 1159, 1207 и 1225 кн. 2 т. XV Св. Зак.). Важными же преступленіями въ отношеніи инородцевъ считаются: возмущеніе, намѣренное убійство, разбой, насиліе, дѣланіе фальшивой монеты, похищеніе казеннаго и общественнаго имущества (прим. IV къ ст. 183 Улож. о наказ. отд. I и отд. V). Въ указѣ 1845 г. августа 15 указывается на грубость нравовъ, какъ на причину, почему, напримѣръ, кража вообще, совершенная нѣкоторыми инородцами, не можетъ считаться тяжкимъ преступленіемъ (П. С. З. № 19283).

Съ другой стороны, въ Сводѣ Законовъ опредѣляется только одна мѣра пресѣченія—содержаніе подъ стражею—для слѣдующихъ лицъ: а) обвиняемыхъ

въ государственныхъ преступленіяхъ и проступкахъ; б) подозрѣваемыхъ въ дѣланіи фальшивой монеты; в) обвиняемыхъ въ конокрадствѣ; г) укрывателей бѣглыхъ, и д) ссыльныхъ.

а) Въ ст. 611 и 613 угол. судопр. (Св. Зак. т. XV ч. 2 й, изд. 1857 г.) предписывается во время слѣдствія содержать подъ стражею обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, означенныхъ въ ст. 275—280 и 282—287 Улож. о наказ. Указанныя преступленія влекутъ за собой разнаго рода наказанія: отъ самаго тяжкаго—смертной казни, до самаго легкаго—семидневнаго ареста (ст. 275—280, 282—287 Улож. о наказ.). Въ Сводѣ Законовъ нѣтъ, однакожъ, предписаній, чтобы при взятіи подъ стражу обвиняемыхъ въ этихъ преступленіяхъ слѣдовало обращать вниманіе на важность вины, вѣроятность уликъ и на другія обстоятельства, указанныя въ главѣ о мѣрахъ пресѣченія. Этого мало: статьею 613 (2 ч. XV т., изд. 1857 г.) предписано было брать подъ стражу не только обвиняемаго въ государственномъ преступленіи и прикосновенныхъ лицъ, но и доносителя и свидѣтелей. Законы эти, очевидно—обломокъ имѣвшаго столь частое въ XVIII в. примѣненіе особаго вида процеса, извѣстнаго подъ именемъ *слова и дѣла*. Они однороднаго происхожденія съ тѣми обычаями, повинуясь которымъ въ царствованіе Петра I содержали, въ теченіе почти цѣлаго года, подъ стражею цѣлый монастырь, какъ есть, вслѣдствіе того только, что въ немъ имѣлъ временное мѣстопребываніе страдавшій религіознымъ умопомѣшательствомъ монахъ Левинъ, казненный потомъ какъ государственный преступникъ. Какія бы ни были причины образованія правила брать подъ крѣпкій караулъ свидѣтелей государственнаго преступленія, мѣра эта всего менѣе во второй четверти XIX столѣтія могла быть оправдываема справедливостью. Другое дѣло—взятіе подъ стражу доносителя: эта мѣра вызвана самою крайнею необходимостью. При прежнемъ характерѣ судопроизводства по государственнымъ преступленіямъ, при наклонности общества, особенно въ старое время, къ ябедничеству и доносамъ, при обѣщаніи достойной награды за справедливый доносъ (ст. 618 2 ч. XV т., изд. 1857 г.), нужно было въ самомъ судопроизводствѣ положить преграду злоупотребленіямъ, и тѣмъ хотя сколько нибудь оградить честь, безопасность и неприкосновенность личности гражданина, въ виду легкомыслія, мести или алчности людей порочныхъ (ст. 607, 609, 610 и 613 кн. 2 т. XV). Чтобы нагляднѣе видѣть разумную причину такого установленія, стоитъ вспомнить замѣчательный указъ, изданный Петромъ III въ 1762 года 21-го февраля объ уничтоженіи тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи. При разсмотрѣніи изложенныхъ законовъ о содержаніи подъ стражею во время слѣдствія и суда доносчиковъ и свидѣтелей, рождается вопросъ: какъ долго должны быть содержимы означенныя лица? Такъ какъ цѣль взятія подъ стражу доносчика состоитъ въ удостовѣреніи, справедливо или ложно его показаніе, то очевидно, что содержаніе его въ тюрьмѣ прекращается вмѣстѣ съ дознаніемъ справедливости его доноса, какъ это практиковалось въ XVIII в. («Расколъ. дѣла XVIII стол.» Есипова, т. I, стр. 48 и 49), или продолжается до конца суда надъ нимъ, когда доносъ его окажется ложнымъ. Свидѣтели, судя по своему назна-

ченію, или подлежали отпуску на свободу по минованіи въ нихъ надобности, или были удерживаемы до приговора, уже какъ люди, знавшіе о преступленіи, но не донесшіе.

б) Относительно подозрѣваемыхъ въ дѣланіи фальшивой монеты говорится слѣдующимъ образомъ: если казначеямъ и прочимъ лицамъ, состоящимъ при денежныхъ сборахъ, представлены будутъ кѣмъ либо фальшивыя деньги по пятнадцати копѣекъ въ рублѣ одного чекана, то приноситель ихъ задерживается и отсылается въ полицію для изслѣдованія (ст. 843 и 945 угол. судопр. 2 кн. XV т.). Кто же по слѣдствію въ поддѣлкѣ монеты обличенъ не будетъ, тотъ освобождается отъ содержанія и суда (ст. 948). Эти статьи прямо узаконяютъ содержаніе подъ стражею тѣхъ, на которыхъ падаетъ первое подозрѣніе въ дѣланіи фальшивой монеты. Но могло случаться, что предъявитель фальшивой пятнадцатикопѣечной монеты не только вовсе не участвовалъ въ ея дѣланіи, но даже не зналъ, что предъявленная имъ монета фальшивая. Строгость эта объясняется тѣмъ, что эти статьи составлены на основаніи законовъ Петра I, когда государство было болѣе озабочены защитою казенныхъ интересовъ, чѣмъ интересовъ частныхъ лицъ.

в) Обвиняемыхъ въ конокрадствѣ, во время производства слѣдствія и суда, по силѣ 474 и 486 статей XIV т. Св. Зак., велѣно не отдавать на поруки, а содержать подъ стражею. Эти законы, не допускающіе другихъ мѣръ пресѣченія, кромѣ содержанія въ тюрьмѣ, вызваны были усиленіемъ конокрадства, какъ въ цѣлой имперіи, такъ, въ особенности, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. По отчетамъ министра внутреннихъ дѣлъ въ 1856 г. изъ 20631 кражъ было 7377 конокрадствъ, въ 1857 г. изъ 24217—7712, въ 1858 г. изъ 21218—6118, въ 1859 г. изъ 23607 — 8406 (извлеч. изъ отчета минист., помѣщенное въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» за 1857—1859 гг. іюнь, 1860 г. мартъ, 1861 г. іюль).

г) Ст. 826 (кн. 2 й т. XV) говоритъ, что укрыватели бѣглыхъ воинскихъ чиновъ, какъ во время допросовъ, такъ и во все продолженіе дѣла, содержатся подъ карауломъ и на пору и выпускаемы быть не могутъ. За укрывательство дезертировъ назначаются наказанія различныя, смотря по тому, кѣмъ оно сдѣлано. Если оно сдѣлано тѣмъ лицомъ, которымъ дезертиръ отданъ въ рекруты,—къ какимъ лицамъ причисляются, между прочимъ, и жители того села и члены того городскаго общества, откуда бѣжавшій поступилъ на службу,—то лица, изъятыя отъ тѣлесныхъ наказаній, подлежатъ штрафу въ 1,200 р.; лица же неизъятыя поставляютъ двухъ рекрутъ за каждаго дезертира; а въ случаѣ неспособности прикосновенныхъ къ сему преступленію лицъ—наказанію розгами и отдачѣ въ арестантскія исправительныя роты отъ 10 до 12 лѣтъ (ст. 83, 578 Улож. о наказ.). Если же укрывательство совершено посторонними, то перваго разряда лица присуждаются къ уплатѣ штрафа въ 600 р., а вторыя къ поставкѣ одного рекрута за каждаго дезертира (ст. 577 Улож. о наказ.). Такимъ образомъ, на основаніи 826-й статьи угол. судопр., тюремному заключенію во время слѣдствія и суда подвергаются лица, которыя по суду приговариваются къ

денежному штрафу, что совершенно противорѣчитъ общимъ правиламъ того же Свода о мѣрахъ пресѣченія.

д) Ссыльные, пойманные въ бродяжничествѣ или обвиняемые въ какомъ либо преступленіи, по ст. 856 Уст. о ссыл. т. XIV, вообще не освобождаются на поруки до рѣшенія дѣла, а содержатся въ тюрьмѣ. Даже оговоренный въ судѣ показаніемъ другаго ссыльнаго увольняется на поручительство надежныхъ людей въ томъ лишь случаѣ, когда по обстоятельствамъ дѣла оговоръ не представляетъ никакого вѣроятія (тамъ-же 856 ст.). Строгость этихъ законовъ объясняется тѣмъ, что ссыльные, какъ осужденные за тяжкое преступленіе на лишеніе правъ, не могутъ пользоваться тѣми гарантіями личной свободы, какія предоставлены не потерявшимъ своихъ правъ гражданамъ.

Итакъ, хотя съ изданіемъ Свода Законовъ были улучшены нѣсколько законы о мѣрахъ пресѣченія, но главнѣйшій ихъ недостатокъ, которымъ они страдали до изданія—неопредѣленность и непослѣдовательность—не были окончательно уничтожены. Причина понятна: Сводъ не кодексъ, а только систематизація и компиляція существующихъ законовъ, а потому онъ не можетъ быть чуждъ недостатковъ тѣхъ законовъ, изъ которыхъ онъ составленъ.

§ 27. Обращаясь затѣмъ къ свойству каждой мѣры пресѣченія и къ дѣйствительному объему ея примѣненія въ практикѣ этого времени, мы должны замѣтить, что оффиціальные отчеты этого времени о положеніи уголовной юстиціи не представляютъ, за исключеніемъ содержанія подъ стражею, никакихъ данныхъ относительно примѣненія трехъ остальныхъ мѣръ. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, тѣмъ болѣе, что разрѣшеніе вопроса объ относительной примѣняемости каждой изъ четырехъ мѣръ могло бы бросить свѣтъ на всю систему мѣръ пресѣченія.

Въ періодъ дѣйствія Свода, какъ выше сказано, были въ употребленіи слѣдующія мѣры: отдача на поруки, полицейскій надзоръ, домашній арестъ и содержаніе подъ стражею. Отдача на поруки состояла въ томъ, что обвиняемый представлялъ надежное поручительство, что не будетъ скрываться и станетъ являться въ судъ, когда ему приказано будетъ (ст. 137 угол. судопр. 2 ч. XV т., изд. 1857 г.). Поруки Свода Законовъ, по своему характеру, суть поруки не Соборнаго Уложенія, которыя состояли въ имущественной отвѣтственности поручителей, а поруки, вошедшія въ обычай съ петровскаго времени, невлекущія для поручителей никакой матеріальной отвѣтственности, ни личной, ни имущественной. Даже болѣе: по свидѣтельству практиковъ, поручительство не только не влекло отвѣтственности для поручителей, но было для нихъ источникомъ дохода, такъ какъ оно превращалось иногда въ предметъ промысла: исключенный изъ службы чиновникъ, отставной солдатъ, тюремный сторожъ брали, за извѣстное вознагражденіе, обвиняемаго, котораго они прежде въ глаза не видали. (Замѣчанія на Основн. Полож. ч. 1, стр. 495, 550, 604; ч. 2, стр. 191, 285; ч. III, стр. 471, 492, 538; ч. 4, стр. 65). По свидѣтельству одного изъ лицъ прокурорскаго надзора, во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ волынской губерніи, населенныхъ евреями, имѣлись изъ среды послѣднихъ, такъ сказать, штатные поручи-

тели, люди большею частью престарѣлые, бѣдные и незавиднаго поведенія, которые за рубль готовы были во всякое время взять на поруки самаго важнаго вора. Въ предыдущей главѣ было указано, что необходимымъ слѣдствіемъ отнятія у порукъ ихъ прежняго характера и превращенія ихъ въ поруки формальныя было уменьшеніе числа случаевъ примѣненія этой мѣры пресѣченія. То же продолжалось и теперь: оставалась причина, продолжали существовать и слѣдствія.

Въ законѣ не опредѣляется, въ чемъ состоитъ полицейскій надзоръ, какъ мѣра пресѣченія. Но такъ какъ цѣль его, какъ и всякой мѣры пресѣченія, заключается въ томъ, чтобы отнять возможность у подсудимаго уклоняться отъ слѣдствія и суда, то очевидно, что этотъ надзоръ долженъ быть къ тому направленъ. Но если посмотрѣть на него съ этой точки зрѣнія, то онъ самъ по себѣ не достигаетъ цѣли. Ничто не помѣшаетъ подсудимому уйти изъ-подъ надзора полиціи, если бы онъ захотѣлъ. Полицейскій надзоръ получаетъ болѣе стѣсняющій характеръ только въ связи съ другими мѣрами: напримѣръ, со взятіемъ подписки о невыѣздѣ, съ отобраніемъ вида на жительство. По замѣчанію практиковъ, полицейскій надзоръ, какъ мѣра несоотвѣтствующая цѣли, рѣдко примѣнялся на практикѣ, и нѣкоторые не безъ основанія считаютъ его ненужнымъ (Замѣчанія на Основн. Полож. ч. 1, стр. 604; ч. 2, стр. 190; ч. 3, стр. 472; ч. 4, стр. 312 и 313). Полицейскій надзоръ Свода Законовъ имѣетъ историческое происхожденіе: это прежняя отдача за пристава, какъ можно видѣть изъ ссылокъ составителей на законы, въ которыхъ говорится объ отдачѣ за пристава. Такимъ образомъ, подобно порукамъ, эта мѣра, обладая нѣкогда болѣе стѣснительнымъ характеромъ, болѣе и соотвѣтствовала своему назначенію; впослѣдствіи же времени, хотя она оставалась въ практикѣ, но уже съ другимъ характеромъ, отчего она потеряла значительную долю практической примѣняемости.

Домашній арестъ состоитъ въ томъ, что въ домѣ подсудимаго ставится полицейскій служитель или жандармъ. Эта мѣра пресѣченія болѣе достигаетъ своей цѣли, чѣмъ предыдущая. Но примѣняемость ея крайне ограничена, вслѣдствіе естественной невозможности для каждаго изъ многихъ подсудимыхъ имѣть особаго полицейскаго служителя. Эта мѣра—и по своему происхожденію, и по своему характеру—мѣра для немногихъ, мѣра чисто сословная, которая употреблялась и употребляется для лицъ привилегированнаго сословія (въ 119 ст. Уст. о содержащ. подъ стражею (т. XIV) говорится: «если чиновники будутъ находиться арестованными *не въ собственной квартирѣ*»). Еще въ XVII стол. былъ обычай у правительства въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ обвиняемымъ знатнаго происхожденія ставить пристава (см. гл. III этого изслѣдованія). Въ XVIII вѣкѣ графъ Бестужевъ-Рюминъ во время слѣдствія и суда содержался подъ арестомъ въ собственномъ домѣ (ук. 1759 г. апрѣля — № 10940). Составители Свода ссылаются именно на этотъ случай. Изъ практики нынѣшняго столѣтія можно указать на домашній арестъ извѣстнаго Чаадаева («Русскій Архивъ» 1868 г. № 6). Но такъ какъ слѣдствіе и судъ по системѣ Свода производились необыкновенно медленно, то, въ обыкновенныхъ случаяхъ, домашній арестъ могъ

имѣть примѣненіе только въ началѣ слѣдствія: такъ дворяне Виноградовы, отецъ и сынъ, обвиняемые въ убійствѣ, первый—жены, второй—матери, при началѣ слѣдствія содержались подъ арестомъ въ собственномъ домѣ («Ж. М. Ю.» 1862 г. іюль).

Содержаніе подъ стражею по Своду подраздѣляется на содержаніе при полиціи и въ тюрьмѣ. При полиціи обвиняемые содержатся только во время слѣдствія, по окончаніи коего они переводятся въ тюрьму (ст. 2708, 3528, 5392, т. II; 1206 ст. Уст. Угол. Судопр., 2 ч. XV т., изд. 1857 г.). Поэтому, предварительное заключеніе, и по буквѣ статей Свода и на практикѣ, должно было начинаться содержаніемъ при полиціи. Впрочемъ, по свидѣтельству практиковъ, нерѣдко полиція заключала обвиняемыхъ въ тюрьму при самомъ началѣ слѣдствія, вслѣдствіе тѣсноты, неблагонадежности и другихъ недостатковъ полицейскихъ помѣщеній, или и безъ этихъ побужденій («Юрид. Вѣстн.» вып. 16, стр. 41; «Ж. М. Ю.» 1863 г. февраль, стр. 348). Смотря на этотъ вопросъ съ теоретической точки зрѣнія, очевидно, что содержаніе при полиціи должно считать мѣрою болѣе мягкою, чѣмъ заключеніе въ тюрьмѣ. Но съ практической точки зрѣнія содержаніе въ тюрьмѣ должно было считаться болѣе легкою мѣрою содержанія, такъ какъ арестантскія при полиціяхъ, особенно въ разсматриваемое время, были крайне дурно устроены, тѣсны, лишены свѣта и другихъ удобствъ, необходимыхъ для сохраненія здоровья. Кромѣ того, и по своей неблагонадежности, и по отсутствію надзора, полицейскія тюрьмы не могли служить мѣстомъ постояннаго содержанія подъ стражею и составляли переходъ къ общимъ, болѣе центральнымъ тюрьмамъ, въ которыхъ содержалась собственно вся масса обвиняемыхъ, дѣла коихъ поступили въ судъ.

Чтобы дать понятіе о примѣняемости содержанія подъ стражею въ періодъ дѣйствія 2 ч. XV т. Свода, я прилагаю здѣсь двѣ таблицы, изъ коихъ одна составлена по отчетамъ общества попечительнаго о тюрьмахъ и заключаетъ цифры всѣхъ содержимыхъ подъ стражею, другая составлена на основаніи отчетовъ министра юстиціи и представляетъ цифры заключенныхъ въ тюрьму, дѣла коихъ находились въ разсмотрѣніи судебныхъ мѣстъ.

Цифры содержимыхъ подъ стражею, показанныя въ отчетахъ общества попечительнаго о тюрьмахъ, не могутъ не поразить своею громадностью.

При разсмотрѣніи ихъ прежде всего бросается въ глаза то, что въ періодъ дѣйствія Свода Законовъ наши тюрьмы были слѣдственныя, а не судебныя карательныя учрежденія. Слѣдующія цифры это подтверждаютъ: въ 1836 г. содержалось по приговорамъ судовъ и полиціи 152 чел.; въ 1841 г. 724; въ 1846 г. 1500; въ 1851 г. 1815; въ 1856 г. 2343; въ 1861 г. 1344 чел.; все это цифры ничтожныя или небольшія, сравнительно съ цѣлымъ тюремнымъ населеніемъ того времени.

Выше мы сказали, что цифры содержимыхъ подъ стражею, показанныя въ отчетахъ тюремнаго общества, громадны; скажемъ болѣе: слишкомъ громадны и необыкновенны, если ихъ принимать на вѣру, не внести въ нихъ свѣта критики. Въ самомъ дѣлѣ, если въ 1841 г. въ тюрьмахъ 35 губерній, съ населе-

ніемъ въ 30,694,648 чел., содержалось 223296 чел., то выходитъ, что на каждые 137 слишнимъ жителей 35 губерній приходился бы одинъ арестованный житель. Въ 1853 г. показано всѣхъ тюремныхъ сидѣльцевъ 339831 чел., а въ 1860 г. 331293 чел.; въ каждый годъ изъ промежуточныхъ между этими годами тюремныхъ сидѣльцевъ не было показано меньше 300000 чел., и въ томъ числѣ самая ничтожная цифра содержимыхъ въ видѣ наказанія.

Очевидно, что указанныя цифры не опредѣляютъ количества содержимыхъ подъ стражею: онѣ гораздо выше дѣйствительности. Главнымъ образомъ это возвышеніе происходитъ оттого, что въ общее число содержимыхъ подъ стражею вносимы были цифры пересылочныхъ арестантовъ; такъ напр. въ 1836 г. въ общемъ числѣ арестантовъ показано пересылочныхъ 64045 чел., въ 1841 г. 117977, въ 1846 г. 132268, въ 1851 г. 80488, въ 1856 г. 89720, въ 1860 г. 112,019 чел. Въ числѣ же пересылочныхъ главный процентъ составляли приговоренные въ ссылку: въ каторгу, на поселеніе и на житье. Цифра этого рода лицъ не была велика: такъ, въ 1848 г. сослано было 5546 чел., въ 1858 г. 8570 чел. Она очень возвышалась оттого, что одна и та же партія пересылочныхъ, по мѣрѣ перехода чрезъ разные города, была показываема въ отчетахъ разныхъ тюремныхъ комитетовъ. Конечно, цифра пересылочныхъ заключала въ себѣ нѣкоторый процентъ и слѣдственныхъ арестантовъ, пересылаемыхъ изъ одного мѣста въ другое для разныхъ цѣлей судопроизводства, но какой процентъ—опредѣлить нельзя по неимѣнію данныхъ.

Съ другой стороны, нельзя принимать за дѣйствительное количество слѣдственныхъ и подсудимыхъ арестантовъ слѣдующія цифры, показанныя въ отчетахъ министра юстиціи: въ 1839 г. 59914 чел., въ 1843 г. 64808, въ 1848 г. 62459, въ 1854 г. 63563, въ 1858 г. 73378, въ 1859 г. 72222, въ 1860 г. 61023 чел. Эти цифры гораздо ниже дѣйствительности. Сюда не вошли: во-первыхъ, взятые подъ стражу по обвиненіямъ въ преступленіяхъ, подсудныхъ судебнымъ мѣстамъ, надъ которыми пригомъ производилось только еще слѣдствіе, и которые, какъ подвѣдомственные полиціи, составляли предметъ отчетовъ министра внутреннихъ дѣлъ; во-вторыхъ, тѣ изъ лишенныхъ свободы, которые были арестованы полиціею за маловажные проступки и содержались при полиціи во время разбирательства дѣла, состоя въ вѣдомствѣ того же министерства. Число тѣхъ и другихъ было велико. Въ отчетахъ попечительнаго общества о тюрьмахъ показаны слѣдующія цифры содержавшихся при полиціи: въ 1836 г. 79365 чел., въ 1838 г. 101867, въ 1840 г. 45373, въ 1843 г. 92484, въ 1845 г. 78271, въ 1846 г. 106775, въ 1847 г. 122590, въ 1848 г. въ полицейскихъ помѣщеніяхъ столичныхъ, губернскихъ, областныхъ и портовыхъ городовъ 55619, въ 1858 г. въ помѣщеніяхъ тѣхъ же городовъ 55396, въ 1859 г. 86703 чел. Правда, изъ числа показанныхъ подъ стражею при полиціи, вѣроятно, извѣстная доля была такихъ, которые, будучи переведены въ тюрьмы и въ вѣдомство судебныхъ мѣстъ, вмѣстѣ съ переходомъ сюда ихъ дѣлъ, попадали въ тотъ же годъ и въ отчетъ министерства юстиціи. Но за то, кромѣ показываемыхъ въ отчетахъ министра юстиціи, въ тюрьмахъ было очень много

такихъ арестантовъ, надъ которыми производилось только слѣдствіе и которые, будучи подвѣдомственны пока полиціи, не числились по отчетамъ министерства юстиціи. Цифра этого рода арестантовъ нигдѣ не была показываема отдѣльно, и потому нѣтъ возможности сколько нибудь приблизительно опредѣлить ее. Не безъинтересно будетъ указать только на слѣдующія цифры, которыя могутъ бросить нѣкоторый свѣтъ на общее число содержимыхъ подъ стражею: по отчетамъ общества попечительнаго о тюрьмахъ въ 1858 г. числилось 317376 чел.; за вычетомъ изъ этого числа пересылочныхъ 100769, остается 216607 чел.; въ 1860 г. числилось 331293 чел., за отчисленіемъ 112019 пересылочныхъ остается 219274 чел. Этотъ остатокъ состоялъ главнымъ образомъ: а) изъ подслѣдственныхъ арестантовъ, содержавшихся при полиціи во время слѣдствія и суда по маловажнымъ дѣламъ; б) изъ содержавшихся при полиціи во время слѣдствія по дѣламъ болѣе важнымъ, подсуднымъ общимъ судебнымъ мѣстамъ; в) изъ содержавшихся въ тюрьмѣ во время слѣдствія по этимъ же дѣламъ; г) изъ содержавшихся въ тюрьмѣ во время суда, и д) изъ содержавшихся въ тюрьмѣ въ видѣ наказанія, число которыхъ всегда было ограниченно. Допуская, что одинъ и тотъ же арестантъ иногда могъ быть показанъ за одинъ годъ два раза: какъ одна изъ единицъ содержимыхъ при полиціи, потомъ, по переходѣ въ томъ же году въ тюрьму, какъ одна изъ единицъ содержимыхъ въ тюрьмѣ, и такимъ образомъ числиться за двухъ, допуская, что число подобныхъ арестантовъ было не малое,—все-таки должно полагать, что указанный остатокъ за два года арестантовъ болѣе или менѣе подходитъ къ дѣйствительному числу содержавшихся подъ стражею во время слѣдствія и суда. Въ запискѣ, внесенной въ 1843 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ въ комитетъ министровъ, сказано, что въ 1841 г. всѣхъ подсудимыхъ, содержавшихся по 50 губ. и областямъ подъ стражею и включенныхъ въ таксу, было болѣе 170000 (№ 16557). Въ нѣкоторыхъ отчетахъ министра юстиціи была показываема общая цифра содержимыхъ подъ стражею во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ имперіи: такъ, въ отчетѣ за 1851 г. выставлена цифра 166553 чел., въ отчетѣ за 1854 г. 174220 чел. Эти три довольно близкія между собою цифры и довольно близкихъ между собою лѣтъ, можетъ быть, и слѣдуетъ считать тою цифрою, которая опредѣляетъ обыкновенное въ это и близкое время количество содержавшихся подъ стражею во время слѣдствія и суда. Должно, впрочемъ, замѣтить, что всѣ приведенныя нами цифры слѣдуетъ принимать только какъ разъясняющія, а отнюдь не какъ точно опредѣленныя. Въ разсматриваемое время составители вѣдомостей объ арестантахъ далеко не всегда доставляли свѣдѣнія, согласныя съ дѣйствительностью. Такъ, въ 1837 г. управляющій I отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи сообщилъ министру юстиціи, что во всеподданнѣйшемъ рапортѣ таганрогскаго прокурора показано 29 такихъ арестантовъ, о коихъ прежде не было рапортовано, хотя эти арестанты содержатся подъ стражею: 15 чел. съ 1832 г., 9 чел. съ 1833 г., а остальные 5 съ 1834 и 1835 гг. (№ 10417). Во всякомъ случаѣ, можно положительно утверждать, что въ отчетахъ цифра скорѣе была уменьшаема, чѣмъ увеличиваема.

Великое число содержавшихся подъ стражею обязано своимъ происхожденіемъ тому обстоятельству, что лишали обвиняемыхъ свободы во время слѣдствія и суда, не входя въ оцѣнку относительной важности преступленія, силы уликъ и проч. и проч. Въ этомъ насъ убѣждаютъ статистическія данныя. Въ 1843 г. было въ сенатѣ подсудимыхъ, содержавшихся подъ стражею, 1563; между тѣмъ приговорено къ тѣмъ наказаніямъ, которыя даютъ право на употребленіе этой мѣры пресѣченія, только 717 чел. Въ уголовныхъ палатахъ числилось подсудимыхъ подъ стражею 20467 чел., а приговорено къ тѣмъ наказаніямъ, предположеніе которыхъ во время слѣдствія и суда влечетъ содержаніе подъ стражею, 15508; въ совѣстныхъ судахъ было подъ стражею 885 чел., а приговорено къ упомянутымъ наказаніямъ 588 чел. Въ 1848 г. было подсудимыхъ, содержавшихся подъ стражею: въ сенатѣ 2130, въ уголовныхъ палатахъ 16987, въ совѣстныхъ судахъ 4447, въ судахъ 1-й степени 38995; приговорено къ наказаніямъ (какъ-то: къ каторжнымъ работамъ, ссылкѣ на поселеніе, ссылкѣ на житье, къ отдачѣ въ арестантскія роты, рабочій домъ, въ военную службу), предположеніе которыхъ во время слѣдствія и суда влечетъ содержаніе подъ стражею: въ сенатѣ 1301, въ уголовныхъ палатахъ 6363, въ совѣстныхъ судахъ 1373, въ судахъ 1-й степени 10385 чел. Въ 1858 г. было подсудимыхъ, содержавшихся подъ стражею: въ сенатѣ 2887 чел., въ уголовныхъ палатахъ 23889 чел., въ совѣстныхъ судахъ 236 чел., въ судахъ 1-й степени 46366 чел.; приговорено къ вышеупомянутымъ наказаніямъ: въ сенатѣ 1338 чел., въ уголовныхъ палатахъ 6508 чел., въ совѣстныхъ судахъ 23 чел., въ судахъ 1-й степени 13361 чел. Итакъ, сопоставляя количество содержавшихся подъ стражею во всѣхъ трехъ инстанціяхъ съ количествомъ подвергнутыхъ тѣмъ наказаніямъ, предположеніе которыхъ во время слѣдствія и суда должно влечь за собою содержаніе подъ стражею, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію: а) число содержимыхъ подъ стражею было несравненно болѣе, чѣмъ слѣдовало бы, если бы дѣйствительно разумно слѣдовали правиламъ, начертаннымъ въ ст. 875—880 Св. Зак., изд. 1832 г., и въ ст. 132—138 Св. Зак., изд. 1857 г.; б) содержали подъ стражею во время слѣдствія и суда очень много обвиняемыхъ въ такихъ преступленіяхъ, которыя не влекутъ за собою ни лишенія всѣхъ правъ, ни лишенія всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ.

Еще больше этотъ выводъ подтверждается цифрами, показывающими количество содержавшихся подъ стражею по обвиненію въ разныхъ маловажныхъ преступленіяхъ и проступкахъ. Въ отчетахъ попечительнаго о тюрьмахъ общества показаны слѣдующія цифры подъ рубрикою содержавшихся за маловажныя вины и безъ означенія оныхъ, въ тюрьмахъ столичныхъ, губернскихъ, областныхъ и портовыхъ городовъ: въ 1836 г. 735 чел., въ 1838 г. 2042, въ 1840 г. 2205, въ 1842 г. 3973, въ 1844 г. 3711, въ 1847 г. 5441, въ 1850 г. 9333 чел. Въ тѣхъ же отчетахъ выставлены такія цифры арестантовъ, содержавшихся до рѣшенія ихъ дѣлъ въ тѣхъ же тюрьмахъ, за буйство, пьянство и дурное поведеніе: въ 1836 г. 1726 чел., въ 1841 г. 2702, въ 1844 г. 3393, въ 1847 г. 1808, въ 1851 г. 1632 чел. Въ 1853 и слѣдующихъ годахъ тѣхъ же отчетовъ

содержавшіеся за маловажныя вины и за буйство, пьянство и дурное поведеніе показываемы были въ одной цифрѣ, а именно: въ 1853 г. 10180 чел., въ 1854 г. 16252, въ 1856 г. 17880, въ 1858 г. 12337 чел. Должно замѣтить, что сюда не вошли содержавшіеся подъ стражею въ первой инстанціи по обвиненіямъ въ указанныхъ маловажныхъ проступкахъ. Въ отчетахъ министра юстиціи показано состоявшихъ подъ стражею во время суда за пьянство, буйство, драку и возбужденіе къ ссорамъ: въ сенатѣ въ 1839 г. 39 чел., въ 1843 г. 59, въ 1848 г. 13, въ 1854 г. 46, въ 1858 г. 13 чел.; въ уголовныхъ палатахъ: въ 1839 г. 429 чел., въ 1843 г. 304, въ 1848 г. 58, въ 1854 г. 45, въ 1858 г. 17 чел.; въ совѣстныхъ судахъ: въ 1839 г. 9 чел., въ 1843 г. 8, въ 1848 г. 5 чел. Количество состоявшихъ подъ стражею въ судахъ 1-й степени не означено. Въ тѣхъ же отчетахъ содержится множество данныхъ о количествѣ состоявшихъ подъ стражею по обвиненію въ другихъ маловажныхъ проступкахъ. Такъ, содержавшихся подъ стражею было: въ сенатѣ: въ 1839 г. за блудъ 4 чел., клевету 1, личныя обиды 5, за происшествія случайныя и происшествія отъ неосторожности 10 чел.; въ 1843 г. за блудъ 9 чел., клевету 1, личныя обиды 1; въ 1848 г. за клевету 6 чел., личныя обиды 6 чел.; въ 1854 г. за личныя обиды 16 чел.; въ уголовныхъ палатахъ: въ 1839 г. за блудъ 120 чел., клевету 12, личныя обиды 42 чел.; въ 1843 г. за блудъ 114, прелюбодѣяніе 5, клевету 5, личныя обиды 23, происшествія нечаянныя и происшествія отъ неосторожности 36, за неосторожное убійство 326 чел., случайное отравленіе 11, неосторожный и случайный поджогъ 52 чел.; въ 1848 г. за клевету 10 чел., личныя обиды 69; въ 1854 г. за клевету 5 чел., личныя обиды 50 чел.; въ совѣстныхъ судахъ: въ 1839 г. за блудъ 6 чел., клевету 4, личныя обиды 1, происшествія случайныя и неосторожныя 10 чел.; въ 1843 г. за блудъ 6 чел., клевету 1, личныя обиды 1, неосторожное убійство 10, нечаянное убійство 7, неосторожный и случайный поджогъ 21 чел.; въ 1848 г. за клевету 1 чел., личныя обиды 8 чел.; въ 1854 г. за личныя обиды 1 чел. Въ 1860 г. во всѣхъ инстанціяхъ за личныя обиды содержалось во время слѣдствія и суда 353 чел. По отчетамъ попечительнаго о тюрьмахъ общества въ тюрьмахъ однихъ столичныхъ, губернскихъ, областныхъ и портовыхъ городовъ содержалось: въ 1854 г. за неумышленное убійство 119 чел.; въ 1855 г. за то же преступленіе 97 чел., оскорбленія и обиды 1062 чел.; въ 1856 г. за неумышленное убійство 33 чел., за оскорбленіе и обиды 481 чел.; въ 1859 г. за неумышленное убійство 33 ч., за оскорбленіе 120 чел.; въ 1860 г. за первое—27, за второе—634 чел. Всѣ приведенныя цифры, за исключеніемъ одной, не обнимаютъ количества содержавшихся подъ стражею въ 1-й инстанціи по обвиненіямъ въ маловажныхъ проступкахъ. Мы привели цифры состоявшихъ подъ стражею по такимъ законопротивнымъ дѣйствіямъ, которыя по дѣйствовавшимъ въ разсматриваемый періодъ времени законамъ—Св. Зак. т. XV и Улож. о наказ. угол. и исправит.—влекутъ за собою, самое большее—заключеніе въ смирительный домъ. Поразительнѣе всего, что подъ стражею содержались во время длиннаго слѣдствія и суда во всѣхъ инстанціяхъ лица, обвиняемыя въ клеветѣ и личныхъ обидахъ—

преступленіяхъ, носящихъ болѣе частный, чѣмъ общественный характеръ, преступленіяхъ, допускающихъ примиреніе. Не менѣе удивительно также содержаніе подъ стражею тѣхъ лицъ, которыя были случайною причиною преступленія или совершили оное по неосторожности.

Итакъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ періодъ дѣйствія Свода Законовъ подъ стражею содержалось, во время слѣдствія и суда, очень много такихъ лицъ, противъ которыхъ—и по существу преступнаго дѣйствія, въ которомъ ихъ обвиняли, и по свойству уликъ—не было необходимости употреблять эту мѣру пресѣченія.

§ 28. Это происходило, какъ выше было показано, отъ того, что закономъ не были точно и опредѣленно проведены границы примѣненія каждой изъ мѣръ пресѣченія. Но отсутствіе такой опредѣленности и точности было только одною изъ причинъ явленія. Въ системѣ дѣйствовавшаго тогда судоустройства и судопроизводства были и другія причины, отъ которыхъ зависѣло существованіе этого факта. Причины эти были слѣдующія: многочисленность лицъ, пользовавшихся правомъ взятія подъ стражу; отсутствіе формальностей, которыми былъ бы обставленъ этотъ важнѣйшій актъ судопроизводства; недостатокъ хорошихъ правилъ обжалованія; общее направленіе уголовнаго судопроизводства. Разсмотримъ подробнѣе каждую изъ этихъ причинъ.

а) Въ главѣ о мѣрахъ пресѣченія не были точно поименованы лица, которымъ предоставлялось право брать и содержать подъ стражею; тамъ было сказано: «По приводѣ обвиняемаго, полиція обязана.... постановить мѣру содержанія его, для пресѣченія ему способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда» (ст. 875 т. XV, изд. 1832 г.; ст. 132 ч. 2 т. XV Св. Зак., изд. 1857 г.). Слово «*полиція*» слишкомъ обширно; оно обнимаетъ самыхъ разнообразныхъ должностныхъ лицъ, отъ простаго полицейскаго служителя до губернатора. Къ полиціи принадлежатъ также, по Своду, и административно-полицейскія учрежденія, какъ-то: земскіе суды, общія городскія полиціи, управы благочинія, губернскія правленія, какъ мѣста, коимъ ввѣренъ былъ надзоръ за производствомъ слѣдствій. Во 2 т. Св. Зак., изд. 1857 г., право ареста предоставляется разнымъ среднимъ и низшимъ полицейскимъ чиновникамъ и даже служителямъ (т. II ст. 2663, 2664, 2708, 2712, 2749, 2751, 2792, 3528, 4225, 4226, 4286, 4409, 5192, 5194—5199, 5237, 5393). Такимъ образомъ, въ періодъ дѣйствія Свода Законовъ правомъ взятія подъ стражу пользовался самый обширный кругъ лицъ. Изъ практики мы знаемъ, что этимъ правомъ пользовались даже и частныя лица, занимавшія извѣстное положеніе въ обществѣ. «До сей поры—сказано въ объяснительной запискѣ къ проекту Устава Уголовнаго Судопроизводства—правомъ задержанія пользовалась не только всякая власть и всякое начальство, но и частныя лица, занимающія выгодное положеніе въ обществѣ» (гл. 6, стр. 202). Такъ, въ 1851 г. помѣщикъ Ковалевскій 17 сутокъ продержалъ, до пріѣзда временнаго отдѣленія, въ амбарѣ трехъ крестьянъ, оказавшихся впослѣдствіи невинными («Журн. М. Ю.» 1862 г. май, дѣло объ убійствѣ дворянина Ухотскаго). Постановленіе мѣры пресѣченія есть не только дѣло общественной безопасности,

но исправедливости: та или другая мѣра пресѣченія принимается сколько въ видахъ общественныхъ, столько же и изъ соображеній правъ и законныхъ интересовъ обвиняемаго. Между тѣмъ, полиція, какъ хранительница общественнаго спокойствія, склонна, по своему характеру, принимать мѣры безопасности тамъ, гдѣ это и не требуется.

б) Въ Сводѣ Законовъ для такого важнаго акта, какъ принятіе мѣръ пресѣченія, не было установлено формъ и обрядовъ. «Полиція обязана постановить мѣру содержанія»—такъ выражается законъ относительно способа принятія мѣръ пресѣченія (ст. 875 ч. 2 т. XV, изд. 1832 г.; 132 ст. 2 ч. XV т., изд. 1857 г.). Нѣкоторые хотѣли толковать эти слова въ томъ смыслѣ, будто законъ обязывалъ полицію, при принятіи мѣръ пресѣченія вообще и въ частности взятія подъ стражу, составлять формальный актъ. Но такое толкованіе есть натяжка и несогласно съ дѣйствительностью. Извѣстно, что до изданія Свода, никакого закона не существовало, который бы предписывалъ соблюденіе какихъ нибудь формальностей при взятіи обвиняемыхъ подъ стражу. Напротивъ, изъ многихъ указовъ XIX стол. положительно извѣстно, что не только не составлялся какой нибудь актъ о принятіи той или другой мѣры пресѣченія, но большею частью въ цѣломъ дѣлопроизводствѣ не было никакихъ слѣдовъ, никакого упоминанія о томъ, содержится-ли подсудимый подъ стражею, отданъ-ли онъ на поруки, или находится на свободѣ. Только съ цѣлью слѣдить за виновниками медленности, и съ тѣхъ поръ, какъ установлена предпочтительная предъ другими дѣлами очередь рѣшенія арестантскихъ дѣлъ, законодатель въ XIX стол. сталъ требовать, чтобы при представленіи дѣлъ въ сенатъ, какъ въ дѣлахъ, такъ и въ рапортахъ, при которыхъ представляются дѣла, непремѣнно было означаемо, содержится-ли обвиняемый подъ стражею, или же находится на свободѣ. Но рядъ одинъ за другимъ слѣдующихъ въ теченіе 25 лѣтъ указовъ, которыми сенатъ постоянно напоминалъ объ исполненіи сей обязанности, показываетъ, что практика даже и эту легкую формальность выполняла неохотно. Эти то указы (какъ-то: 1807 г. Св. Зак. Хавск. т. XIV, № 111; 1810 г. 27 іюня, № 24272; 1811 г. февраля, № 24543; ук. 1815 г. 26 іюня; ук. 1818 г. 31 марта, № 27329; ук. 1830 г. 26 іюля, № 3755) послужили матеріаломъ для той статьи Свода, въ которой говорится, что начальники губерній, при представленіи дѣлъ въ сенатъ, обязаны въ рапортахъ объяснять «кто изъ подсудимыхъ содержится подъ стражею, съ какого времени и по чьему распоряженію или приговору, или кто изъ нихъ состоитъ на свободѣ или на поручительствѣ» (п. 2 ст. 442 ч. 2 т. XV, изд. 1857 г.). Существованіе этой статьи доказываетъ, что составители Свода не имѣли никакого представленія о необходимости составленія акта при заключеніи обвиняемаго въ тюрьму. Если бы необходимость подобнаго акта признавалась, обозначеніе въ рапортѣ начальника губерніи, содержится-ли обвиняемый подъ стражею или же находится на свободѣ, было бы совершенно излишне, ибо дѣла въ сенатъ посылаются подлинникомъ, и сенатъ могъ бы изъ самаго акта, если бы онъ былъ, усмотрѣть искомое обстоятельство. Что мѣры пресѣченія принимались въ этотъ періодъ безъ всякаго акта—это подтверждает-

также и практика. По свидѣтельству одного изъ ученыхъ практиковъ, одинъ мѣщанинъ, обвиняемый въ растратѣ общественной суммы, былъ отосланъ полиціею въ тюрьму по словесному лишь приказанію. Чиновникъ, назначенный потомъ для производства изслѣдованія по этому дѣлу, не усматривая изъ переданныхъ ему бумагъ, чтобы подсудимый содержался подъ стражею, велъ о розысканіи его весьма длинную переписку съ разными мѣстами. Пока велась переписка, мѣщанинъ просидѣлъ въ тюрьмѣ восемь мѣсяцевъ безъ допроса и въ совершенной безгласности («Архивъ истор. и практ. свѣд.» Калачова 1859 г. кн. 5, статья Ланге). Въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 10 октября 1857 года сказано, что чиновникъ министерства, при обозрѣніи тюремныхъ замковъ одной губерніи, нашелъ въ нихъ арестантовъ, весьма долго сидѣвшихъ безъ всякихъ дѣлъ о нихъ и даже безъ записки въ арестантскія книги («Журн. М. В. Д.» 1857 г. ноябрь).

в) Система обжалованія заключенія въ тюрьму обвиняемаго была исполнена большихъ несовершенствъ. Пока слѣдствіе производилось, жалоба на несправедливый или неумѣстный арестъ приносилась или земскому суду, или губернскому правленію (ст. 738—741 т. II, Учр. губ.), а на губернское правленіе сенату (ст. 168 т. I, Учрежд. сената). По переходѣ дѣла въ суды 1-й степени, жалоба на неумѣстный арестъ была приносима также губернскому правленію (ст. 740, 741 и 4049 т. II). Такимъ образомъ, жалоба, въ первомъ случаѣ на дѣйствія полиціи, а во второмъ на дѣйствія суда, приносилась административно-полицейскому учрежденію, которое, по своему назначенію, меньше всего способно было рѣшить вопросъ о правильности или неправильности ареста. Самая подача арестантами жалобъ вообще поставлена была въ зависимость отъ воли смотрителя, прокурора и стряпчаго (ст. 163 и 165 т. XIV Уст. о сод. подъ стражею) Правда, въ Сводъ Законовъ была внесена разсмотрѣнная нами въ предыдущей главѣ 401 ст. Учрежденія о губ. 1775 г. 7 ноября, которою предоставляется: а) арестованному по обвиненію въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ и содержимому подъ стражею, безъ объявленія причины и безъ допроса, въ теченіе трехъ дней—право приносить жалобу совѣстному суду, и б) совѣстному суду—право требовать отъ мѣста арестовавшаго присылки арестованнаго, съ объясненіемъ причинъ ареста, и право освобождать отъ ареста, если жалоба окажется справедливою. Въ IV главѣ мы изложили достаточно доказательствъ того, что эта статья оставалась почти безъ примѣненія въ предыдущемъ періодѣ. Со внесеніемъ этой статьи въ Сводъ, ничто ни въ судоустройствѣ, ни въ судопроизводствѣ не измѣнилось къ тому, чтобы придать силу этому закону. Правда, совѣстный судъ, по идеѣ, которая положена была Екатериною въ его основаніе, долженъ былъ быть судомъ, который бы въ своихъ дѣйствіяхъ и въ своихъ рѣшеніяхъ руководился не только закономъ, но и голосомъ совѣсти. Онъ былъ учрежденъ именно съ цѣлью оградить личную безопасность гражданина. «Понеже личная безопасность каждаго вѣрноподданнаго—говоритъ Екатерина II—весьма драгоцѣнна человѣколюбивому монаршему сердцу, для того, дабы подать руку помощи страждущимъ иногда болѣе по несчастному какому ни есть приключенію, либо

по стеченію различныхъ обстоятельствъ, отягощающихъ судьбу его выше мѣры имъ содѣяннаго, заблагоразсуждается учредить въ каждомъ намѣстничествѣ по одному суду подъ названіемъ: *Совѣстный Судъ*» (ст. 395 Учрежд. о губ., № 14392). Совѣстный судъ, назначенный быть «*преградою частной и личной безопасности*», долженъ былъ во всѣхъ дѣлахъ руководиться слѣдующими правилами: а) человѣколюбіемъ; б) уваженіемъ къ ближнему, какъ человѣку, и в) отвращеніемъ отъ угнетенія или притѣсненія человѣчества (ст. 397). Его уголовному правосудію должны подлежать дѣла, касающіяся такихъ преступниковъ, которые впали въ преступленіе или проступокъ болѣе по несчастному случаю и стеченію разныхъ обстоятельствъ, чѣмъ по собственной винѣ также впадшихъ въ проступокъ по безумію, малолѣтству, вслѣдствіе глупости и невѣжества, каковы дѣла о колдовствѣ (ст. 399). Въ Сводѣ Законовъ сохранена какъ та же подсудность для совѣстныхъ судовъ, такъ и тѣ же правила (почтенія къ ближнему, отвращенія отъ угнетенія, человѣколюбія), которыя даны были имъ въ руководство, при ихъ учрежденіи (ст. 1343 т. XV, изд. 1832 г.; ст. 717 и 723 ч. 2 т. XV, изд. 1857 г.). Но на самомъ дѣлѣ совѣстные суды, въ періодъ дѣйствія Свода Законовъ, далеко не соотвѣтствовали той цѣли, для которой они учреждены, въ чемъ легко убѣдиться изъ статистическихъ данныхъ. Въ 1839 г. въ совѣстныхъ судахъ содержалось подъ стражею обвиняемыхъ въ такихъ преступленіяхъ, за которыя самъ законъ не требуетъ этой мѣры, какъ-то: за блудъ 6 чел., пьянство и буйство 1, клевету 4, личныя обиды 1, драку и буйство 7, за происшествія нечаянныя и неосторожныя 10 человѣкъ. Всѣхъ обвиняемыхъ было 2765 чел., изъ нихъ 776 содержалось подъ стражею, т. е. нѣсколько меньше одной трети и больше одной четверти изъ числа всѣхъ подсудимыхъ находилось подъ стражею, тогда какъ въ томъ же году въ уголовныхъ палатахъ, по степени соотвѣтствующихъ совѣстнымъ судамъ, изъ всѣхъ подсудимыхъ едва пятая часть содержалась подъ стражею. Изъ 858 подсудимыхъ помѣщичьихъ крестьянъ, 320 содержалось подъ стражею, т. е. болѣе трети и меньше половины, тогда какъ въ томъ же году въ уголовныхъ палатахъ изъ подсудимыхъ помѣщичьихъ крестьянъ содержалась подъ стражею только одна четверть. То же самое повторялось и въ другіе годы, доказательствомъ чему служатъ цифры прилагаемой таблицы, составленной по отчетамъ министра юстиціи. Такимъ образомъ, въ практикѣ совѣстныхъ судовъ, въ періодъ дѣйствія Сводовъ, не замѣчается ни малѣйшихъ признаковъ выполненія тѣхъ задачъ, для которыхъ эти суды были учреждены; даже напротивъ, совѣстные суды не только были похожи на обыкновенные суды, которые не обязаны были главнымъ образомъ руководиться человѣколюбіемъ, уваженіемъ къ личности человѣка, но и превосходили ихъ во всемъ томъ, что мало напоминало эти прекрасныя правила. При такомъ направленіи своей дѣятельности, при полнѣйшемъ забвеніи своей задачи, могли ли совѣстные суды, хотя и учрежденные для ограды частной и личной безопасности, дѣйствительно явиться въ періодъ дѣйствія Свода защитниками гражданъ, несправедливо взятыхъ подъ стражу? Очевидно нѣтъ: выпустивъ изъ виду цѣлое, они тѣмъ скорѣе абыли частности.

г) Исторически взятіе подъ стражу и содержаніе въ тюрьмѣ обязаны своимъ происхожденіемъ не одной мысли объ отнятіи у подсудимаго средствъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, но и другимъ побудительнымъ причинамъ, какъ-то: желанію довести подсудимаго посредствомъ содержанія въ тюрьмѣ до сознанія, отнять у него возможность скрыть слѣды преступленія и сговориться съ соучастниками, свидѣтелями и т. п. Потому-то примѣненіе содержанія подъ стражею возникло и разрослось вмѣстѣ съ развитіемъ розыскнаго начала и пытки въ частности. Употребленіе содержанія подъ стражею съ указанною цѣлью продолжалось и съ уничтоженіемъ пытки, потому что характеръ уголовнаго судопроизводства въ существѣ оттого не измѣнился: цѣль его и способы, за исключеніемъ пытки, оставались тѣ же самые. Полиція—производитель слѣдствія въ періодъ дѣйствія Свода—наслѣдовала пріемы производства слѣдствій отъ своихъ предшественниковъ, которые, въ свою очередь, получили ихъ отъ слѣдователей временъ существованія пытки. Въ числѣ другихъ способовъ производства, слѣдователи разсматриваемаго нами времени наслѣдовали и содержаніе подъ стражею какъ одно изъ средствъ открыть истину, добиться сознанія со стороны обвиняемаго и лишить его возможности скрыть слѣды преступленія. Самъ Сводъ Законовъ отчасти подавалъ поводъ къ употребленію содержанія въ тюрьмѣ съ означенною цѣлью. Въ немъ содержится два рода предписаній, въ сущности другъ другу противоположныхъ, хотя происхожденіе ихъ вполнѣ понятно. Одни изъ этихъ предписаній тѣсно связаны съ законами, запрещавшими пытку, какъ-то: предписаніе, чтобы слѣдователи отнюдь не прибѣгали при слѣдствіи къ жестокимъ мѣрахъ и не дѣлали бы обвиняемымъ пристрастныхъ допросовъ, безчеловѣчныхъ истязаній и притѣсненій (ст. 166 ч. 2 XV т., изд. 1857 г.); предписаніе приводить обвиняемаго къ собственному признанію увѣщаніями и уликами, но не домогаться онаго, какъ единственнаго способа къ обвиненію (ст. 319); напоминаніе обращаться съ обвиняемымъ, какъ съ человѣкомъ, который можетъ оказаться невиннымъ (ст. 131 того же тома). Другія предписанія являются остатками того времени, когда была въ употребленіи пытка и другіе насильственные способы открытія истины; къ нимъ принадлежатъ: предписанія стремиться получить признаніе подсудимаго посредствомъ увѣщанія священника (ст. 172 п. 6 ст. 191 и ст. 289 ч. 2 т. XV, изд. 1857 г.); угроза увеличеніемъ наказанія за запирательство и недачу отвѣта (ст. 183 и 288, изд. 1857 г.); предписаніе склонять обвиняемаго къ признанію обѣщаніемъ уменьшить наказаніе (ст. 321, изд. 1857 г.); наконецъ, возведеніе собственнаго признанія подсудимаго на степень свидѣтельства лучшаго, чѣмъ свидѣтельство всего свѣта (316 ст., изд. 1857 г.). Такимъ образомъ, въ томъ же Сводѣ Законовъ, въ которомъ содержалось запрещеніе употреблять при слѣдствіи насильственныя средства, помѣщены были статьи, поощрявшія нравственное вымогательство собственнаго сознанія подсудимаго. Слѣдователи Свода Законовъ, прямые наслѣдники практики временъ пытки, имѣя такую опору въ законѣ, съ особеннымъ усердіемъ старались добыть собственное сознаніе подсудимаго, какъ лучшее свидѣтельство сего свѣта, и какъ во время пытки, такъ и теперь, лучшимъ способомъ для до

стиженія этого они считали взятіе подсудимаго подъ стражу и содержаніе его въ тюрьмѣ. Овладѣвая личностью подсудимаго, они надѣялись овладѣть и самою истиною искомаго происшествія. Руководствуясь наслѣдованными отъ стараго времени правилами, они, овладѣвъ личностью привлеченнаго къ слѣдствію, употребляли, вопреки уже прямому смыслу законовъ, разные способы не только моральнаго, но и физическаго насилія. Уголовная практика временъ Свода представляетъ намъ доказательства того, что слѣдователи этого времени на взятіе подсудимаго подъ стражу смотрѣли не только какъ на мѣру пресѣченія, но и какъ на способъ открыть истину. Взявъ подъ стражу обвиняемаго, слѣдователи старались довести его до сознанія разными, большею частью насильственными и принудительными способами, вредившими правильному ходу правосудія (см. «Юридич. Вѣстн.» Калачова вып. 4, стр. 12—34; «Журн. М. Ю.» 1861 г. май, дѣло Ястржемской; 1862 г. май, дѣло объ убійствѣ Ухотскаго; «С.-Петерб. Вѣдом.» 1864 г. № 29, дѣло о похищеніи изъ часовни домика Петра I и убійствѣ двухъ сторожей).

Итакъ, въ періодъ дѣйствія Сводовъ частое и неумѣстное примѣненіе содержанія подъ стражею и его результатъ — накопленіе слѣдственныхъ арестантовъ въ тюрьмахъ,— происходили:

а) Отъ неточности и непослѣдовательности коренныхъ законовъ о мѣрахъ пресѣченія: произволъ слѣдователя не встрѣчалъ въ самомъ ,законѣ границъ преградъ и обузданія.

б) Отъ взгляда на содержаніе подъ стражею не только какъ на мѣру пресѣченія, но и какъ на средство открыть преступленіе. Можно положительно сказать, что это было унаслѣдованной отъ давнихъ временъ одной изъ существенныхъ причинъ указаннаго явленія.

в) Отъ многочисленности лицъ, имѣвшихъ право брать подъ стражу, и отъ неумѣнья надлежащимъ образомъ взвѣсить соотвѣтствіе содержанія въ тюрьмѣ съ свойствомъ преступленія и силою уликъ.

г) Отъ недостатка точныхъ формъ и обрядовъ, въ которые бы слѣдовало облекать принятіе такой мѣры, какъ содержаніе подъ стражею. Вслѣдствіе этого недостатка содержаніе подъ стражею очень часто было дѣломъ совершившагося факта: взятіе подъ стражу обвиняемаго было достаточно для того, чтобы слѣдователь не обратилъ больше вниманія на это обстоятельство и не позаботился о болѣе точномъ опредѣленіи мѣры пресѣченія. Однимъ словомъ, между лишеніемъ обвиняемаго свободы посредствомъ взятія къ допросу и между лишеніемъ посредствомъ содержанія подъ стражею не было надлежащаго, строго опредѣленнаго перехода, и оба эти существенно-различные акта были смѣшиваемы.

д) Отъ отсутствія раціональныхъ законовъ обжалованія. Отъ этого употребленіе недѣльныхъ арестовъ не встрѣчало надлежащихъ препятствій въ контролѣ высшей инстанціи.

§ 29. Мѣста, въ которыхъ содержались въ разсматриваемый періодъ обвиняемые подъ стражею, были двухъ родовъ: собственно тюрьмы и мѣста при полиціи.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ періодъ дѣйствія Свода положеніе содержимыхъ подъ стражею въ тюрьмахъ улучшилось въ сравненіи съ прошедшимъ временемъ.

Ассигновкой государственныхъ суммъ и дѣятельностью общества попечительнаго о тюрьмахъ продовольствіе ихъ было обезпечено. Въ самомъ устройствѣ тюремъ сдѣланы были нѣкоторые успѣхи. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе накопленія арестантовъ, происходившаго отъ неумѣреннаго примѣненія взятія подъ стражу и долговременнаго содержанія, положеніе содержимаго подъ стражею не соотвѣтствовало, ни въ матеріальномъ, ни въ нравственномъ отношеніи, требованіямъ справедливости. Классификація содержимыхъ подъ стражею, вслѣдствіе тѣсноты помѣщеній, оставалась на довольно низкой степени. Вопреки закону, содержимые подъ стражею въ большинствѣ тюремъ едва были раздѣлены по поламъ и сословіямъ.

Въ худшемъ положеніи были содержимые подъ стражею въ полицейскихъ тюрьмахъ. Это зависѣло отъ дурнаго устройства сихъ помѣщеній. По общему отзыву оффиціальныхъ лицъ, доставившихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ свѣдѣнія о состояніи тюремъ, тюрьмы полицейскаго помѣщенія даже въ послѣднее время находились *въ самомъ жалкомъ состояніи*. Поувѣренію людей, занимавшихся изученіемъ состоянія нашихъ тюремъ, полицейскими мѣстами содержанія въ уѣздныхъ городахъ нерѣдко служила какое нибудь надворное, старое, негодное для жилья строеніе, какая нибудь канура около архива или прихожей земскаго суда («Русск. Вѣстн.» 1863 года мартъ, статья Забѣлина, стр. 390). Общій голосъ что въ полицейскихъ арестантскихъ даже раздѣленіе по поламъ явилось въ видѣ исключенія

Въ видѣ прибавочной мѣры пресѣченія употреблялись въ этомъ періодѣ кандалы и бритье половины головы. Въ предупрежденіе побѣговъ, обвиняемые въ тяжкихъ преступленіяхъ, по заключеніи въ тюрьму, по Своду могутъ быть, за исключеніемъ малолѣтнихъ и лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, заковываемы въ кандалы. Лица женскаго пола заковываются только въ ручные кандалы и то только во время пути (ст. 170 и 172 т. XIV Уст. о сод. подъ стр.). Выраженіе: *могутъ быть*, показываетъ, что закованіе въ кандалы есть мѣра предупрежденія, примѣняемая по усмотрѣнію надобности, а не абсолютно неизбѣжная. Въ законѣ также сказано, что въ кандалы заковываются пойманные въ грабежѣ и разбоѣ (ст. 130 уг. суд. 2 ч. т. XV, изд. 1857 г.); по продолженію 1863 года это предписано относительно пойманныхъ при самомъ совершеніи и другихъ важнѣйшихъ преступленій и относительно несомнѣнно изобличаемыхъ въ этихъ преступленіяхъ; къ числу этихъ преступленій отнесены: святотатство со взломомъ, смертоубійство, зажигательство, воровство составившеюся для того шайкою, дѣланіе фальшивой монеты и побѣгъ изъ подъ-стражи (ст. 244 продолж. къ XIV т. Уст. о сод. подъ страж., изд. 1863 г., кн. 4). На пересылаемыхъ по этапной дорогѣ безъ оковъ могутъ быть налагаемы ручныя желѣзныя прутья. Почти во все время дѣйствія Свода употреблялось ежемѣсячное бритье головы, съ тѣми изъятіями, которыя установлены были въ прежнемъ періодѣ. Эта мѣра отмѣнена была въ 1858 г. 10-го ноября. Изъ указа 30-го декабря 1847 г. видно, что, несмотря на повсемѣстное и строгое запрещеніе колодокъ, употребленіе ихъ еще встрѣчалось уже какъ злоупотребленіе (№ 21481).

§ 30. Содержаніе подъ стражею въ періодъ дѣйствія Свода было столь же продолжительно, какъ и въ предыдущемъ періодѣ. Слѣдующія статистическія данныя, заимствованныя нами изъ отчетовъ министра юстиціи, это доказываютъ.

Содержалось:	Въ 1843 г. въ сенатѣ, уг. палат. и совѣстн. суд. содержалось подъ стражею.	Въ 1844 г. въ тѣхъ же инстанціяхъ.	Въ 1845 г. въ тѣхъ же инстанціяхъ.	Въ 1848 г. во всѣхъ инстанціяхъ.	Въ 1849 г. во всѣхъ инстанціяхъ.	Въ 1851 г. во всѣхъ инстанціяхъ.	Въ 1854 г. во всѣхъ инстанціяхъ.	Въ 1856 г. во всѣхъ инстанціяхъ.	Въ 1858 г. во всѣхъ инстанціяхъ.	Въ 1860 г. изъ 10,474 оставшихся подъ стражею содержалось.
болѣе одного года . .	3,284	3,311	3,190	15,415	16,108	15,228	13,442	13,073	15,305	2,056
— — двухъ лѣтъ . .	386	590	771	4,502	4,733	3,475	3,411	3,505	3,670	751
— — трехъ — . .	17	51	113	561	2,044	1,594	1,520	1,743	1,968	339
— — четыр. — . .	16	9	21	—	—	—	—	—	—	151

Эти цифры, впрочемъ, не вполнѣ характеризуютъ продолжительность содержанія подъ стражею въ это время. Немалое число дѣлъ длилось гораздо дольше четырехъ лѣтъ, какъ показываютъ отдѣльные случаи. «Почти невѣроятно, сказано въ отчетѣ министра внутреннихъ дѣлъ за 1859 годъ, чтобы обвиняемый могъ содержаться подъ стражею до 10 лѣтъ лишь въ качествѣ подсудимаго, а между тѣмъ факты этого рода существуютъ» («Журн. М. В. Д.» 1861 г. іюль, отч. мин.). Такъ, дѣло объ убійствѣ остяка Николая Кусмана производилось 11 лѣтъ, съ 1839 или начала 1840 г. по августъ 1851 г.; по этому дѣлу содержалось въ тюрьмѣ одиннадцать человѣкъ, которые приговорены были комитетомъ министровъ къ наказанію розгами по 50 ударовъ, съ преданіемъ ихъ церковному покаянію («Журн. М. Ю.» 1861 г. мартъ). Дѣло объ убійствѣ полковника Якубинскаго длилось 9 лѣтъ; по этому дѣлу содержалось въ тюрьмѣ 11 человѣкъ, изъ коихъ 6 человѣкъ были освобождены государственнымъ совѣтомъ по прошествіи 6 лѣтъ, такъ какъ они были обвиняемы въ самомъ маловажномъ преступленіи, а другіе оставались въ тюрьмѣ до окончанія дѣла («Журн. М. Ю.» 1862 г. февраль). Пятнадцатилѣтній крестьянинъ Василій Сѣрковъ просидѣлъ въ тюрьмѣ 8 лѣтъ, пока не осужденъ былъ по обвиненію въ положеніи камешковъ на рельсы строившейся въ 1849 г. петербургско-московской желѣзной дороги («Ж. М. Ю». 1861 г. январь). Столько же времени просидѣли въ тюрьмѣ Карповъ, Ильина и Богдановъ, признанные потомъ невинными, такъ какъ не былъ доказанъ самый фактъ существованія убійства, въ которомъ ихъ обвиняли («Ж. М. Ю.» 1862 г. май).

Такая непомѣрная медленность происходила: а) отъ недостаточнаго устройства слѣдственной части, и б) отъ множества судебныхъ инстанцій.

Относительно производства слѣдствій въ Сводѣ Законовъ мы находимъ два рода постановленій, повидимому различныхъ, но въ сущности вызванныхъ одною и тою же причиною: организаціею личнаго состава слѣдователей. Съ одной стороны, Сводъ понуждаетъ какъ можно скорѣе кончать слѣдствіе; съ другой, онъ поощряетъ переслѣдованія, дослѣдованія и всякія дополненія, и слѣдовательно, проволочки. Перваго рода стремленіе Свода выражается въ слѣдующихъ постановленіяхъ. Полиція обязана производить слѣдствіе со всевозможною скоростью и оканчивать его въ мѣсячный срокъ, не исключая дней воскресныхъ и праздничныхъ. Исключенія допускаются въ самыхъ крайнихъ случаяхъ (ст. 882 изд. 1832 г.; ст. 139 изд. 1857 г.). Запрещается производить слѣдствіе по маловажнымъ постороннимъ обстоятельствамъ, коихъ объясненіе, не принося существенной пользы, послужило бы къ замедленію производства слѣдствія (ст. 885 изд. 1832 г.; ст. 142 изд. 1857 г.). Неотысканіе лица, оговореннаго въ преступленіи, когда главный виновникъ открытъ, и неполученіе справокъ не весьма существенныхъ не должно останавливать отсылки слѣдствія въ судъ (ст. 882 изд. 1832 г.; ст. 139 и 282 изд. 1857 г.). Оконченное слѣдствіе должно быть земскимъ судомъ отослано немедленно и даже, если возможно, не выходя изъ присутствія, въ надлежащее судебное мѣсто (ст. 1002 изд. 1832 г.; ст. 279 изд. 1857 г.). Съ другой стороны, въ томъ же Сводѣ повелѣвается, чтобы каждое уголовное слѣдствіе, произведено-ли оно полицейскимъ чиновникомъ однолично, или временнымъ отдѣленіемъ,—было отсылаемо въ надлежащее судебное мѣсто чрезъ земскій судъ, который обязанъ засвидѣтельствовать, что слѣдствіе имъ разсмотрѣно, и что, по мнѣнію суда, не оказалось въ немъ неполноты или другихъ недостатковъ, которые могли бы служить препятствіемъ дальнѣйшему разсмотрѣнію и рѣшенію дѣла (ст. 2712, 2714, 2745, 2664 и 2708 т. II Учр. губ.). Если земскій судъ замѣтитъ неполноту и всякія упущенія, онъ первый обязанъ, для исправленія и дополненія, назначить новаго слѣдователя или временное отдѣленіе (ст. 2714 и 2765 т. II и 284 ст. 2 ч. т. XV, изд. 1857 г.). Право назначать переслѣдованія и дослѣдованія принадлежало также и губернскому правленію, какъ высшей въ губерніи административно-полицейской инстанціи (ст. 738 и 739 т. II, ст. 1006, изд. 1832 г. и ст. 283 ч. 2 т. XV, изд. 1857 г.). Губернаторъ, прежде окончанія слѣдствія, могъ назначить новаго слѣдователя или цѣлую коммисію, для поправленія упущеній; онъ могъ принять мѣры для дополнительнаго изслѣдованія, когда уже дѣло поступило въ уѣздный судъ или магистратъ на разсмотрѣніе, которое въ такомъ случаѣ онъ пріостанавливалъ (ст. 590 и 591 т. II, о нач. губ.). Съ своей стороны, суды первой степени, по поступленіи дѣла къ ихъ разсмотрѣнію, могутъ, для дополненія слѣдствія, или отрядить своего члена вмѣстѣ съ уѣзднымъ стрянчимъ, или же потребовать дополненія отъ полиціи (ст. 287 и 293 ч. 2 т. XV, изд. 1857 г.). Уголовная палата не лишена права потребовать дослѣдованія или дополненія, если она найдетъ его неполнымъ и недостаточнымъ, хотя ей и вмѣняется въ обязанность не дѣлать этого безъ особенной надобности; для приведенія своего распоряженія въ исполненіе она сносится съ губернскимъ правленіемъ, которое уже

отъ себя поручаетъ подчиненной полиціи исполненіе и наблюденіе за ходомъ дѣла (ст. 2400 т. II, ст. 1087, изд. 1832 г. и ст. 378 ч. 2 т. XV, изд. 1857 г.). Даже послѣ рѣшенія дѣла въ уголовной палатѣ, оно могло быть, по распоряженію губернатора, обращено для дослѣдованія (ст. 1114 изд. 1832 г., ст. 416 ч. 2 т. XV, изд. 1857 г.). По переходѣ дѣла въ сенатъ, сей высшій судъ имѣетъ право обратить дѣло для дополненія и дослѣдованія. Хотя объ этомъ правѣ не говорится въ Сводѣ, но оно само собою вытекаетъ изъ цѣлаго строя судовъ и системы тогдашняго судопроизводства. Практика вполнѣ это подтверждаетъ. Такъ, по дѣлу объ убійствѣ, въ 1841 году, дѣвицы дворянки Пятницкой, сенатъ назначалъ два раза переслѣдованіе, которое въ оба раза было произведено коммисіею изъ чиновниковъ: министерства юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и корпуса жандармовъ («Журн. М. Ю.» 1862 г.). Изъ практики мы знаемъ даже примѣры производства дополнительныхъ слѣдствій по опредѣленію государственнаго совѣта, который, при разсмотрѣніи дѣлъ, находилъ невозможнымъ рѣшить оныя безъ дополненій. Такъ, государственнымъ совѣтомъ наряжено было дослѣдованіе по дѣлу объ убійствѣ полковника Якубинскаго («Журн. М. Ю.» 1862 г. февраль). По этому дѣлу, а также по вышеупомянутому дѣлу объ убійствѣ Пятницкой, произведено было по пяти слѣдствій.

Мы сказали, что какъ перваго рода постановленія Свода, объ ускореніи производства слѣдствій, такъ и втораго рода постановленія, о производствѣ дослѣдованій и переслѣдованій, вызваны одною и тою же причиною: крайне недостаточною организаціею состава слѣдователей. Производителемъ слѣдствій по Своду была полиція. Тотъ же полицейскій чиновникъ, который занятъ былъ исполненіемъ многочисленныхъ обязанностей чисто полицейскаго характера, обязанъ былъ, кромѣ того, производить еще множество уголовныхъ слѣдствій. Само собою разумѣется, онъ не имѣлъ достаточно времени добросовѣстно, съ особымъ тщаніемъ, производить слѣдствія. Производство слѣдствій требуетъ спеціальныхъ юридическихъ знаній, способности взвѣшивать и соображать иногда очень тонкіе предметы, рѣшать запутанные вопросы и недоумѣнія. Слѣдователи временъ Свода не обладали этими качествами. Къ невольнымъ промахамъ и ошибкамъ присоединялись иногда и намѣренные недостатки слѣдствій. Должно притомъ замѣтить, что слѣдователи этого времени были вполнѣ независимы отъ судовъ 1-й и 2-й степени; напротивъ того, по основнымъ началамъ судопроизводства, суды всѣхъ степеней поставлены были въ зависимое отъ слѣдователей положеніе, въ томъ отношеніи, что они получали матеріалъ для рѣшенія дѣла изъ рукъ слѣдователей, а сами лишены были возможности собирать и повѣрять данныя для открытія истины и рѣшенія дѣла. Отсюда-то вытекла необходимость двоякаго рода постановленій Свода, которыя приведены нами выше: видимая медленность, видимыя проволочки, видимое стремленіе изслѣдовать малозначущія мелочи вызвали постановленія о скорѣйшемъ окончаніи слѣдствій; съ другой стороны, намѣренныя и ненамѣренныя упущенія, поверхность и неполнота слѣдствій вынудили законодателя постановить правила о дослѣдованіяхъ и дополненіяхъ. Та-

кимъ образомъ, постановленія объ ускореніи производства слѣдствій являются въ Сводѣ только одними желаніями, которыя на практикѣ никогда не достигались; тогда какъ постановленія о дополненіяхъ были подлиннымъ изображеніемъ характера уголовныхъ слѣдствій: они были въ одно и то же время и признаками медленности, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, постановленіями, узаконявшими медленность и парализировавшими постановленія перваго рода.

Второю очень важною причиною крайней медленности производства уголовныхъ дѣлъ и происходящаго оттого долговременнаго содержанія подъстражею было множество инстанцій, чрезъ которыя дѣло проходило. Много дѣлъ проходило не три номинальныя инстанціи, а пять, а иногда и болѣе. Иное уголовное дѣло должно было, по Своду, подвергнуться разсмотрѣнію и рѣшенію: а) уѣзднаго суда или другихъ судовъ 1-й инстанціи; б) уголовной палаты; в) уголовнаго департамента сената; г) общаго собранія московскихъ департаментовъ сената или 2-го общаго собранія петербургскихъ департаментовъ сената, куда оно поступало или вслѣдствіе разногласія сенаторовъ, или вслѣдствіе несогласія оберъ-прокурора съ единогласнымъ ихъ мнѣніемъ (ст. 142—156 т. I, Учр. сената). Кромѣ этихъ четырехъ обыкновенныхъ инстанцій, нерѣдко уголовное дѣло должно было пройти чрезъ коммисію прошеній, куда приносятся прошенія на имя государя о пересмотрѣ рѣшеній департамента сената; чрезъ 1-е общее собраніе сената, которое разсматриваетъ дѣла по повелѣнію государя, послѣдовавшему на всеподданнѣйшее прошеніе; чрезъ государственный совѣтъ и комитетъ министровъ (т. I ст. 137 прим., 59, 61, 157, 238, 241, 244, 245, 505 Учр. сената; ст. 23 п. 19 и 22 Учр. гос. совѣта; ст. 13 и 31 Учр. ком. прош.; ст. 14 Учр. комит. мин.; ст. 457—460, 466 угол. судопр. т. XV ч. 2, изд. 1857 г.). Проходя исчисленныя инстанціи, уголовное дѣло, сверхъ того, подвергалось: а) просмотру и пропуску уѣзднаго стряпчаго, прокурора, оберъ-прокурора и министра юстиціи; б) разсмотрѣнію консультаціи и изложенію ея мнѣнія; в) разсмотрѣнію и утвержденію губернатора и утвержденію государя (ст. 130—134, 137, 152, 192, 197, 198 Учр. сен. т. I; ст. 363, 402, 404, 407—430, 452—456, 459, 460 и 617 угол. суд. т. XV ч. 2 изд. 1857 г.). Если уголовное дѣло сопряжено было съ казеннымъ интересомъ, т. е. съ похищеніемъ, убыткомъ или утратою казны, если къ дѣлу прикосновенно было лицо удѣльнаго вѣдомства, или дѣло касалось кровосмѣшенія, то оно, сверхъ того, отсылалось на заключеніе: въ первомъ случаѣ—подлежащихъ министерствъ, во второмъ случаѣ—предсѣдателя департамента удѣловъ, въ третьемъ—святѣйшаго синода (ст. 448 угол. суд. ч. 2 т. XV, изд. 1857 г.). Должно замѣтить, что иногда одно и то же дѣло проходило всѣ исчисленныя инстанціи или большую часть ихъ по два раза. Указанное нами дѣло объ убійствѣ Пятницкой, кромѣ пятикратнаго слѣдствія, разматривалось и рѣшалось три раза порѣчскимъ уѣзднымъ судомъ и столько же смоленскою уголовною палатою, два раза петербургскою уголовною палатою, четыре раза уголовнымъ департаментомъ сената, и окончательно рѣшено общимъ собраніемъ сената, которое согласилось съ мнѣніемъ консультаціи министра юстиціи («Журн. М. Ю.» 1862 г.). Дѣло объ

убійствѣ полковника Якубинскаго, сверхъ многихъ переслѣдованій, два раза разсматривалось и рѣшалось государственнымъ совѣтомъ и въ оба раза оно проходило черезъ всѣ инстанціи («Ж. М. Ю.» 1862 г. февраль). Слѣдующія статистическія данныя, заимствованныя изъ отчетовъ министра юстиціи, могутъ дать понятіе о томъ, въ какомъ размѣрѣ каждый годъ совершалась пересылка и передача дѣлъ и подсудимыхъ изъ одной инстанціи въ другую:

Обращено изъ одной инстанціи въ другую подсудимыхъ. .	въ 1839 г.	въ 1843 г.	въ 1848 г.	въ 1854 г.	въ 1858 г.	въ 1860 г.
Изъ сената . . .	2,149	2,169	1,581	1,449	1,463	60,718
— угол. палатъ .	15,643	17,805	22,671	40,363	28,018	
— совѣстн. суд.	528	735	2,388	641	323	
— суд. 1-й степ.	—	—	23,913	24,026	27,589	

Эти огромныя цифры обязаны своимъ происхожденіемъ не только дѣйствительной необходимости въ дополненіяхъ, но въ очень значительной степени и столь извѣстному обычаю старыхъ судовъ—очищать себя отъ дѣлъ предъ высшею инстанціею. Пересылка дѣла изъ высшей инстанціи въ низшую, или изъ одного мѣста въ другое, равное, очень часто была вызываема единственнымъ побужденіемъ—на время себя очистить. Въ указѣ сенатскомъ 7 сентября 1830 г. такъ изображается дѣятельность одной палаты, часто отсылавшей дѣла для дополненій: «Нижегородская палата уголовнаго суда многія изъ доставленныхъ къ ней отъ нижнихъ присутственныхъ мѣстъ дѣла обращаетъ для дополненія усмотрѣнныхъ ею недостатковъ, исключаетъ тѣ дѣла у себя изъ числа нерѣшенныхъ, хотя они никакого рѣшительнаго окончанія не получили, и допускаетъ нижнія присутственныя мѣста полагать по тѣмъ дѣламъ новыя мнѣнія, а по полученіи къ себѣ вторично оныхъ дѣлъ, показываетъ ихъ вновь съ того времени вступившими, хотя бы они, до обращенія оныхъ изъ палаты, находились у ней *по два и по три года*, и чрезъ то затрудняя нижнія присутственныя мѣста, *и обременяя участь подсудимыхъ*, удваиваетъ токмо у себя счетъ вступившихъ и рѣшенныхъ дѣлъ» (№ 3891). Несмотря на то, что этимъ указомъ, вошедшимъ потомъ и въ Сводъ, положительно воспрещено уголовнымъ палатамъ безъ надобности обращать для дополненій поступившія на ревизію дѣла,—этотъ обычай оставался въ силѣ и въ разсматриваемое время, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ.

Къ этимъ двумъ изложеннымъ выше кореннымъ причинамъ крайней продолжительности содержанія подъ стражею должно присоединить и третью, какъ дополнительную; это—чрезмѣрное развитіе письменности. Дѣло, подвергшись нѣсколькимъ переслѣдованіямъ, прошедши всѣ инстанціи, наконецъ разросталось до невѣроятно огромныхъ размѣровъ. Въ сенатѣ не рѣдкость было видѣть большую докладную записку—извлеченіе изъ дѣла—доходившую до 1,000 листовъ. Та-

кимъ образомъ, бумагосочиненіе, будучи результатомъ длинноты многократныхъ и многообразныхъ производствъ, въ свою очередь усложняло и замедляло производство дѣла: чтобы изучить многотомное дѣло, каждая новая инстанція должна была употребить много времени.

§ 31. Для отвращенія крайней продолжительности содержанія подъ стражею и ускоренія производства уголовныхъ дѣлъ, въ Сводѣ Законовъ установлена была цѣлая система мѣръ. Сущность этихъ мѣръ наслѣдована была отъ прошедшаго періода. Мѣры эти были: надзоръ, сроки, штрафы.

Въ теченіе дѣйствія Свода оставался въ силѣ законъ о доставленіи прокурорами и стряпчими въ собственныя руки императора донесеній о тѣхъ подсудимыхъ, о которыхъ, по истеченіи года содержанія ихъ подъ стражею, не послѣдовало приговора. Донесенія эти давали возможность императору обращать вниманіе администраціи и суда на долговременность содержанія нѣкоторыхъ арестантовъ. Это обращеніе вниманія выражалось въ формѣ высочайшихъ повелѣній; такихъ повелѣній въ одномъ октябрѣ 1842 г. послѣдовало о 508 арестантахъ (отч. мин. юст. за 1843 г. ст. XLVIII). Кромѣ того, императоръ Николай, не разъ убѣждаясь изъ донесеній лицъ прокурорскаго надзора въ общей медленности производства арестантскихъ дѣлъ, издавалъ повелѣнія, имѣвшія болѣе общій характеръ, о принятіи мѣръ къ ускоренію рѣшеній. Бол е замѣчательныя повелѣнія этого рода изданы въ 1834 и 1849 гг. (№№ 7008 и 23026). Органомъ выраженія воли императора служило I-е отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи.

Общій надзоръ состоялъ изъ центральнаго, губернскаго и уѣзднаго.

Центральный надзоръ сосредоточенъ былъ въ двухъ министерствахъ: въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и министерствѣ юстиціи (ст. 1205 и 1910 т. I, и 16 ст. Уст. о содер. подъ с ражею т. XIV, изд. 1857 г). Что касается дѣятельности перваго министерства, то ближайш ее наблюденіе за теченіемъ арестантскихъ дѣлъ и за исполненіемъ повелѣній государя о немедленномъ ихъ окончаніи лежало спеціально на товарищѣ министра; самъ министръ непосредственно принималъ участіе въ этихъ дѣлахъ въ томъ случаѣ, когда, по ходу арестантскихъ дѣлъ, требовались особыя мѣры понужденія и взысканія (прим. къ 1205 ст. Учр. мин. т. I, изд. 1857 г.). Объ ускореніи арестантскихъ дѣлъ ежегодно въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ велась обширная переписка, въ чемъ можно убѣдиться изъ слѣдующихъ цифръ: такихъ дѣлъ числилось въ 1855 г. 3,185, въ 1857 г. 3,120, въ 1859 г. 2,929, въ 1860 г. 3,558 («Журн. М. В. Д.» 1856 г. декабрь, 1859 г. іюнь, 1861 г. іюль, «Сѣв. Почта» 1863 г. №№ 29 и 30, см. отчеты мин.). Чтобы имѣть возможность слѣдить за этого рода дѣлами, министерство, кромѣ сообщеній объ арестантахъ, идущихъ болѣе года, получало разносрочныя вѣдомости объ арестантахъ изъ губернскихъ правленій и отъ губернаторовъ. Министерство юстиціи имѣло

сеще болѣе обширный надзоръ за ходомъ арестантскихъ дѣлъ. Въ это министерство стекались многочисленныя вѣдомости, доставляемыя періодически, какъ отъ лицъ прокурорскаго надзора, такъ и отъ судебныхъ мѣстъ. «Вѣдомости сіи, сказано въ отчетѣ министра юстиціи за 1851 г., своевременно и тщательно разсматривались и въ случаѣ замѣченной медленности министерство юстиціи принимало мѣры къ ея отвращенію». Оно вело обширную переписку, какъ относительно ускоренія хода дѣлъ арестантовъ, просидѣвшихъ болѣе года подъ стражею безъ рѣшенія, о которыхъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе, такъ и относительно ускоренія вообще арестантскихъ дѣлъ, главнымъ образомъ «возбуждая дѣятельность въ чиновникахъ прокурорскаго надзора, губернскаго и уѣзднаго» (см. отчеты мин. юст. за 1839 г. стр. XL, 1844 г. стр. LVII, 1845 г. стр. LX, 1849 г. стр. 85, 1851 г. стр. 52—53, 1858 г. стр. 45 и 46). Для ускоренія производства арестантскихъ дѣлъ, оно иногда, не ограничиваясь однѣми мѣрами понужденія, принимало болѣе дѣйствительныя средства. Такъ, въ 1844 г., по случаю особаго накопленія сихъ дѣлъ въ палатахъ: тверской, с.-петербургской, новгородской и вологодской, учреждены были въ этихъ палатахъ чрезвычайныя присутствія и установлена для нихъ особенная, сверхъ обыкновенной, подробнѣйшая отчетность (отч. мин. за 1844 г. стр. LVII). Въ 1845 г., по той же причинѣ, открыты были послѣобѣденныя присутствія въ палатахъ смоленской, московской, саратовской, нижегородской, тульской, тамбовской и курской (отч. мин. юст. за 1845 г. стр. LX). То же повторялось въ 1856 г. (отч. мин. за этотъ годъ, стр. 8). Установленіе послѣобѣденныхъ засѣданій — это одна изъ тѣхъ мѣръ для ускоренія арестантскихъ дѣлъ, которыя были въ обычаѣ издавна, какъ можно видѣть изъ указа 1727 г. 17 апрѣля (№ 5059). Къ центральному же надзору министерства юстиціи слѣдуетъ причислить и сенаторскія ревизіи, которыя не должны были выпускать изъ виду и арестантскихъ дѣлъ. Сенаторъ, ревизующій губернію, обязанъ требовать списки арестантовъ, осматривать тюрьмы и обращать вниманіе на то, нѣтъ-ли подсудимыхъ, изнуряемыхъ долговременнымъ содержаніемъ подъ стражею, и если бы таковые оказались, то онъ обязанъ сдѣлать тотчасъ распоряженіе, клонящееся къ немедленному окончанію дѣлъ подобныхъ арестантовъ (инструкц. сенаторамъ, прил. къ ст. 256 Учр. сен. т. I).

Губернскій надзоръ за скорѣйшимъ окончаніемъ арестантскихъ дѣлъ главнымъ образомъ также сосредоточенъ былъ въ вѣдомствѣ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. По первому вѣдомству главными надзирателями въ этомъ смыслѣ были: губернаторы и губернскія правленія. Губернаторъ, какъ главный надзиратель въ губерніи за ходомъ правосудія, какъ постоянный ближайшій ревизоръ дѣлопроизводства, обязанъ былъ способствовать скорѣйшему окончанію арестантскихъ дѣлъ и не допускать напрасной медленности и проволочекъ (ст. 589, 597, 623, 626, 668—670 Учр. губ. т. II, и ст. 18. Уст. о содерж. подъ стражею т. XIV, изд. 1857 г.). Губернаторъ же, вслѣдствіе сообщеній министра юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, дѣлалъ понужденія о скорѣйшемъ окончаніи дѣлъ

тѣхъ арестантовъ, которые просидѣли подъ стражею болѣе года безъ рѣшенія и о которыхъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе (отч. мин. юст. за 1860 г. стр. 35). Подобно тому, какъ воеводы XVII столѣтія, при вступленіи въ должность, доставляли статейные списки о тюремныхъ сидѣльцахъ, губернаторъ временъ Свода въ первомъ своемъ рапортѣ, который онъ присылаетъ императору послѣ вступленія въ управленіе губерніею и послѣ перваго ея обозрѣнія, обязанъ доносить въ особой статьѣ о состояніи тюремъ и объ арестантахъ, что онъ исполняетъ потомъ и каждый годъ, послѣ каждой ревизіи (ст. 673 и 677 Учр. губ. т. II). Спеціальный губернскій надзоръ по министерству внутреннихъ дѣлъ сосредоточенъ былъ въ губернскомъ правленіи. Уже по одному тому, что губернское правленіе имѣло общій надзоръ за производствомъ слѣдствій и за дѣлопроизводствомъ вообще низшихъ судовъ, на немъ лежала обязанность не допускать ни малѣйшей медленности въ дѣлахъ вообще, слѣдовательно и въ арестантскихъ дѣлахъ въ частности. Но кромѣ того, на немъ лежала именно спеціальная обязанность имѣть свѣдѣнія о всѣхъ арестантахъ въ губерніи и понуждать подчиненныя мѣста, обнаруживающія нерадѣніе, къ скорѣйшему окончанію сихъ дѣлъ (ст. 716 п. 42, ст. 908 Учр. губ. т. II, и ст. 18 Уст. о содерж. подъ стр. т. XIV, изд. 1857 г.). Съ 1853 года, на основаніи циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, вся переписка и всѣ мѣры по надзору за движеніемъ арестантскихъ дѣлъ, не исключая и личнаго участія начальника губерніи, сосредоточены были въ губернскомъ правленіи, съ тѣмъ, чтобы въ канцеляріи губернатора не было производства по сему предмету, ни требованія особо срочныхъ для того свѣдѣній («Журн. М. В. Д.» 1854 г. мартъ, правит. ук. стр. 63). Для приданія надзору болѣе энергіи и дѣйствительности, съ 1855 г. надзоръ за губернскими тюрьмами возложенъ былъ на вице-губернатора, которому вмѣнено было въ обязанность періодически посѣщать тюрьмы и заботиться, чтобы никто напрасно или весьма долго не томился въ заключеніи (см. отч. мин. вн. дѣлъ за 1855, 1857, 1858, 1859 и 1860 гг. «Журн. М. В. Д.» 1856 г. декабрь, 1860 г. мартъ, 1861 г. іюль). Къ губернскому надзору по министерству внутреннихъ дѣлъ должно отнесть не столько обязательный, сколько добровольный надзоръ губернскихъ тюремныхъ комитетовъ, которые обязаны, или посредствомъ письменныхъ сношеній, или чрезъ директоровъ, ходатайствовать о скорѣйшемъ окончаніи дѣлъ арестантовъ, долго содержащихся въ заключеніи, и стараться объ освобожденіи тѣхъ изъ нихъ, кои не подлежатъ заключенію (ст. 57 Уст. общ. попеч. о тюрьмахъ т. XIV). Губернскій надзоръ по министерству юстиціи совершался чрезъ губернскихъ прокуроровъ, которымъ вмѣнено было въ обязанность еженедѣльно посѣщать тюрьмы и наблюдать, чтобы арестантскія дѣла имѣли поспѣшнѣйшій ходъ, а въ случаѣ небрежности, доносить министру юстиціи (ст. 2474 пп. 4, 12 и 23, ст. 4420 пп. 4 и 8, ст. 4425 Учр. губ. т. II и ст. 17 Уст. о содерж. подъ стражею т. XIV). Уже не разъ было упомянуто здѣсь о лежавшей на нихъ обязанности ежемѣсячно доносить государю о тѣхъ арестантахъ, которые просидѣли годъ безъ рѣшенія. Чрезъ нихъ главнымъ образомъ дѣйствовалъ министръ юстиціи по предмету ускоренія арестантскихъ дѣлъ.

Въ вакантное время (ук. 1836 г. 25 сентября, № 9545). Для просмотра и пропуска рѣшеній установлены были свои сроки: на просмотръ приговора губернскимъ прокуроромъ по Своду полагается трехдневный срокъ; на просмотръ и утвержденіе губернаторомъ рѣшеній судебныхъ мѣстъ—отъ трехъ до семи дней; на пропускъ сенатскаго опредѣленія оберъ-прокуроромъ—восемь дней (ст. 131 и 137 т. I Учр. сен. и ст. 403 и 417 угол. судопр. ч. 2 т. XV, ст. 597 Учр. губ. т. II, изд. 1857 г.).

Третьимъ средствомъ къ скорѣйшему окончанію тѣхъ дѣлъ, по которымъ обвиняемые содержатся подъ стражею, служило наложеніе взысканій на виновниковъ медленности. Въ этомъ отношеніи замѣчательно Высочайшее повелѣніе, изданное въ 1849 г. Вслѣдствіе замѣченной медленности въ производствѣ арестантскихъ дѣлъ, императоръ повелѣлъ: вмѣнить въ обязанность сенату и уголовнымъ палатамъ, при окончательномъ рѣшеніи каждаго дѣла, по коему арестантъ содержится болѣе года, непремѣнно постановлять заключеніе: было-ли по дѣлу замедленіе, и если было, то гдѣ и въ какой части уголовнаго судопроизводства оно допущено. Когда откроются виновники медленности, то повелѣно въ рѣшительныхъ приговорахъ постановлять, по обстоятельствамъ и законамъ, опредѣленіе о взысканіи. Если взысканію должны подвергнуться мѣста и лица, губернскому правленію подчиненныя, то дѣло для дальнѣйшаго распоряженія о наложеніи взысканія съ виновныхъ передается губернскому правленію. Если же взысканію будутъ подлежать мѣста губернскія, то они подвергаются сему взысканію по непосредственному распоряженію сената (№ 23026). Независимо сего, сенатъ, при ревизіи въ существѣ каждаго уголовнаго дѣла, обращаетъ вниманіе на движеніе его въ судебныхъ мѣстахъ, и если усмотритъ, что оно замедлено было ненужнымъ дополненіемъ и излишними справками, то подвергаетъ виновныхъ въ семъ умедленіи надлежащимъ взысканіямъ (ст. 447 ч. 2 т. XV, изд. 1857 г.). Губернскимъ правленіямъ, на которыхъ по закону лежала обязанность слѣдить за скоростью разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ вообще въ низшихъ судебныхъ и полицейскихъ мѣстахъ, въ 1851 г. сенатомъ подтверждено было своевременно разсматривать вѣдомости и другія свѣдѣнія о положеніи и движеніи уголовныхъ дѣлъ въ упомянутыхъ мѣстахъ. Если они замѣтятъ за низшимъ судебнымъ мѣстомъ большое по важнымъ преступленіямъ число дѣлъ, значительное время за симъ мѣстомъ числящихся, то, по вытребованіи именной вѣдомости, съ объясненіемъ причинъ медленности, они они обязаны принимать мѣры побужденія и *взысканія*, по каждому дѣлу особо, до совершеннаго окончанія, предписывая открыть послѣобѣденныя засѣданія, когда, несмотря на всѣ побужденія, много важныхъ дѣлъ останется собственно за судебнымъ мѣстомъ (отч. мин. за 1851 г. стр. 53). Мы видѣли, что въ предыдущемъ періодѣ взысканія состояли главнымъ образомъ въ вычетахъ изъ жалованья. Предъ самымъ появленіемъ Свода изданъ былъ законъ, коимъ денежные штрафы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, замѣнены главнымъ образомъ строгими и простыми выговорами, а также посылкою нарочныхъ на счетъ виновныхъ и, въ случаѣ неоднократнаго нерадѣнія, преданіемъ суду. Поводомъ

къ изданію такого закона указаны «неудобства, сопряженныя съ денежными штрафами, изъ коихъ главнѣйшее состоитъ въ томъ, что взысканіе таковое, пополняясь вычетомъ изъ жалованья, отягощаетъ чиновниковъ въ способахъ содержанія и даетъ поводъ *къ злоупотребленіямъ*» (№ 4945, 2-е П. С. Зак.). Законъ 14 ноября 1831 г. былъ дѣйствующимъ закономъ и въ періодъ, нами разсматриваемый.

Легко видѣть, что ни въ добромъ стремленіи правительства къ сокращенію времени содержанія подъ стражею, ни въ мѣрахъ, къ тому направленныхъ, не было недостатка. Штатъ надзирателей, обязанныхъ содѣйствовать скорѣйшему рѣшенію арестантскихъ дѣлъ, былъ самый многочисленный и правильно организованный по всѣмъ инстанціямъ. Система отчетности по арестантскимъ дѣламъ была обширная и періодически правильная: каждая низшая инстанція обязана была доставлять отъ времени до времени въ высшую вѣдомости ежемѣсячныя, трехмѣсячныя, полугодичныя, годовыя (ст. 1910 Учр. мин. т. I, ст. 385 прилож., ст. 656, 667—671, 673, 674, 677, 2474 пп. 4 и 19, 2480, 2610, 2614, 2615, 2638, 2640, 2645, 2648, 3119, 3391, 3579, 3668, 3713, 3794, 4088 Учр. губ. и уѣздн. т. II). Сроки для производства и рѣшенія дѣлъ установлены были самые короткіе. Недостатка въ штрафахъ за медленность и нерадѣніе не было. И однакожъ дѣйствительность крайне не соотвѣтствовала желаніямъ и тѣмъ трудамъ, которые были предпринимаемы. «Министерство юстиціи постоянно принимало мѣры къ отвращенію медленности, но, несмотря на всѣ старанія министерства, производившаго постоянно обширную переписку по сему предмету, всѣ принятыя имъ мѣры не достигали вполнѣ желаемаго успѣха»—такъ говорилъ въ 1850 г. министръ юстиціи въ своемъ отчетѣ государю. Дѣло въ томъ, что причина крайней медленности производства уголовныхъ дѣлъ и происходившаго отъ того непомѣрно долгаго содержанія подъ стражею лежала не въ личномъ только нерадѣніи, равнодушіи или недобросовѣстности того или другаго служебнаго лица или мѣста, но, главнымъ образомъ—въ строѣ, системѣ и характерѣ уголовнаго судоустройства и судопроизводства. Это давно было понято самимъ правительствомъ. Въ упомянутомъ отчетѣ за 1849 г. министръ юстиціи говорилъ, что всѣ принятыя министерствомъ юстиціи мѣры къ отвращенію медленности не достигали вполнѣ желаемаго успѣха «*по случаю коренныхъ недостатковъ въ нашемъ судопроизводствѣ и судоустройствѣ*» (отч. за 1849 г. стр. 85). Всѣ принимаемыя мѣры къ сокращенію времени содержанія подъ стражею были направлены противъ явленій, а не противъ причинъ, производящихъ эти явленія. Оттого онѣ сами были скорѣе симптомами существовавшаго зла, чѣмъ признаками его искорененія. Самымъ лучшимъ доказательствомъ ихъ безсилія служитъ то, что онѣ ведутъ свое начало съ того времени, какъ появилась крайняя продолжительность содержанія подъ стражею, между тѣмъ, случаи максимума продолжительности во весь періодъ существованія этихъ мѣръ не уменьшались. Чтобы достигнуть желаемой цѣли, необходимо было именно уничтожить причину этого явленія. Министерство юстиціи еще въ 1849 г. прису-

дило было къ дѣлу преобразованія. Въ этомъ году оно потребовало отъ прокуроровъ подробныхъ свѣдѣній за пять лѣтъ о количествѣ, званіи и возрастѣ арестантовъ, съ указаніемъ преступленій, за которыя они судятся, и времени содержанія ихъ подъ стражею. По разсмотрѣніи доставленныхъ свѣдѣній, составлены были въ министерствѣ, съ цѣлью отвращенія медленности въ ходѣ уголовныхъ и особенно арестантскихъ дѣлъ, предположенія, состоявшія въ такихъ улучшеніяхъ устава уголовнаго судопроизводства, которыя могли бы быть введены независимо отъ общаго пересмотра сего устава. Предположенія эти были сообщены на предварительное разсмотрѣніе II отдѣленія. Тѣмъ, однакожъ, на этотъ разъ и ограничилось. Начало преобразованіямъ положено было въ 1860 г. съ учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей и съ изданіемъ наказовъ, къ разсмотрѣнію конхъ, а равно и правилъ 11 октября 1865 г., мы и перейдемъ.

§ 32. Въ наказѣ, изданномъ въ 1860 г. въ руководство судебнымъ слѣдователямъ, не были измѣнены основныя правила о мѣрахъ пресѣченія, изложенныя въ ст. 132—138 ч. 2 т. XV, изд. 1857 г. Въ 85 ст. наказа сказано: «При опредѣленіи мѣръ для пресѣченія обвиняемому уклоняться отъ слѣдствія и суда, слѣдователь обязанъ руководиться ст. 132—138 т. XV. кн. II зак. угол. судопр.» Давая имъ въ руководство старыя правила, законодатель почелъ необходимымъ внушить, чтобы они «избѣгали напраснаго стѣсненія обвиняемыхъ и ограничивались самыми необходимыми мѣрами». Эта прибавка, конечно, нисколько не улучшала самой сущности закона. Неудивительно потому, если скоро было замѣчено, что слѣдователи подражаютъ старинѣ въ примѣненіи мѣръ пресѣченія. Министръ юстиціи, въ циркулярѣ своемъ въ 1863 г., писалъ, что судебные слѣдователи неправильно примѣняютъ мѣры пресѣченія: «неправильность эта, по словамъ циркуляра, преимущественно обнаруживается въ томъ, что обвиняемые часто подвергаются личному задержанію въ тюрьмахъ, когда слѣдовало бы принять относительно ихъ одну изъ другихъ мѣръ, закономъ установленныхъ». Для предупрежденія излишняго отягощенія участи обвиняемыхъ, министръ юстиціи издалъ правила, которыми точнѣе опредѣленъ смыслъ ст. 132—137, хотя и не устранены всѣ недоразумѣнія. По первому пункту этихъ правилъ, въ тюрьмѣ во время слѣдствія и суда должны содержаться лица, заподозрѣнныя въ преступленіяхъ, за которыя назначено лишеніе всѣхъ правъ состоянія или лишеніе всѣхъ правъ и преимуществъ, когда притомъ къ обвиненію ихъ въ означенныхъ преступленіяхъ представляются достаточныя улики. Обвиняемые же въ менѣе важныхъ преступленіяхъ могутъ быть содержимы въ тюрьмѣ или вообще подвергнуты личному задержанію въ особо устроенныхъ помѣщеніяхъ только въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда для пресѣченія имъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда не представляетъ самая очевидность, положительнымъ причинамъ, принять одну изъ другихъ мѣръ, какъ-то: отдачу на поруки, содержаніе въ домашнемъ арестѣ и полицейскомъ надзорѣ («Журн. Мин. Юст.» 1863 г. май). Слѣдовательно, этимъ циркуляромъ главнымъ образомъ разрѣшенъ вопросъ, на который въ Сводѣ не было положительно прямаго отвѣ-

та: имѣетъ-ли вліяніе свойство уликъ на заключеніе подъ стражу обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ или всѣхъ особыхъ правъ преимуществъ?

Болѣе существенныя перемѣны произведены учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей и изданіемъ наказовъ въ другихъ пунктахъ.

За полиціей оставлено было только производство предварительнаго дознанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, положенъ былъ надлежащій предѣлъ и праву ея брать подъ арестъ и содержать подъ стражею. На основаніи 15 ст. наказа пол., полиція можетъ арестовать только заподозрѣнныхъ въ преступленіяхъ, за которыя въ законѣ полагается лишеніе всѣхъ правъ состоянія или потеря всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, когда обвиняемые находятся въ подвѣдомственной полиціи мѣстности, и притомъ въ такихъ только случаяхъ: 1) когда преступникъ захваченъ на мѣстѣ и во время совершенія преступленія; 2) когда преступленіе учинено явно и гласно; 3) когда очевидцы преступленія прямо укажутъ на лицо преступника; 4) когда на подозрѣваемомъ или въ его жилищѣ найдены будутъ очевидные слѣды преступленія или вещественныя онаго доказательства, и 5) когда подозрѣваемый сдѣлалъ покушеніе на побѣгъ или былъ пойманъ послѣ побѣга. Обвиняемые во всѣхъ другихъ преступленіяхъ, а равно и въ исчисленныхъ въ 15 ст., когда нѣтъ противъ нихъ упомянутыхъ уликъ, обязываются подпискою о явкѣ къ слѣдствію и суду, а отъ лицъ, неизвѣстныхъ полиціи и мѣстному начальству, можетъ быть потребовано надежное поручительство (ст. 16 нак. пол.).

Выше мы видѣли, что въ Сводѣ не было никакихъ предписаній относительно облеченія въ извѣстную формальность постановленія о содержаніи обвиняемаго подъ стражею. Этотъ важный недостатокъ теперь былъ исправленъ. По наказу, судебные слѣдователи обязаны о личномъ задержаніи обвиняемаго непремѣнно составлять письменный актъ, съ объясненіемъ причинъ и основаній такого задержанія (ст. 14 учр. суд. слѣд. и ст. 21 и 86 нак. суд. слѣд.). Сдѣлавши постановленіе о личномъ задержаніи, судебный слѣдователь обязанъ въ теченіе сутокъ объявить его лицу, до котораго оно касается (ст. 87 нак. суд. слѣд.). Кромѣ того, какъ о принятіи такой мѣры, такъ и о побудительныхъ къ этому причинахъ, въ тотъ же день и никакъ не позднѣе слѣдующаго для долженъ донести тому судебному мѣсту, разсмотрѣнію и рѣшенію котораго подлежитъ дѣло о преступленіи и проступкѣ (ст. 86 нак. суд. слѣд.). Равнымъ образомъ и полиція, задержавъ обвиняемаго, обязана въ теченіе сутокъ отправить судебному слѣдователю дознаніе о происшествіи (ст. 15 нак. пол.).

Система надзора за производствомъ слѣдствій и обжалованія дѣйствій слѣдователя,—обстоятельство, столь не безразличное въ дѣлѣ предварительнаго ареста,—была тоже измѣнена. До введенія судебныхъ слѣдователей арестованный полиціею во время слѣдствія могъ жаловаться полиціи. По учрежденіи этого института, хотя не уничтожено вліяніе высшей губернской полиціи на судебныхъ слѣдователей, но право давать указы и предписанія судебнымъ слѣдователямъ, разсматривать жалобы на нихъ и повѣрять ихъ дѣйствія предоставлено только

судебнымъ мѣстамъ (ст. 23, 24, 28 учр. суд. слѣд.). Циркуляромъ министра 20 августа 1860 г. надзоръ за дѣйствіями слѣдователей, разсмотрѣніе поступающихъ жалобъ на медленность и безпорядки, повѣрка ихъ дѣйствій, однимъ словомъ все то, что сосредоточивалось по другимъ частямъ управленія въ ревизіонныхъ столахъ губернскихъ правленій, отнесено къ обязанностямъ уголовныхъ палатъ (Журн. Мин. Юст. 1860 г. октябрь). Такимъ образомъ, на основаніи приведенныхъ статей и циркуляра, жалоба на несправедливый и недѣльный арестъ должна быть приносима судебнымъ мѣстамъ.

Наконецъ, однимъ уже учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей сдѣлано было много для улучшенія практики примѣненія мѣръ пресѣченія. То дѣло, которое вела полиція, столь обремененная исполненіемъ разнообразныхъ обязанностей, отдано было въ руки многочисленному классу лицъ, которыя обязаны были заниматься только однимъ этимъ дѣломъ. Отсюда должно было неминуемо произойти ускореніе производства слѣдствій, а слѣдовательно, и сокращеніе содержанія подъ стражею. Не безразлично также для разсматриваемаго нами предмета и то, что въ законѣ объ учрежденіи судебныхъ слѣдователей указана, если не абсолютная, то, по крайней мѣрѣ, желательная, необходимость для слѣдователей спеціальнаго теоретическаго образованія. Конечно, дипломъ на юридическое образованіе, какъ показалъ опытъ, не есть еще самъ по себѣ ручательство того, что обладатель его есть слѣдователь, отличающійся по стремленіямъ, привычкамъ, отъ старыхъ слѣдователей временъ Свода. Тѣмъ не менѣе, въ законѣ о необходимости юридическаго образованія для слѣдователей лежитъ то сѣмя, изъ котораго растутъ добрые плоды.

Въ 1862 году Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ измѣненъ порядокъ наблюденія за ходомъ арестантскихъ дѣлъ. Перемѣны, произведенныя этимъ закономъ, состоятъ въ слѣдующемъ: отмѣнено представленіе губернскими прокурорами и уѣздными стряпчими государю императору ежемѣсячныхъ вѣдомостей объ арестантахъ, содержащихся болѣе года подъ стражею; весь существовавшій до того порядокъ наблюденія и отчетности по арестантскимъ дѣламъ признанъ ненужнымъ, почему велѣно прекратить представленіе по симъ дѣламъ вѣдомостей: стряпчими—губернскимъ правленіямъ, начальниками губерній—министерству внутреннихъ дѣлъ, губернскими правленіями и палатами—правительствующему сенату (ст. 7). Въ замѣнъ существовавшаго порядка надзора и отчетности введенъ слѣдующій: 1) На губернскихъ прокуроровъ и уѣздныхъ стряпчихъ возложено веденіе вѣдомостей о всѣхъ арестантахъ, содержащихся въ мѣстахъ заключенія губернскаго и уѣзднаго надзора, съ тѣмъ, чтобы они, подъ личною своею отвѣтственностью, имѣли неослабное наблюденіе за успѣшнымъ ъмодох дѣлъ, по которымъ арестанты содержатся не болѣе года. Для дѣйствительности сего наблюденія предоставлено имъ право понуждать мѣста и лицъ-отъ коихъ зависитъ движеніе арестантскихъ дѣлъ, и, въ случаѣ неисполненія ихъ требованій, представлять о томъ учрежденіямъ, отъ которыхъ зависитъ подвергнутіе законной отвѣтственности виновныхъ въ упущеніяхъ (п. 1). 2) Губернскіе прокуроры о каждомъ арестантѣ, коего содержанію подъ стражею минулъ

годъ, обязаны доносить министру юстиціи, съ краткимъ изложеніемъ хода производящагося о немъ дѣла, причинъ медленности и мѣръ, принятыхъ для ускоренія окончанія онаго. Кромѣ того, о всѣхъ арестантскихъ дѣлахъ, производящихся болѣе года, прокуроры обязаны представлять министру юстиціи именныя вѣдомости къ 1 январю, 1 маю и 1 сентябрю. Всѣ эти донесенія и вѣдомости министерство передаетъ оберъ-прокурорамъ тѣхъ департаментовъ сената, которымъ подвѣдомственны по уголовнымъ дѣламъ тѣ губерніи, гдѣ арестанты содержатся. 3) Со времени этой передачи наблюденіе за успѣшнымъ ходомъ всѣхъ этихъ дѣлъ возлагается на оберъ-прокуроровъ правительствующаго сената, которымъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность о всѣхъ замѣченныхъ упущеніяхъ и медленности въ ходѣ арестантскихъ дѣлъ немедленно предлагать на благоусмотрѣніе сената, для принятія мѣръ побужденія и наложенія взысканій на мѣста и лица, виновныя въ медленности и упущеніяхъ. Опредѣленія объ этомъ сената должны быть приводимы въ исполненіе со всевозможною скоростью. 4) По мипованіи двухъ лѣтъ содержанія обвиняемыхъ подъ стражею, оберъ-прокуроры, каждый по своему департаменту, обязаны представлять два раза въ годъ, къ 1 январю и къ 1 іюлю, на усмотрѣніе государя вѣдомости объ арестантскихъ дѣлахъ, производящихся болѣе двухъ лѣтъ. Въ вѣдомостяхъ этихъ должны быть излагаемы не только причины, замедляющія окончаніе дѣла, но и самый ходъ онаго и всѣ мѣры, принятыя сенатомъ къ скорѣйшему его окончанію («Журн. М. Ю.» 1862 г. ноябрь, стр. 78—81, часть оффиц.). Этимъ положеніемъ комитета министровъ очень упрощена многообразная и требовавшая очень сложной переписки опека объ ускореніи арестантскихъ дѣлъ и сокращеніи времени содержанія подъ стражею. Попеченіе объ этомъ сосредоточено въ одномъ министерствѣ юстиціи и возложено главнымъ образомъ на прокурорскій надзоръ.

Хотя правилами 11 октября 1865 года не были измѣнены ни статьи Свода Законовъ, ни статьи наказа судебнымъ слѣдователямъ о мѣрахъ пресѣченія, тѣмъ не менѣе правила эти не могли остаться безъ вліянія на содержаніе подъ стражею. Главная цѣль этихъ правилъ заключается въ томъ, чтобы уменьшить число инстанцій, упростить дѣлопроизводство и тѣмъ самымъ сократить количество времени, которое до тѣхъ поръ требовалось для производства, разсмотрѣнія и окончанія дѣла. Законодатель, достигая общей цѣли, достигалъ и частной: сокращенія времени содержанія подъ стражею. Одинъ перечень перемѣнъ, произведенныхъ этими правилами, можетъ въ этомъ убѣдить. Были отмѣнены: а) Первая инстанція для дѣлъ по обвиненіямъ въ преступленіяхъ, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія, всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ и ограниченіе правъ; эти дѣла съ этихъ поръ стали прямо поступать въ уголовную палату, тогда какъ по Своду они предварительно поступали на разсмотрѣніе и постановленіе мнѣнія судовъ первой степени, и потомъ уже переходили на ревизію уголовной палаты (ст. 1). б) Уничтожены отзывы на приговоры уголовныхъ палатъ, постановленные по дѣламъ, поступившимъ изъ судовъ первой степени по протестамъ стряпчихъ или по отзывамъ подсудимыхъ (ст. 42), т. е. уничтожена третья инстанція для дѣлъ по обвиненіямъ въ преступленіяхъ, не вле-

кущихъ ни лишенія, ни ограниченія правъ (ст. 45). в) Отмѣнена передача приговоровъ судебныхъ мѣстъ на разсмотрѣніе и утвержденіе губернатора, за исключеніемъ приговоровъ палатъ по дѣламъ о совращеніи изъ православія, объ уклоненіи изъ православія въ могометанство, іудейство и идолопоклонство, а равнымъ образомъ и по дѣламъ о преступленіи по должности (ст. 40). г) Упрощены многія формы производства, какъ-то: составленіе записокъ изъ дѣлъ только допускается, но не вмѣняется въ обязанность (ст. 10). Отмѣнено составленіе краткихъ записокъ и выписокъ по дѣламъ, вносимымъ уголовными палатами въ правительствующій сенатъ (ст. 42); обѣ эти мѣры составляютъ дополненіе закона, вышедшаго нѣсколько раньше, которымъ составленіе въ сенатѣ большой докладной записки признано было ненужнымъ. Уничтожено рукоприкладство (ст. 12). Введены изустный докладъ и словесныя объясненія подсудимыхъ или ихъ повѣренныхъ (ст. 13 и 14). Упрощены способы подачи жалобъ *), отзывовъ, сокращены сроки и т. п. (ст. 26—32, 48). Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этихъ нововведеній, отмѣнившихъ множество дѣйствій, должно было быть ускореніе уголовнаго суда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сокращеніе времени содержанія подъ стражею.

Въ 1867 г. 15 мая изданъ законъ, которымъ окончательно была отмѣнена система мѣръ пресѣченія Свода Законовъ и введены въ дѣйствіе правила Уставовъ 20 ноября 1864 года. Такимъ образомъ, разсмотрѣнная нами въ этой главѣ система мѣръ пресѣченія окончательно отошла въ исторію.

Изъ сказаннаго въ сей главѣ мы дѣлаемъ слѣдующее заключеніе:..

1) Система мѣръ пресѣченія Свода Законовъ, по характеру своему, была нѣсколько улучшеннымъ продолженіемъ системы XVIII и XIX столѣтій.

2) Въ періодъ дѣйствія Свода, также какъ и прежде, главную роль въ этой системѣ, а еще болѣе въ практикѣ, играло содержаніе подъ стражею. Какъ тогда, такъ и теперь, это происходило столько же отъ несовершенства спеціальныхъ законовъ, регулировавшихъ примѣненіе мѣръ пресѣченія, сколько,—если даже не больше,—отъ общаго характера судоустройства и судопроизводства.

3) Многочисленность слѣдственныхъ и подсудимыхъ арестантовъ и непомѣрная продолжительность ихъ сидѣнья въ тюрьмахъ были слѣдствіемъ этой общей причины. Самая многообразная и самая дѣятельная опека, задача которой состояла въ уменьшеніи числа этого рода арестантовъ и въ сокращеніи времени сидѣнья, въ общемъ результатѣ оказалась,—да и не могла не оказаться,—безсильною искоренить зло.

4) Только устраненіемъ причинъ можно было достигнуть уничтоженія указанныхъ недостатковъ. Это было понято высшею правительственною властью

---

*) Въ циркулярѣ управлявшаго министерствомъ юстиціи отъ 21 декабря 1867 г. лицамъ прокурорскаго надзора сказано, «что нарушеніе лицами прокурорскаго надзора порядка представленія жалобъ, изложеннаго въ ст. 26, 32 и 48, отягощаетъ участь арестантовъ излишнимъ, иногда въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, содержаніемъ подъ стражею». «Судебный Вѣстникъ» 1868 года № 5.

еще въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ одно время съ принятыми мѣрами для улучшенія матеріальной части нашихъ уголовныхъ законовъ. Съ тѣхъ поръ начаты были, для достиженія цѣли, приготовительныя работы, состоявшія въ собраніи матеріаловъ и въ составленіи проектовъ. Но дѣйствительному устраненію причинъ положено было начало только въ 1860 г. съ учрежденіемъ слѣдователей. Конецъ же этихъ недостатковъ лежитъ въ изданіи Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года.

Разсмотрѣніе мѣръ пресѣченія по Судебнымъ Уставамъ составитъ предметъ слѣдующей главы.

ГЛАВА VI.

Уставъ Уголовнаго Судопроизводства 1864 г.

§ 33. Связь перемѣнъ, произведенныхъ въ системѣ мѣръ пресѣченія Уставомъ Уголовнаго Судопроизводства 1864 г., съ преобразованіемъ общественныхъ отношеній и коренныхъ началъ судоустройства и уголовнаго судопроизводства.

§ 34. Очертаніе власти полиціи по принятію мѣръ пресѣченія во время дознанія.

§ 35. Принятіе мѣръ пресѣченія слѣдователемъ во время предварительнаго слѣдствія; граница, положенная для примѣненія содержанія подъ стражею.

§ 36. Общія правила, которыми слѣдователь долженъ руководствоваться при принятіи мѣръ пресѣченія; вліяніе на выборъ мѣръ пресѣченія положенія обвиняемаго въ обществѣ, возраста, возможности скрыть слѣды преступленія, пола, силы уликъ и важности преступленія.

§ 37. Поручительство и залогъ; отличительный характеръ каждой изъ сихъ мѣръ; равенство ихъ—что касается обезпеченія правосудія и неравенство доступности ихъ для подсудимыхъ; опредѣленіе количества залога и поручительства; слѣдуетъ-ли соразмѣрять количество ихъ съ суммою вознагражденія, когда сіе послѣднее обезпечено наложеніемъ запрещенія на имѣніе обвиняемаго.

§ 38. Формальности, необходимыя при принятіи мѣръ пресѣченія.

§ 39. Надзоръ за принятіемъ мѣръ пресѣченія съ цѣлью предупредить аресты: а) незаконные по формѣ, и б) незаконные по существу.

§ 40. Порядокъ обжалованія принятія мѣръ пресѣченія.

§ 41. Принятіе и измѣненіе мѣръ пресѣченія по окончаніи предварительнаго слѣдствія: а) до судебнаго слѣдствія, и б) по окончаніи судебнаго слѣдствія, послѣ постановленія приговора.

§ 42. Власть мироваго судьи по принятію мѣръ пресѣченія.

---

§ 33. Въ прошедшемъ періодѣ, какъ мы видѣли, сложилось твердое убѣжденіе, что исправленіе недостатковъ системы мѣръ пресѣченія Свода Законовъ, какъ и другихъ недостатковъ уголовнаго судопроизводства, невозможно безъ измѣненія общихъ коренныхъ началъ судоустройства и уголовнаго судопроизводства. Плодомъ такого убѣжденія явились Уставы 20 ноября 1864 г., которыми, вмѣстѣ съ преобразованіемъ устройства судовъ и съ измѣненіемъ общихъ началъ уголовнаго судопроизводства, преобразована и система мѣръ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда.

Для того, впрочемъ, чтобы совершиться общей судебной реформѣ и преобразованію системы мѣръ пресѣченія, предварительно необходимы были какъ из-

мѣненія въ общественномъ міросозерцаніи, такъ перемѣны въ другихъ областяхъ общественной жизни.

Русское общество пережило два періода: періодъ самодѣятельности народа и слабости государства, до царствованія Іоанновъ III и IV, и періодъ ослабленія самодѣятельности народа и возрастанія могущества и дѣятельности государства, достигшихъ въ два послѣдніе вѣка возможныхъ предѣловъ. Изъ предыдущаго изложенія мы видѣли, что въ каждый изъ этихъ періодовъ уголовная юстиція и система мѣръ пресѣченія носили общій характеръ, свойственный времени, а потому и отличались и общими недостатками. Подъ вліяніемъ сознанія недостатковъ послѣдняго періода, давно чувствовалась необходимость въ такихъ перемѣнахъ, которыя бы устраняли крайности обоихъ періодовъ и давали бы просторъ самодѣятельности народа, на ряду съ дѣятельностью государства. Элементы для осуществленія такой перемѣны содержатся въ Судебныхъ Уставахъ 1864 г. Относительно мѣръ пресѣченія въ Уставѣ Угол. Судопр. соединены двѣ системы: система содержанія подъ стражею, выработанная главнымъ образомъ и получившая чрезмѣрное примѣненіе въ періодъ усиленія могущества государства, и система поручительства, созданная и могущественная въ періодъ самодѣятельности народа, но въ послѣдніе два вѣка потерявшая силу примѣняемости.

Общая судебная реформа въ духѣ улучшенія и надлежащее преобразованіе такихъ частностей, какъ система мѣръ пресѣченія, были невозможны, если бы оставалась въ силѣ помѣщичья власть надъ цѣлою третью народонаселенія. При существованіи помѣщичьей юрисдикціи, столь обширной и столь безотчетной, никакія прочныя и серьезно-мыслимыя обезпеченія личной свободы не могли бы получить силы и устойчивости. Потому-то, когда приступлено было къ судебной реформѣ, скоро увидѣли, что она невозможна раньше отмѣны крѣпостной зависимости.

Характеръ уголовнаго судопроизводства и свойство системы мѣръ пресѣченія находятся въ тѣсной связи съ системою преступленій и наказаній. Примѣненіе предварительнаго ареста приняло широкіе размѣры вмѣстѣ съ расширеніемъ употребленія смертной казни и жестокихъ тѣлесныхъ наказаній. Вотъ почему нужно было сначала совершиться смягченію наказаній — что было совершено изданіемъ Уложенія 1845 г. и указа 17 апрѣля 1863 г.,—чтобы явилась возможность произвесть коренныя перемѣны въ уголовномъ судопроизводствѣ и въ системѣ мѣръ пресѣченія. «Первоначальныя попытки улучшить наше уголовное судопроизводство—говорится въ журналѣ государственнаго совѣта—тотчасъ показали, что отдѣльное исполненіе этого труда было невозможно прежде преобразованія уголовнаго права и смягченія необходимой строгости уголовнаго законодательства той эпохи, которое уже начинало расходиться съ развитіемъ понятій и обычаевъ настоящаго столѣтія: вотъ причина изданія Уложенія о наказаніяхъ прежде составленія уставовъ судопроизводства» (Журн. соед. департ., гос. сов. о преобраз. судеб. части въ Россіи стр. 3). Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было серьезно думать о сокращеніи случаевъ примѣненія лишенія свободы и расширеніи употребленія залога и поручительства, пока оставалась нетронутою прежняя наша

система тѣлесныхъ наказаній, страхъ которыхъ былъ однимъ изъ естественныхъ побужденій, заставлявшихъ подсудимаго уклоняться отъ слѣдствія и суда.

Улучшеніе системы мѣръ пресѣченія, произведенное Уставомъ Уголовнаго Судопроизводства, состоитъ какъ въ положительныхъ измѣненіяхъ самой системы, такъ и въ тѣхъ перемѣнахъ, которыя хотя положительно не оговорены, но которыя являются естественнымъ слѣдствіемъ общихъ началъ, положенныхъ въ основаніе судебной реформы.

Въ новомъ судоустройствѣ отдѣлена власть судебная отъ административной, которая окончательно лишена прежняго участія въ отправленіи уголовной юстиціи. Это устраненіе участія администраціи отразится и на системѣ мѣръ пресѣченія положительнымъ уменьшеніемъ случаевъ взятія подъ стражу и превращеніемъ такого важнаго дѣйствія, какъ лишеніе гражданина свободы, въ судебный актъ. Административная власть находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ гражданами, а находясь въ сношеніяхъ, она, по самому существу вещей, нерѣдко приходитъ и въ столкновеніе. Эти-то сношенія и столкновенія служили для административной власти, пользовавшейся правомъ вмѣшательства въ отправленіе уголовнаго суда, поводомъ для взятія подъ стражу. Съ полнымъ выдѣленіемъ судебной власти и съ прекращеніемъ вмѣшательства въ ея вѣдомство административной, эти поводы сами собою исчезнутъ.

Составъ слѣдователей совершенно измѣняется въ новомъ судоустройствѣ. Вмѣсто прежнихъ слѣдователей, для которыхъ не требовалось никакого спеціальнаго образованія и которые дѣйствительно, вообще говоря, его не имѣли, введены слѣдователи, для которыхъ юридическое образованіе есть первое условіе. Такая перемѣна не можетъ не внести въ практическое примѣненіе мѣръ пресѣченія большей осмотрительности, основательности, а потому и большей законности.

Хотя слѣдственное начало оставлено какъ главное руководительное при производствѣ предварительнаго слѣдствія, но тѣмъ не менѣе ему положены извѣстныя границы, которыхъ оно не имѣло въ періодъ Свода. Въ прежнее время слѣдствіе начиналось нерѣдко на основаніи самыхъ ничтожныхъ, чтобы не сказать вздорныхъ, поводовъ, и разъ начавшись оно иногда длилось годы, переходило затѣмъ въ судебное производство, пока, по прошествіи многихъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ подсудимый лишенъ былъ свободы, дѣло ни оканчивалось нулевымъ результатомъ. Достаточно было пустаго оговора, чтобы гражданинъ былъ взятъ или приведенъ къ допросу: даже не было точныхъ законовъ, опредѣляющихъ, въ какихъ случаяхъ и по какимъ обвиненіямъ подозрѣваемый долженъ быть только позванъ, по какимъ приведенъ или взятъ. Въ новомъ уголовномъ судопроизводствѣ точнѣе опредѣлены поводы начатія слѣдствія, установлены правила и формы способовъ привлеченія къ слѣдствію, введенъ контроль прокурорской власти, которая, имѣя своею задачею обвиненіе и будущее публичное поддержаніе сего обвиненія, не можетъ, не роняя своего достоинства, возбуждать и поддерживать явно неосновательныя и голословныя обвиненія, и наконецъ—что весьма важно—предоставлено какъ слѣдователю, такъ и прокурору, право представлять суду о прекращеніи слѣдствія. Не должно также забывать о томъ, что,

по Уставу Уголовнаго Судопроизводства, допросъ обвиняемаго, это грозное орудіе, выработанное прежнимъ слѣдствіемъ, не имѣетъ прежняго слѣдственнаго характера. Это-то смягченіе и надлежащее ограниченіе слѣдственнаго начала заключаетъ въ себѣ и уничтоженіе многихъ побужденій къ примѣненію самой энергической мѣры пресѣченія, каково взятіе подъ стражу. Кто слѣдилъ за отчетами о дѣятельности новыхъ судебныхъ учрежденій, тотъ, вѣроятно, замѣтилъ, что очень много дѣлъ прекращается, вслѣдствіе представленія слѣдователей и представителей прокурорской власти, судебными мѣстами, по неимѣнію основаній къ продолженію слѣдствій. Изъ циркуляра же прокурора харьковской судебной палаты мы узнаемъ, что вмѣстѣ съ представленіемъ о прекращеніи слѣдствія происходитъ и прекращеніе содержанія подъ стражею. Конечно, арестъ по такому обвиненію, которое при ближайшемъ изслѣдованіи оказывается неосновательнымъ, есть собственно арестъ неудачный, а потому и нежелательный, но во всякомъ случаѣ больше справедливости теперь, когда его прекращаютъ не поздно, чѣмъ въ прежнее время, когда онъ длился годы, несмотря на крайнюю слабость уликъ.

Съ изданіемъ Устава Уголовнаго Судопроизводства окончательно отмѣнена та многочисленность инстанцій, которая была причиною непомѣрно-долгой продолжительности содержанія подъ стражею. Для дѣлъ меньшей важности установлены двѣ инстанціи; дѣла же, рѣшаемыя судомъ присяжныхъ, какъ рѣшаемыя по совѣсти, могутъ подвергнуться перевершенію только въ случаѣ кассаціи, то-есть въ крайне рѣдкихъ случаяхъ. Если же принять во вниманіе введеніе въ производство устности и другихъ ускоряющихъ способовъ производства, то не трудно понять, насколько должна сократиться продолжительность предварительнаго содержанія подъ стражею. При дѣйствіи Устава Уголовнаго Судопроизводства совершенно немыслима прежняя продолжительность. Конечно, нельзя сказать, чтобы продолжительность уголовныхъ дѣлъ, производимыхъ по новому Уставу, ничего не оставляла желать: и при дѣйствіи этого Устава подсудимый нерѣдко держится болѣе года и даже иногда и полтора. Но, во-первыхъ, слѣдуетъ взять во вниманіе новость дѣла; во-вторыхъ, если сравнить maximum новой продолжительности съ таковымъ же старой, восходившей до 10 лѣтъ, то слѣдуетъ въ Уставахъ видѣть великое улучшеніе системы мѣръ пресѣченія.

При обозрѣніи системы мѣръ пресѣченія по Уставу 20 ноября 1864 г., я разсмотрю примѣненіе мѣръ пресѣченія: а) полиціею при производствѣ дознанія; б) судебнымъ слѣдователемъ при производствѣ предварительнаго слѣдствія, и в) мировымъ судьею при разсмотрѣніи и рѣшеніи имъ уголовныхъ дѣлъ.

§ 34. По Уставу 1864 г. производство слѣдствій составляетъ спеціальную обязанность судебныхъ слѣдователей. Но такъ какъ полиція находится въ самомъ близкомъ отношеніи къ народонаселенію, такъ какъ по ея наличнымъ средствамъ ей гораздо удобнѣе прежде судебнаго слѣдователя усмотрѣть совершеніе преступленія и уловить первые слѣды его, то участіе ея въ производствѣ слѣдствій признано совершенно необходимымъ.

Участіе это, смотря по обстоятельствамъ, имѣетъ большій или меньшій объемъ,

Если судебный слѣдователь или представитель прокурорскаго надзора находится въ мѣстѣ совершенія преступленія, то полиція ограничивается первоначально тѣмъ, что о всякомъ происшествіи, заключающемъ въ себѣ признаки преступленія и проступка, немедленно и не позже сутокъ по полученіи о семъ свѣдѣній сообщаетъ ихъ судебному слѣдователю или представителю прокурорскаго надзора (ст. 250 и 252).

При отсутствіи упомянутыхъ лицъ, полиція, вмѣстѣ съ сообщеніемъ свѣдѣній, производитъ дознаніе (ст. 252). Производство дознанія, прежде сообщенія свѣдѣній, составляетъ ея обязанность и въ томъ случаѣ, если свѣдѣнія о происшествіи, заключающемъ признаки преступленія, сомнительны, потому что дошли до ней по слуху, или вообще изъ недостовѣрныхъ источниковъ (ст. 253).

Наконецъ, когда полиціею застигнуто совершающееся или только что совершившееся преступное дѣяніе, а также, когда до прибытія на мѣсто происшествія судебнаго слѣдователя слѣды преступленія могли бы изгладиться, то полиція замѣняетъ судебнаго слѣдователя во всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, нетерпящихъ отлагательства, какъ-то: въ осмотрахъ, освидѣтельствованіяхъ, обыскахъ и выемкахъ, и даже въ производствѣ формальнаго допроса обвиняемому и свидѣтелямъ, если бы кто нибудь изъ нихъ оказался въ тяжкой болѣзни, возбуждающей справедливое опасеніе, что онъ умретъ до прибытія слѣдователя (ст. 258).

Очевидно, что при такомъ участіи полиціи въ производствѣ предварительнаго слѣдствія необходимо было предоставить ей право пресѣкать обвиняемому способы уклоняться отъ слѣдствія (ст. 256). Предоставивъ полиціи право предупреждать уничтоженіе слѣдовъ преступленія, въ тоже время нельзя было отнять у нея право употреблять и мѣры пресѣченія: какъ то, такъ и другое вытекаетъ изъ фактическаго положенія полиціи.

Составители Уставовъ стремились къ тому, чтобы предварительное слѣдствіе сдѣлать по возможности, насколько позволяли условія общественнаго быта, спеціальною и исключительною обязанностью судебныхъ слѣдователей—лицъ судебнаго вѣдомства; по этимъ причинамъ они, само собою, старались какъ можно болѣе ограничить право полиціи въ принятіи мѣръ пресѣченія, поставивъ дѣятельность ея въ этомъ отношеніи въ опредѣленныя границы.

Поэтому въ статьѣ 257 Устава Уголовнаго Судопроизводства положительно исчислены тѣ случаи, въ которыхъ полиція имѣетъ право принимать мѣры пресѣченія, а именно: полиція, сказано въ этой статьѣ, принимаетъ мѣры къ пресѣченію подозрѣваемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) когда подозрѣваемый застигнутъ при совершеніи преступнаго дѣянія или тотчасъ послѣ его совершенія;

2) когда потерпѣвшіе отъ преступленія или очевидцы укажутъ прямо на подозрѣваемое лицо;

3) когда на подозрѣваемомъ или въ его жилищѣ найдены будутъ явные слѣды преступленія;

4) когда вещи, служащія доказательствомъ преступнаго дѣянія, принадлежатъ подозрѣваемому, или оказались при немъ;

5) когда онъ сдѣлалъ покушеніе на побѣгъ, или пойманъ во время или послѣ побѣга;

6) когда подозрѣваемый не имѣетъ постояннаго жительства или осѣдлости.

Судя по выраженію: «*полиція принимаетъ мѣры къ пресѣченію*» слѣдуетъ считать правиломъ, что полиція уполномочена принимать всѣ безъ исключенія мѣры пресѣченія, установленныя Уставомъ Уголовнаго Судопроизводства. Это также подтверждается ст. 259 того же Устава, по силѣ которой полиція обязана непремѣнно руководиться, при принятіи мѣръ, правилами, постановленными для производства предварительныхъ слѣдствій, значитъ и общими правилами о мѣрахъ пресѣченія.

При сравненіи упомянутой 257 ст. Устава Уголовнаго Судопроизводства съ соотвѣтствующею статьею (ст. 15) наказа полиціи 1860 г., легко видѣть нѣкоторое различіе этихъ двухъ узаконеній при общемъ ихъ сходствѣ. Сходство ихъ заключается въ томъ, что и тамъ и здѣсь исчислены въ сущности одни и тѣ же случаи, въ которыхъ полиція уполномочивается принимать мѣры пресѣченія. Но разница состоитъ въ томъ, что въ наказѣ говорится объ этихъ случаяхъ какъ такихъ, въ которыхъ полиція имѣетъ право подвергать аресту или личному задержанію оподозрѣнныхъ въ преступленіяхъ, за которыя въ законѣ полагается лишеніе всѣхъ правъ состоянія или потеря всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ. Между тѣмъ, въ 257 статьѣ Устава говорится, что полиція въ исчисленныхъ случаяхъ вообще принимаетъ мѣры.

Какія же мѣры, какъ и когда полиція принимаетъ? На этотъ вопросъ содержится общій отвѣтъ въ 259 статьѣ того же Устава, которая, какъ выше сказано, повелѣваетъ полиціи, при принятіи мѣръ пресѣченія, соблюдать во всей точности правила, постановленныя для производства предварительнаго слѣдствія. Слѣдовательно, для полиціи обязательно также исполненіе коренныхъ статей Устава Уголовнаго Судопроизводства (ст. 415—432), въ которыхъ изложена нынѣ дѣйствующая система мѣръ пресѣченія.

Такимъ образомъ, полиція, для пресѣченія подозрѣваемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія, вправѣ примѣнять слѣдующія мѣры:

1) отобрать видъ на жительство или обязать подпискою о явкѣ къ слѣдствію и неотлучкѣ съ мѣста жительства;

2) учредить особый надзоръ изъ своихъ чиновъ;

3) отдать на поруки;

4) взять залогъ;

5) подвергнуть домашнему аресту;

6) взять подъ стражу.

Но очевидно, что принятіе каждой изъ этихъ мѣръ составляетъ ея право въ томъ только случаѣ, когда она, во-первыхъ, на основаніи 256 и 258 статей Уст. Угол. Судопр. изд. 1864 г., замѣняетъ судебнаго слѣдователя; во-вторыхъ, когда данный случай представляетъ всѣ тѣ условія, которыя исчислены въ вы-

изложенной нами 257 статьѣ Устава. Значитъ, полиція не имѣетъ права принимать мѣры предупрежденія, если она не застигнетъ подозрѣваемаго при совершеніи преступленія или тотчасъ послѣ его совершенія, если очевидцы преступленія или потерпѣвшіе отъ онаго не укажутъ на подозрѣваемое лицо, словомъ, если данный случай не заключаетъ въ себѣ ни одного изъ тѣхъ условій, которыя исчислены въ шести пунктахъ 257 статьи.

Кромѣ этого общаго правила, касающагося всѣхъ мѣръ пресѣченія, полиція, при выборѣ той или другой мѣры пресѣченія, обязана руководиться, на основаніи 417—421 статей Уст. Уг. Суд., соображеніями о важности того преступленія, въ которомъ обвиняется подозрѣваемый. Поэтому она можетъ взять подъ стражу, при существованіи условій, указанныхъ въ 257 статьѣ, только того, который обвиняется въ преступленіи или проступкѣ, влекущемъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ (ст. 419).

Противъ подозрѣваемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ заключеніе въ смирительный домъ или крѣпость съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, полиція вправѣ принять мѣру обезпеченія не выше залога, и только, конечно, при существованіи условій, исчисленныхъ въ 257 статьѣ.

Наконецъ, противъ подозрѣваемыхъ въ преступленіяхъ менѣе важныхъ она можетъ, при существованіи тѣхъ же условій, принять только одну изъ остальныхъ мѣръ пресѣченія (ст. 417).

Лицъ, неимѣющихъ осѣдлости, бродягъ, бѣглыхъ она можетъ подвергать личному задержанію, хотя бы они подозрѣвались въ преступленіяхъ, невлекущихъ лишенія правъ состоянія (ст. 257 п. 6 и ст. 420 Уст. Уг. Суд.).

Такимъ образомъ, полиція должна руководиться по вопросу: слѣдуетъ или не слѣдуетъ принять мѣру пресѣченія—обстоятельствомъ существованія или несуществованія въ данномъ случаѣ условій, исчисленныхъ въ 257 статьѣ, а по вопросу: какую изъ мѣръ слѣдуетъ принять—соображеніями относительной важности преступленія. Если нѣтъ въ виду признаковъ, исчисленныхъ въ 257 ст., то очевидно, что не можетъ быть и рѣчи о выборѣ одной изъ мѣръ. Законъ, въ видахъ огражденія личной свободы гражданъ, и въ видахъ прекращенія старыхъ злоупотребленій полиціи въ дѣлѣ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, не призналъ возможнымъ предоставлять полиціи права руководствоваться вообще соображеніями о силѣ уликъ, подобно тому, какъ онъ продоставилъ это право судебнымъ слѣдователямъ и мировымъ судьямъ, а взялъ на себя трудъ, такъ сказать, поименно исчислить тѣ улики, существованіе которыхъ только даетъ право полиціи на принятіе мѣръ.

Вправѣ-ли полиція ограничиваться видимымъ существованіемъ этихъ внѣшнихъ признаковъ при принятіи мѣръ пресѣченія, и не обязана-ли она повѣрять ихъ, въ томъ случаѣ, если заподозрѣнный доказываетъ, что хотя, повиди-

мому, признаки подозрѣнія существуютъ противъ него, но тѣмъ не менѣе они объяснятся такимъ-то и такимъ-то обстоятельствомъ? Вопросъ этотъ отчасти былъ затронутъ редакторами Устава Уголовнаго Судопроизводства при рѣшеніи вопроса о томъ: слѣдуетъ-ли предоставить полиціи право снимать формальные допросы съ обвиняемыхъ и свидѣтелей. При рѣшеніи этого вопроса мнѣнія раздѣлились.

Меньшинство, которое стояло за предоставленіе полиціи права дѣлать допросы и составлять протоколы по общимъ правиламъ, въ видахъ защиты самого подозрѣваемаго и въ видахъ сообщенія основательности дѣйствіямъ самой полиціи, признавало необходимымъ, чтобы полиція, при принятіи мѣръ пресѣченія, не оставляла безъ удостовѣренія основательности внѣшнихъ уликъ, исчисленныхъ въ 257 статьѣ, если, конечно, подозрѣваемый ссылается въ свое оправданіе, что въ данномъ случаѣ признаки ошибочны. По ихъ мнѣнію, «полиція, застигнувъ кого нибудь при совершеніи преступленія, или непосредственно по совершеніи имъ онаго, должна спросить: кто онъ такой, онъ-ли это сдѣлалъ, почему и т. д., то есть распросить его о всемъ указываемомъ обстоятельствами... Если бы подозрѣваемый объявилъ, что это сдѣлалъ не онъ, а кто либо другой, убѣжавшій тотчасъ оттуда, и въ подтвержденіе указалъ бы на свидѣтелей, то необходимо и ихъ спросить». (Объяснит. записка къ проекту Уст. Угол. Судопр., стр. 136). «Для подозрѣваемаго весьма важно заявленіе предъ полиціею такихъ обстоятельствъ, которыя въ случаяхъ, когда полиція обязана принять мѣры къ пресѣченію лицу средствъ уклоняться отъ слѣдствія, могутъ имѣть вліяніе на принятіе той илл другой мѣры, или сдѣлать ее вовсе лишнею, несмотря на кажущуюся необходимость. Обстоятельства эти могутъ быть напримѣръ: указаніе на дѣйствительнаго преступника, который извѣстенъ только подозрѣваемому въ преступленіи; разъясненіе обстоятельствъ существованія слѣдовъ преступленія, безъ вины подозрѣваемаго; удостовѣреніе никому неизвѣстнаго отчужденія подозрѣваемымъ принадлежащей ему вещи, составляющей улику противъ него; объясненіе побужденія отлучиться изъ мѣста жительства не съ цѣлью уклоняться отъ слѣдствія, а по необходимости.... Предоставленіемъ обвиняемому права требовать составленія протокола о его показаніи будетъ удовлетворено коренное правило предоставленія всѣхъ средствъ защиты, будетъ обезпечена личная безопасность его и дана возможность искать вознагражденія за понесенные имъ убытки и оскорбленіе, когда онъ, посредствомъ неизгладимаго удостовѣренія своего заявленія, будетъ въ состояніи доказать, что его или неосновательно привлекли къ дѣлу, или подвергнули личность его напрасному стѣсненію, не уваживъ его показанія» (тамъ же, 140 и 141 стр.). Изъ этихъ словъ видно, что меньшинство считало необходимымъ вмѣнить въ обязанность полиціи повѣрять достовѣрность признаковъ, указанныхъ въ 257 статьѣ, если подозрѣваемый приводитъ доказательства въ ихъ опроверженіе.

Большинство редакторовъ, хотя «вовсе не полагало лишить полицію возможности распросить подозрѣваемое лицо и отпустить его въ тѣхъ случаяхъ, огда оно задержано по явной и неподлежащей сомнѣнію ошибкѣ», но оно, от-

вергая необходимость предоставленія полиціи права дѣлать формальные допросы и составлять протоколы, не считало обязательнымъ для полиціи и повѣрку признаковъ, дающихъ основаніе для принятія мѣръ пресѣченія. «Если бы въ отсутствіи судебнаго слѣдователя—они говорили—полиціи предстояло принять одну изъ мѣръ пресѣченія обвиняемому способовъ уклониться отъ слѣдствія и суда, и если бы при этомъ полиція должна была руководиться не одними внѣшними признаками преступленія, но и опредѣленіемъ внутренняго ихъ существа, раскрываемаго лишь разборомъ дѣла, то, для удовлетворительнаго разрѣшенія такой задачи, полиціи надлежало бы не только осмотрѣть мѣсто, изъ коего сдѣлана покража, и обыскать жилище обвиняемаго, но, сверхъ того, допросить какъ его самого и указанныхъ свидѣтелей, такъ и тѣхъ, на которыхъ сослался обвинитель,—однимъ словомъ, произвести цѣлое слѣдствіе. Если это должно быть такъ, то для чего учреждены судебные слѣдователи?....» «Говорятъ—продолжаютъ они далѣе—что такимъ образомъ обвиняемые или подозрѣваемые подвергнутся, по однимъ внѣшнимъ признакамъ, иногда обманчивымъ, напраснымъ стѣсненіямъ, отъ которыхъ они могли бы избавиться, если бы полиція вошла немедленно въ разбирательство дѣла. Но противъ этого нельзя не замѣтить, что разбирательство дѣла невозможно безъ его изслѣдованія, а самое поверхностное слѣдствіе потребуетъ болѣе того времени, въ теченіе котораго обвиняемый можетъ оставаться безъ формальнаго допроса, такъ какъ, по единогласному заключенію коммисіи, каждый обвиняемый долженъ быть допрошенъ судебнымъ слѣдователемъ или мировымъ судьею не позже 24 часовъ послѣ его явки или привода» (ib., стр. 141 и 143).

При окончательной редакціи, хотя мнѣніе о томъ, что полиція формальныхъ допросовъ не дѣлаетъ, было принято, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, установлены были въ ст. 400—402 и нѣкоторыя правила въ обезпеченіе личности подсудимаго. Правила эти хотя помѣщены въ отдѣлѣ о производствѣ предварительнаго слѣдствія слѣдователемъ и касаются допроса подозрѣваемаго, приведеннаго по распоряженію слѣдователя, тѣмъ не менѣе, по силѣ 259 статьи Уст. Уг. Суд., ими должна руководствоваться полиція въ отношеніи къ лицамъ, задержаннымъ ею по своему усмотрѣнію.

Если, говорится въ 400 ст., слѣдователь не прибудетъ для снятія допроса въ теченіе сутокъ по приводѣ обвиняемаго къ слѣдствію, то полиція составляетъ протоколъ, пріобщаемый къ дѣлу, и объявляетъ обвиняемому, насколько это ей извѣстно, о причинахъ задержанія. Въ случаѣ, означенномъ въ предыдущей статьѣ, обвиняемый имѣетъ право дать полиціи объясненіе и требовать, чтобы оно внесено было въ протоколъ (ст. 401). Если изъ объясненій окажется, что онъ задержанъ по ошибкѣ или недоразумѣнію, то полиція обязана немедленно его освободить, съ обозначеніемъ причинъ, побудившихъ ее принять эту мѣру (ст. 402).

Въ примѣчаніи къ этимъ статьямъ сказано слѣдующее: «При первоначальномъ обсужденіи вопроса о снятіи съ подсудимаго допроса признано, что цѣль основнаго положенія о допросѣ обвиняемаго въ теченіе сутокъ состоитъ не въ томъ, чтобы съ задержаннаго обвиняемаго снять непремѣнно формальны

допросъ въ теченіе сутокъ, а въ томъ, чтобы не оставлять его продолжительное время подъ стражею въ неизвѣстности, за что онъ подвергнутъ задержанію, и чтобы дать ему возможность, если онъ задержанъ неправильно, разъяснить эту неправильность, такъ какъ бываютъ случаи, въ которыхъ подвергаются задержанію лица, неприкосновенныя къ дѣлу, единственно по сходству фамилій или примѣтъ съ настоящимъ обвиняемымъ, или вслѣдствіе какого либо инаго стеченія обстоятельствъ, неблагопріятныхъ для задержаннаго».

Сводя все сказанное объ отношеніи полиціи къ видимымъ признакамъ, дающимъ по статьѣ 257 ей право принимать мѣры пресѣченія противъ подозрѣваемаго, мы должны придти къ слѣдующему заключенію:

Полиція, принимая мѣры пресѣченія, непремѣнно должна предварительно, посредствомъ распросовъ и простаго дознанія, удостовѣриться, что внѣшніе признаки именно указываютъ на лицо, противъ котораго она принимаетъ мѣры. И въ самомъ дѣлѣ, если полиція обязана повѣрить доходящіе до нея слухи о совершившемся преступленіи, и тогда только, когда удостовѣрится въ ихъ основательности, имѣетъ право о семъ увѣдомлять судебнаго слѣдователя и прокурора, тѣмъ паче на обязанности ея лежитъ сдѣлать то же для того, чтобы имѣть право принять ту или другую мѣру предупрежденія и не впасть притомъ въ ошибку. Положимъ, кто-нибудь говоритъ, что преступленіе совершено такимъ-то. Полиція не имѣетъ права тотчасъ броситься и задержать указанное лицо. Напротивъ, она предварительно должна распросить показателя, почему онъ это говоритъ: есть-ли онъ то лицо, которое потерпѣло отъ преступленія, или очевидецъ,— и только удостовѣрившись въ дѣйствительности означенныхъ качествъ показателя она имѣетъ право употребить противъ указаннаго мѣры пресѣченія. Никто отъ полиціи въ семъ случаѣ не вправѣ требовать обширныхъ изслѣдованій, многообразныхъ допросовъ, но всякій вправѣ ожидать отъ нея не механическаго отношенія къ внѣшнимъ признакамъ, дающимъ право на принятіе мѣръ пресѣченія, а того естественнаго вниканія и той естественной оцѣнки ихъ, которыя можно встрѣтить во всякомъ здравомысленномъ и основательномъ человѣкѣ, рѣшающемся на какую нибудь практическую мѣру. Только при такомъ отношеніи къ этимъ признакамъ полиція избѣжитъ тѣхъ легкомысленныхъ, неумѣстныхъ и вредныхъ для цѣлой общественности содержаній подъ стражею, которыя до сихъ поръ составляли отличительную черту нашей общественной жизни.

Законодатель въ статьѣ 398 обязываетъ слѣдователя снимать съ обвиняемаго первоначальный допросъ немедленно и никакъ не позже сутокъ послѣ явки или привода его. Но такъ-ли это можетъ быть на самомъ дѣлѣ? При ограниченномъ числѣ слѣдователей, при обширныхъ пространствахъ слѣдовательскихъ участковъ, не приходится-ли многимъ подозрѣваемымъ ждать слѣдовательскаго допроса по нѣсколько дней? Самъ законодатель предвидѣлъ эту возможность, чему служатъ доказательствомъ вышеизложенныя нами 400—402 статьи Устава. Итакъ, задержаніе подозрѣваемаго полиціею можетъ продолжиться нѣсколько дней.

Для задержаннаго въ это время не важно, будутъ-ли его допрашивать формальнымъ, или неформальнымъ образомъ — вопросъ этотъ чисто процесуальный, такъ сказать государственный,—для него важно его личное задержаніе. И если онъ считаетъ его незаконнымъ, потому что внѣшніе признаки его задержанія ошибочны—чему, положимъ, представляетъ онъ прямыя и ясныя доказательства — ужели полиція вправѣ уволить себя отъ обыкновенной повѣрки этихъ доказательствъ, когда эта повѣрка проста и удобна? Ужели подсудимый, изъ-за того только, что полиція признана несостоятельною производить слѣдственныя дѣйствія, долженъ терпѣть незаслуженное стѣсненіе? Это бы значило, что изъ принципа, принятаго для огражденія интересовъ подсудимаго, вытекало нарушеніе его интересовъ. Вѣдь полиція въ извѣстныхъ случаяхъ по закону уполномочена исполнять чисто слѣдовательскія обязанности, какъ-то: производить освидѣтельствованія, осмотры, обыски, и въ крайнихъ случаяхъ дѣлать допросы. Значитъ, государство, въ видахъ собственныхъ интересовъ, дѣлаетъ необходимое отступленіе отъ принятаго принципа. Не вправѣ-ли подозрѣваемый, противъ котораго принята самая крайняя мѣра пресѣченія — содержаніе подъ стражею—требовать, чтобы полиція въ семъ случаѣ дѣйствовала по подобію слѣдователя, чтобы она повѣрила представленныя имъ доказательства того, что хотя внѣшніе признаки говорятъ противъ него, но они ошибочны. Чтобы еще тверже доказать это положеніе, я обращусь за объясненіемъ къ одному случаю нашей судебной практики. 17-го ноября въ окружномъ петербургскомъ судѣ, по приговору присяжныхъ, признанъ невиннымъ и освобожденъ отъ суда и стражи бѣжецкій мѣщанинъ Морозовъ, обвинявшійся въ оскорбленіи квартальнаго надзирателя («Судебный Вѣстникъ» 1867 г. № 257). Сущности дѣла мы касаться не будемъ. Мы обратимъ вниманіе на обстоятельства его арестованія. Самое столкновеніе его съ полиціею возникло изъ-за того, что онъ, пришедши въ полицію для заявленія одного обстоятельства частному приставу и не заставши его въ полиціи, былъ посаженъ находившимся въ кварталѣ чиновникомъ подъ арестъ до прихода частнаго пристава. Затѣмъ, обвиняемый въ оскорбленіи полицейскаго квартальнаго надзирателя, онъ, послѣ трехдневнаго содержанія подъ стражею, былъ отпущенъ частнымъ приставомъ на поруки, съ обязанностью по требованію явиться въ судъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого онъ заболѣлъ и долженъ былъ поступить въ больницу, гдѣ пролежалъ мѣсяца четыре. Когда же онъ вышелъ изъ больницы, то, во время возвращенія изъ церкви, былъ арестованъ полиціею уже не только какъ обвиняемый въ оскорбленіи полицейскаго чиновника, но и какъ уклоняющійся отъ суда. Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ по внѣшности было уклоненіе со стороны Морозова отъ слѣдствія и суда; по существу же этого уклоненія не было, такъ какъ онъ не могъ явиться по болѣзни и не могъ извѣстить о причинахъ неявки, потому что не получилъ повѣстки. Это-то недоразумѣніе, которое можно было разъяснить своевременно, и имѣло своимъ результатомъ содержаніе Морозова подъ стражею въ секретномъ номерѣ въ теченіе восьми съ половиною мѣсяцевъ («С.-Петерб. Вѣд.» 1867 г. № 330).

Полиція, принимая такія мѣры пресѣченія, какъ отдачу на поруки, взятіе залога и содержаніе подъ стражею, обязана составлять постановленія, предписанныя статьями 426, 430 и 431 Устава Угол. Судопр. Что исполнять это она обязана—это вытекаетъ какъ изъ смысла 259 статьи, такъ и изъ существа этихъ дѣйствій. Для юридическаго бытія отдачи на поруки или взятія залога составленіе постановленія есть необходимое условіе; только подъ этимъ условіемъ возможно предупредить недоумѣнія. Тѣмъ болѣе составленіе постановленія полиціею необходимо при взятіи подсудимаго подъ стражу; безъ него невозможно обезпеченіе личной свободы гражданъ отъ произвольныхъ дѣйствій полиціи. Составленіе этого постановленія въ двухъ отношеніяхъ необходимо: во-первыхъ, оно должно служить побужденіемъ для полиціи при взятіи подъ стражу поступать основательно: такъ какъ, по общему правилу, постановленіе должно содержать точное означеніе, между прочимъ, преступленія, въ которомъ задержанный обвиняется или подозрѣвается, и основаній задержанія, то, очевидно, полиція, будучи обязана составлять постановленіе о задержаніи, тѣмъ самымъ принуждена будетъ отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ приведеніемъ въ основаніе ихъ мотивовъ. Во-вторыхъ, самое постановленіе будетъ служить документомъ, который можетъ оправдать полицію въ случаѣ несправедливой жалобы, или уличить, если она при взятіи подъ стражу дѣйствовала незаконно.

Полиція, подвергнувши подозрѣваемаго содержанію подъ стражею, въ видѣ мѣры пресѣченія, должна немедленно донести объ этомъ представителю прокурорскаго надзора. Такъ поступать она обязана на основаніи 259 статьи, которою предписано, въ случаѣ принятія мѣръ, соблюдать во всей точности правила, постановленныя для производства предварительнаго слѣдствія. А такъ какъ при производствѣ предварительнаго слѣдствія слѣдователь о взятіи обвиняемаго подъ стражу и объ основаніяхъ принятія этой мѣры немедленно извѣщаетъ ближайшее лицо прокурорскаго надзора, то очевидно, что то же должна соблюдать и полиція.

Такъ какъ, по статьѣ 493, жалобы на дѣйствія полиціи вообще приносятся прокурору, то ему же должны быть подаваемы и жалобы по предмету не правильнаго принятія полиціею мѣръ пресѣченія. По статьѣ 485 Уст. Угол. Судопр., полицейскіе чины, волостные и сельскіе начальники, за упущенія и безпорядки, привлекаются къ отвѣтственности прокуроромъ, подъ наблюденіемъ коего слѣдствіе производилось. Прокуроръ, смотря по важности упущеній и безпорядковъ, или только предостерегаетъ неисправныя лица, или предлагаетъ ихъ дѣйствія на разсмотрѣніе суда, при коемъ онъ состоитъ. Очевидно, это правило вообще объ отвѣтственности полиціи по слѣдственной части должно быть примѣнено и къ частной отвѣтственности ея за нарушеніе правилъ, относительно мѣръ пресѣченія. Если оцѣнивать, въ видахъ практической пользы, оба способа подвергнутія отвѣтственности полицейскихъ чиновниковъ: предостереженіе со стороны прокурора и преданіе суду, то нельзя не придти къ тому заключенію, что первый способъ, какъ ведущій скорѣе къ цѣли, можетъ принесть пользу нашей практикѣ.

§ 35. Насколько предварительное слѣдствіе, производимое слѣдователемъ, важнѣе полицейскаго дознанія, настолько и дѣйствія слѣдователя по принятію мѣръ пресѣченія имѣютъ болѣе, чѣмъ соотвѣтствующія дѣйствія полиціи, важности, какъ вообще, такъ въ особенности для подсудимаго. Вотъ почему при составленіи Судебныхъ Уставовъ было обращено особенное вниманіе на принятіе мѣръ пресѣченія во время предварительнаго слѣдствія.

Составители Устава Уголовнаго Судопроизводства, имѣя въ виду недостатки старой системы законовъ о мѣрахъ пресѣченія и тѣ ненормальныя явленія, которыми отличалась старая уголовная практика, поставили своею задачею— изданіемъ болѣе совершенныхъ законовъ, чуждыхъ прежнихъ недостатковъ,— сдѣлать невозможнымъ повтореніе старыхъ злоупотребленій въ дѣлѣ примѣненія мѣръ пресѣченія. Для достиженія этой цѣли, они приняли слѣдующія основанія: а) не допускать ненужныхъ стѣсненій личности подсудимаго; б) установить норму въ руководство слѣдователямъ и тѣмъ устранить по возможности произволъ съ ихъ стороны; в) предписать извѣстныя формальности, которыя бы удостовѣряли правильность дѣйствій слѣдователей; г) ввести дѣйствительный контроль за принятіемъ мѣръ пресѣченія; д) доставить возможность лицамъ, подвергшимся незаслуженнымъ стѣсненіямъ, добиться отмѣны ихъ — посредствомъ жалобы.

Къ прежде существовавшимъ мѣрамъ пресѣченія: полицейскому надзору, домашнему аресту, отдачѣ на поруки и содержанію подъ стражею, присоединены еще новыя двѣ мѣры: отобраніе вида на жительство или обязаніе подпискою о явкѣ къ слѣдствію и неотлучкѣ съ мѣста жительства и взятіе залога (ст. 416 Уст. Угол. Суд.). Собственно говоря, отобраніе вида на жительство практиковалось и въ періодъ дѣйствія Свода Законовъ, но мѣра эта не была внесена въ общую систему и не была регулирована точнымъ закономъ. Что касается обязанія подпискою о явкѣ къ слѣдствію и неотлучкѣ съ мѣста жительства, то эта мѣра совпадаетъ съ обязанностью, лежащею на каждомъ, состоящемъ подъ слѣдствіемъ—не отлучаться, безъ разрѣшенія слѣдователя, изъ того города или участка, гдѣ производится слѣдствіе (ст. 415). Ибо, съ одной стороны, обязаніе подпискою о невыѣздѣ не исключаетъ возможности получить отъ слѣдователя разрѣшеніе отлучки въ извѣстныхъ случаяхъ; съ другой, предписаніе о томъ, что каждый, состоящій подъ слѣдствіемъ, не долженъ отлучаться безъ разрѣшенія слѣдователя, тогда только можетъ получить свой юридическій смыслъ, если слѣдователь не только предупредитъ подсудимаго, но, для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, возьметъ съ него подписку, какъ удостовѣреніе того, что ему извѣстна эта обязанность. Поэтому, на отобраніе подписки о неотлучкѣ слѣдуетъ смотрѣть какъ на юридическую форму естественной обязанности, лежащей на каждомъ состоящемъ подъ слѣдствіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не столько какъ на самостоятельную, сколько какъ на прибавочную мѣру пресѣченія. Если примѣняется такая мѣра, какъ отдача на поруки или взятіе залога, то въ принятіи

этихъ мѣръ какъ бы заключается и принятіе мѣры пресѣченія, состоящей во взятіи подписки. Поэтому-то и въ статьѣ 429 сказано, что отдача обвиняемаго на поруки или оставленіе его на свободѣ подъ обезпеченіемъ залога не увольняетъ отъ соблюденія общей всѣмъ подсудимымъ обязанности—не отлучаться, безъ разрѣшенія слѣдователя, изъ города или участка.

Нельзя оставить безъ вниманія выраженія Устава Уголовнаго Судопроизводства относительно полицейскаго надзора: ему придано названіе: *особый*, чего не было въ старыхъ законахъ. Слово это выражаетъ то понятіе, что полиція должна именно направить свой особый надзоръ къ особой цѣли—къ предупрежденію подсудимому возможности уклоняться отъ слѣдствія и суда.

Въ предыдущихъ главахъ мы видѣли, какъ при дѣйствіи старыхъ законовъ стѣсняема была свобода лица, подпавшаго подъ слѣдствіе и судъ. Кажется, не было столь малаго преступленія и проступка, который бы не могъ дать повода къ предварительному аресту; какъ бы неосновательно ни было подозрѣніе въ тяжкомъ преступленіи, оно могло стоить подозрѣваемому продолжительнаго содержанія подъ стражею. Новый Уставъ ввелъ противоположныя начала: онъ установилъ предѣлъ для примѣненія содержанія подъ стражею и далъ возможность, даже въ границахъ, установленныхъ для личнаго задержанія, замѣнять его отдачею на поруки и взятіемъ залога. Предѣлъ этотъ состоитъ въ томъ, что содержаніе подъ стражею служитъ законною мѣрою обезпеченія только для лицъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ или проступкахъ, влекущихъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ (ст. 419). Но и эта мѣра для обвиняемыхъ въ подобнаго рода преступленіяхъ установлена не какъ абсолютно-необходимая, а только какъ высшая, которая можетъ быть, при извѣстныхъ условіяхъ, замѣнена другими, менѣе тяжкими. Свойство уликъ, положеніе подсудимаго въ обществѣ, состояніе здоровья, полъ, возрастъ—вотъ обстоятельства, которыя могутъ способствовать принятію противъ обвиняемаго въ означенныхъ преступленіяхъ мѣры пресѣченія болѣе мягкой, чѣмъ содержаніе подъ стражею. Относительно того, въ какой мѣрѣ эти обстоятельства могутъ имѣть вліяніе на принятіе болѣе мягкой мѣры противъ обвиняемаго въ тяжкомъ преступленіи, можетъ служить важнымъ комментаріемъ опредѣленіе с.-петербургской судебной палаты отъ 8 мая 1868 г. по частной жалобѣ купца Василья Бѣляева объ освобожденіи его изъ-подъ стражи. Судебная палата, разсмотрѣвши эту жалобу, нашла, что «хотя противъ Бѣляева раскрыты слѣдствіемъ весьма сильныя улики въ преступленіи (въ поддѣлкѣ государственныхъ процентныхъ бумагъ), за которое по закону (ст. 1149 Улож.) полагается лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ каторжную работу, но какъ, при несознаніи Бѣляева въ преступленіи, оцѣнка этихъ уликъ зависитъ еще отъ суда, Бѣляевъ же человѣкъ осѣдлый, имѣетъ состояніе и семейство, чѣмъ нѣкоторымъ образомъ обезпечивается его личность, то, по смыслу 421 ст. Уст. Угол. Суд., нѣтъ необходимости обезпечивать еще его личность высшей мѣрой, указанной въ ст. 419 того же Устава, а возможно предоставить ему свободу, въ случаѣ, если онъ найдетъ средства представить по себѣ залогъ въ суммѣ, равной стоимости билетовъ, въ

поддѣлкѣ которыхъ онъ обвиняется, такъ какъ эта сумма можетъ быть, по силѣ 573 ст. Улож. о наказ., присуждена съ него ко взысканію» («Судебн. Вѣстн.« 1868 г. № 113). Для насъ въ этомъ случаѣ важенъ не практическій исходъ этого опредѣленія, а его юридическое значеніе: по справедливому толкованію палаты, осѣдлость, обладаніе имуществомъ, семейныя связи, представленіе залога— достаточны для того, чтобы служить основаніемъ для оставленія на свободѣ во время слѣдствія и суда такого подсудимаго, который сильно уличается въ преступленіи, влекущемъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку въ каторжную работу. Чтобы понять, что содержаніе подъ стражею можетъ быть, съ полною безопасностью для правосудія, гораздо рѣже употребляемо, чѣмъ до сихъ поръ оно употребляется, и чѣмъ съ перваго раза употребленіе его кажется необходимымъ,—нужно вникнуть въ положеніе подсудимаго, въ душевное его настроеніе. Много тяжкихъ преступленій совершается подъ вліяніемъ обстоятельствъ, минутнаго настроенія; виновники этихъ преступленій очень часто сами себя отдаютъ въ руки правосудія, или при первомъ же допросѣ сознаются. Въ душѣ ихъ, исполненной тайнаго раскаянія, не откуда родиться мысли объ уклоненіи отъ слѣдствія и суда, т. е. мысли о совершеніи новаго преступленія. Для преступниковъ, совершающихъ преступленіе обдуманно, сила, удерживающая ихъ отъ уклоненія отъ слѣдствія и суда, заключается въ надеждѣ, никогда ихъ не покидающей, быть оправданными; бѣжать же отъ суда—это значитъ нѣкоторымъ образомъ предварить приговоръ, — это значитъ промѣнять надежду быть оправданнымъ на вѣчную боязнь попасть вторично въ руки правосудія, это значитъ обречь себя на скитальническую жизнь, къ которой не очень многіе способны. Для этого рода преступниковъ самая сильная узда, ихъ сдерживающая — это наложеніе запрещенія на ихъ имущество, въ обезпеченіе гражданскаго взысканія. Есть одинъ разрядъ преступниковъ, въ душѣ которыхъ лежатъ прочные задатки для бѣгства: это тѣ, которые разорвали связи съ нормальнымъ обществомъ и превратили преступную дѣятельность въ ремесло. Противъ этихъ-то содержаніе подъ стражею самая настоящая мѣра пресѣченія. Не слѣдуетъ также современному слѣдователю забывать, что въ прежнее время существовала причина, дѣлавшая необходимымъ частое примѣненіе содержанія подъ стражею; причина эта лежала въ существованіи смертной казни и жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, страхъ которыхъ естественно заставлялъ обвиняемаго бѣжать отъ суда. Нынѣ эта причина исчезла.

§ 36. Для руководства слѣдователей, при принятіи мѣръ пресѣченія, Уставомъ Угол. Суд. установлены слѣдующія нормы: преступленія и проступки, подсудные общимъ судамъ, раздѣлены на три разряда: къ первому отнесены преступленія, влекущія заключеніе въ тюрьмѣ, въ смирительномъ домѣ или крѣпости, безъ ограниченія правъ и преимуществъ; ко второму—преступленія, подвергающія обвиняемыхъ заключенію въ смирительный домъ или крѣпость, съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ; къ третьему—тѣ преступленія, которыя сопровождаются для обвиняемыхъ въ оныхъ или лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, или лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, кото-

рыя то-есть влекутъ ссылку въ каторжную работу, ссылку на поселеніе, ссылку на житье, отдачу въ арестантскія роты и въ рабочій домъ (ст. 417, 418 и 419). Для каждаго изъ сихъ трехъ разрядовъ установлена высшая мѣра пресѣченія: такъ, для перваго разряда высшею мѣрою служитъ отдача на поруки, для втораго — взятіе залога, для третьяго — содержаніе подъ стражею (тѣ же статьи). Такимъ образомъ, законъ установилъ такую норму, по которой слѣдователь въ принятіи высшей мѣры по обвиненіямъ въ преступленіи даннаго разряда ограниченъ, но относительно низшей усмотрѣнію его предоставленъ широкій просторъ. Такъ, онъ не имѣетъ права потребовать залога по обвиненію въ преступленіи, влекущемъ заключеніе въ крѣпость безъ лишенія правъ, также какъ онъ не вправѣ постановить опредѣленіе о содержаніи подъ стражею обвиняемаго въ преступленіи, влекущемъ содержаніе въ смирительномъ домѣ съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ, прежде чѣмъ потребуетъ залогъ и прежде чѣмъ не получитъ удовлетворенія въ своемъ требованіи. Но онъ, напротивъ, вправѣ принимать въ отношеніи обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, сопровождающихся лишеніемъ всѣхъ правъ или всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, низшія мѣры, какъ-то: взятіе залога, отдачу на поруки, отдачу подъ особый надзоръ полиціи, отобраніе вида на жительство или взятіе подписки; относительно обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ ограниченіе нѣкоторыхъ правъ — всѣ мѣры болѣе слабыя, чѣмъ поруки. Въ семъ послѣднемъ случаѣ на избраніе низшей мѣры пресѣченія должны имѣть вліяніе: сила представляющихся противъ обвиняемаго уликъ, возможность скрыть слѣды преступленія, состояніе здоровья, полъ, возрастъ и положеніе обвиняемаго въ обществѣ (ст. 421 Уст. Угол. Суд.). Такимъ образомъ, чѣмъ слабѣе улики, чѣмъ меньше возможности въ положеніи обвиняемаго скрыть слѣды преступленія, чѣмъ прочнѣе и солиднѣе его положеніе въ обществѣ, тѣмъ больше представляется основаній для слѣдователя отступить отъ высшей мѣры и спуститься къ низшей, и наоборотъ, — причемъ, однакожъ, сила уликъ и даже соображенія о скрытіи слѣдовъ преступленія не могутъ измѣнить мѣры пресѣченія, если она относительно даннаго преступленія есть высшая. Исключеніе сдѣлано только относительно положенія въ обществѣ: по статьѣ 420 Уст. Угол. Суд., противъ обвиняемыхъ, неимѣющихъ осѣдлости, можетъ быть принята высшая мѣра пресѣченія, то-есть содержаніе подъ стражею, хотя бы они обвинялись въ преступленіяхъ, невлекущихъ ни лишенія всѣхъ правъ, ни лишенія всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ.

Какъ понимать довольно неопредѣленное выраженіе Уст. Угол. Суд.: *неимѣющихъ осѣдлости*? Слѣдуетъ-ли подъ это понятіе подвести только бродягъ, бѣглыхъ и лицъ, которыя не имѣютъ опредѣленныхъ занятій, или же этимъ названіемъ покрыть всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя не имѣютъ собственнаго хозяйства, какъ напр. слуги, или которыя въ мѣстѣ совершенія ими преступленія или проступка принадлежатъ къ пришлому народу, какъ напримѣръ работники въ большихъ городахъ. Очевидно, что упомянутое выраженіе слѣдуетъ понимать въ первомъ, то-есть въ тѣсномъ смыслѣ, разумѣя подъ нимъ только бродягъ, бѣглыхъ людей, немогущихъ указать, какая работа составляетъ ихъ про-

фессію. Дать этому выраженію второе толкованіе — это значило бы придать ему слишкомъ растяжимый смыслъ и открыть свободный просторъ произволу. При удобоподвижности населенія, при значительномъ пришломъ рабочемъ классѣ большихъ городовъ, съ такимъ толкованіемъ оказалось бы, что многочисленный классъ русскаго народа, классъ, честно и неустанно работающій, лишенъ тѣхъ обезпеченій личной свободы, которыя содержатся въ Уставѣ Угол. Судопр. Довольно того, что положеніе въ обществѣ можетъ имѣть вліяніе на неприпятіе низшей мѣры, что простому работнику или слугѣ, по его фактическому положенію, гораздо труднѣе, чѣмъ домовладѣльцу и домохозяину, вообще собственнику, достигнуть опредѣленія пониженной мѣры пресѣченія. Уничтожить для рабочаго класса высшую норму, когда ему, по его фактическому положенію, труднѣе воспользоваться низшей, значило бы ввести путемъ закона привилегію. Во всякомъ случаѣ, можно пожалѣть, что, по примѣру западно-европейскихъ законодательствъ, въ нашемъ Уставѣ Угол. Судопр. не спеціализировано понятіе осѣдлости простымъ поименованіемъ бродягъ, бѣглыхъ и людей, немогущихъ доказать, какою работою они добываютъ средства къ жизни.

Положеніе обвиняемаго въ обществѣ должно имѣть вліяніе на принятіе мѣръ пресѣченія. Мы видѣли, что законъ прямо признаетъ неимѣніе осѣдлости за обстоятельство, дающее слѣдователю право не стѣсняться закономъ установленною нормою, выше которой слѣдователь не можетъ подыматься. Въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства есть другое положительное правило, которое повелѣваетъ слѣдователю обращать, при принятіи мѣръ пресѣченія, вниманіе на положеніе или, лучше, званіе подсудимаго, какъ на обстоятельство, долженствующее вліять на смягченіе. Я говорю о законѣ относительно священнослужителей и монашествующихъ. Священнослужители и монашествующіе, говорится въ 1021 ст. Уст. Угол. Суд., могутъ быть задерживаемы по обвиненіямъ въ важныхъ преступленіяхъ, влекущихъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія, или потерю всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, *и лишь въ случаяхъ крайней въ томъ необходимости*. Какъ понимать выраженіе: могутъ быть задерживаемы только по обвиненіямъ въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія или потерю всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ? Вѣдь содержаніе подъ стражею есть высшая мѣра пресѣченія для всѣхъ обвиняемыхъ въ означенныхъ преступленіяхъ—слѣдовательно, повидимому, не было необходимости этого повторять относительно духовныхъ лицъ. Очевидно, что эта статья имѣетъ иной, спеціальный смыслъ. Дѣло въ томъ, что хотя содержаніе подъ стражею есть высшая мѣра пресѣченія и для обвиняемыхъ въ означенныхъ преступленіяхъ вообще, но обвиняемые другихъ званій могутъ быть лишены свободы и по обвиненіямъ въ преступленіяхъ менѣе важныхъ, если не въ состояніи представить залогъ или поручительство. Вникая же въ смыслъ слѣдующихъ словъ, относящихся до священнослужителей и монашествующихъ: *могутъ быть задерживаемы только по обвиненіямъ* и проч., слѣдуетъ признать, что обвиняемые изъ сего званія не должны быть подвергаемы содержанію подъ стражею по преступленіямъ меньшей важности, чѣмъ тѣ, которыя вле-

кутъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, и то *лишь въ случаяхъ крайней въ томъ необходимости.* Статья эта принята для поддержанія, какъ сказано въ объясненіи къ ней, достоинства духовнаго сана и того уваженія, которымъ должны пользоваться въ глазахъ народа лица, имѣющія степень священства. Помимо этихъ двухъ положительныхъ опредѣленій закона относительно положенія обвиняемаго въ обществѣ, слѣдователь долженъ обращать вниманіе вообще на это обстоятельство. Но онъ не долженъ принимать слово «положеніе» въ какомъ нибудь сословномъ смыслѣ. Законодатель, замѣнившій *званіе* Свода Законовъ этимъ словомъ, ясно показалъ, что онъ употребилъ его не въ смыслѣ сословномъ, а въ смыслѣ положенія и репутаціи, коими пользуется обвиняемый въ томъ кругѣ общества, въ которомъ онъ вращается. Въ этомъ смыслѣ крестьянинъ-хозяинъ, имѣющій собственность, семью и пользующійся добрымъ именемъ въ своемъ кругу, можетъ считаться въ равномъ положеніи съ дворяниномъ-землевладѣльцемъ, обладающимъ тѣмъ же. Толковать иначе слово «положеніе» въ обществѣ—значило бы придавать несвойственный ему сословный смыслъ.

Въ числѣ обстоятельствъ, поименованныхъ какъ могущихъ имѣть вліяніе на пониженіе высшей мѣры, указанъ возрастъ. Въ Сводѣ Законовъ возрастъ не былъ поименованъ въ числѣ обстоятельствъ, смягчающихъ мѣру пресѣченія, хотя, очевидно, онъ долженъ былъ имѣть вліяніе, потому что онъ по закону есть обстоятельство или отмѣняющее, или смягчающее—въ опредѣленной закономъ, сверхъ обыкновеннаго, мѣрѣ—наказаніе. Хотя такимъ образомъ, посредствомъ толкованія, слѣдовало бы и въ періодъ дѣйствія Свода принимать возрастъ во вниманіе при опредѣленіи мѣръ пресѣченія, но потому-ли, что возрастъ не былъ поименованъ въ главѣ о мѣрахъ пресѣченія, или по тому общему безразличію, съ которымъ относились старые слѣдователи къ свободѣ гражданина, только фактъ достовѣрный, что въ тюрьмахъ нашихъ каждый могъ, даже въ послѣднее время, встрѣтить 10-лѣтнихъ дѣтей, какъ подслѣдственныхъ арестантовъ. Поэтому, въ виду такой практики, упоминаніе въ Уставѣ 1864 г. о возрастѣ какъ обстоятельствѣ, могущемъ вліять на смягченіе мѣры пресѣченія, должно считать улучшеніемъ. Но въ какомъ смыслѣ должно принимать возрастъ за обстоятельство, могущее смягчить мѣру: въ томъ-ли, что возрастъ настолько долженъ смягчать мѣру пресѣченія, насколько онъ смягчаетъ само наказаніе, или онъ долженъ еще служить причиною смягченія мѣры, независимо или, точнѣе, сверхъ смягченія наказанія? Мы думаемъ, что возрастъ слѣдуетъ принимать за обстоятельство, смягчающее мѣры пресѣченія въ послѣднемъ смыслѣ.

Нечего говорить, что обвиняемый, коему не исполнилось 10 лѣтъ, какое бы тяжкое преступленіе ни совершилъ, не можетъ, во время слѣдствія, быть содержимъ подъ стражею, потому что до-десятилѣтній возрастъ есть возрастъ абсолютнаго невмѣненія, возрастъ, въ которомъ совершитель не можетъ быть приговоренъ къ судебному наказанію (ст. 137 Улож. о нак., изд. 1866 г.). Поэтому, слѣдователь, при обвиненіи малолѣтняго, долженъ прежде всего освѣдомиться о его лѣтахъ, и если только удостовѣрится, что обвиняемому нѣтъ еще

10 лѣтъ, онъ не можетъ его подвергнуть содержанію подъ стражею. Ибо содержаніе подъ стражею во время слѣдствія и суда не имѣетъ самостоятельнаго значенія, а существуетъ только ради опредѣленной цѣли; цѣль же эта состоитъ въ томъ, чтобы лишить человѣка возможности уклоняться отъ слѣдствія и суда, которые могутъ кончиться для подсудимаго тяжкимъ наказаніемъ, т. е. конечная цѣль состоитъ въ томъ, чтобы подсудимый не избѣгъ грозящаго ему правосудія. А такъ какъ лицу, недостигшему 10 лѣтъ, это правосудіе не грозитъ, то значитъ, за несуществованіемъ цѣли, не должно имѣть примѣненія и средство.

Затѣмъ слѣдуетъ возрастъ отъ 10 до 14 лѣтъ. Этотъ возрастъ по нашимъ законамъ признается относительнымъ возрастомъ невмѣненія (ст. 137 Улож. о наказ., изд. 1866 г.), т. е. въ семъ возрастѣ преступленіе не вмѣняется только тогда, когда судомъ признано, что преступленіе совершителемъ онаго учинено *безъ разумѣнія*. Когда же судъ признаетъ въ совершителѣ разумѣніе, то виновный хотя и приговаривается къ наказанію, но противъ обыкновеннаго крайне смягченному. Такъ, за преступленія, влекущія каторгу, онъ подвергается только ссылкѣ на поселеніе, съ лишеніемъ правъ; за преступленія, подвергающія ссылкѣ на поселеніе, онъ подлежитъ заключенію или въ монастырѣ, или въ смирительномъ домѣ, безъ лишенія правъ, до 5 лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ; тому же наказанію, въ размѣрѣ отъ сорока дней до восьми мѣсяцевъ, подлежитъ онъ за преступленія, соединенныя съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ; за всѣ остальныя онъ даже не подвергается судебному наказанію (ст. 138 Улож. о наказ.). Итакъ, если имѣть въ виду только наказаніе, угрожающее обвиняемымъ, недостигшимъ 14 лѣтъ, то и тогда они могутъ подлежать содержанію подъ стражею во время слѣдствія и суда только за преступленія, влекущія для нихъ ссылку и лишеніе правъ, т. е. за преступленія, подвергающія взрослыхъ ссылкѣ въ каторгу съ лишеніемъ всѣхъ правъ; по обвиненію же въ остальныхъ преступленіяхъ эта мѣра и даже взятіе залога не могутъ быть къ нимъ примѣнены, такъ какъ за преступленія, влекущія заключеніе въ смирительный домъ безъ лишенія правъ, высшею мѣрою можетъ быть только отдача на поруки. Но принимая во вниманіе, что вопросъ о томъ: съ разумѣніемъ или безъ разумѣнія совершено преступленіе лицомъ, недостигшимъ четырнадцати лѣтъ, рѣшается судомъ только послѣ всесторонняго изслѣдованія; что для постановленія приговора въ смыслѣ отрицательномъ едва-ли не болѣе вѣроятія, чѣмъ въ смыслѣ положительномъ, — слѣдуетъ до-четырнадцатилѣтній возрастъ принимать за обстоятельство, смягчающее мѣру пресѣченія, независимо отъ смягченія наказанія, и поэтому не должно подвергать лицъ этого возраста содержанію подъ стражею даже по обвиненію въ преступленіяхъ, подвергающихъ ссылкѣ въ каторжную работу. Въ самомъ дѣлѣ, если бы до-четырнадцатилѣтній возрастъ слѣдовало принимать за причину смягченія мѣръ пресѣченія настолько, насколько онъ имѣетъ по закону смягчающаго вліянія на самое наказаніе, тогда бы не было никакой нужды упоминать о немъ *специально* въ главѣ о мѣрахъ пресѣченія, потому что такое смягчающее вліяніе вытекаетъ само собою изъ об-

щихъ законовъ. Притомъ же это такой возрастъ, въ которомъ, съ одной стороны, не можетъ быть ни надлежащаго представленія о всѣхъ послѣдствіяхъ суда и поэтому и побужденій къ уклоненію отъ онаго, ни умѣнья скрыть слѣды преступленія; въ которомъ, съ другой стороны, очень удобно противодѣйствовать уклоненію отъ слѣдствія и суда посредствомъ отдачи обвиняемаго на поруки родителямъ или родственникамъ. Между тѣмъ, содержаніе подъ стражею, не принося правосудію существенной пользы, положительно вредоносно для малолѣтняго, потому что оно ставитъ его въ міръ опытныхъ и закоренѣлыхъ преступниковъ и, такимъ образомъ, способствуетъ его уже сознательной испорченности и развращенію. По всѣмъ симъ соображеніямъ, слѣдуетъ до-четырнадцатилѣтній возрастъ признавать тѣмъ возрастомъ, въ которомъ содержаніе подъ стражею во время слѣдствія и суда совершенно неумѣстно.

Возрастъ болѣе четырнадцати, но менѣе семнадцати лѣтъ признается, по нашимъ законамъ, уже такимъ, въ которомъ не можно допускать полной невмѣняемости: обвиняемые этого возраста или должны быть признаны дѣйствующими *безъ полнаго разумѣнія*, или съ полнымъ разумѣніемъ. Въ первомъ случаѣ они или наказываются какъ малолѣтніе, недостигшіе 14 лѣтъ, когда эти признаны судомъ совершившими преступленіе съ разумѣніемъ, или отдаются въ исправительные пріюты, или, когда нѣтъ пріютовъ, заключаются въ тюрьму на время до одного года и четырехъ мѣсяцевъ (ст. 137 и 138 Улож. о нак.). Во второмъ случаѣ они подлежатъ тѣмъ же наказаніямъ, къ какимъ должны быть приговорены обвиняемые отъ 17 до 21 года, т. е. въ сущности тѣмъ же наказаніямъ, что и взрослые, только съ уменьшеніемъ на нѣсколько степеней (ст. 139 и 140 Улож. о нак.). Такъ какъ относительно обвиняемыхъ отъ 14 до 17 лѣтъ должно сказать, что они, по свойству своего возраста, дѣйствуютъ скорѣе безъ полнаго разумѣнія, чѣмъ съ полнымъ разумѣніемъ; такъ какъ по суду они, слѣдовательно, скорѣе могутъ быть поставлены въ положеніе недостигшихъ 14 лѣтъ, чѣмъ приговорены къ наказанію, которое грозитъ обвиняемымъ отъ 17 до 21 года; такъ какъ къ нимъ въ значительной степени должно быть приложено то, что было сказано о недостигшихъ 14 лѣтъ,—то очевидно, что ихъ возрастъ должно считать спеціальною причиною смягченія мѣръ пресѣченія, и что содержаніе подъ стражею, какъ самая энергическая мѣра, можетъ быть употреблено противъ обвиняемыхъ этого возраста только развѣ въ крайнихъ случаяхъ.

Возможность скрыть слѣды преступленія признана закономъ также за обстоятельство, долженствовавшее имѣть вліяніе на принятіе мѣры пресѣченія. Разсматривая это обстоятельство въ связи съ мѣрами пресѣченія, легко понять, что оно можетъ имѣть вліяніе только на принятіе одной мѣры пресѣченія, именно: на принятіе содержанія подъ стражею. Ибо, теоретически говоря, одинъ только содержимый въ тюрьмѣ лишенъ свободы дѣйствія и сношеній съ внѣ-тюремнымъ міромъ, и значитъ, по теоріи, только онъ лишенъ возможности скрыть слѣды преступленія. Состоящій же подъ надзоромъ полиціи, отданный на поруки, представившій залогъ—имѣютъ полную свободу и возможность скрыть слѣды

преступленія, если, конечно, эта свобода и возможность не встрѣчаютъ препятствій въ самой природѣ вещей. Такую же возможность, хотя можетъ быть только въ меньшей степени, имѣетъ и содержимый въ домашнемъ арестѣ, такъ какъ онъ не лишенъ ни свободы дѣйствія въ собственномъ домѣ, ни общенія съ своими домашними и даже посторонними. Итакъ, по смыслу закона, возможность скрыть слѣды преступленія, какъ обстоятельство, имѣющее вліяніе на принятіе только содержанія подъ стражею, собственно относится къ обвиняемымъ въ преступленіяхъ, влекущихъ лишеніе или всѣхъ правъ состоянія, или всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, такъ какъ только противъ нихъ высшею мѣрою обезпеченія служитъ содержаніе подъ стражею. Но спрашивается: развѣ обвиняемые въ преступленіяхъ менѣе важныхъ не стремятся и не могутъ стремиться къ скрытію слѣдовъ преступленій? Очевидно, что да, и однакожъ, принимая во вниманіе смыслъ закона, возможность скрытія слѣдовъ этого рода преступленій не можетъ имѣть прямаго вліянія на принятіе мѣръ пресѣченія противъ обвиняемыхъ въ сихъ преступленіяхъ. Ибо высшею противъ нихъ мѣрою пресѣченія законъ установилъ взятіе залога, а мы выше указали, что эти мѣры нисколько не отнимаютъ у подсудимаго возможности скрыть слѣды преступленія. Такимъ образомъ, законодатель, указывая на возможность скрытія слѣдовъ преступленія какъ на обстоятельство, могущее имѣть вліяніе на принятіе содержанія подъ стражею, принимаетъ его не въ видѣ общаго правила, а въ видѣ исключенія, которое, само по себѣ взятое, лишено твердаго основанія.

Признаніе возможности скрыть слѣды преступленія за обстоятельство, увеличивающее строгость мѣры пресѣченія, есть принадлежность чисто слѣдственнаго процеса, когда все искуство слѣдователя состояло въ томъ, чтобы самого подсудимаго заставить разсказать и открыть всѣ обстоятельства преступленія. Такой взглядъ былъ совершенно у мѣста, когда необходимою принадлежностью уголовнаго процеса была пытка. Но съ отмѣною ея обстоятельства измѣнились.

Служитъ-ли содержаніе въ тюрьмѣ средствомъ отнятія возможности у подсудимаго скрыть слѣды преступленія? Кому извѣстны состояніе нашихъ тюремъ и уголовная практика временъ Свода, тотъ хорошо знаетъ, что содержаніе въ тюрьмѣ не только не отнимало средствъ у подсудимаго скрывать слѣды преступленія, а напротивъ, увеличивало ихъ. До поступленія въ тюрьму подсудимый нерѣдко чистосердечнымъ разсказомъ способствовалъ раскрытію обстоятельствъ дѣла; послѣ поступленія, получивши наставленіе отъ тюремныхъ юристовъ, онъ начиналъ запутывать дѣло, безсовѣстно лгать и выдумывать обстоятельства, дававшія поводъ къ проволочкамъ и затемнѣнію дѣла. Не должно забывать и того, что если, по закону, содержаніе въ тюрьмѣ должно служить средствомъ отнятія возможности у подсудимаго незаконныхъ сношеній съ внѣ-тюремнымъ міромъ, то на самомъ дѣлѣ этого не бываетъ. Со введеніемъ Судебныхъ Уставовъ 1864 г. тюремная юриспруденція не можетъ имѣть прежняго вліянія на подсудимаго, уже потому самому, что признаніе и показанія подсудимаго потеряли прежнее значеніе. Но и до настоящаго времени содержаніе въ тюрьмѣ неесть еще отнятіе у подсудимаго возможности сношеній съ внѣ-тюремнымъ міромъ

Скрыть слѣды преступленія тому обвиняемому, который находится на свободѣ, не такъ-то легко, какъ съ перваго разу это кажется, особенно съ тѣхъ поръ, какъ искуство производить слѣдствія усовершенствовалось, и когда объективныя доказательства и улики получили такое рѣшительное вліяніе на произнесеніе обвинительнаго приговора. Извѣстно, что, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, совершители преступленій до совершенія и въ періодъ совершенія преступленія, вообще до начала слѣдствія, обращаютъ самое тщательное вниманіе на сокрытіе слѣдовъ преступленій; они иногда составляютъ цѣлый планъ, чтобы достигнуть этой цѣли. Однакожъ, рѣдкимъ изъ нихъ удается достигнуть цѣли, а если и удается, то все-таки они достигаютъ этого тотчасъ по совершеніи преступленія, прежде чѣмъ начато слѣдствіе, прежде чѣмъ возбуждено общее вниманіе. Преступленіе большею частью оставляетъ неизгладимые слѣды или на неодушевленныхъ предметахъ, или, хотя косвенные, въ памяти людской. Уничтожить ихъ въ большинствѣ случаевъ совершитель преступленія не въ силахъ, а въ ту минуту, когда возбуждено вниманіе и начато судебное слѣдствіе, стараніе скрыть слѣды преступленія нерѣдко ведетъ къ противоположному результату. Если бы скрывать и уничтожать слѣды преступленія, когда начато слѣдствіе, было такъ удобно, какъ это кажется съ перваго разу, тогда бы исчезла возможность открыть преступленіе безъ помощи содержанія подъ стражею, тогда бы пришлось возможность скрытія слѣдовъ принимать при принятіи мѣръ пресѣченія противъ обвиняемыхъ во всевозможныхъ преступленіяхъ, какъ бы малы они ни были. На самомъ же дѣлѣ ни законъ не повелѣваетъ, ни практика не учитъ примѣнять содержаніе въ тюрьмѣ, какъ мѣру пресѣченія и вмѣстѣ отнятія у многочисленнаго класса обвиняемыхъ возможности скрыть слѣды преступленія, и отъ этого, однакожъ, интересы правосудія не страдаютъ. Итакъ, разсуждая логически, слѣдуетъ одно изъ двухъ: или слѣдуетъ признать легкость возможности скрыть слѣды всѣхъ вообще преступленій—и тогда содержаніе въ тюрьмѣ употреблять какъ противодѣйствіе этому въ примѣненіи къ обвиняемымъ во всевозможныхъ преступленіяхъ,— выводъ хотя логическій, но несогласный съ закономъ, и такой, отъ котораго всякій долженъ отступиться. Или, не признавая такой легкости вообще, не слѣдуетъ признавать ее и относительно обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ,—а слѣдовательно, признавая несуществующею цѣль, слѣдуетъ измѣнить взглядъ на необходимость и средства.

Все сказанное клонится къ тому, чтобы показать, съ какою осмотрительностью судебный слѣдователь, при принятіи мѣръ пресѣченія, обязанъ относиться къ возможности скрыть слѣды преступленія, какъ обстоятельству, долженствующему, по закону, вліять на употребленіе содержанія подъ стражею. Эту возможность онъ долженъ разсматривать не in posse, а in isse, т. е. не предполагать ее вообще, а основывать на извѣстныхъ данныхъ. Въ противномъ случаѣ, для слѣдователя не будетъ и границы, предъ которой онъ могъ бы остановиться. Вообще говоря, желаніе скрыть слѣды преступленія присуще каждому совершившему преступленіе. Если слѣдователь будетъ дѣлать посылку

къ возможности для каждаго привести это желаніе въ исполненіе, тогда онъ потеряетъ всякую мѣру въ употребленіи содержанія подъ стражею, тогда не будетъ ни одного обвиняемаго въ преступленіи, подвергающемъ лишенію всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, какъ бы обвиненіе слабо ни было, котораго бы онъ не считалъ необходимымъ взять подъ стражу. Поэтому, с.-петербургская судебная палата въ высшей степени поступила справедливо, когда она признала незаконными дѣйствія судебнаго слѣдователя Лосовскаго, по предмету взятія подъ стражу Звенигородскаго, котораго упомянутый слѣдователь заключилъ подъ стражу, въ видахъ воспрепятствованія ему стачки съ свидѣтелями, между тѣмъ какъ въ то время стачка была уже невозможна, потому что главные свидѣтели были уже допрошены. Присемъ совершенно справедливо палата постановила, что «возраженіе Лосовскаго, заключающееся въ томъ, что при взятіи имъ Звенигородскаго подъ стражу не были еще спрошены свидѣтели: Опперманъ, Жуковская и Дуга, не заслуживаетъ уваженія, потому что съ графомъ Опперманомъ, какъ съ обвинителемъ, Звенигородскій не могъ имѣть стачки, а держать Звенигородскаго въ заключеніи пять мѣсяцевъ до спроса Жуковской и Дуги, изъ которыхъ послѣдній не могъ быть отысканъ за неизвѣстностью его мѣстожительства, Лосовскій по закону не имѣлъ никакого права». («Судебн. Вѣстн.» 1868 г. № 115). Судебный слѣдователь долженъ искать средствъ открытія истины не въ отрицательной мѣрѣ—лишеніи подсудимаго свободы,—а въ собственныхъ своихъ положительныхъ дѣйствіяхъ: быстротѣ производства, внимательномъ изученіи среды, въ которой совершено преступленіе, въ тщательности осмотровъ, освидѣтельствованій и обысковъ, въ обстоятельныхъ допросахъ.

Въ Уставѣ Угол. Судопр. указанъ полъ, какъ обстоятельство, долженствующее имѣть вліяніе на выборъ мѣръ пресѣченія. Само собою очевидно, что здѣсь разумѣется полъ женскій. Какъ болѣе слабая по натурѣ, женщина должна пользоваться нѣкоторымъ снисхожденіемъ во время слѣдствія. Притомъ, такъ какъ женщина вообще обнаруживаетъ меньше наклонности къ преступленію, такъ какъ она не обладаетъ той энергіею, которою обладаетъ мужчина въ преодолѣніи препятствій, такъ какъ, по соціальному своему положенію, она гораздо болѣе связана, чѣмъ мужчина, то, по этимъ соображеніямъ, такая энергическая мѣра какъ содержаніе подъ стражею должна быть употребляема противъ женщинъ рѣже. Въ Сводѣ было положительно постановлено, что женщины, имѣющія грудныхъ дѣтей, равно беременныя, кои могутъ быть поставлены въ необходимость родить во время самаго пребыванія въ тюрьмѣ, не берутся подъ стражу, развѣ по обвиненіямъ въ преступленіяхъ, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія Думаемъ, что этого правила не слѣдуетъ забывать и въ настоящее время, тѣмъ болѣе, что самъ Уставъ Угол. Судопр. не только сему не мѣшаетъ, но благопріятствуетъ, указывая на полъ и на состояніе здоровья, какъ на такія обстоятельства, которыя должны вліять на выборъ мѣръ.

Одно изъ самыхъ важныхъ обстоятельствъ, могущихъ вліять на выборъ

мѣръ пресѣченія, есть сила уликъ. Хотя въ Сводѣ Законовъ на это обстоятельство было также указано, но, по неточности стараго закона и по наслѣдованной отъ давнихъ временъ привычкѣ, слѣдователи старой системы очень мало придавали ему значенія; вслѣдствіе этого, какъ бы слабы и ничтожны улики ни были, слѣдователи не колебались, особенно по обвиненіямъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, брать подъ стражу подозрѣваемыхъ въ нихъ. Въ виду такого примѣра, современный слѣдователь долженъ съ особеннымъ вниманіемъ взвѣшивать силу уликъ, чтобы избрать именно ту мѣру, которая наиболѣе свойственна данному случаю. Тѣмъ болѣе онъ это обязанъ дѣлать, что въ рукахъ его находятся всѣ средства къ тому: путемъ слѣдственныхъ дѣйствій онъ собираетъ обыкновенно такой матеріалъ, который даетъ ему возможность судить, насколько слабы или сильны обвиненія. При принятіи мѣръ слѣдователь долженъ поступать подобно тому, какъ поступаетъ судья при постановленіи рѣшенія: какъ судья постановляетъ рѣшеніе на основаніе доказательствъ, такъ и слѣдователь долженъ опредѣлить ту или другую мѣру, только внимательно взвѣсивши силу уликъ. Особенно онъ долженъ вооружиться критическимъ взглядомъ въ томъ случаѣ, когда ему предстоитъ подвергнуть подозрѣваемаго содержанію подъ стражею, или принять противъ него такія мѣры пресѣченія, которыя, какъ отдача на поруки и взятіе залога, могутъ быть замѣняемы содержаніемъ подъ стражею. Такимъ образомъ, чѣмъ слабѣе оказываются улики, тѣмъ мягче противъ высшей законной мѣры должна быть принята дѣйствительная мѣра. Въ законѣ напр. содержаніе подъ стражею установлено какъ высшая мѣра по обвиненіямъ въ преступленіяхъ, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ или всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ. Въ данномъ случаѣ обвиненія въ одномъ изъ сихъ преступленій представляются очень слабыя улики противъ подозрѣваемаго; очевидно, слѣдователь, при принятіи мѣръ пресѣченія, долженъ избрать одну изъ слабѣйшихъ, скорѣе наприм. отобраніе вида на жительство, отдачу подъ особый надзоръ полиціи, чѣмъ отдачу на поруки, и уже ни въ какомъ случаѣ не взятіе залога. Ибо какъ отдача на поруки, такъ и взятіе залога, могутъ, при неимѣніи порукъ, денегъ или залогодателя, перейти въ содержаніе подъ стражею и, конечно, отдача на поруки съ меньшею вѣроятностью, взятіе залога съ большею, ибо гораздо легче найти поручителя, чѣмъ деньги. Поэтому, если бы слѣдователь, при слабости уликъ, сталъ опредѣлять, какъ мѣру пресѣченія, залогъ, то это для многихъ значило бы опредѣлять содержаніе подъ стражею, что въ сущности, противорѣчило бы если не буквѣ, то смыслу закона. Относительно оцѣнки уликъ, для каждаго слѣдователя должно быть очень поучительно вышеупомянутое рѣшеніе с.-петербургской судебной палаты, признавшей дѣйствія судебнаго слѣдователя Лосовскаго по поводу двухъ арестовъ незаконными. Лосовскій арестовалъ крестьянина Иванова, по обвиненію въ кражѣ денегъ у купца Соболева, на основаніи обвиненія Соболева и собственнаго показанія обвиняемаго, что онъ нѣсколько ночей провелъ въ Александровскомъ паркѣ. Палата признала, что Ивановъ былъ арестованъ по одному подозрѣнію, ничѣмъ неоправдавшемуся, и что вышеуказанные факты, послужившіе для слѣдователя

основаніемъ арестованія, по смыслу ст. 421 Уст. Угол. Суд., совершенно недостаточны для принятія этой мѣры («Суд. Вѣстн.» 1868 г. № 115).

Важность преступленія и строгость угрожающаго наказанія есть первая мѣрка для выбора мѣры пресѣченія. Выше мы изложили, какое соотвѣтствіе установилъ законъ между ними. Первоначально имѣлось въ виду установленіе нѣсколько иного соотвѣтствія. Въ проектѣ, начертанномъ Высочайше учрежденною при государственной канцеляріи коммисіею, залогъ предложенъ былъ высшею мѣрою пресѣченія для обвиняемыхъ не только въ преступленіяхъ, подвергающихъ заключенію въ смирительномъ домѣ и крѣпости, съ ограниченіемъ правъ состоянія, какъ это установлено въ Уст. Угол. Суд. 1864 г., но и въ преступленіяхъ, влекущихъ ссылку на житье въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ, или содержаніе въ рабочемъ домѣ, съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ (объяснит. зап. къ проект. Уст. Угол. Суд., стр. 197). Намъ неизвѣстно, какія соображенія были причиною того, что не принято было это проектированное соотвѣтствіе, а усвоено нынѣ дѣйствующее. Можетъ быть, не хотѣли отступать отъ той нормы, которая установлена была въ Сводѣ 1857 г. Нельзя, однакожъ, сказать, чтобы самое существо преступленій и наказаній перечили установленію проектированнаго, но непринятаго въ Уставѣ, соотвѣтствія. При оцѣнкѣ важности преступленія, съ цѣлью выбрать ту или другую мѣру пресѣченія, слѣдователь долженъ обращать вниманіе не на общій родовой, а на видовой, представляемый даннымъ случаемъ, характеръ преступленія. Такъ напримѣръ отнятіе жизни есть родовой характеръ убійства; отнятіе же жизни предумышленно, въ запальчивости, безъ намѣренія, въ дракѣ, при нанесеніи побоевъ, по неосторожности, и, наконецъ, случайно—это будутъ видовые признаки убійства. И такъ какъ разница преступности отдѣльныхъ видовъ убійства, наприм. предумышленнаго и по неосторожности, такъ велика, какъ велико различіе между ссылкою въ каторгу на 15 лѣтъ и заключеніемъ въ тюрьму на четыре мѣсяца (ст. 1454 и 1468 Улож. о нак.), то, очевидно, слѣдователь долженъ, при опредѣленіи мѣръ пресѣченія, обращать вниманіе не на родовой, а на видовой, данный характеръ преступленія, долженъ въ данномъ случаѣ смотрѣть не на то, что такое-то лицо обвиняется въ убійствѣ, отравленіи, поджогѣ, а на то, съ умысломъ-ли имъ совершено, по неосторожности или случайно. Только при такой постановкѣ вопроса слѣдователь дѣйствительно исполнитъ законъ, предписывающій соразмѣрять строгость мѣръ съ важностью преступленія и строгостью угрожающаго за оное наказанія, и, такимъ образомъ, сдѣлаетъ невозможнымъ повтореніе и продолженіе обычаевъ старой практики, которая содержала подъ стражею какъ обвиняемыхъ въ умышленныхъ, такъ и неосторожныхъ и даже случайныхъ преступленіяхъ.

§ 37. Въ Уст. Уг. Суд. сдѣлано важное нововведеніе относительно отнятія у подсудимаго, *посредствомъ имущественной отвѣтственности*, средствъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Мы видѣли, что хотя въ теченіе XVIII и XIX стол. въ нашемъ уголовномъ судопроизводствѣ существовала мѣра пресѣченія въ видѣ от-

дачи на поруки, но въ сущности она лишена была всякаго юридическаго характера, такъ какъ, не будучи сопряжена съ отвѣтственностью для поручителей, она не имѣла въ себѣ обязательной, сдерживающей силы. При такомъ характерѣ нѣтъ ничего удивительнаго, что она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выродилась даже въ спекуляцію. Имѣя это въ виду, составители Устава Угол. Суд. признали необходимымъ: во-первыхъ, ввести имущественную отвѣтственность поручителей; во-вторыхъ, установить еще одинъ видъ мѣръ пресѣченія—взятіе залога. Составители Устава, вводя въ Россіи два вида мѣръ пресѣченія посредствомъ имущественной отвѣтственности, очевидно, имѣли предъ собою два образца: англійское законодательство, представляющее развитіе системы поруокъ, и французское, въ которомъ разработана система залоговъ.

Хотя составители Устава и ввели денежную отвѣтственность поручителя, «согласно общепринятому въ иностранныхъ законодательствахъ правилу», но для русскаго криминалиста-теоретика и практика не должно быть безразлично и то, что имущественная отвѣтственность поручителей есть стародавнее, коренное русское учрежденіе, продолжавшее существовать съ незапамятныхъ временъ вплоть до Петра I, т. е. на памяти исторіи не меньше какъ въ теченіе семи вѣковъ. Итакъ, подобно тому, какъ введеніе устности, публичности, участія народа въ судѣ, есть столько же подражаніе Западу, сколько и возстановленіе нашихъ стародавнихъ учрежденій, такъ и введеніе денежной отвѣтственности должно считать возвращеніемъ къ прежнему порядку, испытанному собственнымъ опытомъ русскаго народа. Конечно, современная общественность мало похожа на ту, среди которой когда-то возникло и достигло широкихъ размѣровъ примѣненіе порукъ. Тѣмъ не менѣе, нѣтъ сомнѣнія, что и въ настоящее время существуютъ элементы для того, чтобы это стародавнее учрежденіе, хотя въ измѣненномъ видѣ, получило опять широкое развитіе. Самъ законъ, повидимому, указываетъ на эти элементы, говоря: «Всякое лицо, *общество* или управленіе можетъ взять обвиняемаго на поруки, съ принятіемъ на себя денежной отвѣтственности въ случаѣ уклоненія его отъ слѣдствія» (ст. 422). И въ настоящее время у насъ сельская община представляетъ круговую поруку въ платежѣ податей и отбываніи повинностей, и потому можетъ доставлять естественныхъ поручителей и въ дѣлахъ уголовныхъ, если только слѣдователи съумѣютъ надлежащимъ образомъ этимъ воспользоваться. Когда существовала опека въ лицѣ помѣщиковъ и въ лицѣ особыхъ учрежденій министерства государственныхъ имуществъ, представителямъ послѣдняго дано было право брать на поруки въ дѣлахъ уголовныхъ лицъ, состоящихъ подъ ихъ опекою. Съ уничтоженіемъ этой опеки крестьяне опять составили болѣе крѣпкую и болѣе самостоятельную общину, и эта-то община можетъ доставлять естественныхъ въ дѣлахъ уголовныхъ поручителей, которые въ состояніи замѣнить прежнюю опеку.

Другая однородная съ поруками мѣра пресѣченія это—взятіе залога. Взятіе залога отличается отъ поручительства тѣмъ, что при поручительствѣ ручатели обязываются внести опредѣленную сумму только въ случаѣ побѣга или уклоненія отъ слѣдствія и суда того, за котораго они ручаются; залогъ же со-

стоитъ въ томъ, что опредѣленная сумма или другое движимое имущество вносится тотчасъ въ обезпеченіе явки подсудимаго къ слѣдствію и суду (ст. 422 и 423 Уст. Угол. Суд.). При составленіи проекта Устава Уголовнаго Судопроизводства, члены коммисіи предполагали, чтобы въ залогъ было принимаемо какъ движимое, такъ и недвижимое имущество, чтобы слѣдователь, принимая въ залогъ недвижимое имущество, о наложеніи запрещенія въ суммѣ залога на это имущество дѣлалъ распоряженіе въ составляемомъ на этотъ случай постановленіи, за подписью своею и залогодателя (объясн. зап. къ пр. Уст. Угол. Суд., стр. 198). Но при окончательной редакціи принятіе въ залогъ недвижимаго имущества не было допущено, по его неудобству, такъ какъ, при существующей системѣ наложенія запрещеній, между сношеніемъ слѣдователя съ сенатскою типографіею и дѣйствительнымъ наложеніемъ запрещенія проходитъ около двухъ или болѣе мѣсяцевъ. Между тѣмъ, въ этотъ промежутокъ времени, когда еще не наложено запрещеніе на имѣніе, и когда, значитъ, представляющій залогъ имѣетъ возможность передать имущество въ другія руки, не приходится освобождать обвиняемаго изъ-подъ стражи, а ждать и содержать подъ стражею подсудимаго до того времени, пока не послѣдуетъ наложеніе запрещенія; это значило бы, въ большинствѣ случаевъ, содержать до окончанія предварительнаго слѣдствія (Уставы, изд. госуд. канц., т. II прим. къ 423 ст.). Нельзя не пожалѣть, что въ Уставъ не введены проектированныя статьи о принятіи въ залогъ недвижимаго имущества. Если процедура наложенія запрещенія на недвижимыя имущества длинна, то нельзя сказать, чтобы и передача недвижимыхъ имуществъ совершалась у насъ быстро. Притомъ, нельзя допустить, чтобы подсудимый или посторонній залогодатель, первый—въ виду новой уголовной отвѣтственности, второй—въ виду вообще уголовной отвѣтственности, такъ легко стали бы передавать въ иныя руки то имущество, которое ими уже представлено въ залогъ правительству. Наконецъ, возможно было для этого спеціальнаго случая упростить процедуру наложенія запрещенія. Все это мы говоримъ къ тому, чтобы показать, что устраненіемъ недвижимаго имущества отъ представленія въ залогъ пользованіе этою мѣрою пресѣченія для подсудимыхъ крайне затруднено.

При сравненіи природы двухъ однородныхъ мѣръ пресѣченія: отдачи на поруки и взятія залога,—легко замѣтить, что обѣ онѣ въ равной мѣрѣ могутъ противодѣйствовать уклоненію подсудимаго отъ слѣдствія и суда: та и другая прямо не отнимаютъ физической возможности побѣга, но обѣ онѣ въ равной мѣрѣ препятствуютъ этому косвенно, посредствомъ угрозы имущественнаго лишенія. Обладая одинаковымъ свойствомъ въ процесуальномъ отношеніи, онѣ, однакожъ, значительно между собою разнятся, по большей или меньшей трудности, съ которою обвиняемый можетъ пользоваться ими. Такъ, очевидно, что для подсудимаго несравненно легче найти такихъ лицъ, которыя, зная его и вѣря ему, изъявятъ готовность поручиться за исправную явку его въ судъ. Поручители, хорошо зная ручаемаго и имѣя достаточныя основанія вѣрить ему, собственно не только ничего не теряютъ, но и ничѣмъ не рискуютъ. Вслѣдствіе сего, обвиняемому, нелишенному довѣрія среды, въ которой онъ вращается,

не трудно найти поручителей. Совсѣмъ другое—взятіе залога. Здѣсь подсудимый долженъ или самъ владѣть извѣстнымъ движимымъ имуществомъ, или найти такихъ людей, которые бы владѣли такимъ имуществомъ и согласились бы ради его отдать оное въ залогъ, лишаясь на время пользованія имъ и неся такимъ образомъ потери. Хотя, притомъ, поручители принимаютъ на себя, въ случаѣ уклоненія обвиняемаго отъ слѣдствія, денежную отвѣтственность, но такъ какъ они денегъ не вносятъ и такъ какъ отъ нихъ не требуется удостовѣренія въ томъ, что деньги они имѣютъ, то очевидно, что въ случаѣ уклоненія отъ слѣдствія ручаемаго, они, при неимѣніи денегъ, должны отвѣчать вообще имуществомъ, какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ, которое можетъ быть превращено въ деньги; слѣдовательно, собственно говоря, поручители ручаются не только имуществомъ движимымъ, но и недвижимымъ. Между тѣмъ, залогъ можетъ состоять только во внесеніи или денегъ, или движимаго имущества,—слѣдовательно, не допускаетъ въ этомъ случаѣ утилизированія имущества недвижимаго. Отсюда естественно, что поручительство, дающее возможность утилизировать какъ имущество движимое, такъ и недвижимое, несравненно легче найти, чѣмъ залогъ, недопускающій вовсе эксплоатація имущества недвижимаго. Такимъ образомъ, объ эти мѣры, обладая въ равной степени обезпечительною силою въ дѣлѣ охраны интересовъ правосудія, значительно разнятся по своей доступности для подсудимаго. Если же взять во вниманіе, что какъ неотыскавшій порукъ, такъ и непредставившій залога, оба подвергаются домашнему аресту или содержатся подъ стражею (ст. 428 Уст. Угол. Судопр.), то легко понять, что неравенство доступности этихъ двухъ мѣръ гораздо значительнѣе по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ съ перваго разу это кажется. Залогъ, достигая въ равной мѣрѣ съ поруками цѣль обезпеченія правосудія, но будучи менѣе доступенъ для подсудимаго, не можетъ-ли сдѣлаться благовиднымъ предлогомъ содержанія подъ стражею того обвиняемаго, который въ состояніи найти поручителей, но лишенъ возможности представить залогъ, и личность котораго можетъ, однакожъ, быть столь же хорошо обезпечена для правосудія поручительствомъ, какъ и залогомъ? Поэтому, нельзя отстранить того вывода, осуществленіе котораго не невозможно—что залогъ, какъ мѣра пресѣченія, условія которой выполнить гораздо труднѣе, чѣмъ условія поручительства, сдѣлается доступнымъ только для людей достаточныхъ или богатыхъ, тогда какъ лица менѣе имущія, при равномъ уголовно-юридическомъ положеніи, не въ состояніи будутъ имъ пользоваться и принуждены будутъ терпѣть тюремное заключеніе, которое съ такимъ же успѣхомъ можетъ быть замѣнено поручительствомъ, какъ и залогомъ.

Могутъ возразить: залогъ, какъ мѣра пресѣченія, потому именно и затруднительнѣе для пользованія и тяжелѣе для подсудимаго, чѣмъ поручительство, что онъ опредѣляется для обвиняемыхъ въ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ, чѣмъ поручительство. Возраженіе это тогда можно бы было уважить, если бы цѣль установленія мѣръ пресѣченія состояла не въ томъ, чтобы единственно лишить подсудимаго возможности уклоняться отъ слѣдствія и суда, а въ томъ, чтобы

заставить его уже во время слѣдствія и суда претерпѣвать тѣмъ больше непріятностей, чѣмъ тяжелѣе то преступленіе, въ которомъ его обвиняютъ. Но дѣло въ томъ: что, во-первыхъ, пока обвиняемый не осужденъ, онъ не считается виновнымъ въ преступленіи, въ которомъ его обвиняютъ, а невиноватаго никто не имѣетъ права подвергать лишеніямъ; что, во-вторыхъ, примѣненіе мѣръ пресѣченія не есть право, а необходимость, оправдываемая не идеею справедливости, а мыслью, что въ мірѣ человѣческомъ часто приходится допускать и терпѣть неизбѣжное зло для устраненія зла большаго. Итакъ, если единственнымъ побужденіемъ къ установленію той или другой мѣры пресѣченія должна служить только необходимость отнять у подсудимаго средства уклоняться отъ слѣдствія и суда, то очевидно, что подсудимыхъ слѣдуетъ стѣснять настолько, насколько это необходимо; что всякое стѣсненіе, котораго, ничѣмъ не рискуя, можно избѣжать, слѣдуетъ устранять; что если бы можно было вовсе избѣжать энергическихъ мѣръ стѣсненія, безъ вреда для правосудія, то и тогда идея правосудія не была бы нарушена. Обвиняемые въ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ содержатся въ тюрьмѣ во время слѣдствія и суда не потому, что они обвиняются въ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ, а по тому предположенію, что обвиняемый въ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ, находясь подъ страхомъ ожидающаго его тяжкаго наказанія, имѣетъ болѣе побужденій уклоняться отъ слѣдствія и суда. Наибольшая стѣснительность здѣсь мотивируется не свойствомъ преступленія, а вліяніемъ страха наказанія на обвиняемаго: если бы было доказано, и если бы убѣдились, что обвиняемому, при извѣстной системѣ наказанія и при данной общественности, нѣтъ ни интереса, ни возможности скрыться отъ карающаго правосудія, то исчезла бы и необходимость предварительнаго тюремнаго заключенія. А если такъ, то очевидно, что изъ двухъ мѣръ пресѣченія, которыя, будучи по своей природѣ равно обезпечительны, разнятся однакожъ между собою по своей доступности и по своей тяжести для подсудимаго, слѣдуетъ всегда предпочитать ту, которою, по ея доступности, можетъ пользоваться большее число подсудимыхъ, и которая, при меньшихъ стѣсненіяхъ, достигаетъ той же цѣли, что и менѣе доступная и болѣе тяжелая.

Въ вопросѣ о примѣненіи поручительства и залога весьма важно опредѣленіе количества того и другаго. Коммисія, которой поручено было составленіе проекта Устава Уголовнаго Судопроизводства, весьма основательно отказалась установить какую нибудь опредѣленную норму. Въ самомъ дѣлѣ, установленіе въ законѣ опредѣленнаго размѣра поручительства или залога крайне неудобно, потому что случай случаю рознь: въ иномъ случаѣ и низшій закономъ установленный размѣръ могъ бы оказаться не по средствамъ бѣдняку, а въ другомъ случаѣ и высшій его размѣръ былъ бы очень малъ для человѣка богатаго. Поэтому коммисія признала за лучшее—опредѣленіе размѣра залога и поручительства предоставить судебному слѣдователю, съ тѣмъ, чтобы онъ соразмѣрялъ количество того и другаго съ строгостью наказанія, угрожающаго обвиняемому, и съ состояніемъ поручителя или залогодателя (ст. 424 Уст. Угол. Судопр.). Но сумма поручительства или залога ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть менѣе

количества вознагражденія, отыскиваемаго потерпѣвшимъ отъ преступленія, если искъ его подкрѣпляется достовѣрными доказательствами (ст. 425 Уст. Угол. Судопр.). Въ случаѣ побѣга обвиняемаго или уклоненія его отъ слѣдствія и суда, взысканная съ поручителя или представленная въ залогъ сумма, за отчисленіемъ изъ нея того количества денегъ, которое можетъ быть присуждено въ вознагражденіе потерпѣвшему отъ преступленія, обращается въ капиталъ на устройство мѣстъ заключенія (ст. 427). Итакъ, сумма залога или поручительства, требуемаго отъ обвиняемаго въ обезпеченіе его личности, не можетъ быть менѣе вознагражденія, отыскиваемаго гражданскимъ истцомъ, но это не можетъ стѣснять судебныя мѣста въ назначеніи залога въ большемъ размѣрѣ, сообразно съ строгостью наказанія, угрожающаго обвиняемому, и съ его состояніемъ (Сводъ рѣшеній кассац. департ. сената, изд. Утина, ч. I, стр. 38. Рѣш. 1867 г. № 118). Впрочемъ, нельзя думать, какъ съ перваго разу кажется, что этотъ юридическій minimum залога и поручительства, соотвѣтствующій количеству взысканія, бываетъ всегда и фактическимъ minimum'омъ. Напротивъ, практика доказываетъ, что онъ на самомъ дѣлѣ можетъ быть maximum'омъ. Слѣдователямъ и судамъ иногда приходится, на основаніи этого закона, опредѣлять очень большія суммы. Такъ напримѣръ, судебный слѣдователь потребовалъ съ Стребулаева залога въ 51,500 р.; петербургскіе: окружной судъ и палата, признали это требованіе правильнымъ («Судебн. Вѣстн.» 1867 г. № 258). Петербургская судебная палата нашла возможнымъ освободить изъ-подъ стражи купца Бѣлянева, если онъ найдетъ средства представить по себѣ залогъ въ суммѣ, равной стоимости билетовъ, въ поддѣлкѣ которыхъ онъ обвиняется, т. е. въ 55,000 р. («Судебн. Вѣстн.» 1868 г. № 113). При возможности опредѣленія такихъ значительныхъ суммъ и послѣдствій, отсюда происходящихъ, слѣдователи и судьи должны въ самомъ строгомъ смыслѣ принимать тѣ слова закона, которыми опредѣляется, въ какомъ случаѣ сумма поручительства или залога должна быть не менѣе количества отыскиваемаго вознагражденія потерпѣвшимъ отъ преступленія; въ законѣ сказано: *если искъ его* (потерпѣвшаго отъ преступленія) *подкрѣпляется достовѣрными доказательствами* (ст. 425). Такимъ образомъ, для опредѣленія залога или поручительства въ количествѣ вознагражденія недостаточно одного голословнаго исчисленія гражданскаго истца, недостаточно и заключеній слѣдователя, основанныхъ на однихъ лишь предположеніяхъ, а необходимо, чтобы первый представилъ доказательства своего исчисленія, а послѣдній опредѣлилъ обезпеченіе въ искомой суммѣ только тогда, когда доказательства иска оказываются достовѣрными. Слѣдователямъ не должно забывать и того, что залогъ и поручительство суть, за исключеніемъ взятія подъ стражу, единственныя мѣры по дѣламъ казеннаго управленія (ст. 1164 Уст. Угол. Судопр.), и что основывать исчисленіе количества вознагражденія, а вмѣстѣ залога или поручительства, по обвиненіямъ въ этого рода преступленіяхъ, на предположеніяхъ—это нерѣдко значило бы дѣлать такія распоряженія, изъ которыхъ бы проистекало легкомысленное лишеніе свободы преступниковъ, рѣшительно нетребующихъ такой строгой мѣры пресѣченія.

Долженъ-ли слѣдователь соразмѣрять сумму поручительства и залога съ количествомъ вознагражденія по собственной иниціативѣ, хотя бы не было въ виду гражданскаго иска и истца, или только въ томъ случаѣ, когда потерпѣвшій отъ преступленія именно заявляетъ требованіе о вознагражденіи? Вопросъ этотъ разрѣшается во второмъ смыслѣ слѣдующими словами той же 425 статьи: «Сумма поручительства или залога ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть менѣе количества вознагражденія, *отыскиваемаго потерпѣвшимъ отъ преступленія, если искъ его подкрѣпляется достовѣрными доказательствами*». Выраженія: «*вознагражденія, отыскиваемаго*», «*если искъ его подкрѣпляется*»— ясно указываютъ на то, что законъ въ этомъ случаѣ требуетъ, чтобы искъ былъ заявленъ. Допустить рѣшеніе вопроса въ первомъ смыслѣ, т. е. въ томъ, что слѣдователь опредѣляетъ сумму обезпеченія личности подсудимаго, по количеству слѣдуемаго вознагражденія, самъ собою, по собственной иниціативѣ, нельзя потому, что тогда бы упомянутыя выраженія закона: *искъ*, *отыскиваемаго*, не имѣли бы смысла. Притомъ допустить такой способъ рѣшенія, это значило бы отступить отъ того общепринятаго положенія гражданскаго права, по которому судъ, безъ просьбы частнаго лица, самъ не заботится объ обезпеченіи его интересовъ; это значило-бы основать оцѣнку количества вознагражденія не на точныхъ данныхъ, которыя долженъ представить гражданскій истецъ, а на однихъ предположеніяхъ слѣдователя.

Рѣшеніе с.-петербургской судебной палаты по частной жалобѣ купца Бѣляева, на которое мы уже не разъ ссылались, вызываетъ слѣдующій чрезвычайно важный вопросъ: когда наложено запрещеніе на имущество обвиняемаго, въ обезпеченіе могущаго пасть на него взысканія причиненныхъ его поступкомъ убытковъ, слѣдуетъ-ли въ этомъ случаѣ сумму поручительства или залога опредѣлять въ количествѣ не меньшемъ суммы отыскиваемаго вознагражденія, или такъ какъ это послѣднее уже обезпечено наложеніемъ запрещенія, то, вслѣдствіе этого, нѣтъ необходимости сообразовать назначеніе суммы поручительства и залога съ количествомъ вознагражденія? Чтобы нагляднѣе представить сущность рѣшенія этого вопроса палатою, я изложу содержаніе дѣла, его вызвавшаго. Бѣляевъ просилъ судебную палату освободить его отъ содержанія подъ стражею. Изъ дѣла видно было, что, по представленію судебнаго слѣдователя, окружной судъ въ январѣ и іюлѣ 1867 года наложилъ, въ суммѣ 55,000 р., запрещеніе на недвижимое имѣніе Бѣляева и арестъ на причитающійся къ выдачѣ ему изъ Московскаго страховаго общества въ вознагражденіе за сгорѣвшіе товары денежный капиталъ въ 10,000 руб. Сумма запрещенія въ 55,000 р. равнялась суммѣ тѣхъ билетовъ, въ поддѣлкѣ коихъ Бѣляевъ обвинялся, и которая могла быть присуждена въ вознагражденіе убытковъ, происшедшихъ отъ преступленія. Имѣя все это въ виду, тѣмъ не менѣе судебная палата опредѣлила: освободить купца Бѣляева изъ-подъ стражи, если онъ представитъ залогъ въ суммѣ 55,000 р., т. е. въ суммѣ, равной стоимости билетовъ, въ поддѣлкѣ которыхъ онъ обвиняется, такъ какъ эта сумма можетъ быть, по силѣ 573 ст. Улож. о нак., присуждена съ него ко взысканію.

Итакъ, очевидно, с.-петербургская судебная палата считаетъ, что наложеніе запрещенія на имѣніе въ обезпеченіе могущаго быть присужденнымъ съ обвиняемаго взысканія, въ возмѣщеніе причиненныхъ преступленіемъ убытковъ, нисколько не устраняетъ необходимости и обязанности соразмѣрять сумму поручительства или залога съ количествомъ вознагражденія, которое можетъ быть присуждено ко взысканію. Этотъ способъ рѣшенія поставленнаго вопроса едва-ли можно признать правильнымъ. Цѣль установленія закономъ mini mum'а поручительства или залога въ количествѣ могущаго пасть на подсудимаго гражданскаго взысканія, ясна и опредѣленна, чтобы въ ней можно было сомнѣваться: она состоитъ не въ томъ, чтобы болѣе затруднить представленіе залога, а единственно только въ томъ, чтобы, такъ сказать, однимъ разомъ, одною мѣрою достигнуть двухъ цѣлей: пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда и обезпеченія возможности пострадавшему отъ преступленія получить убытки. Что законъ именно установилъ количество поручительства и залога въ суммѣ гражданскаго вознагражденія съ указанною цѣлью, это видно изъ того, что, въ случаѣ побѣга обвиняемаго или уклоненія его отъ слѣдствія и суда, изъ взысканной съ поручителя или съ представленной въ залогъ суммы прежде всего отчисляется такое количество, какое можетъ слѣдовать въ вознагражденіе потерпѣвшему отъ преступленія (ст. 427). Теперь, если, независимо отъ принятія мѣры пресѣченія, было наложено запрещеніе на имущество обвиняемаго, въ обезпеченіе могущаго на него пасть гражданскаго взысканія, спрашивается: какая послѣ этого остается необходимость соразмѣрять сумму поручительства или залога съ количествомъ вознагражденія? По нашему мнѣнію, опредѣлять послѣ сего поручительство или залогъ въ указанной соразмѣрности— это значитъ или предпринимать двойное обезпеченіе гражданскаго взысканія, чего законъ не предписываетъ, да и не можетъ предписывать,—или считать, что это соразмѣреніе установлено закономъ въ видахъ затруднить доступъ къ пользованію поручительствомъ или залогомъ, что также несогласно съ духомъ закона. На основаніи этихъ-то соображеній, слѣдуетъ признать, что, по смыслу закона, нѣтъ необходимости соразмѣрять сумму поручительства или залога съ количествомъ гражданскаго взысканія, когда сіе послѣднее обезпечено или можетъ быть обезпечено наложеніемъ запрещенія на имущество.

§ 38. Въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства опредѣленно не сказано, чтобы судебный слѣдователь, при принятіи вообще мѣръ пресѣченія, обязанъ былъ составлять постановленіе; эта обязанность спеціально на него возлагается только при опредѣленіи отдачи на поруки, взятія залога и содержанія подъ стражею (ст. 426, 430 и 431). Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отдать предпочтеніе наказу судебнымъ слѣдователямъ 1860 г., 87-я статья котораго положительно требуетъ, чтобы слѣдователь не только о личномъ задержаніи, но и домашнемъ арестѣ, отдачѣ подъ надзоръ полиціи или на поруки составлялъ постановленіе, которое онъ въ теченіе сутокъ обязанъ объявить лицу, до котораго оно касается. Но что и по вступленіи въ дѣйствіе Устава 1864 г. слѣдо-

ватель обязанъ составлять постановленіе не только объ отдачѣ на поруки, взятіи залога и содержаніи подъ стражею, но и о другихъ мѣрахъ,—это само собою вытекаетъ изъ самаго свойства этихъ мѣръ и ихъ принудительнаго характера, которымъ онѣ должны обладать и который онѣ получаютъ вслѣдствіе облеченія ихъ въ форму. Необходимость облеченія самыхъ даже легкихъ мѣръ въ форму требуется въ видахъ обезпеченія интересовъ подсудимаго и предотвращенія неправильныхъ дѣйствій со стороны судебнаго слѣдователя. Привлеченный къ слѣдствію долженъ знать: кто, за что и почему отбираетъ у него видъ на жительство, или отдаетъ его подъ особый надзоръ полиціи, или подвергаетъ домашнему аресту,—чтобы имѣть въ рукахъ разумное основаніе или подчиниться безапелляціонно распоряженію слѣдователя, или обжаловать его распоряженіе суду. Съ своей стороны, судебный слѣдователь долженъ прежде отдать отчетъ въ томъ, что онъ предпринимаетъ, и только тогда предпринимать, а составленіе постановленія есть одна изъ побудительныхъ причинъ къ такой осмотрительности. О принятіи мѣръ пресѣченія противъ священнослужителей и монашествующихъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, слѣдователь немедленно извѣщаетъ ближайшее духовное начальство обвиняемаго (ст. 1023 Уст. Уг. Суд.).

Въ законѣ сказано, что въ принятіи поручительства или залога слѣдователь составляетъ постановленіе, которое подписывается какъ имъ, такъ и поручителемъ или залогодателемъ, и выдается имъ въ копіи (ст. 426). Эта статья вызываетъ вопросъ: достаточно-ли, при опредѣленіи этихъ мѣръ, только этого постановленія, или еще необходимо какое нибудь другое? Принимая во вниманіе, что въ этой статьѣ идетъ рѣчь не объ опредѣленіи мѣры пресѣченія, состоящей въ поручительствѣ или залогѣ, а о принятіи уже условій самаго поручительства или залога, что составляетъ результатъ рѣшимости слѣдователя принять эти мѣры; принимая далѣе во вниманіе, что это постановленіе подписывается какъ слѣдователемъ, такъ и поручителемъ или залогодателемъ, и что посему оно имѣетъ видъ обязательства, подписываемаго большею частью лицомъ неприкосновеннымъ къ уголовному дѣлу, и потому не можетъ содержать основаній принятія самой мѣры, что можетъ интересовать только обвиняемаго, но не его поручителей или залогодателей,—слѣдуетъ признать, что, независимо отъ постановленія о принятіи поручительства или залога, необходимо составленіе предварительно особаго постановленія, въ которомъ должны быть объяснены основанія опредѣленія той или другой мѣры. Подобно тому, какъ слѣдователь, принимая въ данномъ случаѣ за мѣру пресѣченія отдачу подъ надзоръ полиціи или домашній арестъ, предварительно обязанъ составить постановленіе о принятіи одной изъ этихъ мѣръ пресѣченія, и уже потомъ, для осуществленія своего опредѣленія, написать сообщеніе полиціи объ учрежденіи надзора или домашняго ареста, такъ точно и принимая за мѣру пресѣченія поручительство или залогъ, слѣдователь прежде обязанъ составить опредѣленіе о причинѣ принятія этихъ мѣръ, а потомъ, для приведенія въ исполненіе своего опредѣленія, составить постановленіе объ условіяхъ, на которыхъ поручитель или залогодатель беретъ подъ свою отвѣтственность явку въ судъ обвиняемаго. Только при составленіи

этихъ двухъ постановленій будутъ вполнѣ обезпечены какъ интересы подсудимаго, такъ и интересы правосудія: первое постановленіе будетъ юридическою формою самаго принятія мѣры, второе—такою же формою тѣхъ условій, въ которыя съ государствомъ вступаетъ третье лицо, ручающееся за обвиняемаго; первое постановленіе носитъ на себѣ чисто публичный характеръ, второе имѣетъ характеръ гражданскій. При обсужденіи этого вопроса не мѣшаетъ имѣть въ виду форму старой поручной записи, бывшей въ обычаѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ въ древней Россіи: эта поручная запись была чисто гражданскаго характера; но, между прочимъ, потому, что кромѣ ея не было составляемо никакого другаго постановленія о самомъ основаніи принятія порукъ, произошло то, что, при напорѣ государственныхъ интересовъ, поруки въ уголовномъ судопроизводствѣ потеряли значеніе и силу.

Самыя точныя правила помѣщены въ Уставѣ относительно постановленія о взятіи подъ стражу. Постановленіе это должно содержать точное означеніе: 1) кѣмъ именно и когда сдѣлано постановленіе; 2) званія, имени, отчества и фамиліи или прозвища задержаннаго лица; 3) преступленія, въ которомъ задержанный обвиняется или подозрѣвается, и 4) основаній задержанія. Въ концѣ постановленія должна быть подпись того, кѣмъ оно сдѣлано (ст. 430). Постановленіе о взятія подъ стражу предъявляется обвиняемому при самомъ отправленіи его въ мѣсто заключенія и, во всякомъ случаѣ, до истеченія сутокъ отъ времени его задержанія. Копія съ сего постановленія доставляется въ мѣсто заключенія обвиняемаго (ст. 431). Въ мѣстахъ заключенія ведутся реестры, въ которыхъ, при самой сдачѣ арестанта, означается постановленіе о его задержаніи. Въ реестрѣ росписываются сдающій и принимающій арестанта, причемъ первый получаетъ, вмѣсто квитанціи, выписку изъ статьи реестра, для представленія слѣдователю (ст. 432). Кромѣ этихъ общихъ правилъ, установлены особыя относительно нѣкоторыхъ лицъ: такъ, о взятіи подъ стражу священнослужителя и монашествующаго немедленно извѣщается его ближайшее начальство, для надлежащихъ съ его стороны распоряженій къ отвращенію остановки въ богослуженіи и исправленіи духовныхъ требъ (ст. 1023 Уст. Уг. Суд). Полиція, мировой судья или судебный слѣдователь, сдѣлавъ распоряженіе о взятіи подъ стражу лица военнаго вѣдомства внѣ казармъ, или вообще внѣ мѣстъ, состоящихъ въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго начальства, увѣдомляютъ о семъ въ то же время начальство взятаго подъ стражу (ст. 1241 Уст. Уг. Суд.). О взятіи подъ стражу преподавателя или чиновника университета, по обвиненію въ уголовномъ преступленіи, увѣдомляется университетъ (§ 139 общ. унив. уст.).

Исполненіе предписанныхъ закономъ формальностей при взятіи подъ стражу совершенно необходимо для огражденія личной свободы гражданъ и для отвращенія злоупотребленій со стороны слѣдователя. Во время дѣйствія Свода должностныя лица различныхъ наименованій пользовались правомъ ареста, не будучи обязаны своею подписью и обозначеніемъ своего имени удостовѣрять, что взятіе подъ арестъ есть именно ихъ дѣло. Теперь подпись слѣдователя не можетъ оставить въ тѣни или въ неизвѣстности личность арестующаго и потому

устраняетъ всякое сомнѣніе и недоразумѣнія при рѣшеніи вопроса объ отвѣтственности за незаконный арестъ. Въ прежнее время нерѣдкость было встрѣтить въ тюрьмахъ арестантовъ, о которыхъ никто, ни даже они сами, не могли дать свѣдѣній: когда, за что и по чьему распоряженію они посажены въ тюрьму. Со введеніемъ упомянутыхъ формальностей, подобные случаи сдѣлаются или невозможными, или явятся въ видѣ непростительныхъ злоупотребленій. Въ періодъ дѣйствія Свода арестъ былъ дѣломъ факта, которому, повидимому, не придавали значенія настолько, чтобы упоминать о немъ въ видѣ краткаго замѣчанія; безъ этого упоминанія дѣло часто достигало высшей инстанціи, то-есть фактъ арестованія оставался какъ бы незамѣченнымъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. По Уставу только тотъ арестъ можетъ быть признанъ законнымъ, который облеченъ въ предписанную форму. Подсудимый имѣетъ полное право считать свое арестованіе, необлеченное въ закономъ предписанную формальность, незаконнымъ и принести на примѣненіе его жалобу. Лица, завѣдывающія мѣстами заключенія, не только имѣютъ право, но даже обязаны, подъ страхомъ отвѣтственности, не принимать въ мѣста заключенія тѣхъ, которые присылаются въ тюрьму для содержанія безъ копіи съ постановленія, установленнаго 430 ст. Устава. «Требованіе о взятіи подъ стражу, сказано въ 9 ст. Уст. Уг. Суд., подлежитъ исполненію лишь въ томъ случаѣ, когда оно послѣдовало въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами настоящаго Устава». Относительно того, въ какой степени важно, при арестованіи подсудимаго, соблюденіе всѣхъ предписанныхъ закономъ формальностей, можетъ служить наставленіемъ весьма основательное постановленіе петербургской судебной палаты, на которое мы уже не разъ ссылались, объ арестованіи Звенигородскаго судебнымъ слѣдователемъ Лосовскимъ. Лосовскій арестовалъ Звенигородскаго, чтобы предотвратить стачку его съ свидѣтелями; въ такомъ смыслѣ онъ составилъ и постановленіе объ арестованіи. Между тѣмъ, хотя не было нужды въ предотвращеніи стачки, слѣдователь продолжалъ держать въ тюрьмѣ Звенигородскаго пять мѣсяцевъ на основаніи упомянутаго постановленія. Въ оправданіе себя, Лосовскій объяснялъ, что, арестуя Звенигородскаго, онъ имѣлъ въ виду, независимо отъ свидѣтельскихъ показаній, и другія противъ него улики въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи. Палата признала, что это объясненіе не можетъ оправдывать Лосовскаго, такъ какъ въ семъ случаѣ онъ былъ обязанъ составить постановленіе не о задержаніи Звенигородскаго впредь до спроса свидѣтелей, *а о безусловномъ его арестованіи, съ обстоятельнымъ изложеніемъ въ томъ постановленіи основаній къ его задержанію*. Палата весьма основательно поступила, когда она признала безусловно необходимымъ объясненіе въ постановленіи основаній, по которымъ слѣдователь арестуетъ подозрѣваемаго.

§ 39. Чтобы оградить личность гражданина отъ незаконнаго задержанія подъ стражею, въ Уставѣ установленъ съ этою цѣлью рядъ правилъ относительно надзора за взятіемъ подъ стражу. Одни изъ этихъ правилъ имѣютъ въ виду предупредить по формѣ незаконное задержаніе подъ стражею, другія же ка-

саются предупрежденія незаконныхъ по внутреннимъ причинамъ задержаній подъ стражею и относятся къ общему надзору за производствомъ предварительнаго слѣдствія.

Въ предупрежденіе явно незаконныхъ задержаній въ Уставѣ содержатся слѣдующія правила. Каждый судья и каждый прокуроръ, который, въ предѣлахъ своего участка или округа, удостовѣрится въ задержаніи кого либо подъ стражею, безъ постановленія уполномоченныхъ на то мѣстъ и лицъ, обязанъ немедленно освободить неправильно лишеннаго свободы (ст. 10). Судья или прокуроръ, до свѣдѣнія коего дошло, что, въ предѣлахъ его участка или округа, кто либо содержится не въ надлежащемъ мѣстѣ заключенія, долженъ принять мѣры къ содержанію его въ установленномъ порядкѣ (ст. 11).

Эти правила составляютъ прямое слѣдствіе того общаго правила, по которому никто не можетъ быть ни задержанъ подъ стражею иначе, какъ въ случаяхъ, законами опредѣленныхъ, ни содержимъ въ помѣщеніяхъ, неустановленныхъ на то закономъ (ст. 9).

Прежде всего въ этихъ правилахъ обращаютъ на себя вниманіе слова: «каждый судья». Слѣдуетъ-ли понимать эти слова въ обширномъ смыслѣ, т. е., что, сверхъ лицъ прокурорскаго надзора, каждый слѣдователь, каждый членъ окружнаго суда и судебной палаты, каждый предсѣдатель и товарищъ предсѣдателя означенныхъ судовъ, каждый мировой судья, какъ участковый, такъ и почетный, имѣютъ право и обязанность немедленно освободить неправильно лишеннаго свободы; или же слѣдуетъ принимать упомянутыя слова въ тѣсномъ смыслѣ, т. е., что они обнимаютъ, сверхъ лицъ прокурорскаго надзора, только мировыхъ судей? Изъ предварительныхъ работъ, предшествовавшихъ изданію Устава, не вполнѣ ясно обнаруживается смыслъ этихъ словъ. Въ проектѣ Устава Уголовнаго Судопроизводства эти двѣ статьи были редактированы иначе и опредѣленнѣе. Тамъ было сказано, что наблюденіе за точнымъ исполненіемъ правила, содержащагося въ 9 ст. Устава, вмѣняется въ обязанность уголовнымъ судамъ и лицамъ прокурорскаго надзора. Но потомъ принята была настоящая редакція коммисіею, окончательно редактировавшею Уставъ. По поводу этого вопроса члены этой коммисіи выражались такъ: «Мировой или *иной судья*, посѣтивъ острогъ, признаетъ, что такой-то арестантъ содержится незаконно и отдастъ приказъ о немедленномъ его освобожденіи», или: «Обязанность пресѣкать подобное насиліе (заключеніе не въ надлежащемъ мѣстѣ) должна лежать *безразлично* на каждомъ судѣ, судебномъ слѣдователѣ, или лицѣ прокурорскаго надзора, имѣющихъ къ тому возможность» (объясн. зап. къ Уст. Уг. Суд., стр. 199 и 201). Изъ этихъ словъ можно заключить, что составители, повидимому, подъ словомъ «каждый судья» разумѣли не только мировыхъ судей, но и членовъ и предсѣдателей другихъ судовъ. Если такъ, то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что редакторы выразились въ этомъ случаѣ не точно, ибо словомъ «судья» можно назвать, въ буквальномъ смыслѣ, только мироваго судью, такъ какъ онъ дѣйствуетъ, рѣшаетъ, вообще судитъ единолично и потому онъ есть судья въ обширномъ собственномъ смыслѣ. Другія же лица, исполняющія судейскія обязанности, не назы-

ваются судьями, а носятъ другія спеціальныя названія, какъ-то: сенаторовъ-членовъ кассаціонныхъ департаментовъ сената, предсѣдателей, товарищей предсѣдателя и членовъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ; эти лица рѣшаютъ и судятъ не однолично, а въ извѣстномъ составѣ членовъ. Поэтому, относительно рѣшенія дѣлъ мировыми судьями говорится, что судья постановилъ, опредѣлилъ, рѣшилъ, а относительно рѣшенія дѣлъ другими судебными установленіями говорится: окружной судъ, судебная палата, правительствующій сенатъ опредѣлилъ, рѣшилъ и т. п. Въ то время, какъ мировые судьи имѣютъ въ уголовныхъ дѣлахъ право иниціативы и пользуются не только распорядительною, но и судебною властью въ цѣломъ ея объемѣ,—изъ другихъ лицъ, исполняющихъ судейскія обязанности, предсѣдатели и члены судовъ разныхъ наименованій лишены права иниціативы, а послѣдніе и распорядительной власти, судебною же властью всѣ они обладаютъ только въ составѣ съ другими членами суда; даже распорядительная власть, принадлежащая однолично предсѣдателямъ и предсѣдательствующимъ, ограниченнѣе по объему той, которая принадлежитъ мировымъ судьямъ. Отсюда само собою очевидно, что, по самому своему положенію, лица, исполняющія судейскія обязанности, за исключеніемъ мировыхъ судей, а также судебныхъ слѣдователей, поставлены въ такое положеніе, которое совершенно неблагопріятствуетъ выполненію возлагаемой на нихъ 10 и 11 ст. Уст. Уг. Суд. обязанности; эта обязанность для нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. членовъ окружныхъ судовъ, судебныхъ палатъ, составляетъ совершенное противорѣчіе съ общимъ очертаніемъ круга ихъ дѣятельности: кругъ ихъ нормальной дѣятельности такъ очерченъ, что они только развѣ случайно могутъ натолкнуться на неправильное лишеніе свободы, въ смыслѣ 10 ст., и на содержаніе не въ надлежащемъ помѣщеніи. При составленіи 10 и 11 ст., члены коммисіи, окончательно редактировавшей Уставъ Уголовнаго Судопроизводства, имѣли въ виду главнымъ образомъ англійское законодательство. Въ объяснительной запискѣ говорится: «Въ нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ законодательство постановляетъ самыя строгія правила въ огражденіе личной свободы каждаго изъ членовъ общества. Всѣмъ извѣстенъ англійскій Habeas corpusact, по которому освобожденіе неправильно арестованнаго производится судомъ «Королевской скамьи», но англійское право представляетъ еще болѣе простое средство отвращенія незаконныхъ арестовъ. Каждый судья въ Англіи, который имѣетъ право судить извѣстное лицо или предсѣдательствовать въ томъ судѣ, который долженъ его судить, вправѣ отпустить арестованнаго подъ поручительство, если замѣтитъ, что противъ него нѣтъ никакого обвинительнаго акта, или что онъ содержится не по силѣ такъ называемаго commitment, приговора объ отсылкѣ къ присяжнымъ, или же, если судья клятвою обвиняемаго удостовѣрится въ незаконности ареста, или изъ доказательствъ увидитъ неосновательность отказа въ поручительствѣ» (объяс. зап. къ Уст. Уг. Суд., стр. 200). Но англійская система не можетъ въ этомъ случаѣ служить образцомъ, потому что каждый членъ трехъ англійскихъ королевскихъ судовъ дѣйствуетъ, рѣшаетъ и судитъ столько же въ коллегіи, сколько и однолично,—въ послѣднемъ случаѣ тогда, когда онъ держитъ ассизы въ графствахъ—

поэтому, члена англійскихъ судовъ можно назвать въ собственномъ смыслѣ судьею. Составители Устава Уголовнаго Судопроизводства, дѣлая такую ссылку на англійское судопроизводство, выпустили, сверхъ того, изъ виду существеннѣйшую черту различія положенія судебной власти въ Англіи и у насъ, ту черту различія, которая сообщаетъ совсѣмъ иной, чѣмъ въ Англіи, характеръ праву судьи немедленно освобождать изъ-подъ стражи лишеннаго незаконно свободы: въ Англіи судебная власть пользуется этимъ правомъ безъ ограниченія; у насъ же хотя, по общему праву, никто не можетъ подлежать преслѣдованію за преступленіе и проступокъ, не бывъ привлеченъ къ отвѣтственности въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами Устава Уголовнаго Судопроизводства, т. е. не бывъ привлеченъ компетентною судебною властью, но по исключенію полицейскія и другія административныя власти, для предупрежденія и пресѣченія преступленій и проступковъ въ порядкѣ, установленномъ законами, могутъ принимать мѣры, помимо и независимо отъ судебной власти (Уст. Уг. Суд. ст. 1 и прим. къ ней).

Другой важный вопросъ, который возбуждаютъ разсматриваемыя нами статьи, состоитъ въ томъ, какихъ именно неправильно лишенныхъ свободы каждый судья и каждый прокуроръ обязанъ немедленно освободить, и какія мѣста заключенія слѣдуетъ считать ненадлежащими?

Содержаніе подъ стражею можетъ быть незаконно или потому, что оно сдѣлано по распоряженію лицъ и мѣстъ къ тому неуполномоченныхъ, или потому, что оно произведено безъ соблюденія формальностей, т. е. безъ составленія постановленія о заключеніи подъ стражу, или наконецъ потому, что оно, будучи произведено уполномоченнымъ лицомъ съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, лишено однакожъ внутреннихъ причинъ и законныхъ основаній. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ 10 статьѣ разумѣются только два первые вида незаконнаго ареста, т. е. арестъ незаконный по формѣ, и ни въ какомъ случаѣ 10-я статья не касается ареста третьяго вида, т. е. незаконнаго по содержанію. Ибо прекращеніе этого послѣдняго вида ареста совершается по другимъ правиламъ, такъ сказать, нормальнымъ путемъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже: примѣнять установленный 10 ст. способъ къ прекращенію третьяго вида ареста значило бы вводить анархію въ отправленіе суда. Судья можетъ немедленно освободить изъ-подъ стражи только того, который лишенъ свободы лицомъ, неимѣющимъ права производить арестъ. Это правило вызвано вѣковыми злоупотребленіями практики прошедшаго періода. «До сей поры—говорится по этому поводу въ объяснительной запискѣ—правомъ задержанія пользовались не только всякая власть и всякое начальство, но и частныя лица, занимавшія выгодное положеніе въ обществѣ.» (Об. зап. Уст. Угол. Суд., стр. 202). Противъ этихъ-то злоупотребленій и направлена ст. 10, когда она уполномочиваетъ судей и прокуроровъ немедленно освобождать арестованнаго безъ постановленія уполномоченныхъ на то мѣстъ и лицъ. По силѣ этой же статьи, судьи и прокуроры обязаны немедленно освобождать изъ-подъ стражи также и тѣхъ, которые бы были заключены подъ стражу вообще безъ постановленія, ибо 9 статьею запрещается исполнять требованіе о взятіи подъ стражу, когда оно послѣдовало не въ порядкѣ, опредѣленномъ пра-

вилами Устава. Къ такому же порядку принадлежитъ составленіе постановленія; слѣдовательно, если бы кто, вопреки этому правилу, былъ взятъ подъ стражу безъ составленія постановленія, то такой арестъ долженъ быть прекращенъ, такъ какъ безъ постановленія нѣтъ возможности удостовѣриться, уполномоченнымъ или неуполномоченнымъ лицомъ произведенъ арестъ.

Что касается принятія мѣръ къ предотвращенію содержанія не въ надлежащемъ мѣстѣ заключенія, то судьи и прокуроры обязаны прекращать столь часто встрѣчавшіеся въ прежнее время случаи содержанія подъ стражею въ такихъ напр. мѣстахъ, какъ: сарай, подвалъ, амбаръ, нежилой домъ, вообще заключеніе въ иномъ мѣстѣ, кромѣ тѣхъ, которыя именно предназначены для сего закономъ. Члены коммисіи справедливо мотивировали необходимость такого правила, между прочимъ, тѣмъ, что при произвольномъ задержаніи въ мѣстѣ, не предназначенномъ для того закономъ, задержанное лицо естественно можетъ быть лишено физической возможности подать жалобу или просьбу о своемъ освобожденіи.

Далѣе, въ разсматриваемой статьѣ говорится такъ о судьѣ или прокурорѣ, которые обязаны прекращать незаконный или не въ надлежащемъ мѣстѣ арестъ: «который, въ предѣлахъ своего округа или участка, *удостовѣрится* въ задержаніи кого либо подъ стражею безъ постановленія» и проч. Въ чемъ состоитъ это удостовѣреніе и какіе способы представляются судьямъ и прокурорамъ удостовѣряться въ подобныхъ незаконныхъ арестахъ? Что лица прокурорскаго надзора имѣютъ и возможность и способы открывать подобные аресты и въ нихъ удостовѣряться—это совершенно ясно: представители прокурорскаго надзора имѣютъ эту возможность при обязательномъ посѣщеніи тюремъ; ни одно уголовное слѣдствіе не можетъ быть начато безъ ихъ вѣдома или иниціативы; они находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ полиціею, слѣдователями и подсудимыми. Мировые судьи и судебные слѣдователи, какъ лица, стоящія близко къ населенію, и какъ самостоятельно дѣйствующія, обладаютъ неменьшею же возможностью достигать выполненія возложенной на нихъ 10 статьею обязанности. Притомъ-же, такъ какъ прямая обязанность всѣхъ этихъ лицъ состоитъ въ открытіи и преслѣдованіи преступленій, и такъ какъ арестъ, произведенный лицами на это неуполномоченными, есть не только незаконный, но и преступленіе, то по одному этому лица прокурорскаго надзора, мировые судьи и слѣдователи поставлены вдвойнѣ въ возможность удостовѣряться и прекращать арестъ разсматриваемаго нами свойства. Совершенно въ другомъ положеніи находятся члены судовъ. Посѣщеніе тюремъ для нихъ необязательно; отношеніе ихъ къ подсудимымъ и къ производимымъ дѣламъ не непосредственное, а проявляется коллегіально. Эти-то соображенія ведутъ къ тому убѣжденію, что законодатель, хотя и возложилъ на каждаго судью обязанность прекращать незаконные аресты, но въ тоже время не поставилъ ихъ въ практическую возможность выполнить эту обязанность.

При составленіи Устава Уголовнаго Судопроизводства было обращено особенное вниманіе на контроль за принятіемъ такой важной мѣры пресѣченія, какъ

содержаніе подъ стражею, и на предотвращеніе лишенія свободы, незаконнаго по существу. Опытъ прежняго времени училъ, что для слѣдователей нашихъ недостаточенъ общій надзоръ въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ при дѣйствіи Свода, а необходимо спеціальное наблюденіе за каждымъ случаемъ взятія подъ арестъ.

Пока не было выработано вошедшее въ дѣйствіе судоустройство, предлагали поставить временное лишеніе свободы подъ надзоръ суда, а окончательное взятіе подъ стражу хотѣли сдѣлать дѣломъ одного суда. Такъ, въ проектѣ II отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи предложено было, для большаго огражденія обвиняемыхъ отъ неосновательнаго задержанія, чтобы слѣдователь, сдѣлавъ распоряженіе о задержаніи подозрѣваемаго, представлялъ на утвержденіе предсѣдателя уѣзднаго суда; чтобы предсѣдатель, если признаетъ, что нѣтъ основанія ко взятію подозрѣваемаго подъ стражу, представлялъ бы о томъ на разсмотрѣніе суда; чтобы это задержаніе, какъ мѣра предварительная, не могло продолжаться болѣе 8 дней; чтобы дальнѣйшее оставленіе подозрѣваемаго подъ стражею зависѣло уже отъ рѣшенія суда. (Записка госуд. канцел. объ основныхъ начал. судоустр. и судопр. гражд. и угол., стр. 127, 147 и 148). На этотъ проектъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на выраженіе желанія сдѣлать на будущее время невозможнымъ своеволіе и злоупотребленія старыхъ практиковъ, но самъ по себѣ онъ не могъ получить практическаго примѣненія.

Мысль о надзорѣ по существу за взятіемъ подъ стражу въ дѣйствующемъ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства выразилась въ иномъ видѣ. Надзоръ этотъ порученъ представителямъ прокурорскаго надзора. Для осуществленія его введены слѣдующія правила:

При взятіи обвиняемаго подъ стражу, судебный слѣдователь объ основаніяхъ такого распоряженія немедленно увѣдомляетъ ближайшее лицо прокурорскаго надзора, *которое можетъ требовать, чтобы слѣдователь ограничился мѣрою менѣе строгою*, если обвиняемый не навлекаетъ на себя достаточнаго подозрѣнія въ преступленіи, влекущемъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія или потерю всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ (ст. 283).

Судебный слѣдователь увѣдомляетъ прокурора или его товарища и о причинахъ, по которымъ не взятъ подъ стражу или освобожденъ изъ-подъ стражи обвиняемый въ преступленіи, подвергающемъ лишенію всѣхъ правъ состоянія или потерѣ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ (ст. 284).

Прокуроръ или его товарищъ имѣетъ право предложить слѣдователю о задержаніи обвиняемаго, оставленнаго на свободѣ или освобожденнаго изъ-подъ стражи. Но если слѣдователь встрѣтитъ въ томъ препятствіи потому, что подозрѣваемый не навлекаетъ на себя достаточнаго подозрѣнія въ преступленіи, подвергающемъ лишенію всѣхъ правъ состоянія или потерѣ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, то, не исполняя такого требованія, представляетъ о томъ суду (285 ст.).

Итакъ, всякое арестованіе подсудимаго тогда только можетъ остаться въ силѣ, если лицо прокурорскаго надзора найдетъ его основательнымъ. Повѣрка со стороны прокурорскаго надзора основательности должна состоять, по ст. 283,

въ оцѣнкѣ достаточности падающаго на арестованнаго подозрѣнія въ преступленіи, влекущемъ лишеніе всѣхъ правъ или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. Въ этой повѣркѣ заключается существеннѣйшая гарантія для подсудимаго, потому что этимъ способомъ вопросъ: слѣдуетъ или не слѣдуетъ подвергнуть аресту?—рѣшается посредствомъ двухъ лицъ, дѣйствующихъ отдѣльно другъ отъ друга; результатъ отъ этого двойнаго разсмотрѣнія и рѣшенія можно сравнить съ тѣмъ, который достигается для цѣлаго дѣла посредствомъ разсмотрѣнія его въ двухъ инстанціяхъ. Въ статьѣ 283 говорится объ обязанности лицъ прокурорскаго надзора повѣрять основательность ареста со стороны достаточности уликъ обвиненія. Но статью эту слѣдуетъ понимать не въ тѣсномъ, а въ обширномъ смыслѣ. Нельзя, конечно, допустить той мысли, будто представители прокурорской власти не обязаны повѣрять основательность заарестованія со стороны другихъ мотивовъ, и будто бы они не имѣютъ права потребовать замѣны ареста болѣе мягкою мѣрою пресѣченія, когда они убѣждены, что арестъ въ данномъ случаѣ неумѣстенъ по другимъ причинамъ, независимо отъ достаточности или недостаточности уликъ. Если бы, напримѣръ, слѣдователь арестовалъ подозрѣваемаго въ такомъ преступленіи, обвиненіе въ которомъ не влечетъ за собою содержанія подъ стражею во время слѣдствія и суда, или бы онъ арестовалъ кого-нибудь, причисляя его преступленіе къ тягчайшему роду преступленій, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ или всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, а между тѣмъ дѣяніе обвиняемаго явно подходило бы подъ разрядъ болѣе легкихъ преступленій, невлекущихъ лишенія правъ, или бы онъ арестовалъ малолѣтняго, который, по смыслу закона, не долженъ подвергаться сей мѣрѣ пресѣченія, — во всѣхъ сихъ случаяхъ представитель прокурорской власти не только вправѣ, но и обязанъ потребовать, чтобы слѣдователь отмѣнилъ арестъ и постановилъ бы болѣе мягкую мѣру пресѣченія. Ограничить контроль прокурорской власти только повѣркою основательности ареста со стороны уликъ—это значило бы поставить этотъ контроль въ слишкомъ тѣсныя границы и отступить отъ общаго начала, а вмѣстѣ съ тѣмъ предать забвенію истинный характеръ прокурорскаго надзора.

На основаніи 283—285 статей, слѣдователь обязанъ увѣдомлять лицъ прокурорскаго надзора какъ тогда, если арестуетъ, такъ и когда онъ не арестуетъ или освобождаетъ изъ-подъ ареста обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ или всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ. Съ другой стороны, и представитель прокурорской власти имѣетъ право, по разсмотрѣніи основаній примѣненія или непримѣненія ареста, требовать какъ освобожденія арестованнаго, если онъ не находитъ достаточныхъ данныхъ для принятія этой мѣры, такъ и взятія подъ арестъ оставленнаго на свободѣ или освобожденнаго изъ-подъ стражи, если онъ считаетъ эту мѣру необходимою. Но исходъ этихъ требованій установленъ различный. Требованіе о прекращеніи содержанія подъ стражею и принятіи болѣе мягкой мѣры слѣдователь обязанъ исполнить. Что онъ обязанъ подобное требованіе исполнить—это вытекаетъ изъ общаго отношенія слѣдователя къ требованіямъ лицъ прокурорскаго надзора вообще. Ибо, по статьѣ 281,

судебный слѣдователь, по всѣмъ предметамъ, относящимся къ изслѣдованію преступленія и къ собранію доказательствъ, исполняетъ законныя требованія прокурора или его товарища, съ отмѣткою въ протоколахъ, какія именно мѣры приняты по его требованію. Правда, законъ вообще дозволяетъ слѣдователю, въ случаѣ встрѣчающихся препятствій къ выполненію требованій лицъ прокурорскаго надзора, увѣдомлять предъявившаго требованіе и ожидать его разрѣшенія (ст. 282). Но тою же статьею предписывается ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, приводить требованіе прокурора въ исполненіе, насколько возможно, и до полученія разрѣшенія. А такъ какъ содержаніе подъ стражею можетъ быть замѣнено такими мѣрами пресѣченія, какъ поручительство или залогъ, то приведеніе въ исполненіе, насколько возможно, требованія прокурора на счетъ освобожденія изъ-подъ стражи и можетъ состоять въ принятіи другой мѣры, впредь до полученія отъ прокурора разрѣшенія недоумѣній. Сущность же разрѣшенія недоумѣній въ смыслѣ перваго требованія для судебнаго слѣдователя обязательна къ исполненію. Если законодатель требуетъ отъ слѣдователя исполненія требованій прокурора вообще, то странно было бы сдѣлать отступленіе отъ этого общаго начала въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о принятіи мѣръ пресѣченія, гдѣ вѣроятность правды принятія болѣе строгой или болѣе мягкой мѣры столь условна, что, безъ всякой опасности для правосудія, можетъ быть принято льготное предложеніе для подсудимаго со стороны того органа, спеціальная обязанность котораго состоитъ въ обвиненіи. Но законодатель, въ видахъ покровительства свободы гражданъ, сдѣлалъ отступленіе отъ этого общаго правила, состоящее въ томъ, что слѣдователь не обязанъ исполнять требованіе представителя прокурорской власти о задержаніи обвиняемаго, оставленнаго на свободѣ или освобожденнаго изъ-подъ стражи. Если онъ признаетъ невозможнымъ исполнить это требованіе, то о разрѣшеніи недоумѣній представляетъ окружному суду. Въ ст. 285 говорится: «если слѣдователь встрѣтитъ въ исполненіи прокурорскаго требованія препятствіе потому, что обвиняемый не навлекаетъ на себя достаточнаго подозрѣнія въ преступленіи, подвергающемъ лишенію всѣхъ правъ состоянія или потерѣ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ». Разумѣется, на практикѣ можетъ встрѣтиться препятствіе къ исполненію такого требованія не только потому, что обвиняемый не навлекаетъ на себя достаточныхъ подозрѣній, но и по другимъ причинамъ, такъ какъ принятіе мѣръ пресѣченія по закону зависитъ не только отъ свойства уликъ, но отъ опредѣленія свойства преступленія, возраста, отъ состоянія здоровья, пола и тому подобн.,—что также, какъ выше мы показали, можетъ служить предметомъ разногласія между слѣдователемъ и представителемъ прокурорской власти. Такимъ образомъ, препятствія къ исполненію требованій прокурорской власти слѣдуетъ понимать не въ тѣсномъ, а въ обширномъ смыслѣ. Но относительно права судебнаго слѣдователя—не исполнять требованія представителя прокурорской власти о взятіи обвиняемаго подъ стражу, котораго онъ не считаетъ необходимымъ арестовать, допущено одно исключеніе по отношенію къ обвиняемымъ въ государственныхъ преступленіяхъ. Слѣдствіе по государственнымъ преступленіямъ, подсуднымъ судебной палатѣ, производится

однимъ изъ членовъ судебной палаты. Но если членъ судебной палаты не прибудетъ въ теченіе сутокъ, то первоначальный допросъ снимается мѣстнымъ судебнымъ слѣдователемъ. По снятіи первоначальнаго допроса съ обвиняемаго, говорится въ 1040 статьѣ, взятаго подъ стражу, судебный слѣдователь можетъ, по обстоятельствамъ дѣла, принять къ пресѣченію ему способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда менѣе строгую мѣру (ст. 416 и 421), *если противъ сего не предъявитъ возраженія мѣстный прокуроръ или его товарищъ.* «Можетъ принять, если не предъявитъ возраженій»—это одно и то же, что слѣдователь не можетъ принять менѣе строгую мѣру, если прокуроръ предъявитъ возраженіе.

§ 40. Порядокъ обжалованія принятія судебнымъ слѣдователемъ мѣръ пресѣченія установленъ въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства слѣдующій:

Жалоба приносится окружному суду (ст. 493), а подается чрезъ судебнаго слѣдователя, принявшаго ту или другую мѣру пресѣченія (ст. 497). По требованію подающаго, ему выдается росписка въ принятіи жалобы (ст. 498). Взятому подъ стражу, если онъ заявитъ желаніе подать жалобу, предоставляются всѣ необходимые къ тому способы (ст. 496). Жалобу на лишеніе свободы слѣдователь обязанъ отправить съ надлежащимъ объясненіемъ по принадлежности въ теченіе сутокъ (ст. 499). Само собою разумѣется, что принесеніе жалобы не останавливаетъ приведенія въ исполненіе принятой мѣры пресѣченія (ст. 500). Въ Уставѣ сказано, что вообще частныя жалобы могутъ быть словесныя и письменныя, и что словесныя вносятся въ протоколъ (ст. 495). Безъ сомнѣнія, нѣтъ никакого препятствія къ принесенію словесныхъ жалобъ и на принятіе той или другой мѣры пресѣченія: въ случаѣ заявленія подобной жалобы слѣдователь обязанъ внести ее въ протоколъ и затѣмъ представить о заявленной жалобѣ съ своимъ объясненіемъ окружному суду. Законъ установилъ, какъ выше указано, суточный срокъ для отсылки жалобы на лишеніе свободы. Лишеніе свободы, очевидно, должно понимать въ этомъ случаѣ не въ томъ только тѣсномъ смыслѣ, когда противъ подсудимаго прямо принята эта высшая мѣра пресѣченія, но и въ томъ, когда онъ лишенъ свободы также вслѣдствіе невозможности представить назначенные слѣдователемъ поручительство или залогъ, которые подсудимый считаетъ для себя слишкомъ высокими.

Жалобы на принятіе мѣръ пресѣченія принадлежатъ къ общему разряду жалобъ (ст. 491—509). Приносить частныя жалобы вообще имѣютъ право всѣ участвующія въ дѣлѣ лица на всякое слѣдственное дѣйствіе, нарушающее или стѣсняющее ихъ права (ст. 491). Отсюда рождается вопросъ, рѣшеніе котораго не безъинтересно въ практическомъ отношеніи: можетъ-ли гражданскій истецъ принести жалобу на непринятіе слѣдователемъ противъ подсудимаго такой мѣры, какъ арестъ, или на принятіе слѣдователемъ поручительства или залога въ меньшемъ объемѣ, чѣмъ гражданскій истецъ считаетъ необходимымъ?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ наша судебная практика представляетъ примѣръ жалобы гражданской истицы Коссовой, принесенной въ с.-петербургскую судебную палату на опредѣленіе с.-петербургскаго окружнаго суда по предмету

освобожденія изъ-подъ стражи итальянскаго подданнаго Боргазани («Суд. Вѣстн.» 1868 г. № 146). Къ сожалѣнію, изъ опредѣленія судебной палаты не видно, въ чемъ именно состояла жалоба и какіе мотивы приняты были палатою въ основаніе отказа въ этой жалобѣ; намъ приходится пока довольствоваться тѣмъ фактомъ, что практика можетъ представить случаи подачи жалобъ гражданскаго истца по предмету принятія мѣръ пресѣченія. Вникая же въ сущность нашего судопроизводства, должно сказать, что жалобы гражданскаго истца, касающіяся самой сущности принятія мѣръ, не должны имѣть, по закону, мѣста, за исключеніемъ одного случая. Гражданскій истецъ, по ст. 742, не имѣетъ права касаться уголовной отвѣтственности подсудимаго, такъ какъ вопросъ этотъ чисто общественнаго, а не частнаго характера. По тѣмъ же самымъ причинамъ онъ не имѣетъ права касаться и принятія мѣръ пресѣченія. Соразмѣреніе мѣръ пресѣченія соотвѣтственно интересамъ государства вполнѣ обезпечивается дѣятельностью судебнаго слѣдователя и представителя прокурорской власти. Посему, допущеніе гражданскаго истца къ ходатайству объ увеличеніи строгости мѣры пресѣченія противъ лица, отъ котораго онъ потерпѣлъ убытки, было бы равносильно допущенію его къ ходатайству объ увеличеніи строгости наказанія. Отвергая второе, должно отвергнуть и первое, и наоборотъ: принявъ первое, уже не логично было бы не принять второе. Поэтому, слѣдуетъ считать общимъ правиломъ, что гражданскій истецъ не имѣетъ права ходатайствовать объ увеличеніи строгости мѣръ пресѣченія, и что всякая жалоба на невзятіе, напримѣръ, подсудимаго подъ стражу, невзятіе залога, нетребованіе поручительства и т. п., не должна быть даже разсматриваема по существу. Въ одномъ только случаѣ можно допустить подачу жалобы со стороны гражданскаго истца по поводу принятія мѣръ пресѣченія: это—подачу жалобы на неопредѣленіе суммы залога въ количествѣ искомаго имъ вознагражденія, и то въ томъ только случаѣ, если его искъ предварительно не обезпеченъ наложеніемъ запрещенія на имущество, принадлежащее обвиняемому.

Жалоба по предмету принятія мѣръ пресѣченія разсматривается окружнымъ судомъ въ первый присутственный день, въ распорядительномъ засѣданіи (ст. 501). Принесшій жалобу допускается къ словеснымъ на судѣ объясненіямъ, если онъ находится налицо (ст. 504). Передъ постановленіемъ рѣшенія выслушивается заключеніе прокурора (ст. 505). Рѣшеніе вносится въ протоколъ, съ указаніемъ принятыхъ судомъ основаній къ разрѣшенію жалобы (ст. 506). Въ случаѣ признанія окружнымъ судомъ жалобы неосновательною, подсудимый имѣетъ право принести судебной палатѣ жалобу на отказъ окружнаго суда въ удовлетвореніи его просьбы (ст. 893 п. 3). Хотя жалобы вообще на частныя опредѣленія окружнаго суда подаются въ двухнедѣльный срокъ со времени объявленія частнаго опредѣленія, или если оно не было объявляемо, то со времени приведенія его въ дѣйствіе (ст. 895), но изъ сего правила исключаются жалобы на неправильное взятіе подсудимыхъ подъ стражу: жалобы этого рода могутъ быть приносимы въ теченіе всего производства (ст. 896). Подъ неправильнымъ взятіемъ подъ стражу здѣсь слѣдуетъ разумѣть не только непосредственное взя-

тіе подъ стражу, но и то, которое является замѣною поручительства или залога, неправильно, по мнѣнію подсудимаго, опредѣленныхъ, то-есть жалобы и на сего рода арестъ могутъ быть приносимы въ теченіе всего производства. Очевидно, что отказъ въ жалобѣ, произнесенный судебною палатою, есть окончательное рѣшеніе вопроса о принятой мѣрѣ пресѣченія. Подъ однимъ только условіемъ возможно разсмотрѣніе въ самой палатѣ того же вопроса, именно: подъ условіемъ представленія такихъ обстоятельствъ, которыя не были въ виду суда при постановленіи перваго его опредѣленія; въ этомъ случаѣ, по справедливому постановленію московской судебной палаты, разъ постановленное опредѣленіе судебной палаты о личномъ задержаніи подсудимаго не стѣсняетъ ея въ постановленіи новаго опредѣленія о семъ предметѣ («Юрид. Газета» № 18). Жалоба въ кассаціонный департаментъ сената не должна имѣть мѣста и не подлежитъ разсмотрѣнію въ существѣ, потому что, какъ справедливо сказано въ судебной резолюціи на подобную жалобу Звенигородскаго — частныя жалобы, на основаніи 893 ст. Уст. Угол. Судопр., допускаются только въ аппеляціонныя инстанціи, а правительствующій сенатъ, въ общемъ порядкѣ судопроизводства, составляетъ кассаціонную инстанцію («Судебн. Вѣстн». 1867 г. № 214).

Но если подсудимый не имѣетъ права подавать частной жалобы на несправедливый арестъ въ кассаціонный департаментъ сената, не можетъ-ли онъ, принося кассаціонную жалобу въ сенатъ на нарушеніе прямаго смысла закона или существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства, вмѣстѣ съ тѣмъ обжаловать неправильное примѣненіе къ нему законовъ о мѣрахъ пресѣченія?

Собственно говоря, нарушеніе законовъ о принятіи мѣръ пресѣченія есть нарушеніе формъ и обрядовъ судопроизводства. Конечно, порядокъ принятія мѣръ пресѣченія не принадлежитъ самъ по себѣ къ формамъ и обрядамъ столь существеннымъ, чтобы безъ соблюденія его невозможно было признать приговоръ въ силѣ судебнаго рѣшенія. Но, тѣмъ не менѣе, при осложненіи нарушенія его другими нарушеніями должна послѣдовать кассація, а вмѣстѣ съ тѣмъ кассаціонный сенатъ не можетъ пройдти молчаніемъ и оставить безъ вниманія нарушеніе законовъ принятія мѣръ пресѣченія. Въ отношеніи занимающаго насъ вопроса весьма важнымъ разъясненіемъ могутъ служить рѣшенія кассаціоннаго сената по дѣламъ Звенигородскаго и Проценка. Отвергнувъ частную жалобу перваго по предмету принятія мѣръ пресѣченія, сенатъ, между прочимъ, выразился такъ: «разсмотрѣнію правительствующаго сената подлежатъ въ кассаціонномъ порядкѣ приносимыя на окончательные приговоры жалобы, въ которыхъ подсудимые и участвующіе въ дѣлѣ имѣютъ право просить объ отмѣнѣ рѣшенія, если въ производствѣ дѣла и въ постановленіи приговора нарушенъ, во вредъ ихъ, прямой, смыслъ закона, или при производствѣ дѣла не соблюдены были установленные формы и обряды судопроизводства, или же судъ вышелъ изъ предѣловъ предоставленной ему власти, *чѣмъ открытъ для нихъ путь достигать возстановленія законнаго порядка во всемъ, въ чемъ они считаютъ оный въ отношеніи къ нимъ нарушеннымъ*» (рѣш. кас. угол. депар. 1867 г. № 404). Изъ этихъ словъ ясно, что обвиняемый, въ своей кассаціонной жалобѣ, имѣетъ

законное основаніе доказывать, что въ отношеніи къ нему были нарушены закономъ установленные порядокъ и формы принятія мѣръ пресѣченія, и что кассаціонный департаментъ не вправѣ отклонить отъ себя обязанности разсмотрѣть и рѣшить вопросъ: дѣйствительно-ли такой порядокъ нарушенъ и въ какомъ отношеніи это нарушеніе находится къ приговору. Такъ сенатъ и поступилъ при разсмотрѣніи кассаціонной жалобы Проценка. Сенатъ нашелъ, что хотя подсудимый двумя приговорами мироваго съѣзда присужденъ былъ лишь къ аресту, однако мировой съѣздъ потребовалъ отъ подсудимаго, впредь до вступленія приговоровъ въ законную силу, денежный залогъ въ 300 руб. и, за непредставленіемъ имъ такого залога, подвергъ его аресту, тогда какъ по закону относительно обезпеченія личности обвиняемыхъ въ проступкахъ, подвергающихъ аресту, высшею мѣрою можетъ быть поручительство, какъ во время суда надъ ними, такъ и при постановленіи о нихъ приговора (Уст. Угол. Суд. ст. 77 и 125). Поэтому, передавая дѣло Проценка въ другой мировой съѣздъ, вслѣдствіе нарушенія законовъ о рѣшеніи по совокупности проступковъ, правительствующій сенатъ предписалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлать немедленно распоряженіе объ обезпеченіи личности подсудимаго на законномъ основаніи (рѣш. угол. кас. деп. 1867 г. № 453).

Само собою разумѣется, что когда кассаціонный департаментъ сената является судящимъ, а не кассирующимъ учрежденіемъ, частныя жалобы по предмету принятія мѣръ пресѣченія могутъ быть ему приносимы. Кассаціонный департаментъ сената вѣдаетъ какъ судящее учрежденіе слѣдующія дѣла: 1) дѣла о преступленіяхъ по должности (1073 и 1113 ст. Уст. Угол. Суд); 2) дѣла о преступленіяхъ посредствомъ печати, означенныхъ въ статьяхъ 181, 189, 274 и 1035—1037 Улож. о нак., и 3) дѣла объ оскорбленіяхъ въ печати должностныхъ лицъ, присутственныхъ мѣстъ и установленій (Высоч. утвержд. 12-го декабря 1866 г. мнѣнія госуд. совѣта ст. 3). По поводу разсмотрѣнія частной жалобы, принесенной ему подполковникомъ Соколовымъ на неправильное взятіе его подъ стражу, по обвиненію его въ стремленіи возбудить, посредствомъ напечатанія сочиненія, къ неуваженію и явному неповиновенію верховной власти, кассаціонный департаментъ сената высказалъ слѣдующее мнѣніе: «По исчисленнымъ выше родамъ дѣлъ могутъ быть приносимы въ правительствующій сенатъ не только аппеляціонныя, но и частныя жалобы, въ закономъ установленныхъ случаяхъ, лишь тогда, когда по этимъ родамъ дѣлъ приговоры постановлены въ судебной палатѣ безъ участія присяжныхъ, какъ въ первой степени суда. Но по тѣмъ дѣламъ, по которымъ въ окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ постановляются окончательные приговоры, не только аппеляціонныя, но и частныя жалобы и протесты не могутъ имѣть мѣста, *такъ какъ, по опредѣленію закона, послѣдніе подаются отдѣльно отъ отзывовъ и протестовъ, приносимыхъ въ аппеляціонномъ порядкѣ, слѣдовательно допускаются лишь по тѣмъ дѣламъ, по которымъ дѣйствія суда первой степени могутъ быть обжалованы какъ въ частномъ, такъ и въ аппеляціонномъ порядкѣ*». На этомъ основаніи сенатъ призналъ жалобу Соколова неподлежащею разсмотрѣнію

кассаціоннаго департамента, какъ поданную по дѣлу о государственномъ преступленіи, которое разсматривается только въ одной степени суда, въ судебной палатѣ, на приговоры которой могутъ быть приносимы лишь кассаціонныя жалобы и протесты (рѣш. кас. депар. 1867 г. № 140). Съ этимъ толкованіемъ согласиться нельзя. По общему порядку, узаконенному Уставомъ Уголовнаго Судопроизводства, частныя жалобы, и въ томъ числѣ по предмету принятія мѣръ пресѣченія, могутъ быть приносимы не только отдѣльно отъ отзывовъ аппеляціонныхъ, но и отъ отзывовъ кассаціонныхъ, а слѣдовательно не только тогда, когда дѣло, рѣшаемое безъ участія присяжныхъ, разсматривается въ двухъ инстанціяхъ, но и тогда, когда оно, при участіи присяжныхъ, окончательно рѣшается въ окружномъ судѣ. Обвиняемый въ умышленномъ убійствѣ подлежитъ окончательному приговору окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ; несмотря, однакоже, на то, что произносимый надъ нимъ приговоръ можетъ быть отмѣненъ только въ кассаціонномъ порядкѣ, онъ имѣетъ полное право приносить частныя жалобы по предмету принятія мѣръ пресѣченія не только въ окружной судъ, но, получивъ отказъ, и въ судебную палату (ст. 491—509 и п. 3 ст. 893 Уст. Угол. Суд.). Какъ, по общимъ дѣламъ, на приговоры окружнаго суда, постановленные безъ участія присяжныхъ засѣдателей по существу, и на опредѣленія его по всѣмъ иным дѣламъ, постановленныя въ частномъ порядкѣ по предмету принятія мѣръ пресѣченія, приносятся судебной палатѣ въ первомъ случаѣ аппеляціонныя, а во второмъ случаѣ частныя жалобы и протесты,—такимъ же самымъ образомъ въ дѣлахъ по преступленіямъ должности, судимымъ въ судебной палатѣ какъ первой инстанціи, въ кассаціонный департаментъ могутъ быть подаваемы какъ аппеляціонныя жалобы, когда дѣло подлежитъ рѣшенію двухъ инстанцій, такъ и частныя жалобы по предмету напр. принятія мѣръ пресѣченія, когда дѣло рѣшается окончательно съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей въ судебной палатѣ. То же самое имѣетъ примѣненіе къ дѣламъ о преступленіяхъ печати, означенныхъ въ ст. 181, 189, 274 и 1035—1037 Улож. о наказ., и къ дѣламъ объ оскорбленіяхъ въ печати должностныхъ лицъ, присутственныхъ мѣстъ и установленій (Выс. утв. мнѣнія гос. совѣта 12-го декабря 1866 г. ст. 3). Болѣе представляетъ недоумѣній разсматриваемый нами вопросъ въ примѣненіи къ преступленіямъ чисто государственнымъ, которыя подсудны судебной палатѣ (ст. 1030 п. 1) и которыя рѣшаются хотя и безъ участія присяжныхъ, но окончательно, съ правомъ подачи кассаціонныхъ жалобъ и протестовъ. Но принимая во вниманіе, что, по 1031 статьѣ Уст. Угол. Судопр., дѣла по государственнымъ преступленіямъ производятся общимъ порядкомъ уголовнаго судопроизводства съ соблюденіемъ особенныхъ правилъ, въ которыхъ однакоже ничего особеннаго не говорится о частныхъ жалобахъ; что частный вопросъ о прекращеніи этого рода дѣлъ рѣшается въ частномъ порядкѣ кассаціоннымъ гражданскимъ департаментомъ (ст. 1046—1049 Уст. Угол. Судопр.),—нѣтъ никакого основанія обвиняемаго въ государственномъ преступленіи лишать права подавать частныя жалобы по предмету принятія мѣръ пресѣченія въ кассаціонный департаментъ сената,

который долженъ въ этомъ случаѣ быть въ отношеніи судебной палаты тѣмъ же, чѣмъ судебная палата въ отношеніи къ окружному суду. Въ самомъ дѣлѣ, если для рѣшенія частныхъ жалобъ по предмету принятія мѣръ пресѣченія противъ обвиняемыхъ въ обыкновенныхъ преступленіяхъ, существуетъ двѣ инстанціи, то нѣтъ никакого основанія лишать этой гарантіи обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, подсудныхъ судебной палатѣ.

Имѣетъ-ли право представитель прокурорской власти обжаловать постановленіе окружнаго суда по предмету принятія мѣръ пресѣченія, и останавливаетъ-ли такое обжалованіе исполненіе означеннаго постановленія? Въ 893 ст. говорится: могутъ быть подаваемы, до постановленія приговора, частныя жалобы и *протесты* по принятію мѣръ для воспрепятствованія подсудимому уклоняться отъ слѣдствія и суда (ст. 893 п. 3). Такъ какъ протестомъ вообще называется только обжалованіе постановленій суда представителями прокурорской власти, то значитъ, что дозволительно обжалованіе прокурорскою властью постановленій окружнаго суда и по предмету принятія мѣръ пресѣченія. Что же касается вопроса: пріостанавливаетъ или не пріостанавливаетъ такой протестъ исполненіе постановленія окружнаго суда, то онъ разрѣшается 897 ст. Уст. Угол. Судопр., въ которой говорится: «Подача жалобы или протеста на частное опредѣленіе не останавливаетъ его исполненія, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда признаетъ это необходимымъ судъ, постановившій опредѣленіе, или судебная палата, въ которую жалоба или протестъ представлены». Итакъ, если окружной судъ признаетъ возможнымъ освободить подсудимаго изъ-подъ ареста или взять подъ стражу находящагося на свободѣ, то онъ имѣетъ право тотчасъ: въ первомъ случаѣ — освободить арестованнаго, во второмъ — взять подъ стражу находящагося на свободѣ, хотя бы со стороны прокурорской власти были обжалованы его постановленія.

Въ 504 ст. говорится, что принесшій частную жалобу допускается къ словеснымъ на судѣ объясненіямъ, *если находится налицо*. Выраженіе «если находится налицо», въ отношеніи жалующихся по предмету принятія мѣръ пресѣченія вообще, имѣетъ тотъ смыслъ, что судъ самъ не заботится о явкѣ подавшаго жалобу въ засѣданіе суда, назначенное для ея разсмотрѣнія, но онъ долженъ допустить непремѣнно, если онъ явится и изъявитъ желаніе объяснить словесно свою жалобу. Но, положимъ, лишенный свободы желаетъ объяснить свою жалобу словесно на судѣ, а между тѣмъ онъ поставленъ въ такое положеніе, въ которомъ онъ не можетъ, безъ посторонняго распоряженія, быть самъ собой въ судѣ налицо. Спрашивается: имѣетъ-ли онъ право требовать, чтобы ему дали возможность явиться въ судъ? Право это положительно ему принадлежитъ; оно принадлежитъ ему тѣмъ болѣе, что Уставъ, къ сожалѣнію, оставилъ безъ отвѣта вопросъ о возможности, вмѣсто жалующагося арестованнаго, явиться на этотъ разъ въ судъ его защитнику. Такъ какъ вопросъ о личномъ задержаніи — вопросъ первѣйшей важности для подсудимаго, такъ какъ, съ другой стороны, арестованный лишенъ возможности явиться на судъ самъ собой, то-есть лишенъ той возможности, которою пользуются другіе, при-

носящіе жалобы по предметамъ меньшей важности, то само собою разумѣется, что обязанность доставить его въ судъ лежитъ на самомъ государствѣ. Лишить его на это права значило бы лишить его возможности защищаться. Конечно, вопросъ о представленіи арестованнаго въ судъ для объясненія частной жалобы не представляетъ особенныхъ недоумѣній въ томъ случаѣ, когда подсудимый содержится въ тюрьмѣ того города, гдѣ помѣщается судъ, разсматривающій частную жалобу,—и судебная практика представляетъ намъ примѣры присутствія арестованныхъ при докладѣ ихъ жалобы по предмету ареста («Судебн. Вѣсти.» 1868 г. № 113, рѣшеніе по жалобѣ Бѣляева). Но онъ усложняется въ томъ случаѣ, если арестованный содержится не въ тюрьмѣ судебнаго города, и притомъ далеко отъ мѣста суда.

Публично или при закрытыхъ дверяхъ разсматривается и рѣшается частная жалоба по предмету принятія мѣръ пресѣченія? Въ статьѣ 501 говорится: «судъ приступаетъ къ разсмотрѣнію частной жалобы *въ распорядительномъ засѣданіи*». Распорядительныя же засѣданія, сказано въ 152 ст. Учрежд. Судебн. Устан., происходятъ при закрытыхъ дверяхъ. Итакъ, выходитъ, что разсмотрѣніе частной жалобы по предмету принятія мѣръ пресѣченія вообще и содержанія подъ стражею въ частности происходитъ въ окружномъ судѣ при закрытыхъ дверяхъ. Относительно способа рѣшенія частныхъ жалобъ въ судебной палатѣ, 900 ст. Уст. Угол. Суд. гласитъ слѣдующее: «Частныя жалобы и протесты разсматриваются палатою въ публичномъ засѣданіи и рѣшаются немедленно по ихъ полученіи». А такъ какъ выше, въ 893 ст., говорится и о частной жалобѣ по принятію мѣръ пресѣченія, то само собою разумѣется, что и этого рода жалобы должны быть разсматриваемы и рѣшаемы также публично. Практика судебныхъ палатъ представляетъ тому подтвержденіе въ обнародованныхъ доселѣ рѣшеніяхъ жалобъ по предмету содержанія подъ стражею («Судебн. Вѣсти.» 1867 г. №№ 258, 266, 280; 1868 г. № 46, см. судебныя резолюціи с.-петербургской судебной палаты по уголовному департаменту). Трудно, да и невозможно, найти правильное основаніе, отчего бы тотъ вопросъ, который въ судебной палатѣ разсматривается и рѣшается публично, долженъ въ окружномъ судѣ разсматриваться и рѣшаться при закрытыхъ дверяхъ. Скажутъ, что рѣшеніе вопроса о принятіи мѣръ пресѣченія относится къ предмету предварительнаго слѣдствія, а такъ какъ предварительное слѣдствіе производится не публично, слѣдовательно, и рѣшеніе сего вопроса должно происходить при закрытыхъ дверяхъ. Но если такъ, то въ такомъ случаѣ слѣдовало бы выдержать принятое начало, и предписать закрывать двери и въ судебной палатѣ при разсмотрѣніи и рѣшеніи вопроса о принятіи мѣръ пресѣченія, потому что, съ поступленіемъ сюда жалобы, ни положеніе дѣла, вообще говоря, не измѣняется, ни самая жалоба не перестаетъ принадлежать къ тому производству, которое носитъ названіе предварительнаго слѣдствія. Если же признано возможнымъ не держаться тайны разсмотрѣнія частной жалобы въ одной инстанціи, то, конечно, нѣтъ разумнаго основанія держаться ея въ другой. Разсматривая притомъ само по себѣ закрытіе дверей при разсмотрѣніи жалобы по предмету принятія мѣръ

пресѣченія, нельзя найти ему основанія: если уже присутствуетъ подсудимый, котораго бы прежде всего слѣдовало устранить, если уже стараться сохранить тайну,—то отъ постороннихъ нельзя опасаться скрытія слѣдовъ преступленія. Что касается вообще упомянутой непослѣдовательности, то нельзя не согласиться, что она есть скорѣе слѣдствіе недосмотра редакціи, чѣмъ принципіальное правило.

Дозволяется-ли подсудимому, приносящему частную жалобу по предмету принятія мѣръ пресѣченія, пользоваться оффиціально содѣйствіемъ повѣреннаго? Вопросъ этотъ открыто не рѣшается Уставомъ Уголовнаго Судопроизводства. Изъ объясненія мотивовъ принятія въ дѣйствіе тѣхъ или другихъ началъ мы знаемъ, что содѣйствіе повѣреннаго или защитника при предварительномъ слѣдствіи не было принято въ число началъ, введенныхъ въ Уставъ, хотя, какъ мы уже сказали, это непринятіе выразилось молчаніемъ, а не въ формѣ положительнаго запрещенія. Такимъ образомъ, принимая во вниманіе, что принятіе мѣръ составляетъ принадлежность предварительнаго слѣдствія, а сіе послѣднее производится безъ оффиціальнаго содѣйствія защитника, слѣдуетъ признать, что и въ принесеніи жалобы по предмету принятія мѣръ и въ разсмотрѣніи ея не можетъ участвовать повѣренный или защитникъ. Не касаясь общаго вопроса о допущеніи защитника на предварительномъ слѣдствіи, мы однакожъ думаемъ, что защитникъ можетъ быть, не только безъ вреда, но и съ положительною пользою для правосудія, допущенъ къ выясненію вопроса о мѣрахъ пресѣченія, въ особенности о взятіи подсудимаго подъ стражу. На предварительномъ слѣдствіи защитникъ не допускается изъ боязни, чтобы онъ своею дѣятельностью не противодѣйствовалъ открытію преступленія и преступника въ то время, когда рѣчь идетъ только о фактѣ, который, пока не открытъ, можно затемнить. Допустивъ это вообще относительно предварительнаго слѣдствія, все-таки должно согласиться, что вышесказанное не касается разсмотрѣнія въ судахъ вопроса о мѣрахъ пресѣченія, потому что вопросъ этотъ въ высшей степени юридическій, рѣшаемый на основаніи собранныхъ слѣдствіемъ данныхъ. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, необходимо знаніе законовъ, нужна способность къ тонкому анализу. Развѣ подсудимые владѣютъ всѣмъ этимъ? А если они этимъ не владѣютъ, то не значитъ-ли, что они фактически беззащитны предъ юридическою опытностью слѣдователя и представителя прокурорской власти, не значитъ-ли, что они, въ вопросѣ чрезвычайной важности, поставлены въ положеніе гораздо худшее, чѣмъ то, въ которомъ находится обвинительная власть, и что здѣсь законодатель отступилъ отъ начала равенства. Нельзя также въ допущеніи публичности (по крайней мѣрѣ въ судебной палатѣ) разсмотрѣнія жалобы по предмету принятія мѣръ пресѣченія и недопущеніи при этомъ имѣть защитника—не видѣть явной непослѣдовательности, ибо эти два начала: публичность и защита, другъ друга предполагаютъ. Когда признано безопаснымъ открыть двери для публики, тогда тѣмъ болѣе можетъ быть допущенъ защитникъ. Наконецъ извѣстно, что интересъ, которому законъ отказалъ въ оффиціальной защитѣ, непремѣнно откроетъ себѣ иные пути и иныя средства защиты; лишенный публичной помощи и за-

щиты повѣреннаго, онъ станетъ пользоваться ею негласно; съ другой стороны, и защитникъ, лишенный оффиціальнаго права представительства вмѣсто подсудимаго, станетъ за него ходатайствовать частнымъ, закулиснымъ образомъ. Кто хотя нѣсколько знакомъ съ практикою нашихъ новыхъ судовъ, тотъ согласится съ нами; говоря это, мы не витаемъ въ области предположеній.

§ 41. По окончаніи предварительнаго слѣдствія, дѣло передается прокурору, а отъ него переходитъ въ судъ. Вопросъ о принятіи мѣръ пресѣченія и въ этотъ періодъ производства можетъ быть возбужденъ какъ представителями прокурорской власти, такъ и судомъ.

Прокуроръ, говоритъ 524 статья, вмѣстѣ съ обвинительнымъ актомъ или заключеніемъ о прекращеніи или пріостановленіи дѣла, излагаетъ мнѣніе свое и относительно пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, если признаетъ нужнымъ измѣнить или отмѣнить какую либо изъ принятыхъ уже противъ него мѣръ.

Въ этой статьѣ достойно вниманіе выраженіе: *излагаетъ мнѣніе свое и относительно способовъ пресѣченія*. Для чего онъ излагаетъ свое мнѣніе: для того-ли, чтобы только представить его на усмотрѣніе суда, или же для того, чтобы, приведши свое мнѣніе въ исполненіе, сообщить объ этомъ для свѣдѣнія суду? Очевидно, что вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ различно, смотря по свойству мнѣнія. Если представитель прокурорской власти, получивши и разсмотрѣвши предварительное слѣдствіе, найдетъ возможнымъ, не прекращая слѣдствія, смягчить мѣру пресѣченія, наприм. замѣнить содержаніе подъ стражею низшею мѣрою, или признаетъ, вмѣстѣ съ судебнымъ слѣдователемъ, необходимымъ прекратить самое слѣдствіе, отчего само собою дѣлается излишнимъ продолженіе такихъ тяжелыхъ мѣръ пресѣченія, какъ содержаніе подъ стражею, то въ этомъ случаѣ онъ имѣетъ право, на основаніи ст. 283 Уст. Угол. Судопр., сдѣлать распоряженіе объ освобожденіи подсудимаго изъ-подъ стражи. Ибо если его требованіе о смягченіи мѣры пресѣченія слѣдователь исполняетъ въ то время, когда имъ производится еще предварительное слѣдствіе, то рѣшительно нѣтъ никакого основанія, чтобы подобное же предложеніе не было исполнено по окончаніи слѣдствія и послѣ поступленія его представителю прокурорской власти. Вотъ почему нельзя не признать основательнымъ мнѣніе прокурора харьковской судебной палаты, выраженное имъ въ циркулярѣ отъ 30 апрѣля 1868 г. Онъ замѣтилъ, что товарищи прокурора, представляя обвинительные акты и заключенія о прекращеніи дѣлъ, часто дѣлаютъ въ этихъ актахъ заключенія относительно освобожденія изъ-подъ стражи арестованныхъ во время слѣдствія лицъ, но, не приводя въ исполненіе своего заключенія, представляютъ акты къ прокурору судебной палаты. Поэтому онъ, ссылаясь на статью 283 Устава, находилъ вполнѣ законнымъ немедленно освобождать такихъ лицъ, въ задержаніи коихъ, по убѣжденію товарищей прокуроровъ, надобности не представляется («Судебный Вѣстникъ» 1868 г. № 102). Совершенно иначе долженъ поступить представитель

прокурорской власти, если онъ находитъ необходимымъ, вмѣсто принятой судебнымъ слѣдователемъ болѣе мягкой мѣры пресѣченія, примѣнить содержаніе подъ стражею: въ этомъ случаѣ онъ не имѣетъ права, по силѣ статей 285 и 524, дѣлать предложеніе о приведеніи своего мнѣнія въ исполненіе, а обязанъ мнѣніе свое насчетъ усиленія мѣръ пресѣченія представить, вмѣстѣ съ обвинительнымъ актомъ, на усмотрѣніе суда.

Статья 541 Уст. Угол. Судопр. гласитъ: «Опредѣленія судебной палаты обращаются къ исполненію въ засвидѣтельствованныхъ копіяхъ, передаваемыхъ отъ прокурора палаты прокурору окружнаго суда, *на котораго возлагаются распоряженія и по постановленію палаты о взятіи обвиняемаго подъ стражу и объ иной мѣры, непринятой слѣдователемъ, но признанной ею необходимой*».

Итакъ, судебная палата по собственной иниціативѣ можетъ предписать принять данную мѣру пресѣченія или измѣнить принятую на болѣе строгую или вновь возобновить отмѣненную. Такъ наприм. московская судебная палата, нашедши, что противъ Умецкихъ не принято никакихъ мѣръ пресѣченія, предписала немедленно отдать ихъ на поруки, по обвиненію ихъ въ жестокомъ обращеніи съ своею дочерью и въ вовлеченіи тѣмъ ее въ преступленіе; та же палата предписала 20 декабря 1867 года взять подъ стражу мѣщанъ Орлова, Познякова, Радина, Боярчикова, а мѣщанку Малахову отдать на поруки, по обвиненію ихъ въ убійствѣ дѣвицы Радиной («Судебный Вѣстникъ» 1867 г. № 221; 1868 г. № 149). Въ 1867 г. та же палата, не согласившись съ представленіемъ прокурорской власти о прекращеніи дѣла по обвиненію Ипокренскаго въ составленіи подложнаго предписанія отъ лица управляющаго акцизными сборами, предписала предать обвиняемаго суду присяжныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для отнятія ему способовъ уклоняться отъ суда, возобновить взятіе его подъ стражу, отмѣненное прокурорскою властью («Судебный Вѣстникъ» 1867 г. № 239). Едва-ли нужно говорить о томъ, что, въ дѣлѣ принятія болѣе строгихъ мѣръ пресѣченія, палата должна поступать крайне осторожно. Если подсудимый, оставаясь въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ слѣдствія на свободѣ, добросовѣстно исполнялъ обязанность явки къ слѣдствію, то безъ достаточнаго основанія нельзя предположить, что онъ почему нибудь перестанетъ исполнять такъ же добросовѣстно эту обязанность. Законъ признаетъ дознанное у подсудимаго намѣреніе скрыться отъ слѣдствія и суда за обстоятельство, которое можетъ дать поводъ къ увеличенію строгости мѣръ пресѣченія: не слѣдуетъ-ли слѣдователямъ, прокурорамъ и судьямъ, при рѣшеніи вопроса о принятіи мѣръ пресѣченія, принимать во вниманіе, въ смыслѣ смягчающемъ мѣру, то обстоятельство, что подсудимый доказалъ постоянною явкою къ слѣдствію и суду свою рѣшимость неуклонно подчиниться приговору сего послѣдняго?

Въ Уставѣ не говорится, имѣетъ-ли право судебная палата, по собственной иниціативѣ, смягчить строгость мѣры пресѣченія, напримѣръ предложить замѣ-

нить арестъ залогомъ, поручительствомъ или еще болѣе мягкою мѣрою пресѣченія. Въ этомъ правѣ ни на минуту нельзя усомниться, хотя было бы далеко не излишне, если бы законодатель положительнымъ постановленіемъ обратилъ вниманіе судебныхъ палатъ на это ихъ право и обязанность. Въ правѣ этомъ нельзя сомнѣваться по слѣдующимъ причинамъ. Если, въ видахъ предотвращенія незаконныхъ лишеній свободы, каждый судья уполномоченъ закономъ освобождать явно незаконно арестованнаго, то тѣмъ болѣе право освобождать изъ-подъ ареста, признаннаго въ данномъ случаѣ неумѣстнымъ, должно принадлежать судебной палатѣ, рѣшающей важный вопросъ о преданіи суду. Было бы странно, если бы палата по собственной инціативѣ имѣла право усиливать строгость мѣръ пресѣченія, и если бы она лишена была права смягчать ихъ, когда бы она въ необходимости этого была убѣждена положительными данными. Это значило бы ставить ее ниже слѣдователей и представителей низшихъ степеней прокурорской власти.

Рѣшеніе уголовнаго суда можетъ быть обжаловано: постановленное съ участіемъ присяжныхъ—въ порядкѣ кассаціонномъ, постановленное безъ участія присяжныхъ—въ порядкѣ аппеляціонномъ. Слѣдовательно, вопросъ о продолженіи, прекращеніи или принятіи вновь мѣръ пресѣченія не перестаетъ существовать. Относительно этого пункта въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства содержатся слѣдующія правила:

Статья 819. По рѣшенію присяжныхъ засѣдателей, оправдывающему подсудимаго, председатель суда немедленно *объявляетъ его свободнымъ отъ суда и отъ содержанія подъ стражею, если онъ состоитъ подъ арестомъ.*

Статья 875. Подсудимый, подавшій отзывъ противъ приговора, присуждающаго его къ содержанію подъ стражею, можетъ остаться на свободѣ только по представленіи суду залога или поручительства.

Статья 876. Отзывъ или протестъ противъ приговора, коимъ постановлено освободить подсудимаго изъ-подъ стражи, не останавливаетъ исполненія по этому предмету.

Статья 958. Приговоръ, оправдывающій подсудимаго, исполняется при самомъ провозглашеніи сущности его. *Оправданный, находящійся подъ стражею*, если не обвиняется въ другомъ преступленіи, по которому долженъ содержаться подъ стражею, *тогда же получаетъ свободу.*

Такъ какъ оправдательный приговоръ немедленно приводится въ исполненіе и такъ какъ содержавшійся подъ стражею немедленно освобождается изъ-подъ стражи, хотя бы представитель прокурорской власти заявилъ отзывъ въ кассаціонномъ порядкѣ, то само собою разумѣется, что теченіе содержанія подъ стражею, въ видѣ мѣры пресѣченія, прекращается, несмотря на то, что самое производство уголовнаго дѣла слѣдуетъ считать непрекратившимся. Такое постановленіе закона вполнѣ основательно. По справедливому замѣчанію членовъ коммисіи, окончательно редактировавшей Уставъ Угол. Суд., случаи кассаціонныхъ протестовъ со стороны представителей прокурорской власти могутъ быть весьма рѣдкимъ и чрезвычайнымъ явленіемъ, потому что судъ, во

время судебнаго слѣдствія, рѣшаетъ возникающіе вопросы судопроизводства только послѣ того, какъ по каждому изъ нихъ выслушиваетъ заключеніе прокурора, который, значитъ, имѣетъ полнѣйшую возможность во-время предотвратить нарушенія, могущія дать поводъ къ кассаціи. При такой малой вѣроятности кассаціонныхъ протестовъ и при существующей вѣроятности, что не всякій протестъ можетъ быть уваженъ, было бы несогласно ни съ видами человѣколюбія, ни съ видами справедливости, оставлять подсудимаго подъ стражею впредь до вступленія оправдательнаго приговора въ законную окончательную силу, по одному предположенію о возможности подачи жалобы въ кассаціонномъ порядкѣ. Это значило бы колебать довѣріе къ силѣ и значенію приговоровъ присяжныхъ. Все сказанное относится не только къ тому случаю, когда подсудимый, состоящій подъ арестомъ, оправдывается судомъ присяжныхъ, но и къ случаю, когда подсудимый, арестованный вслѣдствіе непредставленія залога или поручительства, или вслѣдствіе признанія его неимѣющимъ осѣдлости, оправдывается судомъ безъ присяжныхъ засѣдателей (ст. 876).

По поводу разсматриваемыхъ статей рождается нѣсколько вопросовъ, которые могутъ возникнуть въ практикѣ. Первый вопросъ: можно-ли, въ случаѣ подачи кассаціоннаго отзыва и въ случаѣ признанія его основательнымъ, подсудимаго, освобожденнаго изъ-подъ стражи вслѣдствіе перваго оправдательнаго приговора, снова подвергнуть, въ видѣ мѣры пресѣченія, содержанію подъ стражею, или же употребить противъ него другія мѣры пресѣченія, которыя могутъ повлечь за собою содержаніе подъ стражею, какъ-то: залогъ и поручительство? Очевидно, не можно, какъ по тѣмъ соображеніямъ, по которымъ обвиняемый освобожденъ изъ-подъ стражи послѣ объявленія оправдательнаго приговора, такъ и потому, что кассированіе оправдательнаго приговора далеко не предполагаетъ въ будущемъ приговоръ обвинительный. Въ одномъ, конечно, случаѣ можно считать возможнымъ возобновленіе ареста, это—въ случаѣ побѣга или явнаго уклоненія отъ вторичной явки въ судъ.

Второй вопросъ: оправдательный приговоръ, невошедшій въ законную силу вслѣдствіе подачи кассаціоннаго или аппеляціоннаго отзыва, прекращаетъ-ли продолженіе дѣйствія принятыхъ при слѣдствіи и судѣ иныхъ, кромѣ ареста, мѣръ пресѣченія? Такъ какъ необходимость явки подсудимаго въ судъ остается, пока приговоръ не вошелъ въ окончательную силу и пока не отвергнутъ кассаціонный или аппеляціонный отзывъ, то, само собою разумѣется, и сила принятыхъ мѣръ должна продолжаться.

Третій вопросъ: имѣетъ-ли право окружной судъ освободить изъ-подъ стражи хотя вовсе неоправданнаго, но приговореннаго судомъ присяжныхъ къ наказанію менѣе строгому, чѣмъ содержаніе подъ стражею, впредь до вступленія приговора въ законную силу? Вопросъ этотъ былъ возбужденъ въ практикѣ и рѣшенъ былъ однимъ изъ окружныхъ судовъ отрицательно. Чтобы сдѣлать болѣе наглядымъ разрѣшеніе этого вопроса, я изложу содержаніе случая, давшаго поводъ къ отрицательному рѣшенію. Одинъ волостной старшина, преданный суду присяжныхъ по обвиненію въ растратѣ общественныхъ денегъ,

былъ признанъ присяжными виновнымъ только въ незлонамѣренной убыли и недочетѣ денегъ и притомъ заслуживающимъ снисхожденія. На основаніи этого приговора присяжныхъ, судъ опредѣлилъ подвергнуть подсудимаго замѣчанію. На предложеніе прокурора немедленно освободить изъ-подъ стражи подсудимаго предсѣдатель отказался исполнить это предложеніе, на томъ основаніи, что приговоръ этотъ неокончательный и поэтому подсудимый долженъ оставаться подъ стражею до истеченія срока, опредѣленнаго для подачи кассаціоннаго протеста. Послѣ этого отказа защитникъ обратился съ ходатайствомъ объ освобожденіи подсудимаго въ окружной судъ. Сей послѣдній также отказалъ въ ходатайствѣ на томъ основаніи, что: а) освобожденіе подсудимыхъ изъ-подъ стражи или же заключеніе ихъ, вслѣдствіе болѣе или менѣе тяжкихъ обвинительныхъ приговоровъ, подлежащихъ еще обжалованію и отмѣнѣ въ кассаціонномъ порядкѣ, не входитъ въ составъ правъ и обязанностей суда; б) покуда обвиненіе можетъ быть возобновлено, отмѣна заключенія въ тюрьму, какъ мѣры пресѣченія, или замѣна другою, зависитъ не отъ суда, а отъ обвинительной власти, которая соображаетъ, подлежитъ-ли приговоръ обжалованію, или же онъ долженъ получить силу судебнаго приговора. По нашему мнѣнію, взятіе подъ стражу и освобожденіе изъ-подъ стражи есть дѣло столько же судебнаго слѣдователя и представителя прокурорской власти, сколько и суда: судъ въ дѣлѣ принятія мѣръ пресѣченія есть высшій рѣшитель, у котораго слѣдователь, въ случаѣ несогласія съ требованіемъ прокурора, испрашиваетъ постановленія. Поэтому, судъ не только тогда имѣетъ право, впредь до вступленія приговора въ окончательную силу, освободить изъ-подъ стражи приговореннаго къ такому легкому наказанію, какъ выговоръ, когда о томъ дѣлаетъ предложеніе представитель прокурорской власти, но и въ томъ случаѣ, если бы этого предложенія не было, по собственной иниціативѣ. Тѣмъ болѣе онъ не вправѣ отказаться отъ взятія на себя обязанности рѣшить вопросъ объ освобожденіи, если вопросъ этотъ возникаетъ по просьбѣ защитника: здѣсь судъ находится въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ бываетъ, когда къ нему, во время предварительнаго слѣдствія, обращается подсудимый съ просьбою объ освобожденіи. Основаніе же для освобожденія приговореннаго къ выговору онъ имѣетъ какъ въ общихъ законахъ о мѣрахъ пресѣченія, по которымъ выговоръ—наказаніе—и содержаніе подъ стражею—мѣра пресѣченія—совершенно не совмѣстны, такъ и въ статьѣ 875, которая предписываетъ, подъ условіемъ представленія поручительства или залога, оставлять на свободѣ даже приговореннаго къ содержанію подъ стражею, впредь до вступленія приговора въ законную силу. Если законъ положительно говоритъ объ оставленіи приговоренныхъ къ сего рода наказанію на свободѣ, подъ условіемъ представленія поручительства или залога, то само собою разумѣется, что, по смыслу закона, приговоренные къ наказаніямъ менѣе строгимъ, чѣмъ содержаніе подъ стражею, должны оставаться на свободѣ даже безъ представленія поручительства или залога, хотя бы приговоръ и былъ обжалованъ въ порядкѣ кассаціонномъ. Спрашивается: какая разница между тѣмъ, который приговоренъ къ наказанію менѣе строгому, чѣмъ содержаніе подъ стражей, но кото-

рый находится на свободѣ, и тѣмъ, который приговоренъ къ тому же наказанію, но находится подъ стражею? Кромѣ разницы фактическаго ихъ положенія, юридической разницы никакой, ибо и тотъ и другой приговоръ могутъ быть обжалованы въ кассаціонномъ порядкѣ. Слѣдовательно, если первый по закону остается на свободѣ, хотя бы приговоръ еще и не вошелъ въ окончательную силу, то по тѣмъ же самымъ основаніямъ и второй долженъ быть освобожденъ изъ-подъ стражи, хотя бы и не устранена была возможность кассаціоннаго протеста.

Въ 875 статьѣ говорится, что приговоренный къ содержанію подъ стражею, но подавшій отзывъ противъ приговора, можетъ оставаться на свободѣ подъ условіемъ представленія залога или поручительства. Какъ понимать выраженіе «содержаніе подъ стражею»—въ тѣсномъ-ли или обширномъ смыслѣ? Конечно въ обширномъ, то-есть подъ этими словами слѣдуетъ понимать не только содержаніе подъ арестомъ и въ тюрьмѣ, но и содержаніе въ крѣпости и смирительномъ домѣ. Такъ, недавно Тулякову, приговоренному къ заключенію въ смирительный домъ, дозволено было остаться на свободѣ до вступленія приговора въ окончательную силу, подъ условіемъ представленія залога въ 3,000 руб.

Вообще, въ случаѣ присужденія къ наказанію подсудимаго, оставшагося на свободѣ, слѣдуетъ, относительно мѣръ пресѣченія, держаться общихъ правилъ, установленныхъ для пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. При этомъ нельзя, кажется, выпускать изъ виду того обстоятельства, которое должно истолковать въ пользу принятія противъ подсудимаго болѣе мягкихъ мѣръ пресѣченія—что онъ, оставаясь на свободѣ, неуклонно являлся къ слѣдствію и суду, чѣмъ уже доказалъ готовность подчиниться приговору суда.

§ 42. Для производства уголовныхъ дѣлъ мировыми судьями установлена въ общемъ та же система мѣръ пресѣченія и образъ ихъ примѣненія. Нѣкоторыя различія условливаются нѣкоторыми особенными свойствами мироваго судопроизводства.

Основныя правила для принятія мировыми судьями мѣръ пресѣченія заключаются въ слѣдующихъ статьяхъ:

Статья 76. Никто изъ обвиняемыхъ не долженъ отлучаться, безъ разрѣшенія мироваго судьи, изъ того города или участка, гдѣ производится дѣло.

Статья 77. Для пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ суда, мировой судья можетъ принять слѣдующія мѣры:

1) Когда обвиняемый подозрѣвается въ проступкѣ, за который въ законѣ положено денежное взысканіе или арестъ, или когда съ него отыскивается вознагражденіе—взять подписку о явкѣ, или потребовать представленія вида на жительство, или поручительства, и

2) Когда обвиняемый подозрѣвается въ преступномъ дѣяніи, за которое въ законѣ положено заключеніе въ тюрьмѣ или наказаніе болѣе строгое—потребовать поручительства или залога, или даже подвергнуть личному задержанію.

Статьи 78, 79, 80, 81, 82 и 83 тождественны съ соотвѣтствующими стать-

ями общаго порядка судопроизводства, какъ-то: съ 422, 423, 424, 425, 426, 427 и 429. Въ нихъ говорится: что поручительство состоитъ въ принятіи поручителемъ на себя денежной отвѣтственности въ случаѣ уклоненія обвиняемаго отъ суда (ст. 78); что залогъ долженъ состоять во внесеніи денегъ или движимаго имущества обвиняемымъ или другимъ лицомъ (ст. 79); что сумма того и другаго, опредѣляемая по усмотрѣнію мироваго судьи, соотвѣтственно съ строгостью угрожающаго наказанія и съ состояніемъ залогодателя или поручителя, не должна быть меньше количества вознагражденія, отыскиваемаго гражданскимъ истцомъ (ст. 80); что о принятіи поручительства или залога судья составляетъ за своимъ подписомъ и залогодателя или поручителя постановленіе, копія котораго имъ выдается (ст. 81); что въ случаѣ побѣга или уклоненія отъ суда обвиняемаго, сумма залога или поручительства обращается частью на удовлетвореніе вреда и убытковъ, причиненныхъ преступленіемъ, частью на устройство мѣстъ заключенія (ст. 83); что отдача на поруки или взятіе залога не избавляютъ подсудимаго отъ общей обязанности не отлучаться, безъ разрѣшенія мироваго судьи, изъ города или участка (ст. 82).

Относительно формальностей, въ которыя должно быть облечено взятіе подъ стражу, статья 84 говоритъ слѣдующее:

При взятіи обвиняемаго подъ стражу составляется о томъ особый протоколъ, съ точнымъ означеніемъ:

1) времени задержанія,

2) задержаннаго лица,

3) преступнаго дѣйствія, въ которомъ оно обвиняется.

Протоколъ сей подписывается мировымъ судьею и въ копіи препровождается въ мѣсто заключенія.

Въ 77 статьѣ сказано: «мировой судья можетъ принять слѣдующія мѣры»... Значитъ, принятіе мѣръ со стороны мироваго судьи не есть, по закону, непремѣнная необходимость, а предоставлено усмотрѣнію судьи, который можетъ принять, можетъ не принять. Предполагается, что по многимъ дѣламъ, рѣшаемымъ мировыми судьями, достаточно обезпечиваетъ явку въ судъ напоминаніе общей обязанности не отлучаться изъ города или участка.

Для принятія мировымъ судьею мѣръ пресѣченія, установлены двѣ высшія нормы: поручительство—когда преступленіе влечетъ за собою наказаніе не свыше ареста, и личное задержаніе—если за преступленіе положено заключеніе въ тюрьму или наказаніе болѣе строгое. Разумѣется, что стѣсненный въ принятіи высшей мѣры, судья не ограниченъ низшею. Онъ можетъ по обвиненію въ преступленіи, влекущемъ тюремное заключеніе, принять самую низшую мѣру. На выборъ той или другой мѣры должны имѣть вліяніе тѣ же самыя обстоятельства, которыя въ семъ случаѣ предписано имѣть въ виду судебнымъ слѣдователямъ и которыя исчислены въ статьяхъ 420 и 421. Объ этомъ хотя не говорится въ томъ отдѣлѣ, въ которомъ изложены правила принятія мѣръ пресѣченія мировыми судьями, но это само собою разумѣется.

Съ перваго разу какъ будто кажется, что въ Уставѣ Угол. Судопр. допущена нѣкоторая непослѣдовательность. Въ главѣ о принятіи мѣръ пресѣченія судебными слѣдователями, высшею мѣрою по обвиненію въ преступленіяхъ, влекущихъ заключеніе въ тюрьму, положено представленіе поручительства; домашній же арестъ и содержаніе подъ стражею выставлены высшею нормою по обвиненію въ преступленіяхъ, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. А между тѣмъ, въ уголовномъ судопроизводствѣ мировомъ, личное задержаніе, въ видѣ мѣры пресѣченія, установлено по подозрѣнію въ преступленіяхъ, за которыя въ законѣ опредѣляется только тюремное заключеніе. Но эта непослѣдовательность существуетъ только по формѣ, а не по содержанію. Дѣло въ томъ, что въ Уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, тюремное наказаніе налагается, если не считать прошенія милостыни, исключительно за кражу и мошенничество. За эти преступленія дворяне, священнослужители, монашествующіе и почетные граждане, во всѣхъ безъ изъятія случаяхъ, наказываются, сверхъ тюремнаго заключенія, и лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, и оттого они и судятся общими судами, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Поэтому, такъ какъ обвиняемые изъ сихъ званій во время слѣдствія и суда могутъ, по обвиненіямъ въ кражѣ и мошенничествѣ, подлежать содержанію подъ стражею, то, для уравненія положенія, та же мѣра допускается противъ обвиняемыхъ въ сихъ же преступленіяхъ изъ другихъ классовъ, подсудныхъ по симъ преступленіямъ мировымъ судьямъ.

Во 2-мъ пунктѣ 77 статьи говорится, что мировой судья даже можетъ подвергнуть обвиняемаго, въ видѣ мѣры пресѣченія, личному задержанію. Здѣсь подъ личнымъ задержаніемъ слѣдуетъ разумѣть двѣ мѣры пресѣченія: домашній арестъ и содержаніе подъ стражею, такъ какъ домашній арестъ, по свойствамъ своимъ, есть личное задержаніе.

Нельзя не замѣтить, что взятіе обвиняемаго подъ стражу мировымъ судьею, въ видѣ мѣры пресѣченія, обставлено меньшими гарантіями, чѣмъ принятіе той же мѣры судебнымъ слѣдователемъ. Такъ, не требуется обозначенія въ протоколѣ основаній задержанія подъ стражею, выдачи подсудимому копіи съ протокола, сообщенія прокурору объ основаніяхъ взятія подъ стражу. Очевидно, составители Устава, въ томъ предположеніи, что мировое судопроизводство есть сокращенное и должно оканчиваться, самое большее, въ нѣсколько дней, не считали удобнымъ и практическимъ принять такую мѣру, какъ контроль представителей прокурорскаго надзора. Во всякомъ случаѣ, мы думаемъ, что мировой судья не избавленъ отъ обязанности объявлять подсудимому основаніе задержанія и выдавать копію протокола, если подсудимый того требуетъ.

Подвергнутый мировымъ судьею содержанію подъ стражею можетъ подать частную жалобу въ мировой съѣздъ (ст. 152). Подобная частная жалоба приносится въ семидневный срокъ со времени исполненія распоряженія о взятіи подъ стражу (ст. 153). Она подается самому мировому судьѣ, который обязанъ представить ее въ съѣздъ, вмѣстѣ съ своимъ объясненіемъ, въ теченіе сутокъ отъ

времени полученія (ст. 154). Трудно понять, какая цѣль установленія семидневнаго срока для подачи жалобъ на неправильное взятіе. Предположеніе, что производство не можетъ долго длиться? Въ такомъ случаѣ нечего и говорить о срокахъ. Если подсудимый лишенъ свободы неосновательно, развѣ можетъ истеченіе семи дней измѣнить сущность дѣла?

Законъ ничего не говоритъ о томъ, можетъ-ли подсудимый приносить жалобу по поводу принятія другихъ мѣръ пресѣченія. Право это несомнѣнно ему принадлежитъ; безъ него подсудимый былъ бы лишенъ защиты противъ такихъ дѣйствій судьи, которыя прямо клонятся ему во вредъ. Практика представляетъ примѣры такихъ жалобъ: такъ, Орловъ приносилъ жалобу съѣзду на неправильное, по его мнѣнію, исчисленіе суммы залога (рѣшеніе кассац. депар. сената отъ 29 марта 1867 г. № 118).

По постановленіи мировымъ судьею неокончательнаго рѣшенія, которымъ обвиняемый присуждается къ заключенію въ тюрьму, приговоренный можетъ быть оставленъ на свободѣ, впредь до вступленія приговора въ законную силу, не иначе, какъ по представленіи залога и поручительства (ст. 125).

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
	Введеніе.	3
ГЛАВА	I. Время до Судебниковъ	4
—	II. Время Судебниковъ до Уложенія Алексѣя Михайловича	19
—	III. Время Соборнаго Уложенія до преобразованія Петра I.	39
—	IV. XVIII и XIX столѣтія до изданія Свода Законовъ.	65
—	V. Система Свода Законовъ.	97
—	VI. Уставъ Уголовнаго Судопроизводства	136

ТАБЛИЦА

О ЧИСЛѢ СОДЕРЖАВШИХСЯ ПОДЪ СТРАЖЕЮ, СОСТАВЛЕННАЯ ПО ОТЧЕТАМЪ ТЮРЕМНЫХЪ КОМИТЕТОВЪ.

	1836 г.	1838 г.	1840 г.	1841 г.	1842 г.	1843 г.	1844 г.	1845 г.	1846 г.	1847 г.	1848 г.	1849 г.	1850 г.	1851 г.	1853 г.	1854 г.	1855 г.	1856 г.	1857 г.	1858 г.	1859 г.	1860 г.
Оставалось отъ предыдущаго года.	—	8399	8815	—	—	—	—	—	—	—	13954	17615	16094	Въ тюрьмахъ 24417	столичныхъ, 27980	25488	27970	губернскихъ 26463	23267	уѣздныхъ 29141	городовъ. 28988	28592
Поступило	—	228245	215. 28	—	—	—	—	—	—	—	158083	189823	190512	235151	311851	304577	303411	288265	279613	288235	280921	302701
Всего. . . .	174052	236644	224643	226262	228667	254381	258642	279648	275874	—	172037	207438	206606	279578	339831	330065	331381	314728	302880	317376	309909	331293
Изъ нихъ:											На попеченіи губ. тюремн. комитета.	Въ тюрьм. губерн. и портов. городовъ.	Тоже.	Въ столичныхъ,	губерн.	ских	ъ, обла	стныхъ	и порт	овыхъ	горо-	
Содержимыхъ въ тюрьмахъ . .	30542	43416	47846	51177	57491	52860	56014	70191	36851	40449	33057	41048	42571	41416	114472	103427	104778	756912	170057	154117	138343	—
— при полиціи. . .	79365	101867	45373	57108	65551	92481	76643	78271	106773	122590	55619	—	—	—	—	—	—	—	—	55396	86703	68653
Пересылочныхъ	64045	89361	130077	117977	106619	119037	125985	131186	132268	98398	70903	—	144577	80488	Въ томъ числѣ 89343	91199	въ тюрьмахъ: 79830	89720	пер 110815	есылоч 100769	ныхъ: 89914	112019
										Кромѣ того, — въ уѣздныхъ мѣст. заключ.													
Изъ этого числа содержимыхъ въ тюрьмахъ:															Подсудимыхъ и слѣдственныхъ:							
										45917				—	44875	69867	50958	63206	56019	55396	44947	42441
По судебнымъ и полицейскимъ приговорамъ	132	634	608	721	1310	1013	1320	2520	1500	1711	1027	1283	1726	1815	6303	3072	2471	2343	2430	2018	1366	1815
За кражу мошенничество . . .	10928	8400	10108	14810	13196	12026	13496	17679	10687	10988	9165	8574	10051	8615	11033	15236	13269	11739	14263	10665	11698	11218
— долги и неплатежъ податей и штрафовъ	764	1393	1377	1395	1740	1114	1068	1439	580	893	492	198	273	315	913	998	958	1643	1663	1368	—	—
— буйство, пьянство и дурное поведеніе	1720	2733	2944	2702	2729	3048	3393	2554	1302	1808	1111	1444	1193	1632	} 10180	16252	7006	17888	12739	12337	7249	8677
— маловажныя вины и безъ означенія оныхъ	735	2042	2205	3398	3937	3091	3711	4725	3090	5441	5995	7362	9333	8103								
— неимѣніе видовъ, просроч. и побѣгъ	4948	9211	11631	11019	13453	10508	11466	14262	6329	6424	6633	7789	8212	7870	8396	11499	9238	9183	10159	9769	10388	7819
— прошеніе милостыни и бродяжничество	—	7344	9239	7552	9620	7600	8149	10165	6489	5853	4216	5606	4471	4900	5886	7902	7619	10023	8288	8174	6194	4957
— оскорбленія и обиды . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1062	481	183	159	120	634
— ослушаніе начальникамъ и владѣльцамъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1663	2593	2123	1942	806	1775	1857	1483
— неумышленное убійство . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	119	97	33	23	23	33	27
— владѣніе чужимъ имуществомъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	166	91	38	88	121	113
По секрету.	198	94	77	64	83	60	96	90	46	85	164	75	112	62	—	—	—	—	—	—	—	—
Число тюремныхъ комитетовъ:																						
Губернскихъ: мужскихъ . . .	—	46	35	38	38	35	46	45	46	48	46	49	48	50	50	51	55	60	59	61	58	58
— женскихъ. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	4	2	4	7	7	4	4	3	6	6
Уѣздныхъ: мужскихъ . . .	—	61	77	100	153	168	183	192	—	—	—	—	256	258	212	—	—	321	303	341	339	—
— женскихъ. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	50	87	60	—	—
Число народонаселенія . . .	—	52612511	206945181 въ 34 губ.	34830000 въ 36 губ.																		